

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 23

St. Petersburg
2020

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 23

Санкт-Петербург
2020

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. В. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. В. Кирчо (зам. гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. V. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. V. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. В. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. V. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 23 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки, основанные на материалах археологических исследований памятников эпохи энеолита и бронзы Средней Азии и Среднего Востока (статьи Н. Ф. Соловьёвой и Е. К. Блохина, Л. В. Кирчо, В. А. Алёшкина), эпохи бронзы Предкавказья (работы А. В. Кияшко и О. П. Ларенок, А. Г. и А. А. Кожедуб) и Средневековья (статья А. В. Курбатова). Представлены также новые данные о материалах эпохи бронзы и Средневековья, полученные в результате использования методов естественных наук (работы Н. И. Шишлиной с соавторами, М. Т. Кашубы с соавторами, А. Н. Егорькова). Ряд работ посвящен публикации новых археологических материалов античности, Средневековья и Нового времени (статьи Р. В. Тихонова, Ф. Ш. Аминова, К. В. Горлова и В. И. Кильдюшевского). С. В. Белецкий продолжает серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. В разделе «Из истории науки» представлены очерк Ю. Г. Кутимова по истории исследований А. М. Мандельштамом памятников Средней Азии и обзор зарубежной литературы XX в. по проблемам изучения «Сибирской Скифии» (А. В. Субботин). На материалах Научного архива ИИМК РАН воссозданы научная биография выдающегося отечественного архитектора и реставратора Н. М. Бачинского (Н. А. Лазаревская и М. В. Медведева) и эпизод работ А. Н. Карасёва, вероятно, связанный с проектом Таманской экспедиции А. А. Миллера (заметка Ю. А. Виноградова). В новом разделе «Перспективы развития археологии» публикуется статья В. Д. Нечаева с соавторами, посвященная анализу и оценке мирового опыта внедрения цифровых технологий в археологические исследования. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 23rd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains analytical works devoted to the materials of the Eneolithic and Bronze Age sites of the Middle East and Central Asia (papers by N. F. Solovyova with J. K. Blokhin, L. V. Kircho, V. A. Alekshin), Bronze Age sites of the Fore-Caucasus (works by A. V. Kiyashko with O. P. Larenok, A. G. and A. A. Kozhedub) and Medieval sites of East Europe (A. V. Kurbatov). N. I. Shishlina with coauthors, M. T. Kashuba with coauthors, and A. N. Egor'kov use methods of natural science to obtain new data on the Bronze Age and Medieval materials. Several papers present new archaeological materials dating from the Classical and Medieval periods and the Modern Era (R. V. Tikhonov, F. Sh. Aminov, K. V. Gorlov with V. I. Kildyushevsky). S. V. Beletsky continues his series of analytical publications dealing with Old Russian seals and princely symbols. The section “From the History of Science” consists of an essay on the history of A. M. Mandelshtam's expeditions in Central Asia (Yu. G. Kutimov) and an overview of foreign literature of the XX c. related to the study of “Siberian Scythia” (A. V. Subbotin). Based on the materials of the Scholarly Archive of IHMC RAS, N. A. Lazarevskaya and M. V. Medvedeva describe the research career of an outstanding architect and restorer N. M. Bachinsky, while Yu. A. Vinogradov uses the archive materials to reconstruct an episode of A. N. Karasev's works in the Caucasus. The new section “Future Prospects of Archaeology” contains a paper by V. D. Nechaev with coauthors devoted to the analysis and assessment of world experience of introduction of digital technologies in archaeological research. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Н. Ф. Соловьёва, Е. К. Блохин.</i> Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана	9
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Древнейшие печати Средней Азии (типология, материал, техника изготовления)	24
<i>В. А. Алёшкин.</i> Каменные крестовидные бусины бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока (к вопросу о датировке культуры Заманбаба)	37
<i>А. В. Кияшко, О. П. Ларенок.</i> Курганные погребения среднего бронзового века на правом берегу реки Ея в Восточном Приазовье	52
<i>А. Г. Кожедуб, А. А. Кожедуб.</i> Особенности демембрации в погребальной практике населения катакомбной культуры на Нижнем Дону.....	60
<i>Н. И. Шишлина, О. В. Орфинская, Д. В. Киселёва, П. Хоммель, О. В. Кузнецова, Н. Ю. Петрова, Е. С. Шагалов.</i> Шерстяные ткани эпохи бронзы Южной Сибири: результаты технологического, изотопного и радиоуглеродного анализов	70
<i>М. Т. Кашуба, М. А. Кулькова, Т. Н. Смекалова.</i> Новые данные о составе стада у населения среднего — позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму	82
<i>Р. В. Тихонов.</i> Случайные находки терракотовых статуэток из Республики Таджикистан	97
<i>Ф. Ш. Аминов.</i> Стекланные изделия домонгольского Пенджикента и его округа	103
<i>А. В. Курбатов.</i> Биоресурсы в древности: о месте бобра в материальной и духовной культуре Руси	119
<i>С. В. Белецкий.</i> Древнерусские пломбы с территории Украины (по материалам коллекции И. Н. Парусимова).....	132
<i>А. Н. Егорьков.</i> К вопросу использования кобальта в производстве древнерусского свинцового стекла	144
<i>К. В. Горлов, В. И. Кильдюшевский.</i> Нумизматический материал из раскопок в Петропавловской крепости в 2017 и 2019 годы (возможности датировки культурного слоя)	153

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Экспедиционная деятельность А. М. Манделъштама в 1940–1960-е годы в Средней Азии	163
--	-----

<i>А. В. Субботин.</i> «Сибирская Скифия» в трудах западных ученых. Часть 1: 1913–1980-е годы	172
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О научной поездке А. Н. Карасёва на Кавказ в 1933 году	183
<i>Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева.</i> «Не гнется, не ломается...». Архитектор Николай Михайлович Бачинский и его документальное наследие в архиве ГАИМК.....	187

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. Д. Нечаев, Д. Б. Татарков, Е. К. Блохин, Ст. А. Васильев, Н. Ф. Соловьёва.</i> Внедрение цифровых технологий в процесс археологических исследований: анализ и оценка мирового опыта	201
Список сокращений	210

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>N. F. Solovyova, J. K. Blokhin.</i> Fire in the life of early farmers of South Turkmenistan	9
<i>L. B. Kircho.</i> Oldest seals of Central Asia (typology, material, manufacturing technology)	24
<i>V. A. Alekshin.</i> Bronze Age cross-shaped stone beads of Central Asia and Middle East (revisiting the dating of Zamanbaba culture)	37
<i>A. V. Kijashko, O. P. Larenok.</i> Middle Bronze Age barrow burials on the right bank of the Eya river in the East Azov Sea region	52
<i>A. G. Kozhedub, A. A. Kozhedub.</i> Special features of demembration in the funeral practice of the Lower Don Catacomb culture people	60
<i>N. I. Shishlina, O. V. Orfinskaya, D. V. Kiseleva, P. Hommel, O. V. Kuznetsova, N. Yu. Petrova, E. S. Shagalov.</i> Bronze Age wool fabrics of South Siberia: results of technological, isotopic and radiocarbon analyses	70
<i>M. T. Kashuba, M. A. Kulkova, T. N. Smekalova.</i> New data on the herd composition in the Middle and Late Bronze Age of Northwestern Crimea	82
<i>R. V. Tikhonov.</i> Stray finds of terracotta statuettes from the Republic of Tajikistan	97
<i>F. Sh. Aminov.</i> Pre-Mongolian glass articles from Penjikent and its suburbs	103
<i>A. V. Kurbatov.</i> Bioresources in ancient times: on the place of the beaver in Old Russian material and spiritual culture	119
<i>S. V. Beletsky.</i> Old Russian seals from the territory of Ukraine (I. N. Parusimov's collection)	132
<i>A. N. Egor'kov.</i> On cobalt usage in the Old Russian production of lead glass	144
<i>K. V. Gorlov, V. I. Kildyushevsky.</i> Numismatic materials from the excavations at the Peter and Paul Fortress in 2017 and 2019 and their bearing on the dating of the cultural layer	153

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>Yu. G. Kutimov.</i> A. M. Mandelshtam's expeditions in Central Asia in 1940–1960s	163
<i>A. V. Subbotin.</i> "Siberian Scythia" in the works of Western scholars. Part 1: 1913–1980s	172

<i>Yu. A. Vinogradov.</i> About A. N. Karasev's study trip to the Caucasus in 1933.....	183
<i>N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva.</i> «Neither bends nor breaks...». The architect Nikolai Mikhailovich Bachinsky and his documentary heritage in the archive of the State Academy of the History of Material Culture	187

FUTURE PROSPECTS OF ARCHAEOLOGY

<i>V. D. Nechaev, D. B. Tatarkov, J. K. Blochin, St. A. Vasilev, N. F. Solovyeva.</i> Introduction of digital technologies into archaeological practice: analysis and assessment of world experience.....	201
List of abbreviations.....	210

СТАТЬИ

ОГОНЬ В ЖИЗНИ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА¹

Н. Ф. СОЛОВЬЁВА, Е. К. БЛОХИН²

Ключевые слова: *Южный Туркменистан, ранние земледельцы, энеолит, огонь, ритуал, домохозяйство.*

В статье предлагается типология мест разведения огня из памятников ранних земледельцев Южного Туркменистана эпохи энеолита. Проанализирован большой корпус данных, накопленных за последние 100 лет изучения региона, намечены направления дальнейшей интерпретации полученных материалов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-9-23

Введение

Овладение огнем — едва ли не самое главное достижение человечества на пути становления цивилизации. Приготовление пищи, возможность изготовления керамических изделий, металлургия и, наконец, просто, вне зависимости от погоды и времени, тепло и свет в жилищах — все это стало возможным исключительно после овладения способом добывать огонь и конструировать сооружения для его использования в различных целях. С момента освоения способа добывать огонь самостоятельно он прочно вошел в жизнь человека и стал, с одной стороны, его верным спутником на пути улучшения условий жизни, совершенствования жилища и освоения ремесел, а с другой стороны, и одним из самых злейших и опаснейших врагов, способных уничтожить и жилище, и самого человека. Именно эта двойственность огня, необходимость его постоянного присутствия в жизни человека и, зачастую, неспособность человека быстро и без потерь обуздать эту стихию сформировали в мифологическом мировосприятии первобытного человека особое отношение к огню. Этнографические данные свидетельствуют о том, что практически у всех народов существуют мифы о происхождении огня, его грозной уничтожающей силе, его целительных и очищающих свойствах, о домашнем очаге.

Однако рассматриваемая в настоящей работе бесписьменная эпоха не оставила записей мифов, в соответствии с которыми строилась вся жизнь общества ранних земледельцев Южного Туркменистана, отделенного от нас рядом глубоких

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

этнокультурных трансформаций. «Между современным обществом Южного Туркменистана и обществом V–III тыс. до н. э. на той же территории есть лишь одна явная линия преемственности — в физическом типе людей. Все остальное отличается — порою разительно. Изучение древнего общества в подобных случаях является тем, что американцы любят именовать challenge (вызов), ибо здесь требуется реконструировать не просто еще одну вымершую культуру, но неизвестный культурный тип» (Берёзкин, Соловьёва 1996: 103).

В силу вышесказанного авторы статьи имели в своем распоряжении только археологические данные, предоставляющие лишь малую толику материальной стороны обрядовых действий, явно недостаточную для корректного воссоздания существовавших в рассматриваемом обществе ритуалов в целом и связанных с огнем в частности. Поэтому, называя статью «Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана», авторы предполагали рассмотреть места разведения огня и связанные с ними конструкции исключительно с археологической точки зрения, практически не касаясь обрядовых действий, в которых использовался огонь или посвященных культу огня.

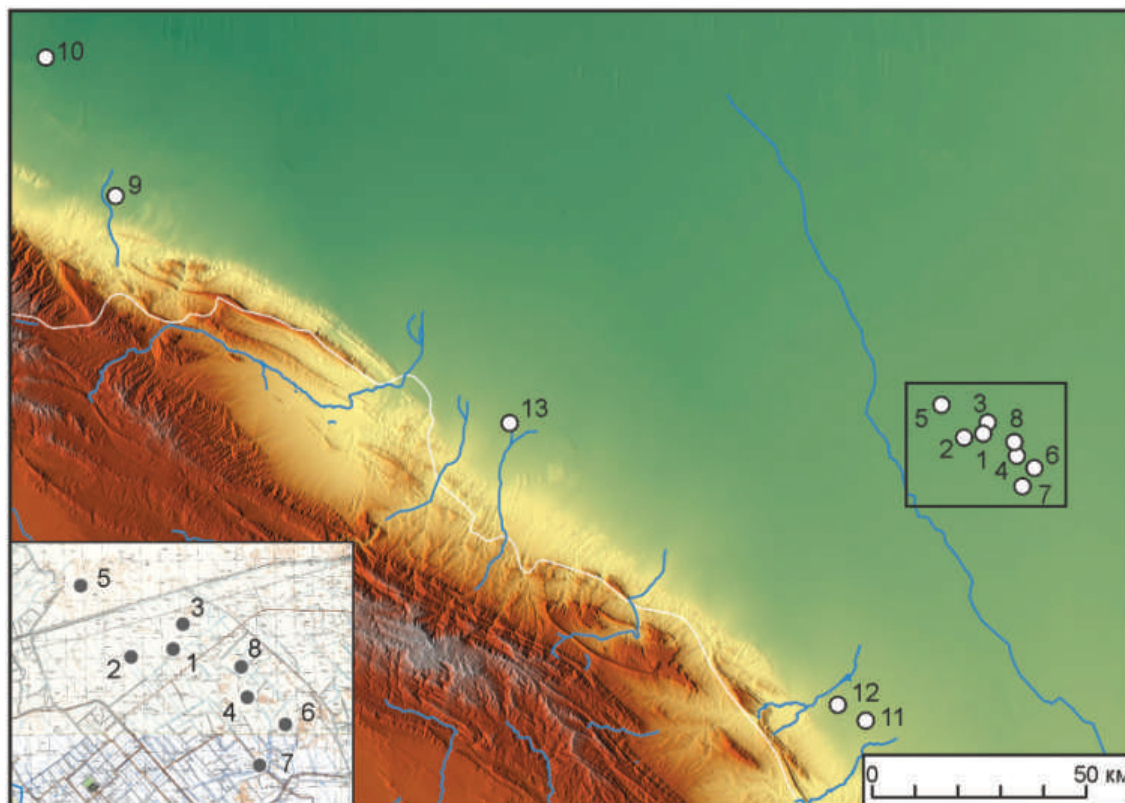
Многолетние археологические исследования поселений ранних земледельцев на территории Южного Туркменистана позволили накопить существенный объем ценной информации, позволяющей исследователям частично воссоздать материальную сторону повседневной жизни раннеземледельческих обществ региона. Одной из важнейших составляющих ежедневного быта человека и жизни общества в целом является обращение с огнем: в археологии это обнаруживаемые на поселениях кострища и пожары, печи и очаги, скопления золы и обугленные предметы. Практически с самого начала исследований ученые обращали особое внимание на находимые на каждом памятнике остатки конструкций, связанных с разведением огня, в результате чего аккумулировался массив данных, позволивших создать типологии очагов³, а недавние открытия двух уникальных прекрасно сохранившихся двухчастных печей (Соловьёва 2018: 16; 2019: 148) в горизонте периода раннего энеолита поселения Йылгынлы-депе⁴ и их прямых аналогий (Schönicke 2019: 173) на поселении Монджуклы-депе в восточной области подгорной полосы Копетдага невольно заострили внимание авторов на практиках обращения с огнем, распространенных в этом регионе в эпоху энеолита.

Открытие указанных сооружений стало для авторов естественным толчком к сбору археологических материалов, касающихся любых мест разведения огня. Основным источником стали современные раскопки Йылгынлы-депе и Монджуклы-депе, опубликованные результаты и доступные в архивах полевые отчеты исследований, проведенных на территории современного Туркменистана в XX в. К сожалению, уровень фиксации и хранения документации о результатах исследований первой–третьей четвертей XX в. либо не позволяет уточнить многие детали

---

³ Основной накопленный массив данных был опубликован в 1960-е гг. (Хлопин 1960 (1961); 1963; 1964; 1969; Сарияниди 1965), первые попытки интерпретировать полученные свидетельства появились тогда же (Сарияниди 1963), из недавних работ обзор очагов эпохи неолита–палеометалла см.: Кирчо 2015.

⁴ В отечественной литературе памятник ранее назывался Илгынлы-депе (Ilgynly-depe). Авторы используют название в соответствии с произношением в туркменском языке.

Рис. 1. Карта Южного Туркменистана с указанием памятников, упомянутых в тексте: 1 — Айна-депе; 2 — Акча-депе; 3 — Геоксюр 1; 4 — Геоксюр 7; 5 — Дашлыджи-депе; 6 — Муллали-депе; 7 — Чонг-депе; 8 — Ялангач-депе; 9 — Северный холм Анау; 10 — Джейтун; 11 — Ыылгынлы-депе; 12 — Монджуклы-депе; 13 — Яссы-депе. На врезке показаны поселения Геоксюрского оазиса в древней дельте Теджена

Fig. 1. Map of South Turkmenistan showing the location of sites mentioned in the text: 1 — Aina-depe; 2 — Akcha-depe; 3 — Geoksyur 1; 4 — Geoksyur 7; 5 — Dashlydji-depe; 6 — Mullali-depe; 7 — Chong-depe; 8 — Yalangach-depe; 9 — Northern hill of Anau; 10 — Djeitun; 11 — Ylgynly-depe; 12 — Mondjukly-depe; 13 — Yassy-depe. The inset shows the settlements of the Geoksyur oasis in the ancient delta of the Tedjen river

обнаруженных тогда объектов, либо информация просто утрачена. Всего в сферу внимания авторов попали 265 мест разведения огня (из них более 100 происходят из раскопок поселения Ыылгынлы-депе, около 50 — из небольших по площади раскопок поселения Монджуклы-депе и лишь немногим более 100 описаний мест разведения огня удалось добыть авторам из материалов исследований других изученных в регионе раннеземледельческих поселений).

Хронологически анализируемые в статье объекты относятся преимущественно к периодам раннего и развитого энеолита (времени Намазга I и II). В качестве аналогий и сравнительного материала привлечены сооружения неолитического времени и ряд более поздних объектов. Географически в сферу интересов авторов попали материалы исследований большинства памятников подгорной полосы Копетдага (рис. 1), однако особое внимание уделялось восточной группе памятников, в силу ее близости к объекту непосредственного научного интереса авторов — поселению Ыылгынлы-депе.

При работе над типологией авторы неизбежно столкнулись с проблемами дефиниций. Прежде всего необходимо отметить, что на «бытовом» уровне все исследователи достаточно вольно используют термины «печь», «печка» или «очаг», причем последний используется особенно часто, практически для всех конструкций, связанных с разведением огня. Зачастую очагом может называться даже небольшое закрытое сооружение, а иногда эти определения входят в классику научной литературы (как в случае с печами неолитического поселения Джейтун, повсеместно называемыми «очаги-камины» — Массон 1971: 38, 49). Изучив проблему, авторы осознали, что русский язык не дает короткого и емкого определения, которое охватывало бы все многообразие исследуемых объектов. В англоязычной археологии устоялся термин *fire installations*, ближайшим вариантом которого в русском языке — «места разведения огня» — и были вынуждены воспользоваться авторы при анализе объектов, поскольку оно нейтрально, не вычленяет и заранее не категоризирует признаки, но позволяет обобщенно описать практически любое сооружение, связанное с разведением и использованием огня человеком, — от следов костра до сложного очага и производственной печи.

Работая над типологией, авторы стремились отказаться от заведомо общепринятых интерпретаций, не касались, как уже отмечалось выше, семантической нагрузки предмета исследований, а опирались прежде всего на очевидные внешние формальные признаки: форму конструкции, детали устройства и положение объекта в пространстве архитектурного объема. Учитывался и более широкий контекст — особенности оформления конкретного архитектурного объема, его расположение на поселении, характеристика слоев заполнения в непосредственной близости от места разведения огня.

В основе выстроенной таким образом типологии лежит очевидное разделение на три базовых типа, которые, в свою очередь, на основании конкретных признаков, делятся на подтипы (рис. 2).

Тип I — массивные конструкции закрытого типа (печи)

Имеют прямоугольную или подовальную в плане форму и камеры; располагаются как в помещениях, так и во дворах. Конструкции различаются размерами и качеством отделки фасадов, массивностью сооружения и количеством камер, местом нахождения и длительностью использования, но объединяет их, прежде всего, наличие очень высокой степени прокала. Очевидно, что сама форма закрытого сооружения изначально нацелена на достижение стабильно высокой температуры. Здесь выделяются три подтипа.

1.1. Двухчастные массивные прямоугольные печи. Устройство печей удивительно однотипно, что ярко выражается в описаниях разных исследователей, зачастую использующих одни и те же формулировки. В основании всегда есть мощная прямоугольная платформа из сырцовых кирпичей, поднимающая печь над обитаемой поверхностью. В печи две камеры, разделенные тонкой, слегка изогнутой глиняной перегородкой, не доходящей до свода печи. Камера для горения топлива обычно располагается ниже, в то время как камера для обжига предметов (часто вымощенная галькой) поднята выше. К сожалению, в силу традиции многослойных талей разрушать отслужившие свой срок строения ради возведения новых, лишь у некоторых из исследованных печей сохранились верхние части конструкции. Устья

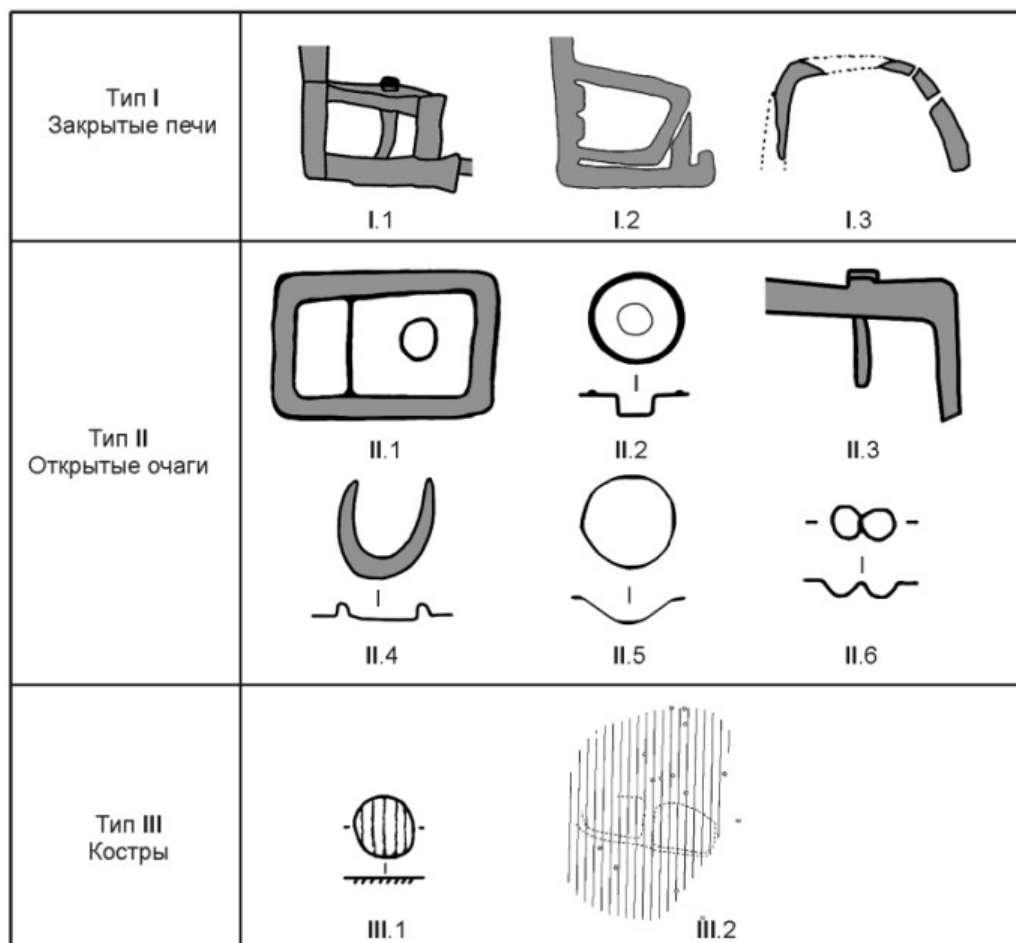
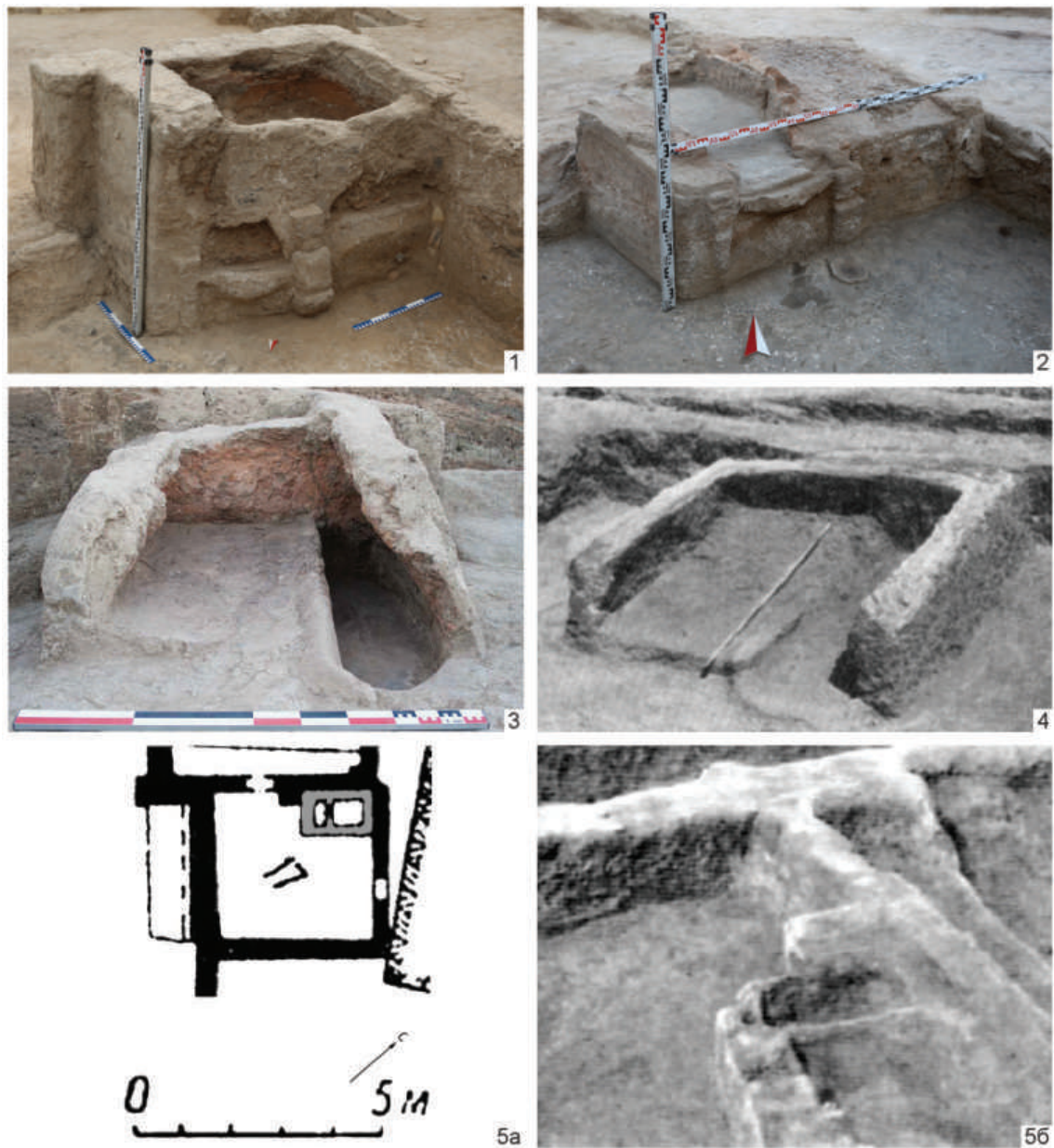

Рис. 2. Схема типов мест разведения огня. Схемы выполнены на основании полевых чертежей авторов и чертежей (Schönicke 2019)

Fig. 2. Scheme of the types of fire-making places based on the authors' field drawings and drawings published in (Schönicke 2019)

камер (там, где они сохранились) оформлены в виде арочных проемов и, в случае йылгынлыных печей (Соловьёва 2019: 155), снизу дополнительно оформлены валиками-налепами. Фасады печей практически всегда тщательно обмазаны слоями чистой глины, иногда выкрашены в черный и белый цвета, но только на фасадах печей Йылгынлы-депе обнаружен сложный рельефный декор (рис. 3, 1, 2). В архитектурном объеме печи чаще всего располагались слева от входа, в углу помещения, хотя есть некоторые исключения, связанные отчасти с плохой сохранностью стен помещения, но в ряде случаев объективно зафиксированные.

Обитатели поселений подгорной полосы Копетдага достаточно часто на протяжении длительного времени сооружали печи этого подтипа. Кроме Йылгынлы-депе они зафиксированы как на раннеэнеолитических памятниках (на Монджуклы-депе — пять объектов, включая печь, исследованную А. А. Марущенко и опубликованную В. И. Сариниди (рис. 3, 4 — Сариниди 1963: 83), а также четыре печи из раскопок немецкой экспедиции (рис. 3, 3 — Schönicke 2019: 173, 177, 178, 180); на Ясы-депе подобная печь была открыта Б. А. Куфтиным в помещении

Рис. 3. Двухчастные печи: 1, 2 — Йылгынлы-депе, горизонт VII; 3, 4 — Монджуклы-депе (3 — по: Schönicke 2019: fig. 6.7; 4 — по: Сарияниди 1963: рис. 31, 2); 5а, 5б — Акча-депе (по: Хлопин 1964: рис. 3; 4, 2)

Fig. 3. Two-part ovens: 1, 2 — Ylgynly-depe, horizon VII; 3, 4 — Mondjukly-depe (3 — after Schönicke 2019: Fig. 6.7; 4 — after Сарияниди 1963: fig. 31, 2); 5a, 5b — Akcha-depe (after Хлопин 1964: fig. 3; 4, 2)

с настенной росписью и многочисленными остатками хумов (Куфтин 1956: 274); на Северном холме Анау — две печи, последовательно сменяющие друг друга, причем одна была встроена в стену помещения (Hiebert et al. 2003: 44–45)), так и на более поздних поселениях времени Намазга II (Акча-депе (рис. 3, 5), Ялангач-депе, Муллали-депе, Айна-депе, Геоксюр 7 (Сарияниди 1963: 80; Хлопин 1964: 15, 24)). Двухчастная массивная печь известна и из слоев времени Намазга II Йылгынлы-депе (Березкин, Соловьёва 1998: 113, рис. 14).

И. Н. Хлопин прямо называет такие печи «типичными для этого времени очагами» (Хлопин 1964: 46). Этот подтип печей сохраняется почти неизменным вплоть до геоксюрского периода времени раннего Намазга III — подобная печь исследована В. И. Сарияниди на самом Геоксюре (Сарияниди 1963: 81; 1965: 11). Наконец, стоит отметить, что у описанного подтипа имеются миниатюрные братья-близнецы — небольшие печки точно такого же устройства исследованы в помещениях IV и VII строительных горизонтов Йылгынлы-депе (Соловьёва 2005: 46; 2018: 25).

Что касается функционального назначения таких печей, то здесь среди исследователей нет единства мнений. И. Н. Хлопин, опираясь на характер заполнения помещений, в которых располагались ялангачские очаги, описывает их как бытовые (Хлопин 1964: 77). В. И. Сарияниди считал их производственными и предназначенными для обжига керамики (Сарияниди 1963: 80). Н. Ф. Соловьёва, исходя из археологического контекста мастерской Йылгынлы-депе, где находились печи, также интерпретирует их как производственные, но предназначенные для обжига мелкой глиняной пластики (Соловьёва 2019). Анализируя места разведения огня на Монджуклы-депе Юлия Шёнике связывает двухчастные печи поселения с «вялением, копчением, сушкой и жаркой», то есть с тепловой обработкой мяса для длительного хранения (Schönicke 2019: 164, 173). Если развить тезис Ю. Шёнике о том, что «тип не равен функции», то можно допустить региональные различия и предположить, что описываемый подтип печей в Геоксюрском оазисе мог быть связан с обработкой пищи, а в регионе Меана-Чаача использовался преимущественно для обжига небольших керамических изделий. Однако, исходя из главного тезиса для выделения подтипа I.1 — стремления создателей печей к достижению стабильно высокой температуры, авторы полагают, что прежде всего обитатели поселений создавали такие сложные конструкции для производственных нужд (обжига глиняных изделий), но вполне допустимо и многофункциональное использование печей: параллельно с обжигом поделок жители поселений вполне могли использовать их для приготовления пищи и, как следствие, для обогрева помещения.

Печи этого подтипа, несомненно, наследуют однокамерным джейтунским «каминам». Уже на самом поселении Джейтун был обнаружен один очаг с двухчастным оформлением — правда, развернутым относительно описываемого типа печей на 90°, — отделение для выгребания золы (и, судя по прокалу, углей) сделано непосредственно перед топочной камерой (Массон 1971: 20), то есть идея двухчастной печи уже появляется и находит некоторое применение.

I.2. Прямоугольные массивные одночастные очаги. Сложены из поставленных на торец рядов кирпичей, иногда отгорожены от помещения стенкой, равной по толщине стенам помещения. Под очагов приподнят над уровнем обитаемой поверхности на толщину уложенного в основании одного слоя сырцовых кирпичей — примерно на 15 см. Устье расположено во внешнем углу на стыке двух стенок очага. Особенности перекрытия (и сам факт его наличия) очагов этого подтипа однозначно археологически не зафиксированы, однако мощность стенок и степень прокала позволяют говорить о закрытой форме таких конструкций, возможно, имевших некое подобие свода. Такие очаги исследованы, прежде всего, в слоях времени Намазга I поселения Дашлыджи-депе (Хлопин 1960 (1961): 141–144), изредка встречаются на Монджуклы-депе (Bernbeck, Pollock 2016: 77), но известны и в более поздних памятниках времени Намазга II — Ялангач-депе, Муллали-депе и Йылгынлы-депе (Хлопин 1964: 25, 31; Массон 1989: 16). Размеры печей и их расположение

Рис. 4. Печи-тандыры: 1 — Ыылгынлы-депе, горизонт V; 2 — Монджуклы-депе (по: Schönicke 2019: fig. 6.22)

Fig. 4. Tandoors: 1 — Ylgynly-depe, horizon V; 2 — Mondjukly-depe (after Schönicke 2019: fig. 6.22)

в архитектурном объеме аналогичны подтипу I.1. Вполне допустимо рассматривать печи описываемого подтипа как промежуточные между джейтунскими «каминами» и двухчастными печами, использовавшимися в основном в качестве бытового очага для приготовления пищи и обогрева помещения.

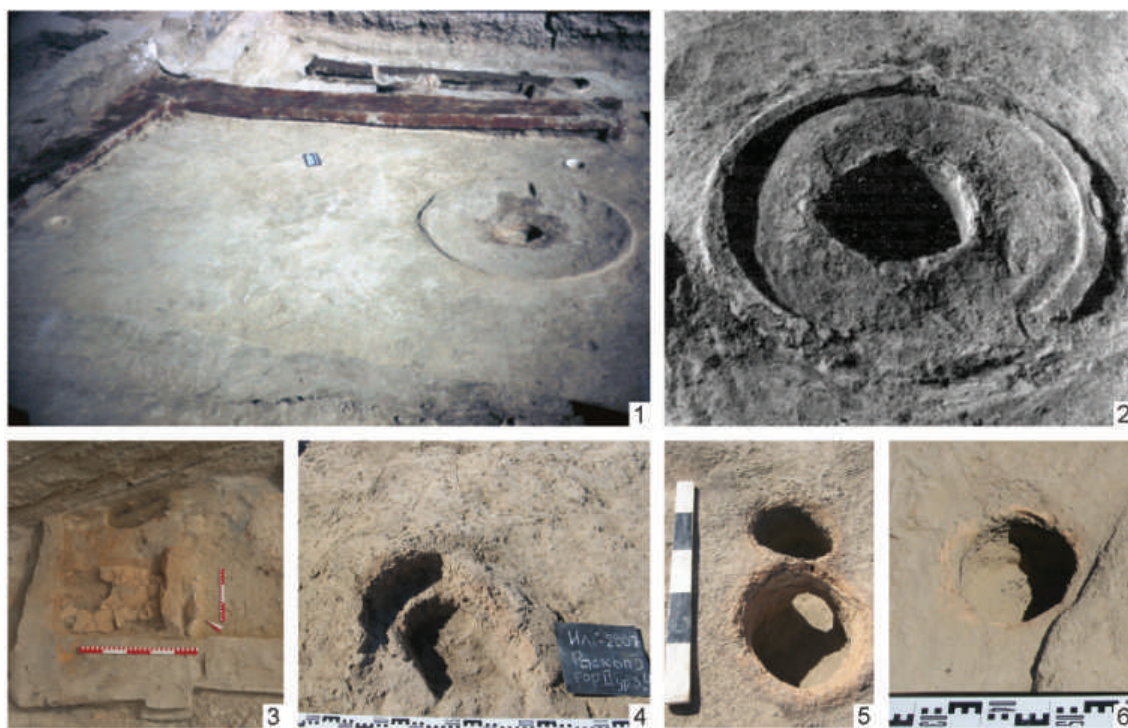
I.3. Крупная подокруглая или подовальная печь со сводом типа тандыра. У большинства исследованных печей этого подтипа хорошо зафиксированы фрагменты разрушенного свода (рис. 4). Они расположены в хозяйственных дворах и, судя по многочисленным фаунистическим остаткам на поверхности дворов вблизи печей, предназначались для приготовления мясной пищи. Известны, прежде всего, из верхних слоев Монджуклы-депе (Schönicke 2019: 180, Fig. 6.22) и строительного горизонта V Ыылгынлы-депе (рис. 4, 1). Исходя из расположения между домами на больших открытых дворовых пространствах, вполне допустимо рассматривать эти конструкции как предназначенные для сложных операций тепловой обработки туши животного для употребления ее в пищу несколькими домохозяйствами.

Тип II — открытые очаги

Предназначены либо для тепловой обработки продукта только с одной стороны (снизу), либо исключительно для возжигания огня (чаще всего ритуального, поскольку очень слабый прокол лунки для огня свидетельствует о невозможности вскипятить на нем воду или обогреть с помощью такого очага даже маленькое помещение). Очаги очень разные по форме, размерам и расположению в архитектурном объеме, но все объединяет наличие специального оформления, четко выделяющего их в окружающем пространстве (рис. 5).

Сюда можно отнести десятки различных форм, которые с некоторым допущением можно разделить на шесть подтипов, учитывающих ключевые особенности этих сооружений.

II.1. Прямоугольные массивные двухчастные «жаровни», изученные на таких памятниках Геоксюрского оазиса периода развитого энеолита (времени Намазга II), как Ялангач-депе, Айна-депе, Акча-депе, Муллали-депе (Хлопин 1964: 16, 21, 24, 31, 41) и в ялангачских слоях Ыылгынлы-депе. Описываются И. Н. Хлопиным как глинобитные платформы-подиумы $1,95 \times 1,05$ м, разделенные валиком на две части,

Рис. 5. Открытые очаги: 1, 2 — дисковидные очаги; 3 — угловой очаг; 4 — подковообразный очаг; 5 — двоянный очаг в лунках; 6 — простой очаг в лунках. 1 — Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт III; 2 — Чонг-депе (по: Сарияниди 1965: рис. 9); 3 — Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VII; 4–6 — Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт II

Fig. 5. Open hearths: 1, 2 — disc-shaped hearths; 3 — angular hearth; 4 — horseshoe-shaped hearth; 5 — two-fold hearth in small holes; 6 — simple hearth in small holes. 1 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon III; 2 — Chong-depe (after Сарияниди 1965: fig. 9); 3 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon VII; 4–6 — Ylgynly-depe, trench 3, horizon II

одна выше, другая ниже (одна часть поднималась, видимо, в результате постоянных промазок-ремонтов) (Там же: 31). «Жаровни» сооружались на платформе из одного или нескольких слоев плоско уложенных сырцовых кирпичей. Обычно на одной (более низкой) части отмечаются следы огня, в то время как на другой их почти нет. В двух случаях на прокаленной части фиксировалась лунка с золой (либо сильно прожженный круг) (Там же: 31, 41). На одном объекте сохранились стоявшие по углам глиняные столбики (Там же: 16). Размещались «жаровни» чаще справа от входа, в дальней четверти помещения, как правило на некотором расстоянии от всех стен, но иногда могли быть пристроены к стене широкой стороной. Авторы склонны рассматривать этот подтип очагов как бытовой, предназначенный, возможно, для выпечки тонкого хлеба, подобного лавашу.

II.2. Дисковидный очаг-жертвенник. Круглое слегка возвышающееся над окружающей поверхностью сооружение диаметром до 1,5 м, с тщательно вылепленными тонкими бортиками и неглубокой лункой для огня (5–23 см в диаметре). В археологической литературе за этим подтипом очагов прочно закрепилось определение «геоксюрского типа», поскольку они, в основном, были исследованы в 1960-х гг. в геоксюрских слоях поселений Геоксюр 1, Чонг-депе, Айна-депе, Геоксюр 7 (Хлопин 1964: 41, 89; Сарияниди 1965: 11–13), но позднее такие очаги были

обнаружены и в ялангачских слоях Йылгынлы-депе, начиная со строительного горизонта IV раскопа 3 (Массон 1987: 4, 11; Соловьёва 2005: 52, 53, 55, 65, 67, 68, 71, 84). Следует отметить, что разница в конструкции очагов состоит в том, что со временем бортики очагов становятся более высокими и четкими.

II.2a. Вариант подтипа II.2. Семантически близкие дисковидным очагам-жертвенникам и обнаруженные в более ранних слоях Йылгынлы-депе очаги (Соловьёва 2005: 37, 41–43, 72–74), у которых отсутствует четко выраженный диск, а есть просто небольшая лунка, в которой разводился огонь. Лунки таких вариантов очагов всегда были слабо прокалены и непременно «закрыты» по окончании использования либо камнем, либо глиняным диском, либо камнем, который был обмазан глиной и выкрашен в черный или красный цвет.

II.2б. Вариант подтипа II.2. Крупный дисковидный очаг с широкими бортиками, но без лунки в центре встретился лишь один раз на Монджуклы-депе (Schönicke 2019: 172, fig. 6.11). Чистый, без большого количества золы вокруг, но с достаточно сильным прокалом по всей поверхности. Архитектурный контекст объекта неясен, однако в силу схожести конструкции и наличия отличительных особенностей выделен авторами в отдельный вариант подтипа.

Уже само название «очаги-жертвенники» говорит о единстве взглядов исследователей на назначение дисковидных очагов. Прежде всего, в пользу их ритуального назначения свидетельствует расположение в архитектурном объеме — такие очаги всегда находились в помещениях с высокой семантической значимостью: так, на Йылгынлы-депе дисковидные очаги — непременный атрибут святилищ с красными скамьями (Берёзкин, Соловьёва 1998: 90). О возжигании огня в ритуальных целях свидетельствует и слабый прокал лунки, и почти полное отсутствие золы в ней. То есть огонь был такой мощности и горел столько времени, сколько было необходимо для совершения обрядового действия, но абсолютно недостаточно для обогрева помещения или приготовления пищи. Более того, о том, что на таких очагах не готовили еду, говорит и абсолютное отсутствие бытового (кухонного) мусора на полу помещений, в которых они находились.

II.3. Прямоугольный небольшой открытый очаг, чаще всего пристроенный к стене двора или комнаты. Имеет или не имеет переднюю стенку, может быть сооружен из нескольких сырцовых кирпичей или наскоро слепленного глиняного валика. Различаются по продолжительности существования и тщательности отделки, но в любом случае это быстро, «по необходимости», сооруженная конструкция, не требующая существенных затрат (Хлопин 1960 (1961): 143; Соловьёва 2007: 8; Schönicke 2019: 174).

II.3a. Вариант подтипа II.3. Угловой подокруглый или прямоугольный открытый очаг, встречаемый как во дворах, так и в углах помещений.

Такие очаги достаточно широко распространены во времени и присутствуют на многих памятниках региона: например, Монджуклы-депе, Дашлыджи-депе, Ялангач-депе (Куфтин 1956: 270; Хлопин 1960 (1961): 142, 143; Schönicke 2019: 176), Йылгынлы-депе. Совершенно очевидно их быстрое, достаточно небрежное сооружение в бытовых целях: для обогрева или приготовления пищи.

II.4. Подковообразный очаг. Все очаги этой формы имеют небольшие размеры, встречаются чаще в хозяйственных дворах либо в слоях засыпки помещений, не пристроены к стенам. Очевидно, это самая простая форма, защищающая огонь от ветра. Такие очаги могли сооружаться и использоваться стихийно, по мере

возникающей необходимости, достаточно было слепить из всегда имеющейся под рукой глины подковообразный валик. Неоспоримо, что изготовление такой конструкции вообще не требует никаких навыков и выполняется моментально для любых бытовых нужд (Хлопин 1964: 30; Соловьёва 2007: 6, 8).

II.5. Небольшой очажок в ямке или лунке без дополнительных конструкций. Чрезвычайно распространенный подтип очага в помещениях и во дворах, несомненно, преобладал бы над всеми другими, если бы все подобные формы тщательно документировались (Schmidt 1908: 95; Хлопин 1964: 85; Сарияниди 1965: 10). В домах мог функционировать как отопительный очаг-сандак. На Монджуклы-депе есть очаг такого типа с глиняной крышкой, устроенный в платформе и, по предположению авторов раскопок, вероятно, предназначенный для хранения горячих углей (Bernbeck, Pollock 2016: 77). Во дворах такие ямки-очаги иногда имеют более высокую степень прокала и, возможно, могли использоваться не только для хранения углей, но и для разжигания костров, на которых готовили пищу. Зачастую с такими дворовыми ямками-очагами связаны узкие вдавления (столбовые ямки от каких-то временных конструкций вокруг очага).

II.5a. Вариант подтипа II.5. Один из вариантов этого подтипа описал Х. Шмидт при раскопках Северного холма Анау (Schmidt 1908: 88) — ямки для огня, в которые были вмазаны фрагменты керамических сосудов, причем использовавшиеся так долго, что поверх одного пришедшего в негодность сосуда вмазали новый.

Очаги этого подтипа авторы сознательно не объединили с *вариантом подтипа II.2a*, поскольку очаги-ямки подтипа II.5 очевидно бытового назначения и располагались в хозяйственных комнатах и дворах, то специальным образом закрытые после завершения процесса горения очень слабого огня лунки обнаружены лишь в помещениях высокой семиотической значимости.

II.6. Сдвоенные очаги в ямках. Такие очаги, возможно, представляют собой специфический вариант подтипа II.5, выявленный в слоях геоксюрского времени на памятниках Геоксюрского оазиса (Геоксюр 1, Чонг-депе — Сарияниди 1965: 10–13) и однажды встреченный в верхних слоях поселения Йылгылы-депе. В. И. Сарияниди называет эти двойные очаги отопительными, или бытовыми, и на основании их находок интерпретирует помещения как жилые (Там же: 13). Авторы воздерживаются от интерпретации описываемых конструкций в силу ограниченности информации.

Тип III мест разведения огня

Это именно место разведения огня — то есть костры, разжигаемые на обитаемой поверхности, в которых площадь, предназначенная для огня, не отграничена от окружающего пространства никакими архитектурными средствами (рис. 6). Здесь выделяются два подтипа.

III.1. Небольшие пятна прокала, фиксируемые возле стен или в центре хозяйственных дворов, часто встречаются на разных уровнях слоев засыпки помещений — очевидно, самый «временный» и самый «быстрый» из всех описанных типов, возникающий, когда необходимо с какой-либо целью развести огонь. Иногда с такими пятнами прокала связаны ямки от воткнутых в землю временных конструкций (Соловьёва 2007: 6–8; 2014: 153; Schönicke 2019: 167–168).

III.2. Крупные пятна прокала. От маленьких хозяйственных костерков принципиально отличаются большие масштабные костры, разводимые

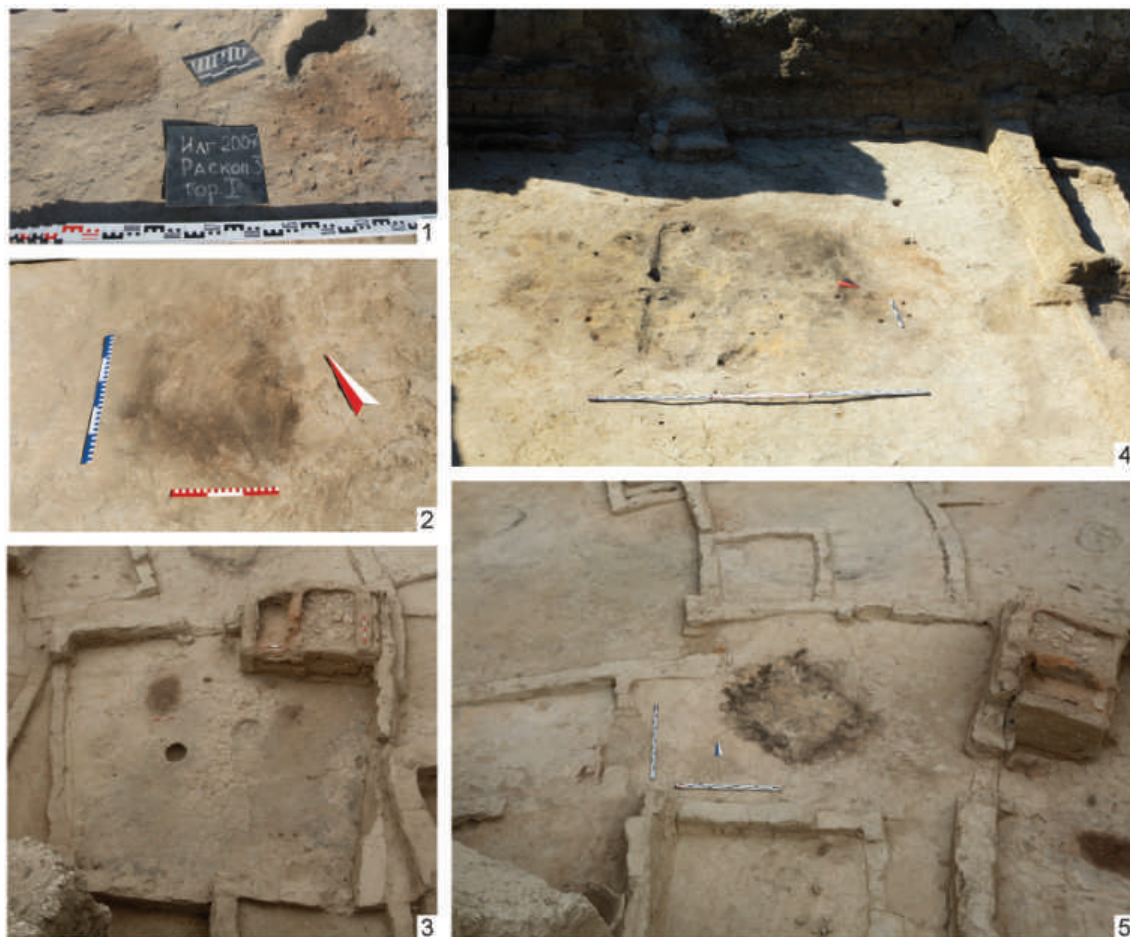

Рис. 6. Ыылгынлы-депе, раскоп 3, пятна прокала от костров: 1–3 — небольшие пятна, горизонты I и VII; 4, 5 — большие костры, горизонт VII

Fig. 6. Ylgynly-depe, trench 3 — calcined spots of fires: 1–3 — small spots, horizons I, VII; 4, 5 — big fires, horizon VII

во дворах на самых ранних обитаемых поверхностях. Обычно расположены в центре двора, иногда в одном из его углов, но достаточно далеко от стен построек, чтобы не обжечь сильным пламенем поверхность стены (Соловьёва 2005: 38; 2014: 141; Schönicke 2019: 173, 176). Фиксируются такие пятна прокала чаще всего на самых первых поверхностях функционирования домохозяйств. В свите «святилищ» раскопа 3 поселения Ыылгынлы-депе следы больших костров обнаружены между горизонтами на слое выравнивания, возникавшем после разрушения старого домохозяйства перед возведением нового, и на самой первой поверхности нового двора, то есть совершенно очевидно, что такие костры связаны с обрядовыми действиями при возведении нового жилища и/или обживании только что построенного. В некоторых кострах фиксируются связанные с горящим огнем своеобразные прямоугольные одно- или двухчастные (иногда крестовидные) сырцовые конструкции, занимающие намного меньшую площадь, чем само пятно прокала, что не позволяет применить к ним обозначение «очаги». В некоторых случаях выявлена геометрически ровная форма пятен прокала (рис. 6, 5). Возможно, эти конструкции сооружались до возжигания огня в костре и были частью каких-то обрядовых действий.

Выводы

К сожалению, функциональное назначение большинства описанных сооружений можно установить лишь гипотетически (не сделаны химические и палеоботанические анализы микроостатков, сохранившихся между промазками), не говоря уже о ритуальном использовании огня — темы, которой авторы (в силу ограниченности археологических источников) практически не касались при создании типологии очагов. Тем не менее следует отметить, что в процессе анализа материала сложились новые или подтвердились высказанные ранее авторами или другими исследователями идеи о предназначении различных типов мест разведения огня.

Безусловно, самыми широко распространенными и используемыми и в бытовых (приготовление пищи, источник света и тепла), и в ритуальных (явление огня как высшей силы) целях являются оба подтипа III типа, которые присутствуют практически во всех слоях всех рассматриваемых памятников региона от неолита до поздней бронзы и сосуществуют со всеми остальными типами мест разведения огня.

Самыми сложными, предназначенными в первую очередь для производственных нужд, а уж параллельно, вероятно, использовавшимися и в бытовых целях (приготовление еды и обогрев жилища) были двухчастные массивные прямоугольные печи — подтип I.1. Вероятно, можно говорить о том, что эти печи не использовали в обрядах, связанных с огнем или посвященных огню, хотя сам процесс обжига изделий наверняка сопровождался определенными ритуалами, как любое действие членов общины, где сакральное и профанное тесно переплетены. Печи этого подтипа пока известны преимущественно в восточном регионе Южного Туркменистана.

Несомненно, исключительно в ритуальных целях возводились и использовались обитателями раннеземледельческих поселений региона периодов Намазга II и раннего Намазга III дисковидные очаги-жертвенники — подтип II.2. Самыми непонятными с точки зрения использования пока остаются прямоугольные массивные двухчастные «жаровни» — подтип II.1. Остальные подтипы, вероятнее всего, сооружались и использовались для различных бытовых нужд.

В заключение хочется отметить, что предложенная авторами предварительная типология огромного массива мест разведения огня (далеко не всегда хорошо раскопанных и задокументированных), обнаруженных на памятниках подгорной полосы Копетдага и Геокюрского оазиса периодов Намазга I и Намазга II, основанная исключительно на внешних признаках — конструктивных особенностях и расположении в архитектурном объеме, — лишь малая толика среди бесконечного многообразия тем, связанных с использованием огня ранними земледельцами.

Поскольку название статьи «Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана», подводя итог, нельзя обойти вниманием еще одно фиксируемое на многих первобытных памятниках региона и, прежде всего, тщательно задокументированное на Йылгынлы-депе использование огня жителями поселений — речь идет о явно ритуальном огне в обряде, связанном с прекращением функционирования ритуальных комплексов. Так, многие крупные святилища Йылгынлы-депе были намеренно сожжены. Для этих целей на полу раскладывали плотный слой веток и его поджигали. Огонь был настолько силен, что сырцовые стены помещений местами прокалились на 10 см в глубину. Особенно отчетливо это зафиксировано в комплексе 26/III-3⁵

⁵ Первая цифра соответствует номеру помещения, через косую линию указан строительный горизонт, а через дефис — номер раскопа, то есть 26/III-3 обозначает помещение 26 горизонта III раскопа 3 Йылгынлы-депе.

(Берёзкин, Соловьёва 1998: 97); следы, вероятно, намеренного сожжения отмечены в комплексах 10/IV,III-5, 26/IV,III-5, парадном дворе комплекса 59/II-4 и еще в ряде случаев (Там же: 104, 113). Здесь следует вспомнить, что аналогичные следы вероятного намеренного сожжения выявлены В. И. Сарияниди в так называемом культовом здании Геоксюра 1 (Сарияниди 1965: 10). После устроенного пожара общинники разбирали стены сгоревшего отслужившего свой срок культового комплекса и готовили площадку для возведения нового, и во время засыпки и забутовки руин вновь неоднократно разводили ритуальный огонь — свидетельством этому являются многочисленные маленькие очажные ямки, обнаруженные на разных уровнях заполнения помещений 47/VI-3, 38/V-3, 26/IV-3 и 59/II-4. По мнению авторов, данный контекст вкупе с огромными кострами, разводимыми во дворах на самых ранних обитаемых поверхностях (подтип III.2), однозначно свидетельствует о наличии у первобытных земледельцев подгорной полосы Копетдага развитого культа огня, тесно связанного с жилищем, его возведением, «жизнью» и «умиранием».

Литература и источники

- Берёзкин, Соловьёва 1996 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Попов В. А. (отв. ред.). Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 102–118.
- Берёзкин, Соловьёва 1998 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Кирчо 2015 — *Кирчо Л. Б.* Вклад Б. А. Литвинского в археологию эпохи бронзы Южного Туркменистана // Никоноров В. П., Алёкшин В. А. (ред.). Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура. СПб.: Контраст, 2015. С. 748–764 (Записки Восточного отделения Российского Археологического общества. Нов. сер. Т. 3 (28); Тр. ИИМК РАН. Т. 45).
- Куфтин 1956 — *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. Т. 7. С. 260–290.
- Массон 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с. (МИА. № 180).
- Массон 1987 — *Массон В. М.* Отчет о работах Илгынлинского отряда Каракумской экспедиции в осенний сезон 1987 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1987 г. Д. 53. 18 с.
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Отчет о работах Каракумской экспедиции в осенний сезон 1989 г. на поселениях Алтын-депе и Илгынлы-депе // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989 г. Д. 34. 25 с.
- Сарияниди 1963 — *Сарияниди В. И.* Керамические горны восточноанауских поселений // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 80–85.
- Сарияниди 1965 — *Сарияниди В. И.* Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 4).
- Соловьёва 2005 — *Соловьёва Н. Ф.* Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2005 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 634. 211 с.

- Соловьёва 2007 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах полевых исследований раннеземледельческого поселения эпохи энеолита Илгынлы-депе на юге Туркменистана, проведенных Илгынлынской археологической экспедицией ИИМК РАН в 2007 г. // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 194 с.
- Соловьёва 2014 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах комплексных полевых исследований археологических памятников Алтын-депе и Ыылгынлы-депе на юге Туркменистана в 2014 г. Ч. 2 // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 142 с.
- Соловьёва 2018 — *Соловьёва Н. Ф.* Отчет о результатах комплексных полевых исследований раннеземледельческого поселения эпохи энеолита Ыылгынлы-депе на юге Туркменистана в 2018 г. // НА ИИМК РАН. РО. КП-8484. 211 с.
- Соловьёва 2019 — *Соловьёва Н. Ф.* Обжигательные печи Ыылгынлы-депе периода раннего энеолита // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.
- Хлопин 1960 (1961) — *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (1961). С. 134–224.
- Хлопин 1963 — *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л.: Наука, 1963. 30 с. 25 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 1).
- Хлопин 1964 — *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.
- Хлопин 1969 — *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л.: Наука, 1969. 54 с., 26 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 3).
- Bernbeck, Pollock 2016 — *Bernbeck R., Pollock S.* Scalar differences: temporal rhythms and spatial patterns at Monjukli Depe, southern Turkmenistan // *Antiquity*. Vol. 90, iss. 349: P. 64–80. DOI: 10.15184/aqy.2015.197.
- Hiebert et al. 2003 — *Hiebert F. T with Kurbansakhatov K. et al.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization: Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia University of Pennsylvania Press, 2003. 238 p.
- Schmidt 1908 — *Schmidt H.* The Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly R. (ed.). *Explorations in Turkestan, Expedition of 1904: Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment*. Washington: Gisson Bros. Press, 1908. Vol. 1, pt. 2, ch. 6. P. 83–120 (Carnegie institution of Washington. Publication no. 73).
- Schönicke 2019 — *Schönicke J.* The Fire Installations from Monjukli Depe: Indicators for Social and Technological Change // Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B. (eds.). *Looking closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden: Sidestone Press, 2019. Vol. 1. P. 163–190.

FIRE IN THE LIFE OF EARLY FARMERS OF SOUTH TURKMENISTAN

N. F. SOLOVYOVA, J. K. BLOKHIN

Keywords: *South Turkmenistan, early farmers, Eneolithic, fire, ritual, household.*

The paper offers a typology of fire-making places on the Eneolithic sites of South Turkmenistan that were left behind by early farmers. The study is based on the analysis of a large corpus of data accumulated during the last 100 years. The authors outline the main directions for further interpretation of the available evidence.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЕЧАТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТИПОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛ, ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ)¹

Л. Б. КИРЧО²

Ключевые слова: *Средняя Азия, Южный Туркменистан, Илгынлы-депе, Кара-депе, Геоксюр 1, Алтын-депе, Улуг-депе, период позднего энеолита, ранняя бронза, «печати-амулеты», «печати-пуговицы», «печати-штампы».*

Работа посвящена систематизации древнейших печатей Средней Азии, найденных на поселениях Южного Туркменистана в культурных слоях конца среднего энеолита — ранней бронзы. Каменные и терракотовые плоские «печати-амулеты» (с одним отверстием в верхней части — рис. 1, 4–13) характерны для позднего энеолита (время Намазга III, около 3150–2800/2700-х гг. до н. э.). Изображения на лицевой стороне этих изделий выполнены резными линиями и/или подпирамидальными углублениями, образующими крестовидный «ступенчатый» орнамент. Такие «печати-амулеты» представлены только на памятниках Средней Азии. Плоские «печати-пуговицы» (с двумя дырочками в центре), изготовленные из глины и кости, появляются в самом конце позднего энеолита (около 2800-х гг. до н. э.). Судя по данным стратиграфии Алтын-депе, каменные печати этого типа характерны преимущественно для ранней бронзы (время Намазга IV, около 2800/2700–2400/2300-х гг. до н. э.). Изображения на лицевой стороне «печатей-пуговиц» нанесены как резьбой и гравировкой (рис. 1, 1–3; 2, 3, 5, 10, 12, 14, 15, 23), так и неглубоким точечным сверлением (рис. 2, 4, 6–9, 21, 22). «Печати-штампы» (с выделенным на тыльной стороне ушком для подвешивания) из терракоты и меди зафиксированы в начале периода ранней бронзы. Изображения на них выполнены прочерченными линиями (рис. 2, 10) либо линиями в сочетании с кружковыми мотивами, сделанными неглубоким полым сверлом (рис. 2, 13). Однако, судя по оттилкам (рис. 3, 2, 4, 7, 9), самые ранние «печати-штампы» изготавливали еще в конце позднего энеолита. Металлические «печати-штампы» с высоким рельефным изображением, отлитые по утрачиваемой модели, появляются в самом конце периода ранней бронзы (рис. 2, 1) и характерны для периода средней бронзы (время Намазга V, около 2350–2000/1900-х гг. до н. э.).

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-24-36

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 018420190003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. СанктПетербург, 191186, Россия.

Введение

Печати — одна из наиболее ярких категорий археологического материала. На территории Средней Азии древнейшие печати найдены на раннеземледельческих поселениях Южного Туркменистана (Илгынлы-депе, Геоксюр 1, Кара-депе, Алтын-депе, Улуг-депе) в культурных слоях конца среднего энеолита — ранней бронзы (времени позднего Намазга II — Намазга IV, около 3250–2400/2300-х гг. до н. э.). И хотя практически все эти изделия были неоднократно опубликованы (Массон 1960 (1961): табл. XIV, 13–15; 1964: 356–357, рис. 67; 1982: табл. XXI, 3, 4; Masson, Sarianidi 1972: pl. 25; Кирчо 1990; 2014: 63–65, рис. 1, 1–10; Кирчо и др. 2008: 103–105, 129–132, табл. 67, 4; 119, 1, 2; 145, 13–21; 168), единого систематического исследования их не проводилось³.

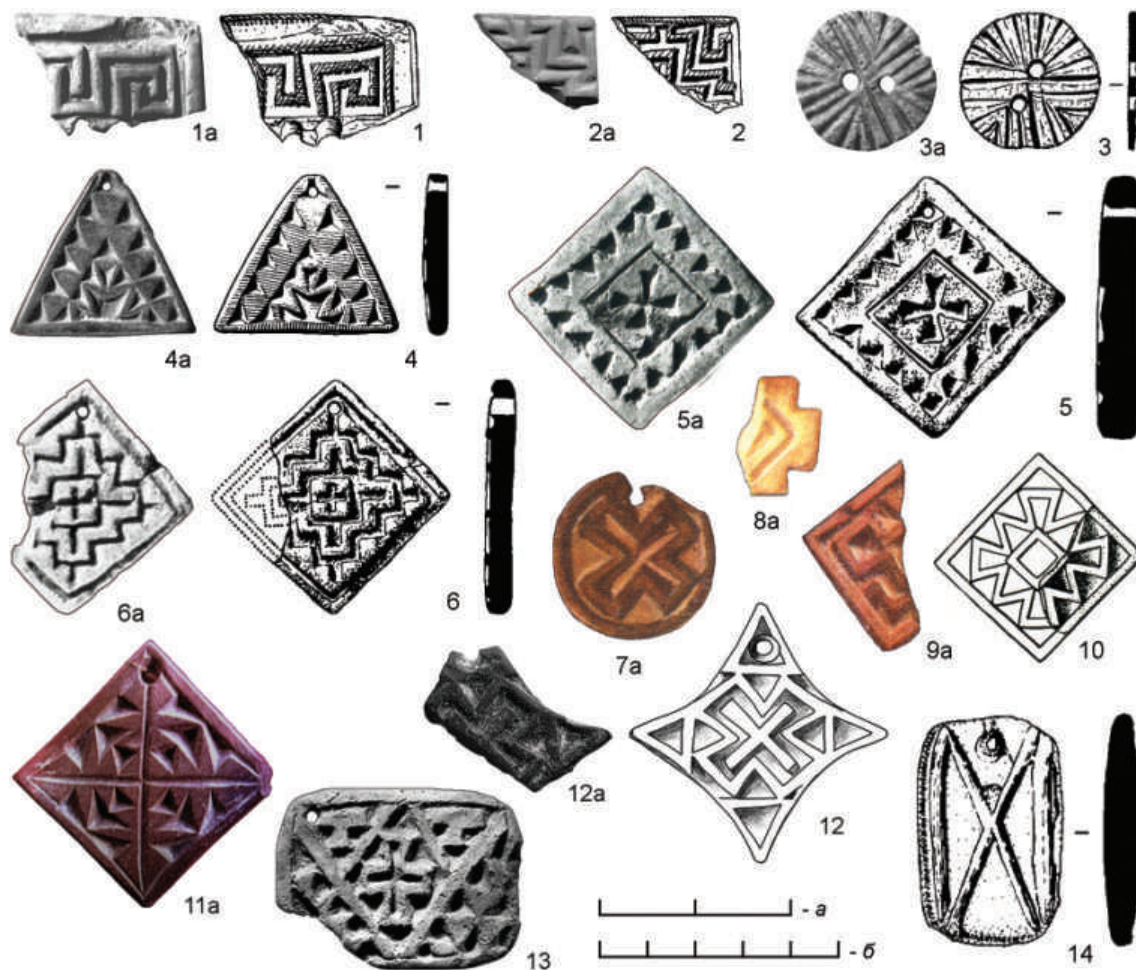
Типология

Древнейшие печати Средней Азии являются индивидуальными находками, однако все они имеют два общих признака: 1) односторонность — рельефный геометрический орнамент был нанесен только на одну (лицевую) сторону изделия; 2) способ хранения этих изделий в подвешенном состоянии, для чего при их изготовлении проделывали специальное отверстие (отверстия), то есть печати, вероятно, носили на шее или на поясе висящими на шнурке или веревке. На основании второго признака выделяются три типа печатей. Тип 1 — так называемые печати-амулеты — плоские изделия с одним сквозным отверстием в верхней части; тип 2 — «печати-пуговицы» — также плоские, с двумя сквозными отверстиями в центре; тип 3 — «печати-штампы» — с плоской лицевой стороной с изображением и специально сформованным выступом на тыльной стороне. У каменных и терракотовых печатей в выступе проделано поперечное отверстие, у металлических этот выступ обычно имеет вид небольшой петельки.

Тип 1. «Печати-амулеты»

Самое раннее изделие, отнесенное нами к печатям типа 1, найдено на Илгынлы-депе в заполнении горизонта II раскопа 4 раннегеоксюрского периода (времени позднего Намазга II) и довольно сильно отличается от остальных «печатей-амулетов». Это подпрямоугольный (со скругленными углами) уплощенный терракотовый предмет (размерами 4,8 × 3,0 × 0,5–0,8 см) с прочерченным на лицевой поверхности косым крестом, обрамленным двумя вертикальными линиями по боковым краям изделия, и односторонним отверстием у середины верхнего края (рис. 1, 14). Все остальные «печати-амулеты» на лицевой стороне имеют углубленный орнамент, в центре которого находится прямой или косой крест, крест с расширяющимися концами (так называемый мальтийский крест) или половина «ступенчатого» ромба (рис. 1, 4), обрамленные «ступенчатыми» треугольниками (полукрестами) или ромбами. «Печати-амулеты» представлены изделиями четырех основных форм.

³ Настоящая работа выполнена в рамках подготовки к публикации печатей и их оттисков в международном издании “Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Vol. 3: New material, untraced objects, and collections outside India and Pakistan”, под общим руководством проф. А. Парпола (A. Parpola). В работе не рассматриваются печати из поселения Саразм (Северо-Западный Таджикистан), за исключением одного изделия (рис. 1, 11а), имеющего прямые аналогии в материалах Южного Туркменистана.

Рис. 1. «Печати-амулеты» и «печати-пуговицы» (1–3) времени позднего Намазга II (14) — Намазга III: 1–3 — Алтын-депе, раскоп 5, период Алтын 9; 4–6 — Кара-депе, период Кара 1А (4, 5 — раскоп 3; 6 — раскоп 1; по: Массон 1960 (1961): табл. XIV, 13–15; Masson, Sarianidi 1972: pl. 25); 7а–9а — поселения Геоксюрского оазиса и 10 — Геоксюр 1 (по: Сарияниди 1965: табл. III и XXVII, 52); 11а — Саразм (по: Раззоков и др. 2006: рис. 134), 12–14 — Илгынлы-депе (12а, 13 — подъемный материал; 12 — реконструкция М. Видали; 14 — раскоп 4, за стеной пом. 37) (12а, 12 — по: Bonora et al. 2014: figs. 7, 8; 13, 14 — по: НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 2757.86, 3515.14). 1, 2, 5, 13, 14 — терракота; 3 — кость; 4, 11а — миннесотаит (железистый тальк); 6 — гипс (обожженный камень?); 7а–9а — камень; 10 — шифер; 12а — гётит (?). Масштаб: а — для № 12а, 12; б — для № 1–6, 10, 11а, 13, 14; 7а–9а — без масштаба. На рис. 1–3 арабскими цифрами обозначены прорисовки, цифрами с индексом «а» — фотографии изделий

Fig. 1. «Seals-amulets» and «seals-buttons» (1–3) of the late Namazga II (14) — Namazga III time: 1–3 — Altyn-depe, excavation 5, Altyn 9 period; 4–6 — Kara-depe, Kara 1A period (4, 5 — excavation 3; 6 — excavation 1; after Masson 1960 (1961): tabl. XIV, 13–15 and Masson, Sarianidi 1972: pl. 25); 7a–9a — settlements of the Geoksyur oasis and 10 — Geoksyur 1 (after Сарияниди 1965: tabl. III and XXVII, 52); 11a — Sarazm (after Раззоков и др. 2006: fig. 134); 12–14 — Ilgynly-depe (12a, 13 — surface finds; 12 — reconstruction by M. Vidali; 14 — excavation 4, behind the wall of room 37) (12a, 12 — after Bonora et al. 2014: figs. 7, 8; 13, 14 — after Photographic Division of the Scholarly Archive of IHMC RAS, Imprint 2757.86, 3515.14). 1, 2, 5, 13, 14 — terracotta; 3 — bone; 4, 11a — minnesotaite (iron talc); 6 — gypsum (burnt stone?); 7a–9a — stone; 10 — slate; 12a — goethite (?). Scale: a — nos. 12a, 12; б — nos. 1–6, 10, 11a, 13, 14; 7a–9a — not to scale. Arabic numerals on figs. 1–3 indicate drawings; numerals with index «a» are used to denote photographs

Вариант 1.1 — подпрямоугольные «печати-амулеты», обнаружены на Илгынлы-депе. К ним относятся вышеописанное изделие времени позднего Намазга II (рис. 1, 14) и «печать-амулет» *варианта 1.1a*, найденная на поверхности поселения (рис. 1, 13), которая может относиться как к концу периода среднего, так и к началу периода позднего энеолита (времени позднего Намазга II/раннего Намазга III). Эта вторая «печать-амулет» представляет собой плоское изделие (размерами 5,1 × 3,8 см) со скругленными углами и сквозным односторонним отверстием в правом верхнем углу (рис. 1, 13). Изображение-орнамент на лицевой поверхности печати расположен горизонтально, параллельно более длинной стороне изделия.

Вариант 1.2 — равносторонний ромб, в основе которого лежит фактически квадрат со стороной 3,6–4,2 см (рис. 1, 5, 6, 9a, 10, 11a). Такие «печати-амулеты» найдены на Кара-депе в напластованиях периода Кара 1A времени Намазга III (рис. 1, 5, 6) и в Саразме (рис. 1, 11a). К этому же варианту можно предположительно отнести обломки печатей с поселения Геоксюр 1 (рис. 1, 10) и поселений Геоксюрского оазиса (рис. 1, 9a), следов отверстия для подвешивания на которых не сохранилось. Обломок «печати-амулета» в виде равностороннего «ромба» со слегка вогнутыми сторонами (*вариант 1.2a*) представлен в материалах с поверхности Илгынлы-депе (рис. 1, 12a — Bonora et al. 2014: 61, fig. 7)⁴, и это единственная находка предположительно времени Намазга III на этом поселении.

Вариант 1.3 — равносторонний треугольник, длина сторон которого составляет около 3,8 см (рис. 1, 4). Эта печать найдена на Кара-депе периода Кара 1A (времени Намазга III).

Вариант 1.4 — круглая «печать-амулет» (рис. 1, 7a), обнаружена в Геоксюрском оазисе на поселениях времени Намазга III (Муллали-депе, Чонг-депе или Геоксюр 1?). Размеры ее, к сожалению, неизвестны.

Вариант 1.5 — обломок плоского крестовидного изделия (рис. 1, 8a), отнесен к «печатям-амулетам» условно (возможно, это была вставка), так как о его размерах и наличии отверстия нет сведений. Это изделие также найдено на поселениях Геоксюрского оазиса времени Намазга III.

Материал. Почти все «печати-амулеты» изготовлены из камня. Лишь два изделия варианта 1.1 (времени позднего Намазга II и позднего Намазга II/раннего Намазга III) из Илгынлы-депе (рис. 1, 13, 14) и одна печать варианта 1.2 из Кара-депе времени Намазга III (рис. 1, 5) сделаны из плотной однородной глины и обожжены. Три «печати-амулета» вариантов 1.2, 1.2a и 1.3 (рис. 1, 4, 11a, 12a) изготовлены из плотного красновато-коричневато-каменья. Материал обломка печати с поверхности Илгынлы-депе (рис. 1, 12a), исследованный физико-химическими методами, был определен как гётит (Bonora et al. 2014: 67)⁵, хотя в описании и указано, что камень мягкий и легко поддается обработке (Ibid.). Однако твердость гётита составляет 5–6 баллов по шкале Мооса, и этот камень довольно хрупкий. В 2019 г. М. А. Кульковой были проведены специальные исследования ряда предметов из Алтын-депе периода ранней бронзы, изготовленных из такого же камня. На основании данных,

⁴ Обращает на себя внимание, что эта «печать-амулет» варианта 1.2a фактически вдвое меньше по размерам, чем все остальные.

⁵ Именно предварительная информация итальянских коллег об этом анализе послужила основанием для определения как гётита (?) материала целого ряда изделий периода ранней бронзы из Алтын-депе, изготовленных из такого же камня (Кирчо 2014: 63, сноска 3).

полученных методами микронзондового (SEMEDX) и валового геохимического (pXRF) анализов, камень был определен как железистый тальк (миннесотаит). Таким образом, можно полагать, что все три «печати-амулета» вариантов 1.2, 1.2a и 1.3 (из Саразма, Кара-депе и Илгынлы-депе) также изготовлены из мягкого железистого талька. Печать варианта 1.2 из беловатого материала, найденная на Кара-депе (рис. 1, б), была определена В. М. Массоном как изготовленная из гипса (Массон 1960 (1961): 458). Мы уже указывали, что при археологических исследованиях памятников Южного Туркменистана во второй половине XX в. к гипсовым или пастовым относили все небольшие изделия из беловатого материала (Кирчо, Ковнурко 1999: 78; 2003: 108). Поэтому для выяснения вопроса, из какого материала была изготовлена эта печать, необходимо проведение рентгенометрического анализа. Тем более что теперь такие анализы проводятся неразрушающими методами. Все три печати из Кара-депе находятся в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, и их изучение — одна из важных задач будущих исследований.

К сожалению, уже невозможно точно определить материалы, из которых были изготовлены печати, найденные на поселениях Геоксюрского оазиса, так как их местонахождение в настоящее время неизвестно. Судя по цветной фотографии, круглая «печать-амулет» варианта 1.4 и обломок предположительной печати варианта 1.2 (рис. 1, 7a и 9a) изготовлены из рыжевато-коричневого камня, возможно, железистого известняка, а бело-кремовое крестовидное изделие (рис. 1, 8a) — вероятно, из так называемого мраморовидного известняка (кальцита или мраморного оникса).

Техника изготовления. Все каменные «печати-амулеты» несут следы тщательной обработки — толщина использованной пластины камня в целом равномерная, задняя поверхность и боковые стороны зашлифованы. Отверстия и на каменных, и на терракотовых печатях выполнены односторонним сверлением в направлении от лицевой стороны изделия и затем чуть расширены с той же лицевой стороны. Разумеется, для более детального изучения техники изготовления необходимо провести специальное трасологическое изучение этих предметов, однако даже при визуальном осмотре обращает на себя внимание весьма своеобразная техника нанесения орнамента. Рельефный узор образован либо углубленными (прочерченными) прямыми или «ступенчатыми» линиями (рис. 1, ба), либо путем выборки материала из подтреугольных (реже — подпрямоугольных) в плане углублений, представляющих собой как бы пирамиду вершиной вниз. Интересно, что так же выполнен орнамент не только на каменных изделиях, но и на терракотовых «печатях-амулетах» (рис. 1, 5, 13). Такая обработка также подтверждает, что между обрабатываемым камнем и подсушенной глиной не было особой разницы в твердости.

Таким образом, в последние века III тыс. до н. э. в Средней Азии зарождается древняя глиптика, причем «печати-амулеты» со сложными орнаментами на основе мотива креста появляются сразу в выработанном, «стандартизированном» виде. Эта орнаментация имеет прототипы в раннегеоксюрской геометрической орнаментации расписной посуды (см. напр.: Берёзкин, Соловьёва 1998: рис. 16, 1, 2) или керамики типа Кара 1Б — раннего Кара 1А, орнаменты которой также прямо восходят к раннегеоксюрским. При этом изображение с центральным мотивом в виде «мальтийского» креста на «печати-амулете» времени позднего Намазга II/раннего Намазга III с Илгынлы-депе как бы передает часть горизонтального бордюра, украшавшего расписной сосуд (см. напр.: Сарианиди 1965: табл. IV, тип IIIГ, 1; Кирчо и др.

2008: рис. 20, тип IV, 7). Необходимо подчеркнуть и то, что сам тип «печати-амулета» с одним сквозным отверстием в верхней части изделия на памятниках Ирана, Афганистана и Белуджистана IV–III тыс. до н. э. неизвестен.

Тип. 2. «Печати-пуговицы»

Плоские «печати-пуговицы» (с двумя сквозными отверстиями в центре) появляются в Южном Туркменистане в самом конце периода позднего энеолита (около 2800-х гг. до н. э.), а изображения на их лицевой стороне продолжают традиции «печатей-амулетов» Кара-депе, Илгынлы-депе и Геоксюр 1. На Алтын-депе обломки двух таких подквадратных печатей (*вариант 2.2*) и круглая «печать-пуговица» (*вариант 2.4*) обнаружены в заполнении горизонта 9 раскопа 5 (рис. 1, 1–3). Однако наиболее широко «печати-пуговицы» были распространены в период ранней бронзы. В культурных слоях и погребении периодов Алтын 8–4 времени Намазга IV (около 2800/2700–2400/2300 гг. до н. э.) найдено девять «печатей-пуговиц», среди которых полностью преобладают подквадратные печати варианта 2.2 (рис. 2, 3–6, 9, 12, 14, 15). По размерам эти изделия несколько меньше, чем «печати-амулеты» варианта 1.2. Каменные «печати-пуговицы», представленные в обломках (рис. 2, 3, 9, 12), имели размеры примерно 3 × 3 см. Размеры же целых экземпляров не превышали 1,8–2,2 × 1,8–2,3 см (рис. 2, 4, 6, 14, 15). Единственный фрагмент крупной подквадратной «печати-пуговицы» (размерами, вероятно, около 4,4 × 4,4 см) принадлежал терракотовому изделию (рис. 1, 1) периода Алтын 9 (времени позднего Намазга III). Небольшой была и подпрямоугольная «печать-пуговица» *варианта 2.1* (1,8 × 1,35 см — рис. 2, 5). Круглые «печати-пуговицы» варианта 2.4 имели диаметр 2,8–2,9 см (рис. 1, 3; 2, 8). На Улуг-депе найдены три «печати-пуговицы» варианта 2.2 (рис. 2, 21–23), а «печать-пуговица» в виде «ступенчатого» ромба (*вариант 2.2б*) была обнаружена на Хапуз-депе (рис. 2, 16).

Материал. Подквадратные «печати-пуговицы» изготовлены преимущественно из камня, причем среди печатей Алтын-депе три были сделаны из миннесотаита (железистого талька) (рис. 2, 3, 6, 9), одна — из желтовато-розоватого кристаллического гипса (алебастра) (рис. 2, 4), а еще одна — предположительно из мягкой породы, подвергнутой упрочняющему обжигу (рис. 2, 12). Кроме того, в инвентаре погр. 843 периода Алтын 8 (начало ранней бронзы) находились две подквадратные «печати-пуговицы»: одна — из низкокачественного серебра (рис. 2, 14), а вторая — из кости (рис. 2, 15). Миниатюрная подпрямоугольная «печать-пуговица» (рис. 2, 5) была выполнена из лазурита, и, возможно, именно форма самого куска этого редкого камня и определила форму изделия. Круглые «печати-пуговицы» из Алтын-депе изготовлены из железистого талька (рис. 2, 8) и кости (рис. 1, 3). Из кости была сделана и печать с Хапуз-депе (рис. 2, 16). К сожалению, информация о породах камня, из которых выполнены подквадратные «печати-пуговицы» из Улуг-депе (рис. 2, 21–23), отсутствует.

Техника изготовления. Несмотря на то что для изготовления печатей использовали мягкие породы камня (алебастр, железистый тальк), легко поддающиеся пилению и шлифовке, орнаменты на лицевой поверхности чаще всего выполняли неглубоким точечным сверлением. Печать из Хапуз-депе вырезана из плоской кости и зашлифована (рис. 2, 16). Орнамент на терракотовые и костяные, а иногда и на каменные «печати-пуговицы» наносили резными линиями разной степени

Рис. 2. «Печати-пуговицы», «печати штампы» (1, 2, 10, 13, 17–20), заготовка печати (7) и отпечаток печати на глине (11) времени Намазга IV: 1–15 — Алтын-депе: 1–3 — период Алтын 4; 4 — период Алтын 5; 5, 6 — период Алтын 6; 7, 8 — период Алтын 7; 9–11, 13–15 — период Алтын 8; 12 — период ранней бронзы (1 — раскоп 9, горизонт 4, пом. 371 — погребальная камера; 2 — раскоп 5, погр. 627; 12 — траншея на «Холме стены»; 14, 15 — раскоп 5, погр. 843; остальное — раскоп 5, заполнение горизонтов 8–4); 16 — Хапуз-депе (по: Сарияниди 1964: рис. 15, 34); 17–23 — Улуг-депе (по: Терехова 1975: рис. 11). 1, 13 — медь; 2 — стеатит; 3, 6, 8, 9 — миннесотаит (железистый тальк); 4 — алебастр; 5 — лазурит; 7 — серпентин; 10, 17 — терракота; 11 — обожженная глина; 12 — обожженный камень (?); 14 — низкокачественное серебро; 15, 16 — кость; 18–23 — камень. 16–23 — без масштаба

Fig. 2. «Seals-buttons», «seals-stamps» (1, 2, 10, 13, 17–20), blank seal (7) and seal imprint in clay (11) of the Namazga IV time: 1–15 — Altyn-depe: 1–3 — Altyn 4 period; 4 — Altyn 5 period; 5, 6 — Altyn 6 period; 7, 8 — Altyn 7 period; 9–11, 13–15 — Altyn 8 period; 12 — Early Bronze Age (1 — excavation 9, horizon 4, room 371 — burial chamber; 2 — excavation 5, burial 627; 12 — trench on the «Hill of the Wall»; 14, 15 — excavation 5, burial 843; the rest — excavation 5, infill of horizons 8–4); 16 — Khapuz-depe (after Сарияниди 1964: fig. 15, 34); 17–23 — Ulug-depe (after Терехова 1975: fig. 11). 1, 13 — copper; 2 — steatite; 3, 6, 8, 9 — minnesotaite (iron talc); 4 — alabaster; 5 — lapis lazuli; 7 — serpentine; 10, 17 — terracotta; 11 — burnt clay; 12 — burnt stone (?); 14 — low quality silver; 15, 16 — bone; 18–23 — stone. 16–23 — not to scale

ширины и глубины (рис. 1, 1, 2; 2, 3, 12, 15, 16), а иногда — очень тонкими линиями, напоминающими гравировку (рис. 1, 3; 2, 5). Гравировкой выполнен и орнамент на серебряной «печати-пуговице» (рис. 2, 14), изготовленной холодной ковкой. В основе изображений лежат крестовидные, часто концентрически повторяющиеся, мотивы. Однако появляется и новый, так называемый Z-образный мотив (рис. 2, 6), также концентрически повторяющийся. Три подквадратные каменные «печати-пуговицы», обнаруженные на Улуг-депе периода ранней бронзы, имели двояковыпуклое сечение. На лицевой поверхности этих «печатей-пуговиц» представлены многократно повторяющиеся Z-образный мотив и мотив в виде прямого угла, выполненные неглубоким сверлением (рис. 2, 21, 22), а также концентрически повторяющееся изображение креста, переданное широкими углубленными линиями (рис. 2, 23). Интересно, что эта последняя печать имеет волнистые края. Такое же оформление краев имела «печать-штамп» из лазурита (Кирчо 2005: 408–409, рис. 24, 10), найденная на Алтын-депе в погребальном комплексе начала средней бронзы (времени раннего Намазга V). При этом, судя по разрезу «печати-пуговицы» из Улуг-депе, сверление отверстий в середине печати было двусторонним (рис. 2, 23). Такие особенности техники изготовления, возможно, свидетельствуют о более позднем времени производства этой печати, которая может относиться уже к началу среднего бронзового века. На Алтын-депе каменные «печати-пуговицы» продолжали бытовать и в период средней бронзы (Кирчо 2014: рис. 7, 1, 5; Массон 1981: табл. XVII, 2, 7), вплоть до прекращения жизни на поселении на рубеже III–II тыс. до н. э.

Тип 3. «Печати-штампы»

«Печати-штампы» с выделенным на тыльной стороне выступом-ушком и с проделанным в выступе поперечным отверстием для подвешивания зафиксированы уже в самом начале периода ранней бронзы. В культурных напластованиях периодов Алтын 8 и 7 (времени раннего Намазга IV, около 2800/2700–2600 гг. до н. э.) на раскопе 5 Алтын-депе представлены такие изделия двух основных форм: подквадратная «печать-штамп» (*вариант 3.2*) размерами около 2,3 × 2,2 см (рис. 2, 13) и округлая печать (*вариант 3.4*) диаметром около 3,1 см (рис. 2, 10), а также заготовка округлой «печати-штампа» размерами 3,1 × 3,0 × 1,0 см (рис. 2, 7). В инвентарь погр. 627 периода Алтын 4 (времени позднего Намазга IV, около 2400-х гг. до н. э.) входила каменная «печать-штамп» варианта 3.2 (рис. 2, 2) размерами 2,1 × 2,1 × 1,1 см. Периодом ранней бронзы датируются еще две подквадратные «печати-штампа» варианта 3.2 (рис. 2, 19, 20), «печать-штамп» в виде квадрата или, вернее, равно-стороннего ромба с несколько вогнутыми сторонами (*вариант 3.2a* — рис. 2, 17) и печать в виде «ступенчатого» ромба (*вариант 3.2б* — рис. 2, 18), найденные на Улуг-депе (Сарианиди 1976: 93; Терехова 1975: рис. 11). Размеры их, к сожалению, неизвестны. Наконец, в погребальной камере времени позднего Намазга IV (пом. 371 горизонта 4 раскопа 9 Алтын-депе) обнаружена крестовидная «печать-штамп» (*вариант 3.5*) размерами 3,2 × 3,2 × 1,5 см (рис. 2, 1).

Материал. «Печати-штампы» варианта 3.2 и печать в виде «ступенчатого» ромба, найденные на Улуг-депе (рис. 2, 18–20), изготовлены из камня (данные о породе камня отсутствуют), а печать варианта 3.2a (рис. 2, 17) — терракотовая. На Алтын-депе «печати-штампы» варианта 3.2 выполнены из меди (рис. 2, 13) и темно-серого

стеатита (рис. 2, 2). Круглая печать варианта 3.4 (рис. 2, 10) — терракотовая, а заготовка округлой печати (рис. 2, 7) изготовлена из серо-зеленого серпентина. Наконеч, крестовидная печать (рис. 2, 1) была отлита из меди.

Техника изготовления. Заготовки для каменных «печатей-штампов», как и для «печатей-пуговиц», получены путем пиления, а для круглых печатей, вероятно, в результате полого сверления. Судя по усеченно-коническому профилю заготовки печати из серпентина и печати из стеатита, дальнейшая обработка для оформления выступа на тыльной стороне «печатей-штампов» велась шлифовкой. Поперечные отверстия для подвешивания в ручках-выступах каменных и терракотовых печатей просверлены. Шлифовкой намечена также прямая полоса на лицевой стороне заготовки печати из серпентина (рис. 2, 7). Изображения на лицевой стороне всех остальных каменных печатей выполнены неглубоким точечным сверлением, на терракотовых печатях — прочерченными линиями (рис. 2, 10) или врезанными ступенчатыми фигурами (рис. 2, 17), а на самой ранней медной «печати-штампе» — гравированными линиями в сочетании с «кружковыми» мотивами, сделанными неглубоким полым или, возможно, циркульным сверлом (рис. 2, 13). В центре композиции изображений на печатях находится прямой или косой крест (рис. 2, 2, 10, 20), а у терракотовой с Улуг-депе — «ступенчатый» ромб (рис. 2, 17). На подквадратной медной печати в середине изображения помещен круг с точкой в центре, который сочетается с линейным прямым крестом (рис. 2, 13). По технике изготовления от всех остальных печатей периода ранней бронзы принципиально отличается медная крестовидная печать варианта 3.5 периода Алтын 4. Эта «печать-штамп» с высоким рельефным изображением отлита по утрачиваемой восковой модели (рис. 2, 1). Такая технология широко распространяется уже в период средней бронзы и является одной из самых характерных черт культурного комплекса времени Намазга V (около 2350–2000/1900 гг. до н. э.) Южного Туркменистана. Интересно, однако, что при отливке этой самой ранней медной крестовидной печати на ее тыльной стороне был сформован довольно высокий конический выступ, в котором, вероятно уже после отливки, было просверлено поперечное сквозное отверстие. Эта деталь, повторяющая технологию изготовления каменных и терракотовых «печатей-штампов», отличает эту медную печать от металлических печатей периода средней бронзы, на тыльной стороне которых уже в процессе создания утрачиваемой восковой модели формировали специальную ручку-петельку (Терехова 1975: 112). Однако сама форма печати в виде креста с расширяющимися наружу концами, перегородчатая техника исполнения орнамента на лицевой поверхности и размещенные в центре печати и внутри выступающих концов изображения косых зигзагов находят ближайшие аналогии уже среди «печатей-штампов» среднего бронзового века (см. напр.: Кирчо 2005: рис. 24, 6–8, 11, 12).

Оттиски печатей

Об использовании «печатей-пуговиц» и «печатей-штампов» в функции собственно печатей свидетельствуют обломки глиняных булл — 10 комков глины с оттисками печатей, обнаруженные в 10–8 горизонтах раскопа 5 Алтын-депе (рис. 2, 11; 3). Все оттиски связаны с культурными напластованиями вокруг основания зернохранилища периода Алтын 9 (Кирчо и др. 2008: 44, 104, рис. 16, табл. 166),

а их частичное перемещение в мусорные слои горизонта 10 и в заполнение двухкамерной печи горизонта 8 отражает, скорее всего, процесс формирования древнего культурного слоя. Оттиски нанесены на глиняные конусы или плосковыпуклые лепешки. Судя по отпечаткам на их обратной стороне и участках разлома, конусообразные комки сырой глины прилепляли на узел веревки, обвязывавшей горловину сосуда или мешка, либо на плоскую поверхность (дверь?) и после этого на наружную сторону наносили несколько отпечатков одной и той же печати (рис. 3, 4, 6, 8). Необоженный комок глины с оттиском цилиндрической печати (рис. 3, 3) формы буллы не сохранил. Кроме того, на раскопе 1 Алтын-депе в горизонте 11/12 времени среднего Намазга III (около 3000-х гг. до н. э.) было найдено округлое плосковыпуклое глиняное изделие, на плоской стороне которого прочерчен концентрически повторяющийся крестовидный мотив (Кирчо и др. 2008: табл. 12Б, 17), полностью аналогичный изображениям на костяной «печати-пуговице» (рис. 1, 3) и терракотовой «печати-штампе» (рис. 2, 10). Предположительно, это глиняное изделие являлось заготовкой «печати-штампа».

Судя по оттискам (рис. 3, 2, 4, 5а, 7, 9), каменные и металлические «печати-штампы» изготавливали уже по крайней мере в конце периода позднего энеолита.

Заключение

За пределами Южного Туркменистана самая ранняя прямоугольная каменная «печать-амулет» с бессистемно высверленными круглыми углублениями и тремя дырочками в центре обнаружена в комплексе Мергар IV (середина IV тыс. до н. э.) в Северном Белуджистане (Jarrige, Lechevalier 1979: 498, fig. 21). Круглые и подквадратные каменные «печати-пуговицы» конца IV — первых веков III тыс. до н. э. найдены в горизонтах II,2–III,4–6 поселения Мундигак в Южном Афганистане (Casal 1961: 256, pl. XLV, A, 2–6) и в северобелуджистанских комплексах Мергар V–VII (Les cités oubliées de l'Indus... 1988: 98–100, figs. 71–73, 75–82). «Печати-пуговицы» из стеатита разнообразных форм с двумя (иногда четырьмя) сквозными отверстиями и высверленными или резными геометрическими мотивами широко представлены на Шахри-Сохте периода II (вторая четверть III тыс. до н. э. — Vidale, Lazzari 2010: 15–22, 310–311). При этом оттиски аналогичной плоской печати найдены еще в материалах Шахри-Сохте фазы 8 конца периода I (Amiet et al. 1978: 26, fig. 24). Во второй половине III тыс. до н. э. на Среднем Востоке начинают преобладать терракотовые, каменные и, главным образом, металлические «печати-штампы».

Таким образом, если южнотуркменистанские каменные и терракотовые «печати-амулеты» конца IV тыс. до н. э. фактически уникальны, то появление в первой четверти III тыс. до н. э. «печатей-пуговиц» и «печатей-штампов», вероятно, отражает активизацию культурных и торгово-обменных взаимодействий населения юга-запада Средней Азии и формирующихся крупных центров Среднего Востока. Дальнейшее развитие глиптики в период становления протогородской цивилизации в Южном Туркменистане было обусловлено, вероятно, как развитием технологии обработки камня и металла, так и изменениями внутри общества, связанными с началом дифференциации производства, выделением специализированных групп населения и, возможно, проявлением серьезного имущественного расслоения. Эти процессы нашли свое отражение, в частности, в расцвете художественной глиптики в среднем бронзовом веке.

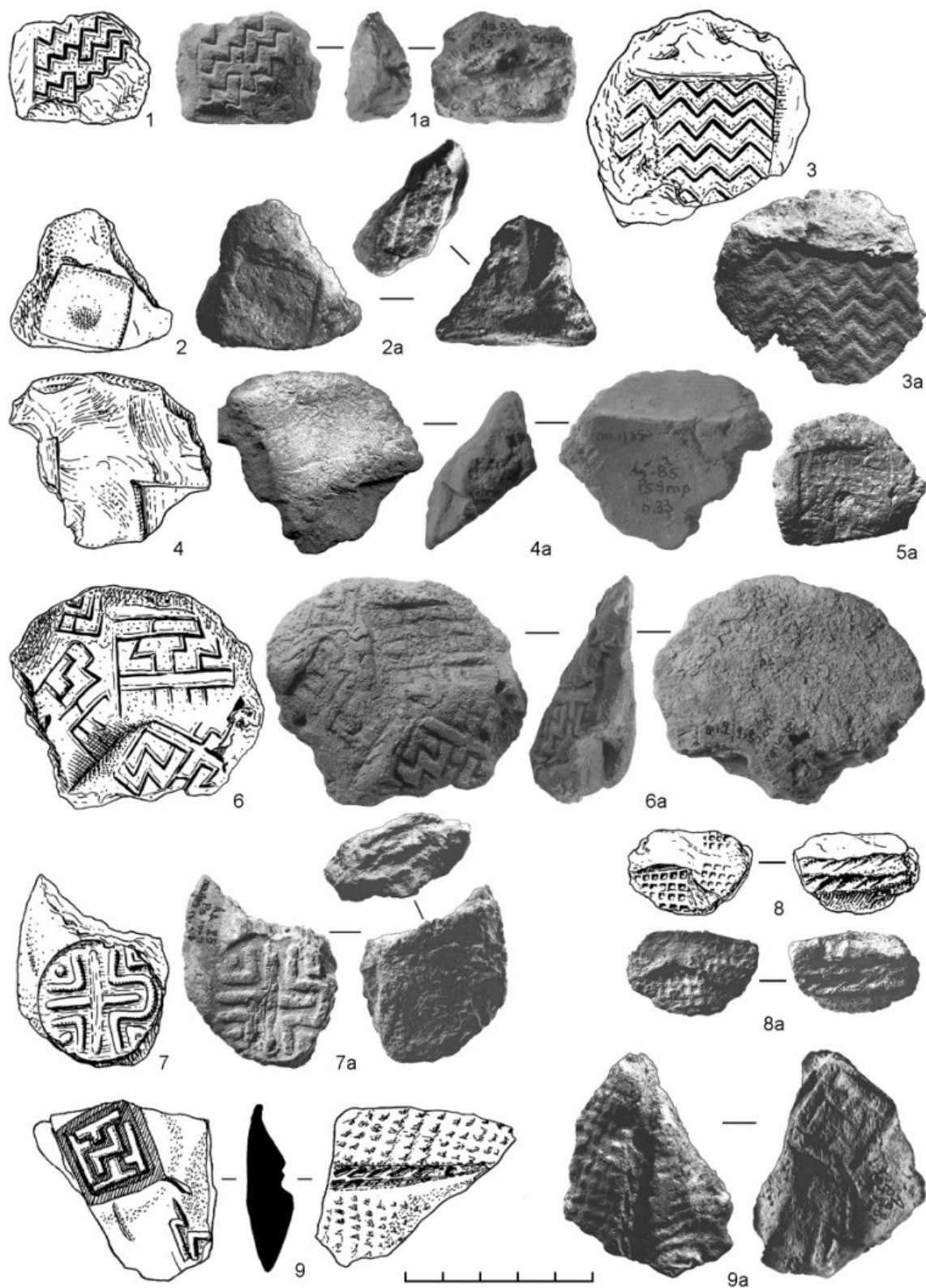

Рис. 3. Алтын-депе, раскоп 5, оттиски печатей времени позднего Намазга III: 1-7 — период Алтын 9; 8, 9 — период Алтын 10

Fig. 3. Altyn-depe, excavation 5, imprints of seals of the late Namazga III time: 1-7 — Altyn 9 period; 8, 9 — Altyn 10 period

Литература и источники

- Берёзкин, Соловьёва 1998 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Парадные помещения Илгын-дыпе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Кирчо 1990 — *Кирчо Л. Б.* Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. 1990. № 3. С. 176–183.
- Кирчо 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Массон В. М., Берёзкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Кирчо 2014 — *Кирчо Л. Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб.: ИИМК РАН, Арт-Экспресс, 2014. С. 62–85 (Тр. ИИМК РАН. Т. 42).
- Кирчо, Ковнурко 1999 — *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии // АВ. 1999. № 6. С. 76–85.
- Кирчо, Ковнурко 2003 — *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Престижно-культурные предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // АВ. 2003. № 10. С. 108–113.
- Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).
- Массон 1960 (1961) — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (1961). Т. 10. С. 319–463.
- Массон 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 18).
- Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Массон В. М., Мерперт Н. Я. (отв. ред.). Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 9–92 (Археология СССР).
- Раззоков и др. 2006 — *Раззоков А. Р., Каримова Г. Р., Курбанов Ш., Бобомуллоев С.* Саразм. Душанбе: Эчод, 2006. 96 с.
- Сарианиди 1964 — *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. Б3-8, ч. 4).
- Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Массон В. М., Атагардые Е. (ред.). Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.
- Терехова 1975 — *Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Дис. ... канд. ист. наук // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 2. № 2199.
- Amiet et al. 1978 — *Amiet P., Tosi M., Meriggi P.* Phase 10 at Shahr-i Sokhta: Excavations in square XDV and the late 4th millennium B. C. Assemblage of Sistan // East and West. 1978. Vol. 28, nos. 1–4. P. 9–31.

- Bonora et al. 2014 — *Bonora G. L., Vidale M., Mariottini M., Guida G.* On the use of tokens and seals along the Kopet Dagh piedmont, Turkmenistan (ca 6000–3000 BCE) // *Paléorient*. 2014. Vol. 40.1. P. 55–71.
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961. Vol. 1–2. 260 p., 140 figs. et 45 pls. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Jarrige, Lechevalier 1979 — *Jarrige J.-F., Lechevalier M.* Excavations at Mehragr, Baluchistan: Their significance in the Prehistorical context of the Indo-Pakistan borderlands // *South Asian Archaeology 1977*. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. Vol. 1. P. 463–535.
- Les cités oubliées de l'Indus... — Les cités oubliées de l'Indus. *Archeologie du Pakistan / Jarrige J.-F.* (ed.). Paris: Association Française d'Action Artistique, 1988. 208 p.
- Masson, Sarianidi 1972 — *Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London: Thames & Hudson, 1972. 219 p. (Ancient Peoples and Places).
- Vidale, Lazzari 2010 — *Vidale M., Lazzari A.* Seals and seals impressions from Shahr-I Sokhta (Sistan, Iran), 3rd Millenium BC // *Parpola A., Pande B. M., Koskikallio P.* (eds.). *Corpus of Indus Seals and Inscriptions*. Vol. 3: New material, untraced objects, and collections outside India and Pakistan. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2010. Pt. 2. P. XIII–XVI, 1–50, 308–316.

НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.2757; О.3515.

OLDEST SEALS OF CENTRAL ASIA (TYPOLOGY, MATERIAL, MANUFACTURING TECHNOLOGY)

L. B. KIRCHO

Keywords: *Central Asia, South Turkmenistan, Ylgynly-depe, Kara-depe, Geoksyur 1, Altyn-depe, Ulug-depe, Late Eneolithic, Early Bronze Age, «seals-amulets», «seals-buttons», «seals-stamps».*

The paper deals with systematization of the oldest Central Asian seals that were found at the late Middle Eneolithic — Early Bronze Age settlements of South Turkmenistan. Stone and terracotta flat «seals-amulets» (with a hole in the upper part — fig. 1, 4–13) are characteristic of the Late Eneolithic (Namazga III period, ca. 3150–2800/2700 BC). Images on the front sides of these objects are made by incised lines and/or pyramidal depressions forming cruciform «stepped» patterns. Such «seals-amulets» are known exclusively from Central Asian sites. Flat «seals-buttons» (with two holes in the center) made of clay and bone appear at the very end of the Late Eneolithic (ca. 2800s BC). As is evidenced by the stratigraphy of Altyn-depe, the stone seals of this type are mainly characteristic of the Early Bronze Age (Namazga IV period, ca. 2800/2700–2400/2300 BC). Images on the front sides of «seals-buttons» are made by both incising/engraving (fig. 1, 1–3; 3, 3, 5, 10, 12, 14, 15, 23) and shallow spot drilling (fig. 2, 4, 6–9, 21, 22). «Seals-stamps» (with a suspension eye on the rear side) of terracotta and copper date from the beginning of Early Bronze Age. They bear patterns of drawn lines (fig. 2, 10) or lines combining with circles made by a hollow drill (fig. 2, 11, 13). However, judging by the imprints (fig. 3, 2, 4, 7, 9), the earliest «seals-stamps» were manufactured as early as the end of the Late Eneolithic. Metal «seals-stamps» with high embossed images made in the lost-mould casting technique appear at the very end of the Early Bronze Age (fig. 2, 1) and are characteristic of the Middle Bronze Age (Namazga V period, ca. 2350–2000/1900s BC).

КАМЕННЫЕ КРЕСТОВИДНЫЕ БУСИНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА (К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ КУЛЬТУРЫ ЗАМАНБАБА)¹

В. А. АЛЁКШИН²

Ключевые слова: *Центральная Азия, Южный Туркменистан, Южный Узбекистан, Юго-Западный Таджикистан, Северо-Западный Афганистан, бронзовый век, культура Заманбаба, каменные крестовидные бусины, Фархор, Алтын-депе, Тепе Гиссар, Пархай II.*

При раскопках одного из памятников культуры Заманбаба — одноименного могильника в древней дельте Зеравшана (бронзовый век Южного Узбекистана) — найдено 10 каменных крестовидных бусин. Я полагаю, что центр производства этих изделий возник в конце первой четверти III тыс. до н. э. в Северо-Западном Афганистане, откуда они в это же время попали на юг Афганистана (Мундигака) и в Юго-Западный Таджикистан (Фархор). Обнаружение таких поделок в областях Среднего Востока, лежащих южнее и юго-восточнее Мундигака (Южный Афганистан), не прослеживается. В западных (Тепе Гиссар) и юго-западных (Сузы) регионах Среднего Востока находки этих бусин или их реплик единичны. Вывоз рассматриваемых изделий из Северо-Западного Афганистана был направлен в основном в северо-западные (Алтын-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе, Пархай II), северные (Заманбаба) и северо-восточные (Фархор) регионы Центральной Азии. Отдельные экземпляры таких изделий, вероятно, вследствие многоступенчатого обмена достигали территорий, весьма отдаленных от стран Востока, что подтверждается обнаружением аналогичных артефактов при раскопках могильника одиновской культуры Сопка-2/4А в Юго-Западной Сибири, который, возможно, датируется второй четвертью III тыс. до н. э. Время существования каменных крестовидных бусин в Центральной Азии охватывает широкий диапазон от конца первой четверти III тыс. до н. э. до конца первой четверти II тыс. до н. э. Поэтому их нельзя рассматривать как вещи, датирующие культуру Заманбаба в узких хронологических рамках.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-37-51

В начале 1950-х и в первой половине 1960-х гг. сотрудники Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР при

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

обследовании южных районов центральной части республики обнаружили вблизи Гуджайли, высохшего русла одной из протоков древней дельты Зеравшана, три археологических объекта. Речь идет о находящемся на северном берегу проточного оз. Заманбаба одноименном могильнике, который был раскопан в течение пяти полевых сезонов (1950, 1951, 1953, 1961, 1964 гг.), а также о двух поселениях, причем одно из них (Заманбаба 1), изученное в 1961 и 1964 гг., расположено в 0,5 км к В от оз. Заманбаба, а другое (Заманбаба 2), обследованное в 1964 г., — в 6–7 км к З от него же. Анализ археологических материалов, добытых в результате раскопок этих памятников, позволил узбекским специалистам выделить культуру Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 117–170), ареал которой в бронзовом веке, вероятно, охватывал низовья Зеравшана. Носители этой культуры занимались земледелием и скотоводством, причем последнее, видимо, преобладало, так как полевые изыскания на обоих поселениях не зафиксировали бесспорных свидетельств прочной оседлости обитавшего здесь населения.

Вероятно, жители древней дельты Зеравшана являлись частью многочисленной общности, которую составляли племена так называемой степной бронзы. Комплексы артефактов, характеризующие культуру Заманбаба, свидетельствуют о том, что обитатели здешних мест воспринимали культурные импульсы как от кочевников, населявших в бронзовом веке евразийские степи, так и от земледельцев, издавна освоивших оазисы на юге Центральной Азии. Действительно, информация, полученная в процессе изучения заманбабинских памятников, указывает на то, что часть их керамического комплекса и ряд деталей погребального обряда могильника восходят к традициям пастушеских культур степной бронзы, тогда как некоторые артефакты — украшения (каменные крестовидные бусины), предметы туалета (металлические зеркала, косметические стержни с навершием в виде лопаточки и каплевидным утолщением на конце), бытовые изделия (миниатюрные терракотовые и каменные «навершия»), а также предмет культа (терракотовая статуэтка) — аналогичны вещам, изготовленным в южных областях, где процветало земледельческое хозяйство (Алёкшин 2010а: 80; Гулямов и др. 1966: 142–166; Кузьмина 1958: 33; 1968: 303–305; 2008: 45; 2010: 77–78; Латынин 1958: 52; Мандельштам 1972: 8–9; Массон 1966).

Впрочем, некоторые исследователи не исключали вероятности того, что люди, оставившие памятники культуры Заманбаба, являлись потомками рыболовов и охотников, носителей поздней кельтеминарской культуры, которые, восприняв многие традиции хозяйства и быта пастушеских племен севера и земледельческого населения юга, кардинальным образом трансформировали общий уклад своей жизни (Гулямов и др. 1966: 167–170; Массон 1966: 212; Итина 1970: 49; Мандельштам 1972: 8; Алёкшин 1986: 99; 1989: 154; Виноградов 1986: 73). Однако есть и противники такой точки зрения (Кутимов 2005: 194–195, 204). И все же известные к настоящему времени комплексы заманбабинской культуры не позволяют, как справедливо отметил В. М. Массон (2006: 83), проследить в деталях процесс ее становления.

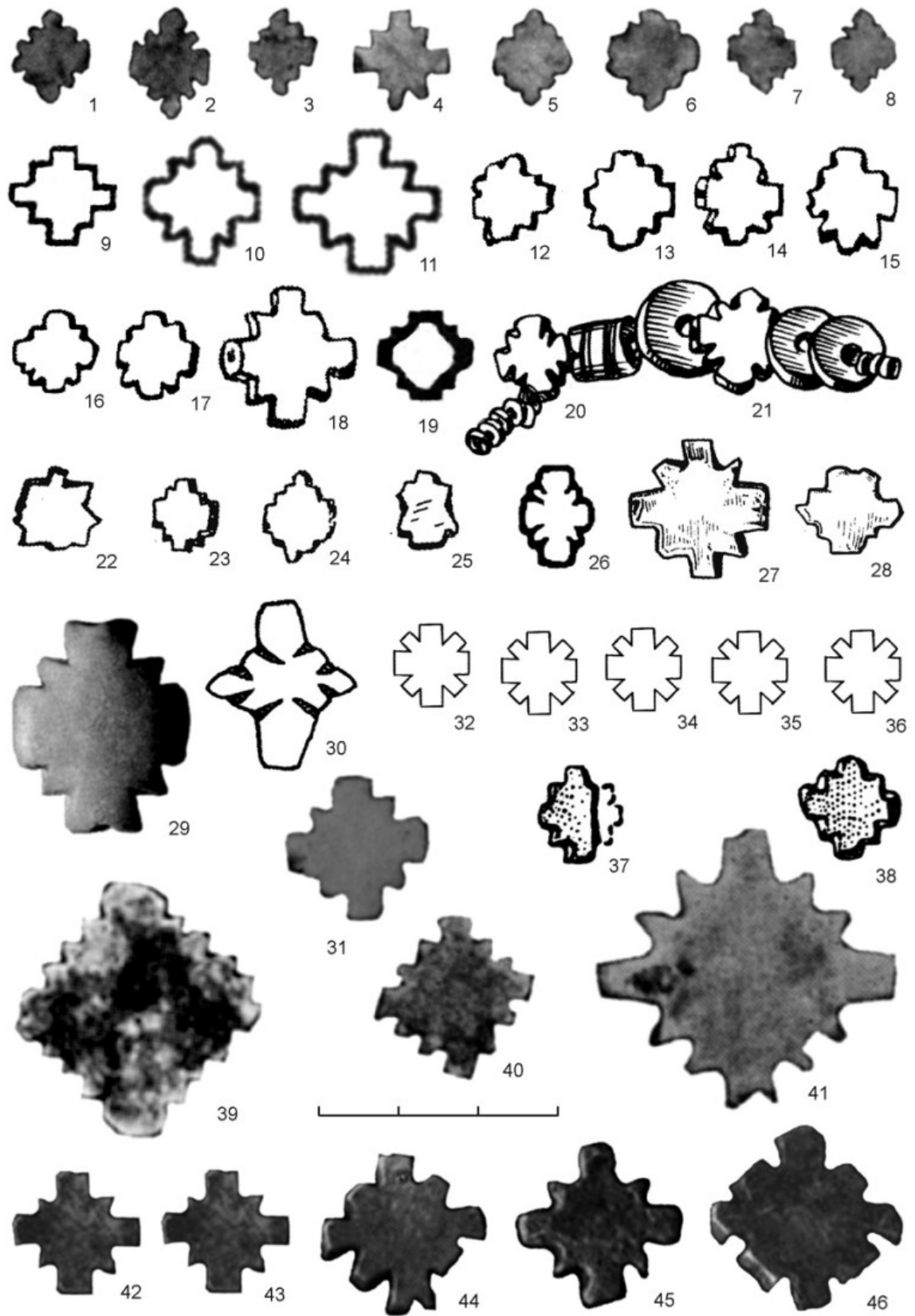
Гораздо больше данных имеется для установления времени существования рассматриваемого культурного единства. В одной из моих работ изложены суждения различных исследователей по этому вопросу (Алёкшин 2010а: 80–81). Впрочем, большинство предложенных ими датировок едва ли можно признать удовлетворительными. Одни из них предлагают слишком широкие временные рамки

для существования археологической культуры в бронзовом веке, синхронизируя культуру Заманбаба или с поздними отложениями слоя Намазга IV — ранними напластованиями слоя Намазга VI (Гулямов и др. 1966: 163–166) либо с отложениями слоев Намазга IV — Намазга V (Алёкшин 1986: 98; 1989: 153; Кузьмина 2010: 77–78), или с поздними напластованиями слоя Намазга IV — отложениями слоя Намазга V (Массон 1957: 48; 1959: 113; 2006: 82; Баратов 2010: 46). Другие подразумевают, что культура Заманбаба существовала одновременно с культурами андроновского круга, что противоречит типологии артефактов, свойственных степным культурам бронзового века. Исходя из классификации найденных в комплексах культуры Заманбаба вещей, ее нужно относить к доандроновскому времени (Итина 1970: 50; Алёкшин 1989: 153; Кузьмина 2010: 77–78). Следовательно, она не может быть синхронна ни ранним отложениям слоя Намазга VI (Аскарлов 1981: 105–107), ни его поздним напластованиям (Пьянкова 1989: 61, прим. 5; Хлопин 1983: 70), ни поздним отложениям слоя Намазга VI / ранним напластованиям слоя Яз I (Сарианиди 1979: 24–25). Узкие хронологические рамки этого культурного образования предложены лишь в трех работах Е. Е. Кузьминой. Речь идет о предполагаемой одновременности культуры Заманбаба отложениям слоя Намазга V (1958: 33; 2008: 45–46) либо поздним напластованиям слоя Намазга IV — ранним отложениям слоя Намазга V (Кузьмина 1968: 306).

Итоги проведенных исследований говорят о том, что достоверный ответ на вопрос, как датировать культуру Заманбаба, еще не получен. Чтобы окончательно решить эту задачу, нужно определить время бытования характерных для этой культуры категорий археологического материала, а затем определить время ее существования, ориентируясь на самый узкий из полученных хронологических интервалов. Начало такой работе было положено статьей Ю. Г. Кутимова, посвященной связям носителей культуры Заманбаба с пастушескими племенами степной зоны Евразии. В ней автор синхронизировал рассматриваемое культурное единство с поздним ямным периодом, который по калиброванным радиоуглеродным датам относится к середине III тыс. до н. э. (Кутимов 2005: 194, 196, 197, 203–205).

Датирование некоторых артефактов культуры Заманбаба, имеющих южное «земледельческое» происхождение, рассмотрено также в трех моих статьях. Прежде всего упомяну работу о металлических косметических стержнях с навершием в виде лопаточки (Алёкшин 2010б) и публикацию о терракотовых и каменных навершиях булавок (Алёкшин 2011). Целые экземпляры таких изделий обнаружены при исследовании могильника Заманбаба, однако в Центральной Азии они существовали в течение слишком длительного времени (вторая четверть III тыс. до н. э. — первая четверть II тыс. до н. э.), и поэтому ни те, ни другие не могут быть использованы для определения хронологии культуры Заманбаба. Еще в одной моей статье детально рассмотрена плоская терракота, обнаруженная в погр. № 2 анализируемого могильника. Хотя она изображает человеческое существо без признаков пола, специалисты единодушны в том, что эта фигурка передает женский образ. Они считают, что население, оставившее могильник Заманбаба, заимствовало традицию изготовления женских статуэток из земледельческих оазисов Центральной Азии. Сравнение данной терракоты с изделиями корoplastики, обнаруженными при полевых изысканиях в древнеземледельческих оазисах Южного Туркменистана и Северо-Западного Таджикистана, позволило сделать вывод о том, что

упомянутая фигурка синхронна женским статуэткам, найденным в поздних отложениях слоя Намазга IV в Южном Туркменистане (Алёкшин 2010а).

Каменные бусины в форме ступенчатого креста, найденные в результате раскопок кладбища Заманбаба, также имели южное «земледельческое» происхождение. Данные артефакты были обнаружены в четырех захоронениях этого памятника, причем в погр. № 21 и № 22 зафиксировано по одному экземпляру таких украшений (рис. 1, 18–19), в погр. № 24 выявлены две аналогичные бусины (рис. 1, 20–21), а в погр. № 5 — шесть подобных изделий (рис. 1, 12–17) (Гулямов и др. 1966: 121, 124–125, 154, рис. 48, 6, табл. ХХА, 9, 11, ХХБ, 13, 22). К сожалению, пол и возраст людей, погребенных в указанных могилах, определить не удалось.

До недавнего времени при исследовании древнеземледельческих памятников бронзового века на юге Центральной Азии идентичные поделки находили редко.

Первые артефакты такого рода, выполненные из гипса, были зафиксированы при изучении поселения Улуг-депе, в захоронениях, одновременных напластованиям слоя Намазга IV (Сарианиди 1982: 84–85). К сожалению, эти бусины никогда не были опубликованы. Неизвестно ни их количество, ни их нынешнее местонахождение. Лишь в одной работе упомянуто о находке 23 крестовидных глиняных бус в могиле № 17, обнаруженной в напластованиях слоя Намазга IV (Бендесу-Суармьенто 2010: 530, табл. 1).

Рис. 1. Крестовидные каменные бусины (1–25, 27–28, 31–46) и их реплики (26, 29–30) бронзового века Центральной Азии, Юго-Западной Сибири и Среднего Востока: 1–11 — Фархор, Юго-Западный Таджикистан (по: Приложение 1... 2017: 132, *средний ряд, справа*; 134, *верхний ряд, справа; средний ряд, слева*; Bobomulloev et al. 2017: fig. 26, 3; 27, 4); 12–21 — Заманбаба, Южный Узбекистан (по: Гулямов и др. 1966: табл. ХХА, 11, 9; ХХБ, 22, 13); 22–25 — Сопка-2/4А, Юго-Западная Сибирь (по: Молодин 2012: рис. 228); 26 — Хапуз-депе, Юго-Восточный Туркменистан (по: Сарианиди 1964: рис. 15, 25); 27, 28 — Алтын-депе, Юго-Восточный Туркменистан (по: Кирчо 2005а: табл. 19, 1₂); 29, 30 — Тепе Гиссар, Северо-Восточный Иран (по: Schmidt 1937: fig. 135, H 2388; pl. LXVIII, H 2426); 31 — Сузы, Юго-Западный Иран (по: Amiet 1988: fig. 8, *вверху, в центре*); 32–36 — Мундигак, Южный Афганистан (по: Casal 1961: vol. 2, fig. 138, 14); 37, 38 — Пархай II, Юго-Западный Туркменистан (по: Хлопин 2002: табл. 94, 4); 39–46 — разграбленные могильники бронзового века Северо-Западного Афганистана (по: Сарианиди 1979: рис. 1, *внизу*; Amiet 1977: fig. 12). 1–4, 27, 28, 39–41 — гипс; 5–8 — алебастр; 10, 11, 31–36, 42–46 — известняк; 9, 30 — паста; 12–21 — каолин или искусственный камень, в двух случаях бирюза; 29 — бирюза; 37, 38 — кальцит; 22–26 — материал не указан; 26, 42–46 — без масштаба

Fig. 1. Cross-shaped stone beads (1–25, 27–28, 31–46) and their replicas (26, 29–30) from the Bronze Age of Central Asia, Southwestern Siberia and Middle East: 1–11 — Farkhor, Southwestern Tajikistan (after Appendix 1... 2017: 132, *middle row, on the right*; 134, *upper row, on the right; middle row, on the left*; Bobomulloev et al. 2017: fig. 26, 3; 27, 4); 12–21 — Zamanbaba, South Uzbekistan (after Гулямов и др. 1966: table ХХА, 11, 9; ХХБ, 22, 13); 22–25 — Sopka-2/4A, Southwestern Siberia (after Молодин 2012: fig. 228); 26 — Kharuz-depe, Southeastern Turkmenistan (after Сарианиди 1964: fig. 15, 25); 27, 28 — Altyn-depe, Southeastern Turkmenistan (after Кирчо 2005a: table 19, 1₂); 29, 30 — Tepe Hissar, Northeastern Iran (after Schmidt 1937: fig. 135, H 2388; pl. LXVIII, H 2426); 31 — Susa, Southwestern Iran (after Amiet 1988: fig. 8, *on top, in the center*); 32–36 — Mundigak, South Afghanistan (after Casal 1961: vol. 2, fig. 138, 14); 37, 38 — Parkhai II, Southwestern Tajikistan (after Хлопин 2002: table 94, 4); 39–46 — looted Bronze Age cemeteries of Northwestern Afghanistan (after Сарианиди 1979: fig. 1, *bottom*; Amiet 1977: fig. 12). 1–4, 27, 28, 39–41 — gypsum; 5–8 — alabaster; 10, 11, 31–36, 42–46 — limestone; 9, 30 — paste; 12–21 — kaolin or artificial stone, in two instances — turquoise; 29 — turquoise; 37, 38 — calcite; 22–26 — unspecified material; 26, 42–46 — not to scale

Два аналогичных изделия (рис. 1, 27–28) были открыты в результате раскопок поселения Алтын-депе, в погребении ребенка № 41, связанном со строительным горизонтом Алтын 0, который совпадает по времени с поздними отложениями слоя Намазга V. Обе крестовидные поделки являлись частью ожерелья из 19 гипсовых («фаянсовых») изделий, найденных в районе шеи умершего (Алёкшин, Кирчо 2005: 17; Кирчо 2005а: табл. 19, 1z; 2005в: 388, рис. 21, 37; 391, рис. 22, тип ШБ'2; 393).

Еще два подобных артефакта из кальцита были обнаружены при исследовании могильника Пархай II, в камере № 45 (рис. 1, 37–38). В этом захоронении зафиксированы останки мужчины и женщины, а крестовидные бусины входили в состав ожерелья, насчитывавшего еще 34 пастовых («фаянсовых») изделия. Ожерелье выявлено на шее и плечах похороненной женщины (Хлопин 2002: 63, 294, табл. 94, 4). Камера № 45 относится к периоду ЮЗТ II, датирование которого требует отдельного исследования. Здесь лишь отмечу, что в наборе погребального инвентаря камеры № 262 этого же периода представлены вещи, имеющие параллели в археологических материалах, которые открыты на поселении Тепе Гиссар (Северо-Восточный Иран) в напластованиях слоя ШС и на памятниках Мургабского оазиса (Южный Туркменистан), в частности, на поселении Таип 1. На последнем памятнике упомянутые вещи встречены в отложениях, которые одновременны второму керамическому комплексу этого поселения. Указанные напластования Тепе Гиссар и Таипа, вероятно, относятся к отложениям, переходным от слоя Намазга V к слою Намазга VI, или уже к ранним напластованиям слоя Намазга VI. Итак, находки рассматриваемых крестовидных поделок на центральноазиатских памятниках, локализованных к юго-западу от могильника Заманбаба, единичны, причем все они располагаются на территории нынешнего Туркменистана: Улуг-депе и Алтын-депе — на его юго-востоке, а Пархай II — на его юго-западе.

Такая же ситуация характерна и для памятников бронзового века, лежащих в западных областях Среднего Востока. Единственный идентичный артефакт, выполненный из известняка (рис. 1, 31), обнаружен в Сузах (Юго-Западный Иран) и входил в состав ожерелья из разнообразных каолиновых и стеатитовых бусин. Украшение связано с напластованиями периода Сузы IV, который относится к аккадскому времени — 2350–2150 гг. до н. э. (Козырева 2016: 125, прим. 19; Amiet 1986: 144, 146, 147, 283, fig. 97, 3, *верхний ряд, справа*; 284, fig. 100, *внизу*; 1988: 134, fig. 8, *вверху, в центре*), одновременному ранним отложениям слоя Намазга V в Южном Туркменистане.

В областях, лежащих к юго-востоку от могильника Заманбаба, количество рассматриваемых изделий как в Центральной Азии, так и на Среднем Востоке значительно возрастает. Для Центральной Азии, например, численность таких поделок увеличивается в три с половиной раза. Речь идет о вновь выявленных крестовидных артефактах, которые были зафиксированы в ходе полевых изысканий на раскопах 6 и 6А могильника Фархор (Bobomulloev et al. 2017: 89, fig. 2; 99, fig. 12) в Юго-Западном Таджикистане. Эти бусины открыты в составе погребального инвентаря четырех захоронений (№ 16³, 18, 34, 35). В могиле № 16 пять гипсовых крестовидных изделий (рис. 1, 1–4) найдено возле ног ребенка или подростка (Там же:

³ В публикации таджикских археологов эти поделки ошибочно отнесены к захоронению № 17 (Приложение 1... 2017: 132, *средний ряд, справа*).

45–46, 64, рис. 9Б, 3; Приложение 1... 2017: 132, *средний ряд, справа*). В погр. № 18 анализируемые поделки из алебастра в количестве 41 экз. (рис. 1, 5–8) обнаружены на щиколотках захороненной здесь женщины 40–50 л. (Бобомуллоев и др. 2017: 46–47, 66, рис. 11, 3а; Bobomulloev et al. 2017: 72, 102, fig. 16, 3а; Приложение 1... 2017: 134, *верхний ряд, справа*). В могиле № 34 на груди женщины 20–30 л. зафиксирован аналогичный пастовый крестовидный артефакт (рис. 1, 9) (Bobomulloev et al. 2017: 74, 113, fig. 26, 3). В погр. № 35, где были выявлены останки индивида 20–30 л., открыто семь подобных бусин из известняка (рис. 1, 10–11) (Ibid: 74–75, 114, fig. 27, 4). Следует отметить, что в погр. № 18 кроме крестовидных бусин был помещен так называемый каменный светильник (рис. 2, 1) (Бобомуллоев и др. 2017: 66, рис. 11, 3а; Bobomulloev et al. 2017: 102, fig. 16, 3а; Приложение 1... 2017: 134, *средний ряд, справа*)⁴, типологически очень близкий артефакту, найденному на поселении Алтын-депе (Юго-Восточный Туркменистан) в погребении № 828 (рис. 2, 2), которое синхронно строительному горизонту Алтын 8, самому раннему напластованию слоя Намазга IV (Алёкшин, Кирчо 2005: 69; Кирчо 2005а: табл. 132А, 2; 2005б: 333, 343, табл. XIX). Поскольку рассмотренные захоронения Фархора, содержащие идентичные крестовидные изделия, концентрируются, не перекрывая друг друга, в южной части раскопов 6 и 6А (Bobomulloev et al. 2017: 99, fig. 12), полагаю, что все эти могилы относятся к одному времени, синхронному ранним отложениям слоя Намазга IV в Южном Туркменистане.

Большое количество таких крестовидных поделок обнаружено на территории нынешнего Северо-Западного Афганистана. Они выполнены из гипса (рис. 1, 39–41) или известняка (рис. 1, 42–46). К сожалению, нельзя сказать ничего конкретного о численности этих артефактов, так как практически все они были добыты местными крестьянами, сделавшими грабительские раскопки археологических памятников своим ремеслом. В результате самовольных действий местного сельского населения антикварные лавки больших городов Афганистана, прежде всего Кабула, были наводнены различными древностями, в том числе и рассматриваемыми изделиями

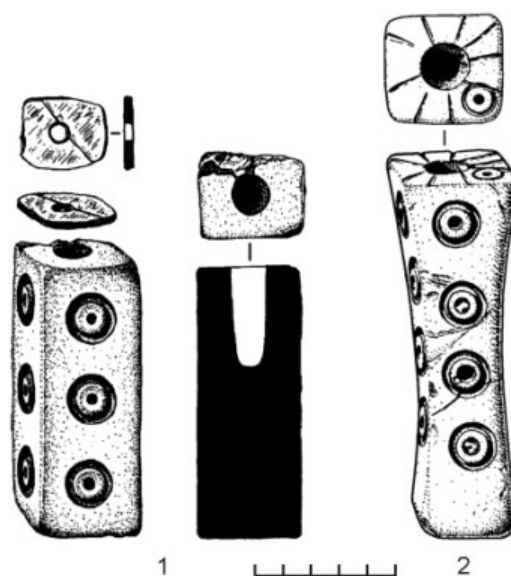

Рис. 2. Так называемые каменные светильники (сосуды для смешивания косметики) раннего бронзового века Центральной Азии: 1 — Фархор, Юго-Западный Таджикистан (по: Бобомуллоев и др. 2017: рис. 11, 5); 2 — Алтын-депе, Юго-Восточный Туркменистан (по: Кирчо 2005а: табл. 132А, 2)

Fig. 2. So called stone lamps (vessels for blending cosmetics) from the Early Bronze Age of Central Asia: 1 — Farkhor, Southwestern Tajikistan (after Бобомуллоев и др. 2017: fig. 11, 5); 2 — Alтын-депе, Southeastern Turkmenistan (after Кирчо 2005а: table 132А, 2)

⁴ В настоящее время установлено, что эти изделия, снабженные специально подогнанными крышками, служили для приготовления (смешивания) косметических средств (Кирчо 2018: 25–26).

(Сарианиди 1977: табл. I, 9, в центре; табл. III: 6, справа; 8; 1979: 24–25, рис. 1; 1982: 74, рис. 4, 40, 84–85; Amiet 1977: 102, fig. 12). О датировке этих бусин можно судить лишь по косвенным данным, о чем я скажу далее.

В южных областях Афганистана количество аналогичных изделий невелико. Пять подобных поделок зафиксировано лишь на поселении Мундигак в отложениях горизонтов 1 (рис. 1, 32) и 3 (рис. 1, 33–35) слоя IV, причем горизонт 1 синхронен ранним напластованиям (Алёкшин 2010б: 39), а горизонт 3, соответственно, — поздним отложениям слоя Намазга IV в Южном Туркменистане. Идентичный артефакт (рис. 1, 36) выявлен в поверхностном слое памятника (Casal 1961: vol. 1, 242, no. 14; vol. 2, fig. 138, 14).

В завершение этого обзора следует упомянуть еще о трех находках, которые исследователи, как правило, относят к числу каменных крестовидных бусин. Первый экземпляр такого рода был обнаружен в ходе полевых изысканий на поселении Хапуз-депе (Юго-Восточный Туркменистан) в культурных напластованиях памятника, синхронных слою Намазга IV (ранний бронзовый век) или слою Намазга V (средний бронзовый век) (рис. 1, 26), так как в публикации не обозначен конкретный археологический контекст, с которым было связано данное изделие. В статье также не указан материал, из которого была выполнена поделка (Сарианиди 1964: 61, рис. 15, 25). Опубликованный без масштаба артефакт отличается от рассмотренных выше экземпляров укороченной поперечной перекладиной, а также тем, что имеющие в данном случае форму луча выступы, которые располагаются попарно над продольной перекладиной и под ней, характеризуются необычайно малыми размерами.

Две другие поделки зафиксированы на поселении Тепе Гиссар (Северо-Восточный Иран). Одна из них, изготовленная из бирюзы (рис. 1, 29), выявлена в погребении «танцовщицы» (CF 55, X-1). Артефакт, лежавший перед телом зрелой женщины (Schmidt 1937: 223, 226, 229, fig. 135, H 2388; 244–245, 411), характеризуется широкой и длинной продольной перекладиной, а также укороченной и широкой поперечной перекладиной. Эти особенности описываемого экземпляра делают его непохожим на остальные крестовидные бусины. Второе изделие (рис. 1, 30), выполненное из пасты, открыто в захоронении CF 57 X-2 (Ibid: 231, 411, pl. LXVIII, H 2426). Оно имеет ярко выраженный индивидуальный облик: широкая и длинная продольная перекладина; узкая поперечная перекладина; подпрямоугольные выступы, обозначенные попарно над поперечной перекладиной и под ней, едва намечены. К сожалению, пол и возраст индивида, в могиле которого был найден артефакт, не указаны, равно как и его местонахождение возле умершего. Оба экземпляра связаны с отложениями слоя IIIВ, синхронными напластованиям слоя Намазга V в Южном Туркменистане (Массон 1957: 48). Своеобразие трех последних изделий позволяет высказать предположение о том, что они являлись продукцией местных ремесленников, которые не стремились к механическому копированию импортных бус, а старались придать создаваемой ими бижутерии оригинальный внешний облик.

Проведенный анализ каменных крестовидных поделок показывает, что в Центральной Азии они впервые появляются в погребениях, синхронных ранним отложениям слоя Намазга IV в Южном Туркменистане (Юго-Западный Таджикистан, могильник Фархор). Одновременны ли эти артефакты идентичным экземплярам

из захоронений поселения Улуг-депе (Юго-Восточный Туркменистан), установить невозможно, так как у меня нет информации об археологическом контексте, с которым связаны находки таких бус на этом памятнике. Аналогичные изделия представлены также в поздних напластованиях слоя Намазга V (Юго-Восточный Туркменистан, поселение Алтын-депе) и в погребальной камере, синхронной отложениям, переходным от слоя Намазга V к слою Намазга VI, или уже одновременной ранним напластованиям слоя Намазга VI (Юго-Западный Туркменистан, могильник Пархай II). Реплика из поселения Хапуз-депе (Юго-Восточный Туркменистан) с равным успехом может быть синхронна как отложениям слоя Намазга IV, так и напластованиям слоя Намазга V.

Л. Б. Кирчо датирует отложения слоя Намазга IV в Южном Туркменистане 2800/2700–2350 гг. до н. э. (Кирчо 2015: 99), однако я полагаю, что этот хронологический диапазон следует несколько уточнить: 2800–2400 гг. до н. э. Напластования слоя Намазга V синхронны отложениям слоя Гиссар IIIВ (Массон 1957: 48; Алёкшин 2019: 33), причем для последних имеются две радиоуглеродные даты: 2640–2390 BC, 2420–2290 BC (Dyson, Lawn 1989: 143). Для напластований слоя Гиссар IIIС также имеются две даты: 2150–1885 BC, 1940–1705 BC (Там же). Я считаю, что отложения слоя Намазга V в Южном Туркменистане соответствуют хронологическому интервалу 2400–2000 гг. до н. э., а переход от поздних напластований слоя Намазга V к ранним отложениям слоя Намазга VI и ранние напластования слоя Намазга VI можно датировать рубежом III/II тыс. до н. э. — первой четвертью II тыс. до н. э. Итак, каменные крестовидные бусы существуют в бронзовом веке Центральной Азии примерно от конца первой четверти III тыс. до н. э. до конца первой четверти II тыс. до н. э.

На Среднем Востоке (Южный Афганистан, Мундигак IV) подобные артефакты впервые появляются в отложениях, также синхронных ранним напластованиям слоя Намазга IV в Южном Туркменистане. Идентичные экземпляры обнаружены и в более поздних отложениях этого же слоя (Мундигак). Изобилующий находками таких поделок Северо-Западный Афганистан, с одной стороны, примыкает к Юго-Западному Таджикистану, а с другой — имеет в глубоком тылу Южный Афганистан. В двух последних областях аналогичные изделия зафиксированы уже с начала III тыс. до н. э. Поэтому древнее население Северо-Западного Афганистана вряд ли было незнакомо с производством рассматриваемых бусин. Наоборот, их концентрация в этой области не вызывает сомнений в том, что изготовление подобных артефактов здесь тоже было освоено уже в начале III тыс. до н. э. Наличие идентичной поделки в Юго-Западном Иране (Сузы) и ее реплик в Северо-Восточном Иране (Гиссар IIIВ) в напластованиях памятников, синхронных отложениям слоя Намазга V в Южном Туркменистане, показывает, что в отдаленных от Северо-Западного Афганистана западных краях такие изделия употреблялись вплоть до последней четверти III тыс. до н. э., а в самом Северо-Западном Афганистане, вероятно, и позже, в первой четверти II тыс. до н. э.

Территориальное и хронологическое распространение каменных крестовидных бусин в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 3) позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эти изделия, существовавшие в широком временном диапазоне от конца первой четверти III тыс. до н. э. до конца первой четверти II тыс. до н. э.,

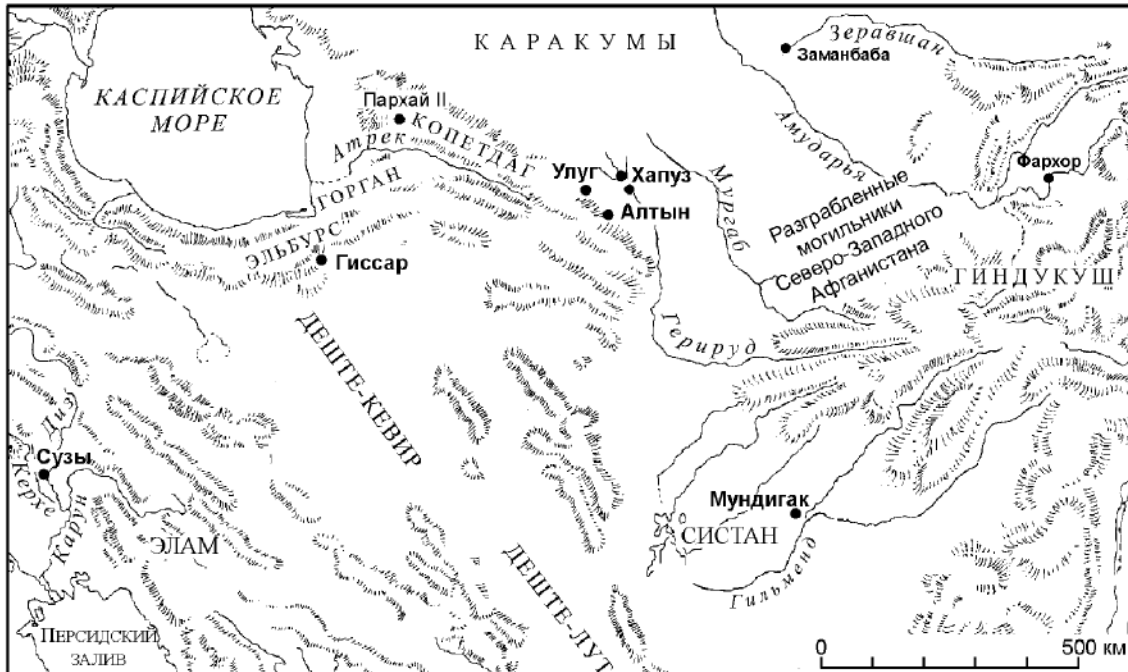

Рис. 3. Схематическая карта Центральной Азии и Среднего Востока (по: Amiet 1986: 10–11, с изменениями и дополнениями автора). Археологические памятники начала III — начала II тыс. до н. э. с находками каменных крестовидных бусин

Fig. 3. Schematic map of Central Asia and Middle East (after Amiet 1986: 10–11, with modifications and additions). Archaeological sites of the early III — early II mil. BC where cross-shaped stone beads were found

не могут рассматриваться как вещи, датирующие культуру Заманбаба в узких хронологических рамках.

Во-вторых, анализируемые крестовидные поделки впервые появляются на юге Центральной Азии (Юго-Западный Таджикистан) и в Афганистане практически одновременно в начале раннего бронзового века (конец первой четверти III тыс. до н. э.). Однако большая концентрация подобных артефактов преимущественно в Северо-Западном Афганистане позволяет утверждать, что первичным центром производства таких бусин была именно эта область, откуда они довольно быстро попали как на юг Афганистана (Мундигаг), так и в Юго-Западный Таджикистан (Фархор). Предположение о том, что последний регион мог составлять крайнюю северо-восточную часть исконного ареала анализируемых изделий, следует отвергнуть, поскольку эта гипотеза не объясняет отсутствия идентичных поделок в Саразме, древнеземледельческом поселении IV–III тыс. до н. э. на северо-западе Таджикистана.

В-третьих, экспорт крестовидных бусин из центра их происхождения в области Среднего Востока, лежащие южнее и юго-восточнее Мундигага (Южный Афганистан), не прослеживается. В западных (Тепе Гиссар) и юго-западных (Сузы) регионах Среднего Востока находки таких бусин или их реплик единичны.

В-четвертых, вывоз рассматриваемых изделий из Северо-Западного Афганистана был направлен в основном в северо-западные (Алтын-депе, Улуг-депе,

Хапуз-депе, Пархай II), северные (Заманбаба) и северо-восточные (Фархор) регионы Центральной Азии. Отдельные экземпляры этих бусин, вероятно, вследствие многоступенчатого обмена достигали территорий, весьма отдаленных от стран Востока, что подтверждается обнаружением аналогичных поделок при раскопках могильника одиновской культуры Сопка-2/4А в Юго-Западной Сибири (местность в Барабинской лесостепи при слиянии рек Омь и Тартас, в центре западной части Новосибирской обл.). В погр. № 588 этого памятника расчищены останки двух взрослых индивидов. Для одного из них, лежавшего в нижнем ярусе, имеются два противоречащих друг другу антропологических определения: как мужчины 25–30 л. и как взрослой женщины. Возле шейных позвонков и черепа данного скелета выявлено ожерелье из 32 бусин, изготовленных из различных пород камня, и одной золотой пронизки. Четыре каменные поделки этого украшения представляют собой крестовидные артефакты (рис. 1, 22–25), причем материал, из которого они были изготовлены, не указан. Автор раскопок на основании серии радиоуглеродных дат относит могильник Сопка-2/4А, а следовательно, и захоронение № 588 к концу первой четверти — концу второй четверти / началу третьей четверти III тыс. до н. э. (Молодин 2012: 20, 126–129, рис. 195, 8; 159, рис. 223, 3; 162–163, рис. 228; 192, 194). До открытий крестовидных бусин в Фархоре я, считая, что они появляются не ранее, чем отложились поздние напластования слоя Намазга IV в Южном Туркменистане, возражал против такой датировки памятника Сопка-2/4А, полагая, что рассматриваемые изделия могли попасть в Барабинскую лесостепь не ранее, чем отложились ранние напластования слоя Намазга V, то есть примерно в 2400–2200 гг. до н. э. Однако поделки из Фархора недвусмысленно свидетельствуют о том, что появление крестовидных артефактов на Востоке относится к концу первой четверти III тыс. до н. э. Следовательно, анализируемые бусы могли попасть в Юго-Западную Сибирь из южных земледельческих оазисов раньше, в течение второй четверти III тыс. до н. э., когда, видимо, и функционировал могильник Сопка-2/4А, причем можно определить, откуда происходит по меньшей мере одно из крестовидных изделий этого памятника. Особенностью подавляющего большинства таких поделок является наличие прямоугольных (рис. 1, 9, 18) или треугольных (рис. 1, 42, 43) небольших выступов, располагающихся попарно над поперечной перекладиной и под ней. Эта деталь свойственна всем крестовидным изделиям и их репликам, обнаруженным как в Северо-Западном Афганистане (рис. 1, 42–45), так и вне его (рис. 1, 1–23, 25–38). Однако у некоторых артефактов, изготовленных только в Северо-Западном Афганистане, выше и ниже поперечной перекладины зафиксировано по четыре (рис. 1, 40, 41) или даже по шесть (рис. 1, 39) таких выступов. У одной крестовидной бусины из могильника Сопка-2/4А (рис. 1, 24) изначально над поперечной перекладиной и под ней было вырезано по четыре выступа. Следовательно, эта поделка попала в Барабинскую лесостепь именно из Северо-Западного Афганистана.

Все изложенное не исчерпывает проблему датирования культуры Заманбаба. Для решения этого вопроса, как сказано выше, необходим тщательный анализ и других категорий археологического материала, обнаруженных при раскопках заманбабинских памятников.

Литература

- Алёкшин 1986 — *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии по данным погребальных обрядов // Информационный бюллетень. М.: Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии, 1986. Вып. 11. С. 96–103.
- Алёкшин 1989 — *Алёкшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Массон В. М. (отв. ред.). Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 150–157.
- Алёкшин 2010а — *Алёкшин В. А.* Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // Байпаков К., Мустафеев Ш. (отв. ред.) и др. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: ММК. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2010. С. 80–89.
- Алёкшин 2010б — *Алёкшин В. А.* Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Древние культуры Евразии: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 34–43.
- Алёкшин 2011 — *Алёкшин В. А.* Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 119–132.
- Алёкшин 2019 — *Алёкшин В. А.* Дата запустения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана // Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б. (отв. ред.). Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона: ММНК «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)». Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. Т. 1. С. 32–35.
- Алёкшин, Кирчо 2005 — *Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе // *Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 1. С. 11–78 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Аскарлов 1981 — *Аскарлов А. А.* К передатировке культуры Заманбаба // Итина М. А. и др. (ред.). Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 99–110.
- Баратов 2010 — *Баратов С. В.* К проблеме автохтонных культур эпохи бронзы Средней Азии // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Древние культуры Евразии: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 44–51.
- Бендесу-Суармьенто 2010 — *Бендесу-Суармьенто Х.* Погребальный обряд и человеческие останки из городища бронзового века Улуг-депе в Туркменистане // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 513–535 (Тр. Маргианской археологической экспедиции. Т. 3).
- Бобомуллоев и др. 2017 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б.* Результаты исследования могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге

- Таджикистана весной 2014 г. // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017. Вып. 1. С. 42–67.
- Виноградов 1986 — *Виноградов А. В.* Неолитический могильник Тумек-Кичиджик // Алексеев В. П., Итина М. А. (отв. ред.). Древнейшее население низовий Амударьи: Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: Наука, 1986. С. 7–78 (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 15).
- Гулямов и др. 1966 — *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966. 266 с. (Тр. Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1).
- Итина 1970 — *Итина М. А.* Из истории населения степной полосы среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 49–53.
- Кирчо 2005а — *Кирчо Л. Б.* Иллюстрации // *Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 1. Табл. 1–165 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Общая характеристика погребений Алтын-депе // Там же. Ч. 2, гл. 2. С. 324–346.
- Кирчо 2005в — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Там же. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421.
- Кирчо 2015 — *Кирчо Л. Б.* Поселения периода ранней бронзы Южного Туркменистана: стратиграфия и проблемы хронологии // ЗИИМК. 2015. № 12. С. 90–105.
- Кирчо 2018 — *Кирчо Л. Б.* О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 20–27.
- Козырева 2016 — *Козырева Н. В.* Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.). СПб.: Контраст, 2016. 552 с. («*Studia Mesopotamica*»).
- Кузьмина 1958 — *Кузьмина Е. Е.* Могильник Заманбаба (к вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III–II тыс. до н. э.) // Советская этнография. 1958. № 2. С. 24–33.
- Кузьмина 1968 — *Кузьмина Е. Е.* Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. 1968. № 2. С. 302–309.
- Кузьмина 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М.; СПб.: Летний Сад, 2008. 558 с.
- Кузьмина 2010 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа — Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Кутимов 2005 — *Кутимов Ю. Г.* Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. 2005. № 12. С. 188–208.
- Латынин 1958 — *Латынин Б. А.* О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // СА. 1958. № 3. С. 46–53.
- Мандельштам 1972 — *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.; Л.: ИА АН СССР, 1972. 52 с.
- Массон 1957 — *Массон В. М.* Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // СА. 1957. № 4. С. 44–54.
- Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с. (МИА СССР, № 73).

- Массон 1966 — *Массон В. М.* Культура Заман-баба // Массон В. М. (отв. ред.). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 208–213.
- Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд.-во Филологического факультета СПбГУ, 2006. 384 с. (Азиатика).
- Молодин 2012 — *Молодин В. И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одинавской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Приложение 1... 2017 — Приложение 1. Некрополь Фархор. Погребения с сопровождающим инвентарем // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017. Вып. 1. С. 116–136.
- Пьянкова 1989 — *Пьянков Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе: Дониш, 1989. 254 с.
- Сарианиди 1964 — *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди 1977 — *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.
- Сарианиди 1979 — *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Виноградов А. В. и др. (ред.). Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 23–28.
- Сарианиди 1982 — *Сарианиди В. И.* Новый центр древневосточного искусства // Гуляев В. И. (отв. ред.). Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 68–88.
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. 244 с.
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 336 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 21).
- Amiet 1977 — *Amiet P.* Bactriane Proto-Historique // *Syria*. 1977. Т. 54, fasc. 1–2. P. 89–121.
- Amiet 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Reunion des musees nationaux, 1986. 332 p. (Notes et documents des musees de France. 11).
- Amiet 1988 — *Amiet P.* Elam and Bactria // Ligabue G., Salvatori S. (eds.). Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venice: Erizzo, 1988. P. 125–140 (Studies and Documents. Vol. 3).
- Bobomulloev et al. 2017 — *Bobomulloev S., Vinogradova N. M., Bobomulloev B.* (with contributions by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the burial ground of Farkhor, the middle Bronze Age monument in the south of Tajikistan // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017. Вып. 1. С. 68–115.
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961. Vol. 1: Texte — 260 p.; Vol. 2: Figures et Planches — Figs. 140, Pls. 45 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Dyson, Lawn 1989 — *Dyson R. H., Lawn B.* Key Stratigraphic and Radiocarbon Elements for the 1976 Hesār Sequence // *Dyson R. H., Hovard S. M.* (eds.). Tappeh Hesār. Report of the Restudy Project, 1976. Firenze: Casa Editrice Le Lettre, 1989. P. 143.
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p. (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

**BRONZE AGE CROSS-SHAPED STONE BEADS
OF CENTRAL ASIA AND MIDDLE EAST
(REVISITING THE DATING OF ZAMANBABA CULTURE)**

V. A. ALEKSHIN

Keywords: *Central Asia, South Turkmenistan, South Uzbekistan, Southwestern Tajikistan, Northwestern Afghanistan, Bronze Age, Zamanbaba culture, cross-shaped stone beads, Farkhor, Altyn-depe, Tepe Hissar, Parkhai II.*

The excavations of the Zamanbaba cemetery (belonging to the culture of the same name) in the ancient delta of the Zeravshan river (Bronze Age, South Uzbekistan) yielded 10 cross-shaped stone beads. The author of this paper thinks that the center for the production of such beads appeared in Northwestern Afghanistan at the end of the first quarter of the III mil. BC, after which they found their way to the south of Afghanistan (Mundigak) and to Southwestern Tajikistan (Farkhor). No items of this type are known to have been found in the regions lying to the south and southeast of Mundigak, while in the western (Tepe Hissar) and southwestern (Susa) regions of Middle East they and their replicas are represented by single finds only. They were mainly exported to the northwestern (Altyn-depe, Ulug-depe, Khapuz-depe, Parkhai II), northern (Zamanbaba) and northeastern (Farkhor) regions of Central Asia. Single beads could reach (probably, through multistage exchange) very distant lands, as is evidenced by the finds of analogous artifacts at the Sopka-2/4A cemetery in Southwestern Siberia, which can possibly be dated to the second quarter of the III mil. BC. The period of existence of cross-shaped stone beads in Central Asia embraces a long span of time from the end of the first quarter of the III mil. BC to the end of the first quarter of the II mil. BC. Therefore they cannot help to narrow the date of Zamanbaba culture.

КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПРАВОМ БЕРЕГУ РЕКИ ЕЯ В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ¹

А. В. КИЯШКО, О. П. ЛАРЕНОК²

Ключевые слова: *степное Предкавказье, курганный могильник Южный VII, средний бронзовый век, катакомбная культура, культуры финала среднего бронзового века.*

В статье освещены результаты раскопок разрушенного кургана 1 могильника Южный VII, находящегося на правом берегу р. Ея в Восточном Приазовье. В сохранившейся части кургана изучены 12 погребений. Семь захоронений относятся к среднему бронзовому веку: пять — к катакомбной культуре, два — предположительно посткатакомбные, финального периода среднего бронзового века. Исследованы шесть Т-видных и одна Н-видная катакомба, а также погр. 1 и 10, относящиеся к финалу среднего бронзового века. Обозначено место раскопанных комплексов среди известных памятников эпохи бронзы степного Предкавказья. Приводятся данные о влиянии традиций Северного Кавказа на культуру населения бассейна р. Ея в среднем бронзовом веке.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-52-59

Исследование курганов бронзового века в степном Предкавказье имеет давнюю историю, особенно интенсивно работы проводились в последнее столетие. В то же время отдельные регионы Предкавказья до сих пор остаются «белыми пятнами» на археологической карте. Таковым является бассейн р. Ея, берущей начало на Ставропольской возвышенности и впадающей в Таганрогский залив Азовского моря (рис. 1, 1).

Первые исследования в рассматриваемом регионе связаны с поездкой в 1891 г. по югу России Н. Е. Бранденбурга. К северу от с. Царедар (ныне — пос. Совдар), за балкой Мечеткой он раскопал курган, в котором были обнаружены два погребения бронзового века ямной и раннекатакомбной культуры (рис. 1, 2.2). Культурная принадлежность второго погребения определена по характерной Т-видной форме катакомбы и находке серебряного височного кольца у черепа погребенного (Бранденбург 1896: 24–25).

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00469А «Культурно-историческое развитие Тамани и Восточного Крыма в конце III — начале I тыс. до н. э. в свете археологических открытий XXI века».

² А. В. Кияшко — ИИМО, ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия; О. П. Ларенок — ИИМО, ЮФУ и Ассоциация «Южархеология», г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.

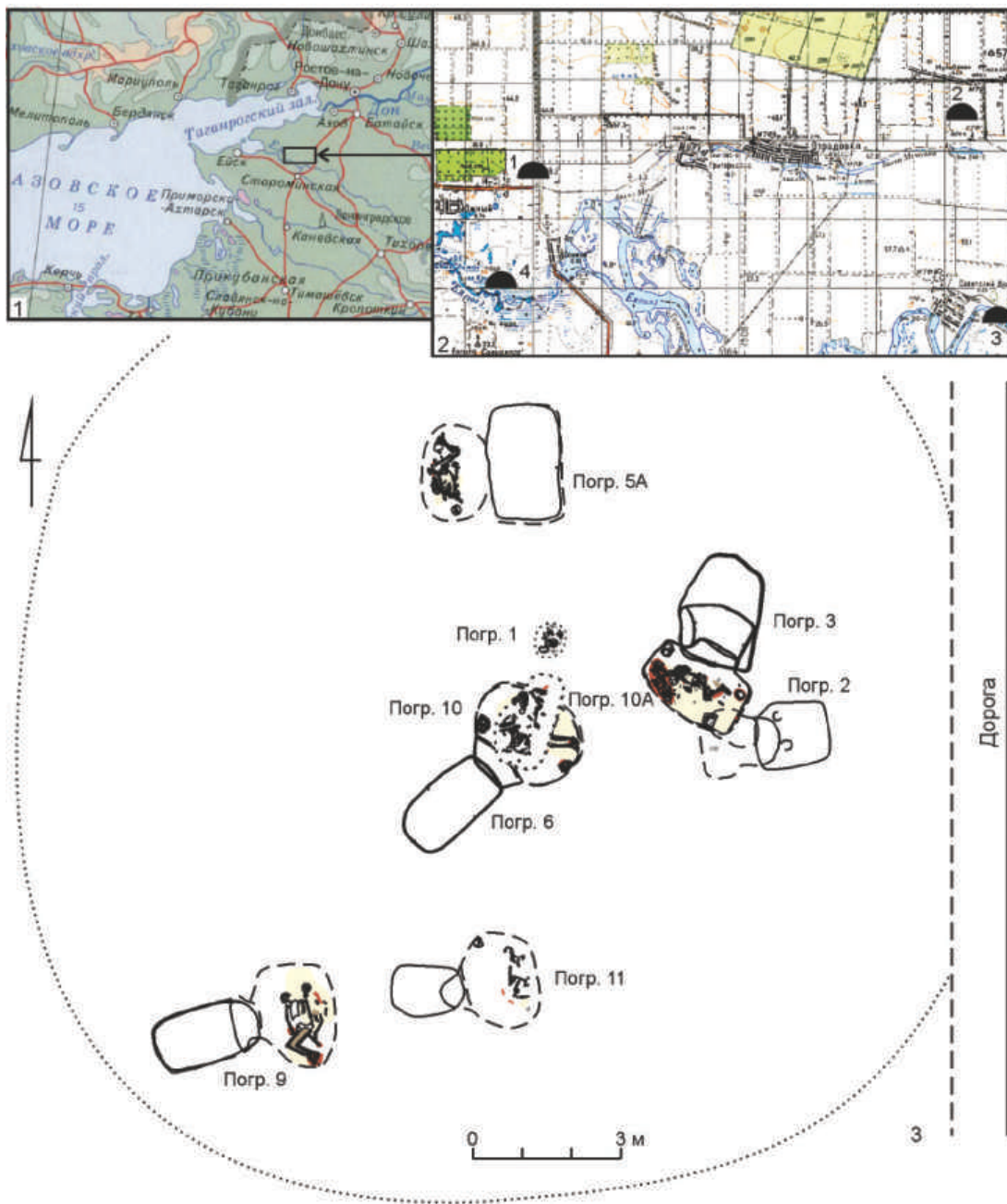
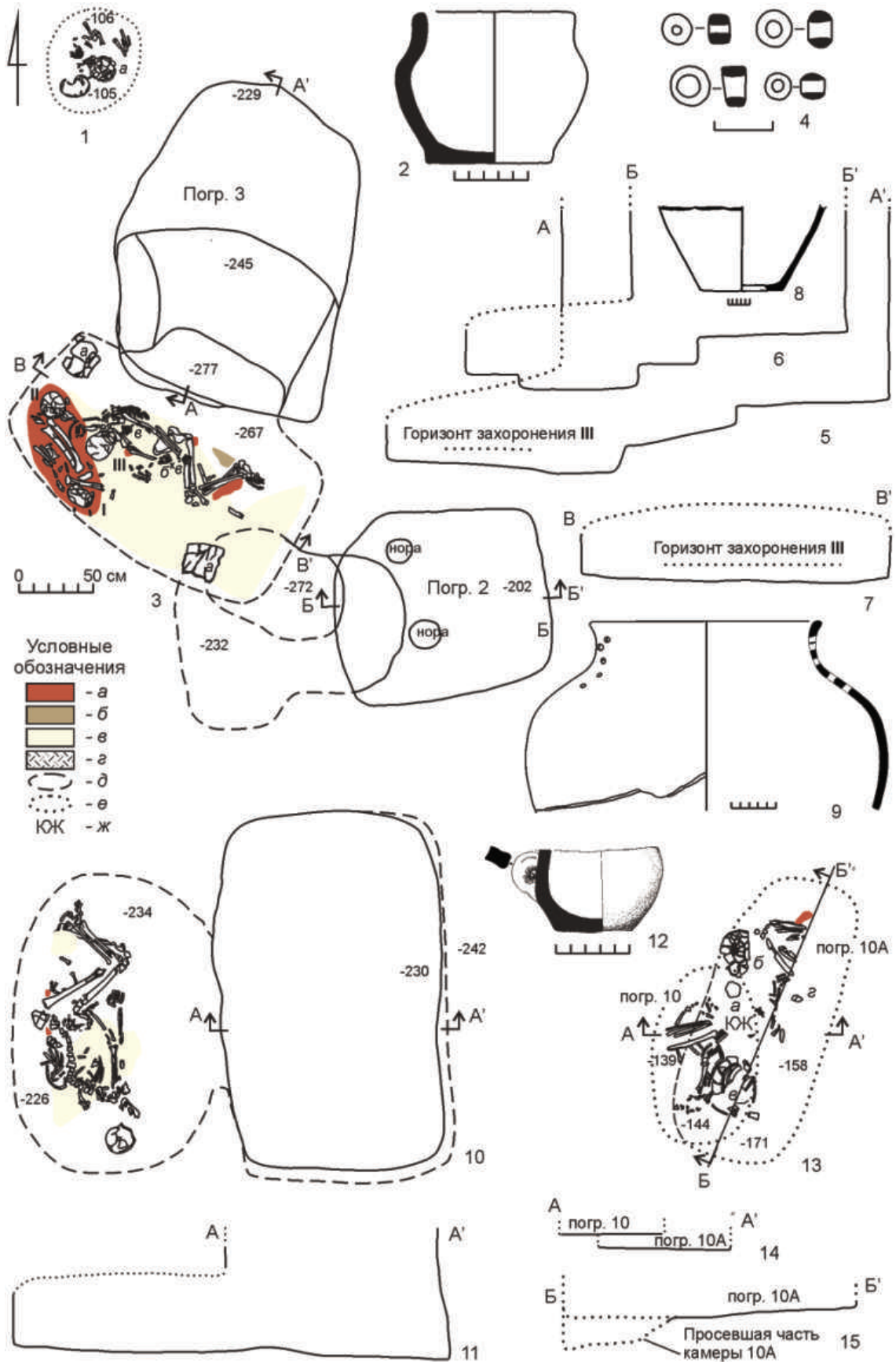

Рис. 1. 1 — местонахождение исследованных памятников на р. Ея, карта; 2 — план-схема исследованных курганов (1 — курган 1 могильника Южный VII, раскопки В. А. Ларенок, 2020 г.; 2 — курган у с. Царедар (пос. Совдар), Н. Е. Бранденбург, 1891 г.; 3 — разрушенный курган у хут. Платоновка, раскопки С. Н. Братченко и И. С. Каменецкого, 1964 г.; 4 — курганный могильник Сонино, раскопки В. Е. Максименко и А. А. Горбенко, 1972 г.); 3 — расположение погребений эпохи бронзы в кургане 1 могильника Южный VII

Fig. 1. 1 — map showing the locations of the sites studied on the Eya river; 2 — schematic plan of the studied barrows (1 — barrow 1 of the Yuzhny VII cemetery, excavations by V. A. Larenok, 2020; 2 — barrow near the Tsaredar (Sovdar), N. E. Brandenburg, 1891; 3 — destroyed barrow near the farmstead of Platonovka, excavations by S. N. Bratchenko and I. S. Kamenetsky, 1964; 4 — barrow cemetery of Sonino, excavations by V. E. Maximenko and A. A. Gorbenko, 1972); 3 — localization of the Middle Bronze Age burials in barrow 1 of the Yuzhny VII cemetery

После более полувекового перерыва, в 1964 г., С. Н. Братченко и И. С. Каменецкий провели разведку в районе хут. Платоновка к востоку от пос. Совдар (рис. 1, 2.3). В ее ходе в разрушенном кургане исследовано погребение, в котором зафиксирован скорченный на левом боку скелет с южной ориентировкой. Такой ритуал соответствует традиции восточноманьчской катакомбной культуры. В погребении найдены фрагменты двух сосудов позднекатакомбного облика, один из которых по форме и орнаменту близок батуринской керамике степного Прикубанья (Братченко 1976: 13, 91, рис. 50, 4–6).

Наибольшим масштабом отличались раскопки в 1972 г. курганного могильника Сонино к югу от пос. Южный, проведенные В. Е. Максименко и А. А. Горбенко (рис. 1, 2.4). В двух из восьми раскопанных курганов исследованы раннекатакомбные могилы со слабо скорченными скелетами, которые сопровождалась жаровнями и костями черепа и ног МРС (кург. 1, погр. 8, 11, 15; кург. 3, погр. 13). Лишь в погр. 3 кург. 3 в состав погребального инвентаря входили находки позднекатакомбного периода: сосуд реповидной формы и жаровня из сосуда с кольцевидной ручкой на плечике (Максименко и др. 1973).

Новые археологические работы на Правобережье р. Ея проведены весной 2020 г., когда В. А. Ларенок раскопала кург. 1 могильника Южный VII (рис. 1, 2.1). Хотя насыпь кургана была разрушена при строительстве автодороги, выявлены и раскопаны 12 погребений, семь из которых относятся к среднему бронзовому веку (рис. 2–3).

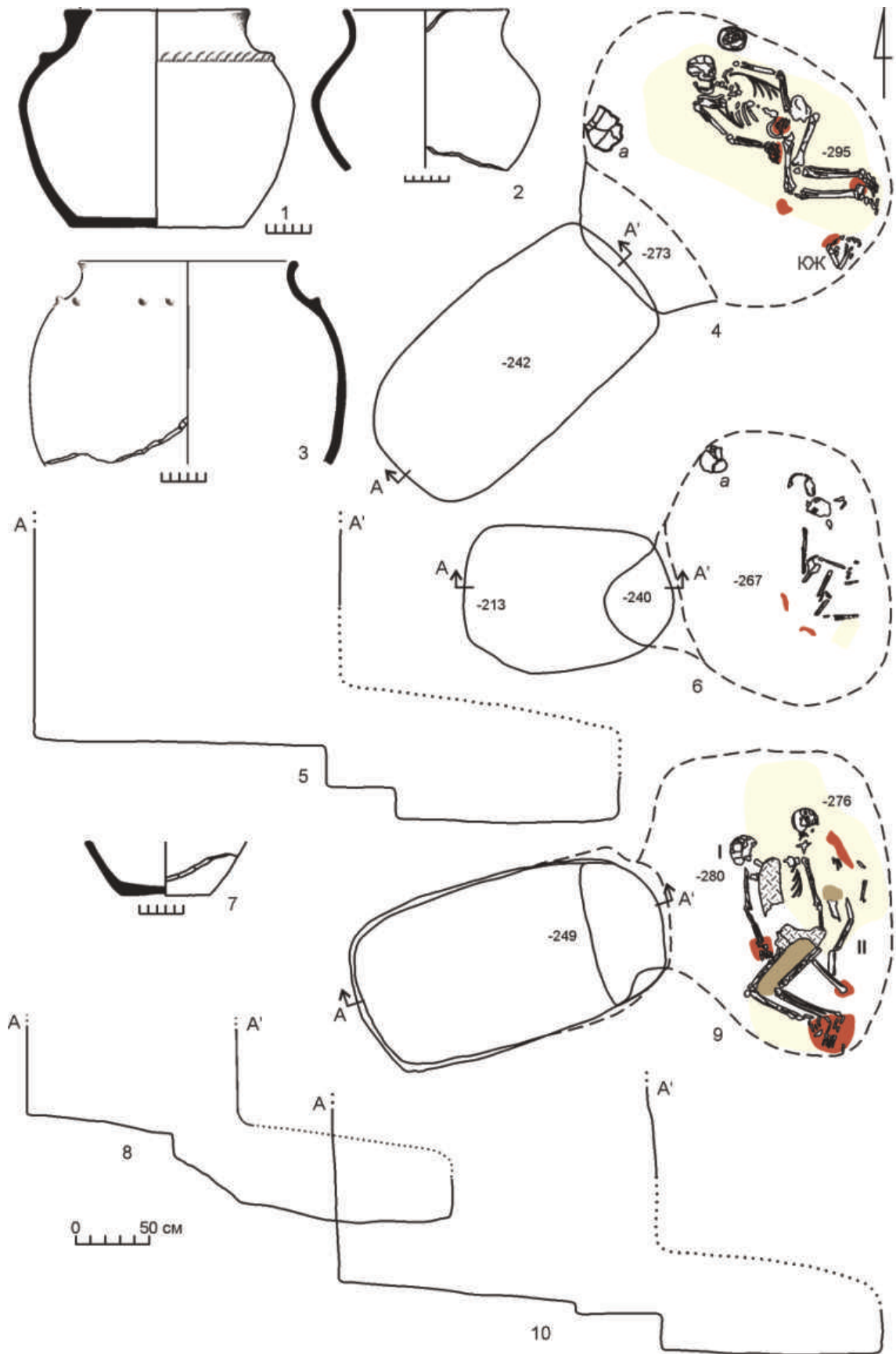
Рассматриваемые в статье погребения (2, 3, 5А, 6, 9, 10А и 11) совершены в катакомбах. Предположительно самой ранней была катакомба 6, судя по ее расположению в центре полукольца других катакомб (основная в кургане?) и характерным конструктивным признакам раннего периода — Т-видной планировке, покатоному ступенчатому полу входного колодца. В камере в слабо скорченном положении на спине, головой на СЗ, располагался погребенный (рис. 3, 4, 5). У входа в камеру найдена жаровня из верхней части сосуда дольменного облика с четырьмя парами сосцевидных налепов на плечике (рис. 3, 3).

Также к ранним катакомбным этапам можно отнести Т-видные катакомбы 3 и 9 со ступенчатым входом в камеру (рис. 2, 6; 3, 10). В камере погр. 9 лежали два скорченных на правом боку скелета, ориентированные на ССЗ, инвентарь отсутствовал (рис. 3, 9).

Рис. 2. Курганный могильник Южный VII, кург. 1: 1 и 2 — погр. 1, план и сосуд (а); 3–9 — погр. 2 и 3 (3 — план (а — жаровня; б — фрагмент ткани; в — бусины); 4 — бусины, бронза, паста; 5–7 — разрезы; 8, 9 — жаровни, керамика); 10, 11 — погр. 5А, план и разрез; 12–15 — погр. 10 и 10А (12 — сосудик с ручкой из погр. 10; 13 — план; 14, 15 — разрезы). Условные обозначения к рис. 2, 3: а — охра; б — коричневый тлен; в — рыхлый камышовый (?) тлен; г — костный тлен; д — невидимая сверху линия; е — восстановленная линия; ж — кости животных

Fig. 2. Barrow cemetery of Yuzhny VII, barrow 1: 1 and 2 — burial No. 1, plan and vessel (а); 3–8 — barrow Nos. 2 and 3 (3 — plan (а — ceramic brazier; б — textile fragment; в — beads); 4 — beads, bronze, paste; 5–7 — cross-sections; 8, 9 — ceramic braziers); 10, 11 — burial No. 5А, plan and cross-section; 12–15 — burial 10 and 10А (12 — small vessel with a handle from burial 10; 13 — plan; 14, 15 — cross-sections). Legend to figs. 2, 3: а — ochre; б — brown decay; в — loose reed (?) decay; г — bone decay; д — line unseen from above; е — reconstructed line; ж — animal bones

В катакомбе 3 обнаружено коллективное захоронение четырех человек. Прослежено, что первоначально в камеру были помещены останки трех умерших. Позднее их кости были сдвинуты к углам камеры, а в середину уложен еще один умерший. Погребенный располагался скорченно, на правом боку, головой на СЗ и был повернут спиной к входу в камеру (рис. 2, 3). На кисти его правой руки найдены фрагменты ткани, рядом лежали бронзовые пронизи, пастовые бусины разных размеров (рис. 2, 4) и остатки тонкого бронзового кольца. По углам камеры находились две жаровни из фрагментов верхней и нижней частей разных сосудов (рис. 2, 8, 9). Рядом с погр. 3 обнаружена пустая катакомба 2 (кенотаф?) (рис. 2, 3, 5). По данным стратиграфии, она относится к более позднему времени, так как в северной части на дне ее камеры зафиксирован провал в заполнение катакомбы 3.

Катакомбы 5А, 10А и 11 по своим конструктивным особенностям, обряду и инвентарю составляли более позднюю группу погребений. В катакомбе 5А Н-видной планировки умерший лежал скорченно на правом боку с завалом на спину и был ориентирован на Ю (рис. 2, 10, 11). Находок не обнаружено.

Катакомба 11 имела подквадратный входной колодец и обширную камеру (рис. 3, 6, 8). Скелет, имеющий северную ориентировку, сильно поврежден норами грызунов. В СЗ углу камеры находилась жаровня из дна большого горшка (рис. 3, 7).

Катакомба 10А впущена в предполагаемый центр кургана и нарушила более раннюю катакомбу 6. Была зафиксирована лишь погребальная камера (рис. 2, 13–15). Скелет погребенного сильно разрушен грызунами. Судя по длинным костям конечностей, погребенный был уложен скорченно на левом боку, головой на Ю. Инвентарь представлен жаровней из стенки большого горшка с высокой раструбовидной верхней частью (рис. 3, 2) и реповидным сосудом, украшенным по плечикам наlepным валиком с пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 1). Рядом с ним находились фрагменты черепа барана.

Погр. 10 зафиксировано непосредственно над захоронением 10А и частично просело в его камеру. В овальной яме был захоронен подросток, скорченно на левом боку, головой на Ю (рис. 2, 13–15). К СВ от его стоп обнаружена кружка с чашевидным туловом и вертикальной ручкой (рис. 2, 12). Ручка имела уплощенное сечение с едва намеченным продольным желобком и кольцевидное отверстие с вырезанным валиком по его контуру.

Погр. 1 находилось в 2,2 м к ССВ от погр. 10. Предположительно в овальной яме был захоронен ребенок скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ (рис. 2, 1). На его грудной клетке обнаружен небольшой сосуд с выделенной шейкой (рис. 2, 2).

Материалы среднего бронзового века, полученные в ходе предыдущих раскопок, наряду с погребениями кург. 1 могильника Южный VII, позволяют отнести катакомбные памятники Правобережья р. Ея к катакомбным древностям Прикубанья.

Рис. 3. Курганный могильник Южный VII, курган 1: 1, 2 — погр. 10А, реповидный сосуд и жаровня; 3–5 — погр. 6 (3 — жаровня; 4 — план (а — жаровня; КЖ — кости барана); 5 — разрез); 6–8 — погр. 11 (6 — план (а — жаровня); 7 — жаровня; 8 — разрез); 9, 10 — погр. 9, план и разрез

Fig. 3. Barrow cemetery of Yuzhny VII, barrow 1: 1, 2 — burial 10A, turnip-shaped vessel and ceramic brazier; 3–5 — burial 6 (3 — brazier; 4 — plan (a — brazier; КЖ — sheep bones); 5 — cross-section); 6–8 — burial 11 (6 — plan (a — brazier); 7 — brazier; 8 — cross-section); 9, 10 — burial 9, plan and cross-section

Для катакомб раннего этапа типичны Т-видная форма с узкими удлиненными входными колодцами, плоские потолки камер, а также слабоскорченное на спине (с разворотом набок) положение умерших и наличие в инвентаре жаровен из сосудов дольменного типа (Трифонов 1991: 145–164, рис. 20; 21). Поздние катакомбы с укороченными входными колодцами подквадратной формы и керамика (рис. 3, 1) имеют признаки батуринской катакомбной культуры.

Обряд и стратиграфия погр. 1 и 10 кург. 1 могильника Южный VII свидетельствуют об их сооружении в посткатакомбный период, а керамика дает основание ограничить эту датировку финалом среднего бронзового века. Сосуд из погр. 1 находит аналогии в комплексах бабинской культуры, например сосуд из погр. 32 кург. 1 могильника Веселый I (Кияшко, Ларенок 2019). Кружка из погр. 10 — редкая форма для керамики степных культур среднего бронзового века. Она находит ближайшие аналогии в культуре Гинчи Северо-Восточного Кавказа, в которой подобные кружки были широко распространены (Магомедов 1998: 88–91, рис. 66–68). Носители культуры Гинчи в ее поздний период взаимодействовали с населением блока посткатакомбных образований: волго-донской (криволукской) группы, культур Бабино и Лола (Мимоход 2013: 246–249). К комплексам, отражающим такого рода контакты, вполне может принадлежать и погр. 10, учитывая его стратиграфическое положение в кургане, обряд и наличие специфического сосуда.

Таким образом, материалы небольшой серии погребений из кург. 1 могильника Южный VII подтвердили влияние традиций Северного Кавказа на культуру населения бассейна р. Ея в среднем бронзовом веке.

Литература

- Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Из поездки 1891 г. в Донскую область и Бахмутский уезд // Записки Императорского Археологического общества. Т. 8, вып. 1–2. Труды отделения русской и славянской археологии. Кн. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1896. С. 19–35.
- Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 249 с.
- Кияшко, Ларенок 2019 — *Кияшко А. В., Ларенок О. П.* Комплексы днепро-донской бабинской культуры в кургане 1 могильника Веселый I на Нижнем Дону // Археология и история древнего мира. 2019. № 6. С. 3–7.
- Магомедов 1998 — *Магомедов Р. Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: Изд-во Дагестанского НЦ РАН, 1998. 378 с.
- Максименко и др. 1973 — *Максименко В. Е., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И., Кореняко В. А.* Раскопки курганов в бассейнах р. Ея и Кагальник // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 134–135.
- Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).
- Трифонов 1991 — *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры Прикубанья (По материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

MIDDLE BRONZE AGE BARROW BURIALS ON THE RIGHT BANK OF THE EYA RIVER IN THE EAST AZOV SEA REGION

A. V. KIYASHKO, O. P. LARENOK

Keywords: *steppe Fore-Caucasus, barrow cemetery of Yuzhny VII, Middle Bronze Age, Catacomb culture, final Middle Bronze Age cultures.*

The paper elucidates the results of archaeological excavations of destroyed barrow No. 1 of the Yuzhny VII cemetery situated on the right bank of the Eya river in the East Azov Sea region. Twelve burials were studied in the preserved part of the barrow. Seven of them date from the Middle Bronze Age: two belong to the Catacomb culture, and three are presumably of the post-Catacomb age. Six T-shaped and one H-shaped catacombs were studied, as well as burials Nos. 1 and 10 dating from the final of the Middle Bronze Age. The authors identify the place of the excavated complexes among the Bronze Age sites of the steppe Fore-Caucasus and provide evidence showing the influence exerted by the North Caucasian traditions on the Middle Bronze Age culture of the Eya river.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМЕМБРАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

А. Г. КОЖЕДУБ, А. А. КОЖЕДУБ¹

Ключевые слова: *Нижний Дон, средний бронзовый век, катакомбная культура, погребальный обряд, демембрация.*

В статье проанализирована серия погребений среднего бронзового века в курганных могильниках Веселый I, Чалтырский XI, Глубокая II и Молокановский III Нижнего Дона с неизвестным ранее видом демембрации. Речь идет о полном или частичном смещении костей «блоками», то есть частями скелета в сочленениях. Приведенная серия погребений с демембрацией по инвентарю и обряду относится к позднему периоду катакомбной культуры (поздний этап донецкой культуры, бахмутский вариант и манычская культура). Смещения костей «блоками» (и проникновение в могилу) производились в течение первого года после похорон. Существуют несколько гипотез, объясняющих появление демембрации в погребальной практике древнего населения. Контексты вышеописанных погребений свидетельствуют скорее в пользу гипотезы обезвреживания покойников.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-60-69

В погребальную практику древнего населения Восточной Европы нередко были включены действия, направленные на нарушение целостности тела покойного. Для таких манипуляций с телом, подразумевающих расчленение погребенного до или после захоронения, введен термин «демембрация» (Смирнов 1997: 163). В степях Восточной Европы практика демембрации изучается в широком культурном и хронологическом диапазоне (обзор см. Кожедуб А. Г. 2017).

Наибольшее количество случаев демембрации выявлено в ингульской катакомбной культуре (Небрат 2013; Лысенко, Разумов 2016). Проблему эскарнированных погребений на материалах восточноманычской катакомбной культуры поднимала М. В. Андреева (2014: 85–98). В катакомбных культурах Нижнего Подонья, как показали исследования В. И. Мельника, существовало несколько видов демембрации: вторичные погребения, погребения с рассечением и частичные (Мельник 1991). В своих построениях ученый в основном использовал материалы, найденные на левом берегу нижнего течения Дона, в то время как Правобережье оставалось относительно малоизученным. Раскопки последних лет показали, что наряду

---

¹ А. Г. Кожедуб — ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро», г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия; А. А. Кожедуб — ИИМО, ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.

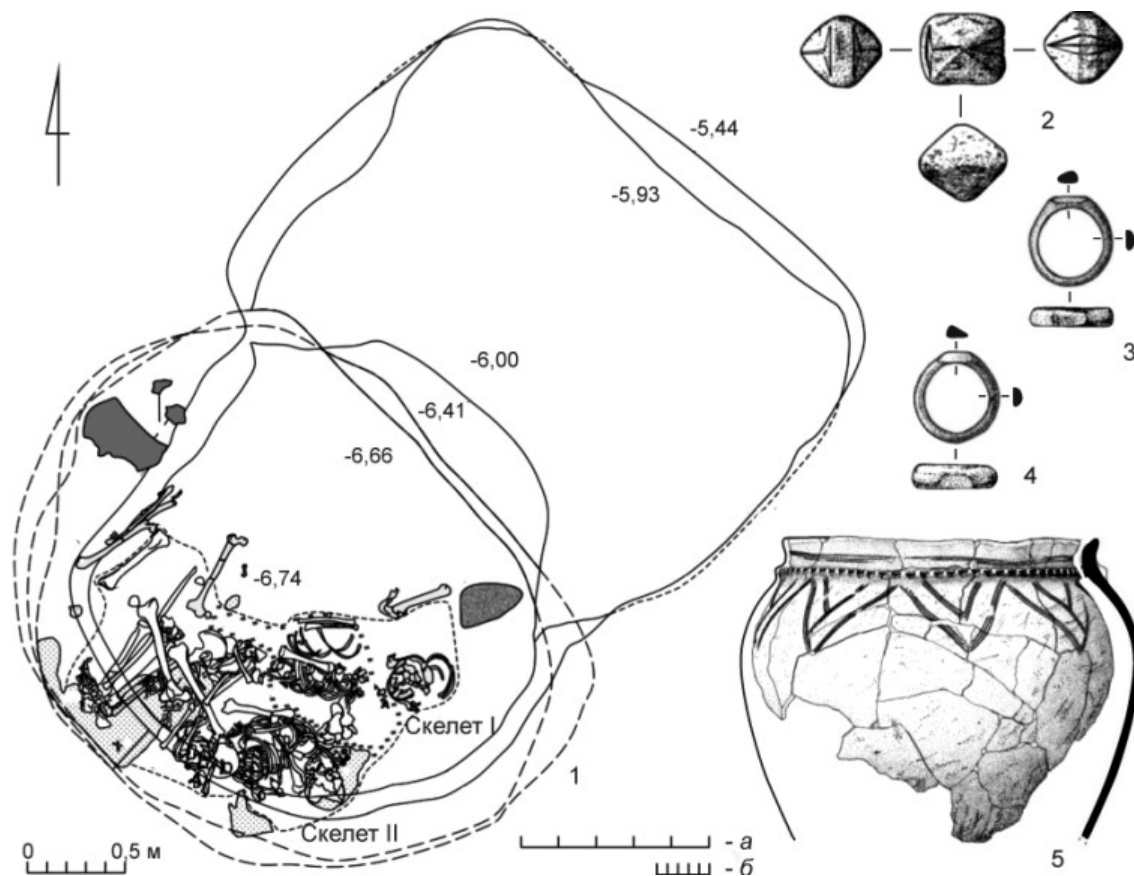

Рис. 1. Могилище Веселый I, кург. 1, погр. 35: 1 — план; 2 — костяная игральная фишка; 3, 4 — костяные кольца; 5 — жаровня (часть глиняного сосуда). Масштаб: а — для № 2–4; б — для № 5

Fig. 1. Veselyi I cemetery, barrow 1, burial 35: 1 — plan; 2 — bone game pawn; 3, 4 — bone rings; 5 — brazier (part of a clay vessel). Scale: a — nos. 2–4; b — no. 5

с вышеуказанными видами демембрации и декапитацией здесь также обнаружены погребения «пакетом», до этого считавшиеся типичными только для погребальных комплексов нижнедонского Левобережья. Проведенный авторами анализ погребений курганных могильников Нижнего Дона позволил выявить новый, ранее не распознанный вид демембрации. Он представляет собой полное или частичное смещение костей «блоками», то есть частями скелета в сочленениях. Демембрация такого вида зафиксирована в курганных могильниках Веселый I и Чалтырский XI (см. Кожедуб А. А. 2019), а также Глубокая II и Молокановский III.

Курганный могильник **Веселый I** находится в 1,8 км к западу от хут. Веселый Ростовской обл.² В погр. 35 кург. 1 обнаружено парное погребение с демембрацией «блоками» (рис. 1, 1).

Погр. 35 кург. 1 — катакомба, длинной осью ориентированная по линии СВ–ЮЗ с камерой, выведенной под ЮЗ стенку. Входная яма подпрямоугольной в плане

² Могилище исследовалось в 2018 г. отрядом археологической экспедиции ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз». Выражаем благодарность Ю. К. Гугуеву за предоставленные материалы.

формы. Камера была отделена от колодца двумя слабо наклонными ступеньками — верхней (стенки и дно входа) и нижней, имела овальную в плане форму, вертикальные стенки и была ориентирована длинной осью параллельно входной яме. Свод камеры обрушился в центральной части, но уцелел у задней и боковых стенок.

На дне камеры, ближе к ЮЗ стенке, лежали скелет женщины 45–55 лет (скелет 1, ближний к входу) и мужчины 35–45 лет (скелет 2, дальний от входа).

От скелета 1 на дне камеры *in situ* уцелели: ребра левой стороны грудной клетки, левое крыло таза, развернутое левой стороной вверх, малая берцовая кость правой ноги и соприкасающиеся стопы обеих ног. Остальные кости в той или иной мере были сдвинуты со своих первоначальных мест. Часть костей остались на дне, другие оказались в заполнении. Однако при этом сохранился общий анатомический порядок частей скелета: череп залегал с края скопления на ЮВ, далее к СЗ — кости позвоночника грудной клетки и рук, далее — крестец и тазовые кости, затем кости ног. Остатки позвоночного столба также сохранили некоторый анатомический порядок. Таким образом, несмотря на смещение большинства костей, можно проследить первоначальные позу и ориентировку скелета: он залегал в скорченном положении на правом боку и был ориентирован по линии СЗ–ЮВ черепом на ЮВ. Ноги погребенной были согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым — в коленных.

От скелета 2 на дне камеры *in situ* уцелели: череп (скорее всего, со следами прижизненной искусственной деформации), залегавший на левой височной кости лицевым отделом к входу в камеру; левое крыло таза; голени и стопы, располагавшиеся под прямым углом к голени, левая поверх правой. Остальные кости в той или иной мере были сдвинуты со своих первоначальных мест и лежали либо на дне, либо непосредственно поверх оставшихся на нем костей. При этом они, как и кости («блоки») женского скелета, сохраняли общий анатомический порядок. Особенно показательны бедренные кости, которые залегали параллельно друг другу под острым углом к голени; при этом головка и нижний эпифиз правого бедра не вышли из сочленения с соответствующими крылом таза и берцовыми костями. Таким образом, ориентировка и поза скелета 2 были полностью аналогичны ориентировке и позе скелета 1.

Особо отметим факты, установленные Ю. К. Гугуевым в ходе раскопок камеры катакомбы. Во-первых, некоторые смещенные со своих мест кости женщины (скелет 1) перекрывали кости мужчины (скелет 2), и наоборот. Так, развернутая передней частью вверх меньшая по размерам левая лопатка скелета 1 перекрывала лежавшую в аналогичной позиции большую по размерам правую лопатку скелета 2. Локтевая и лучевая кости правой руки мужчины (скелет 2) уходили под левое крыло таза женщины (скелет 1). В то же время левая бедренная кость мужчины (скелет 2) лежала поверх располагавшихся *in situ* на дне камеры стоп и малой берцовой кости правой ноги женщины (скелет 1). Во-вторых, в заполнении ЮВ половины камеры прослеживалась тонкая косо залегавшая прослойка органического тлена. Непосредственно у входа на данной локальной прослойке было зафиксировано пятно рыжего тлена размерами 0,32 × 0,20 м, идентичного тому, который часто содержится внутри сосудов в погребениях эпохи бронзы и представляет собой остатки растительной пищи. На поверхности прослойки (либо в заполнении прямо под ней, выступая на ее поверхность) располагались некоторые смещенные кости

женщины (скелет 1): правая плечевая, залегавшая передней стороной вверх, нижняя челюсть, залегавшая основанием вверх, несколько ребер и череп, развернутый основанием вверх. Второй «блок» смещенных костей женщины (бедренные кости обеих ног и берцовые правой ноги) находился в заполнении СЗ части камеры, несколько ближе к входу, чем ее оставшиеся на дне кости.

Инвентарь погребения представлен жаровней (часть сосуда), тремя костяными кольцами и костяной игровой фишкой (рис. 1, 2–5).

Приведенные факты перекрывания некоторых костей обоих скелетов свидетельствуют, что в данном случае имеет место не подзахоронение женщины (ближний к входу скелет 1) к мужчине (дальний от входа скелет 2), а обряд преднамеренного разрушения останков погребенных. Поскольку многие кости, изменившие первоначальное положение, не вышли из сочленений, а смещались «блоками», можно утверждать, что оно произошло, когда суставы и связки погребенных еще не успели вполне разложиться. Очевидно, именно вторичное проникновение в камеру, уже заполненную или, скорее, только начавшую заполняться грунтом из входной ямы, маркировалось прослойкой органического тлена в заполнении, понижавшейся от входа вглубь камеры, на которой залегаали некоторые смещенные кости женщины (скелет 1).

Курганная группа **Чалтырский XI** находится у западной окраины с. Чалтырь Ростовской обл. (Яценко 2018)³. В погр. 6 кург. 11 обнаружено парное погребение с демембрацией «блоком» (рис. 2, 1, 2).

Погр. 6 кург. 11 — катакомба, длинной осью ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Входная яма, прямоугольная в плане и углами ориентированная по сторонам света, имела скругленную ЮВ стенку. Вход в камеру овальной формы оборудован под противоположной СЗ стенкой и смещен к С углу колодца. Он был закрыт стоящими под наклоном двумя необработанными плитами рваного ракушечника. В камере вела почти отвесная ступенька высотой 55 см. Камера имела форму скругленного неравномерного пятиугольника. Дно покрыто коричневым тленом. Переход к нависающим стенкам округлый, свод обрушен.

В камере обнаружены эскарнированные останки двух человек. Погребенные были уложены головами на ЮЗ, скорченно, на правом боку, лицом ко входу.

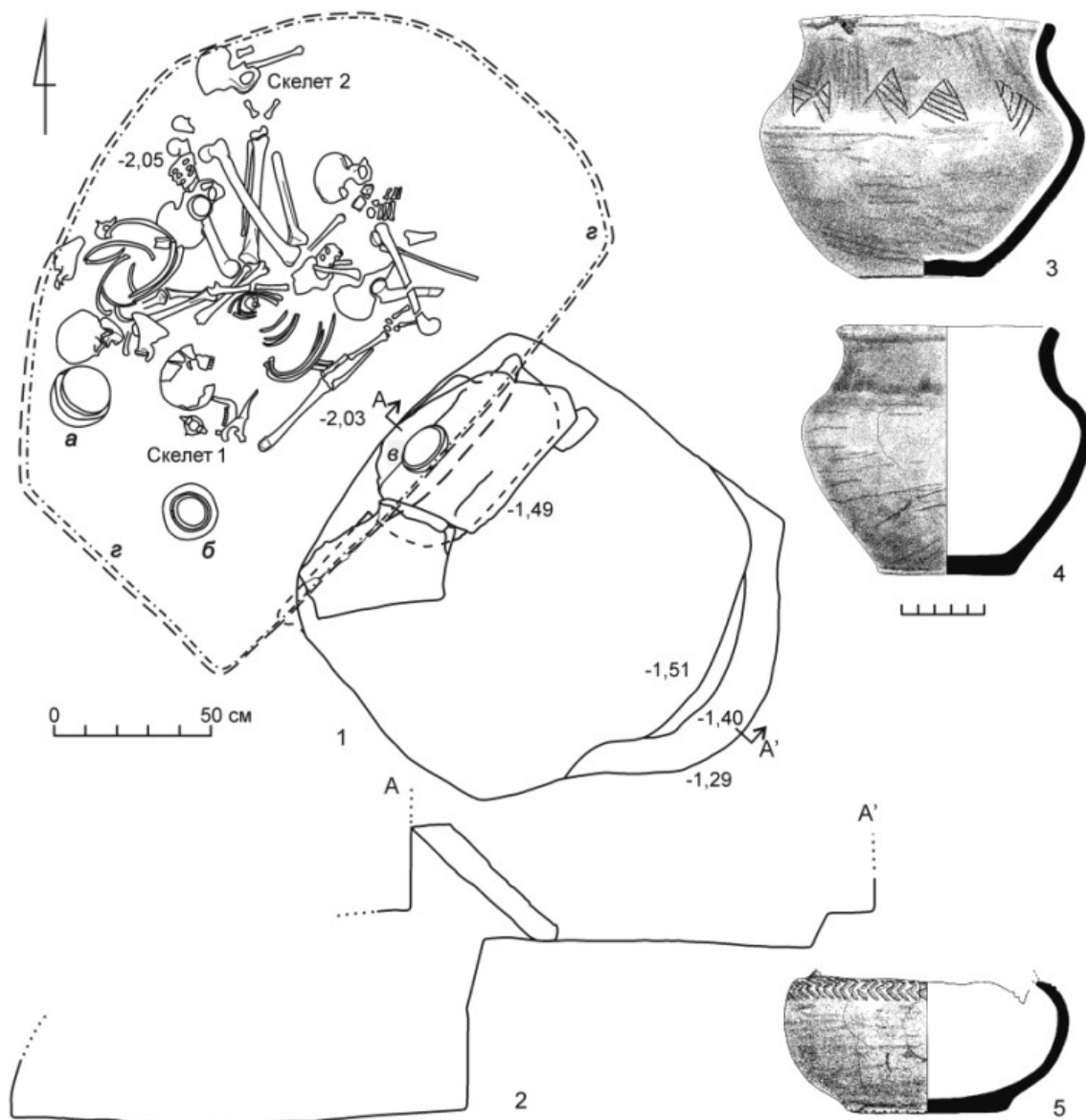
Скелет 1 находился ближе, у входа в камеру. Большинство костей скелета находилось не в анатомическом порядке: череп, сохранившийся во фрагментах, раздавлен, перевернут, лежал на левой височной кости. Сохранились *in situ*: правая лопатка, правая рука, крестец, правая берцовая кость и стопа, отдельные ребра, правое крыло таза в сочленении с фрагментом бедренной кости. По их положению устанавливается, что погребенный был уложен скорченно, на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами, правая рука была вытянута в направлении середины бедра.

Скелет 2 находился позади скелета 1 у противоположной ко входу стенки камеры. Погребенный также подвергся частичной демембрации «блоком», в основном в области средней части — грудной клетки, позвоночника и таза. По положению остальных костей скелета устанавливается, что погребенный был уложен скорченно,

---

³ Раскопки проведены осенью 2015 г. экспедицией Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие».

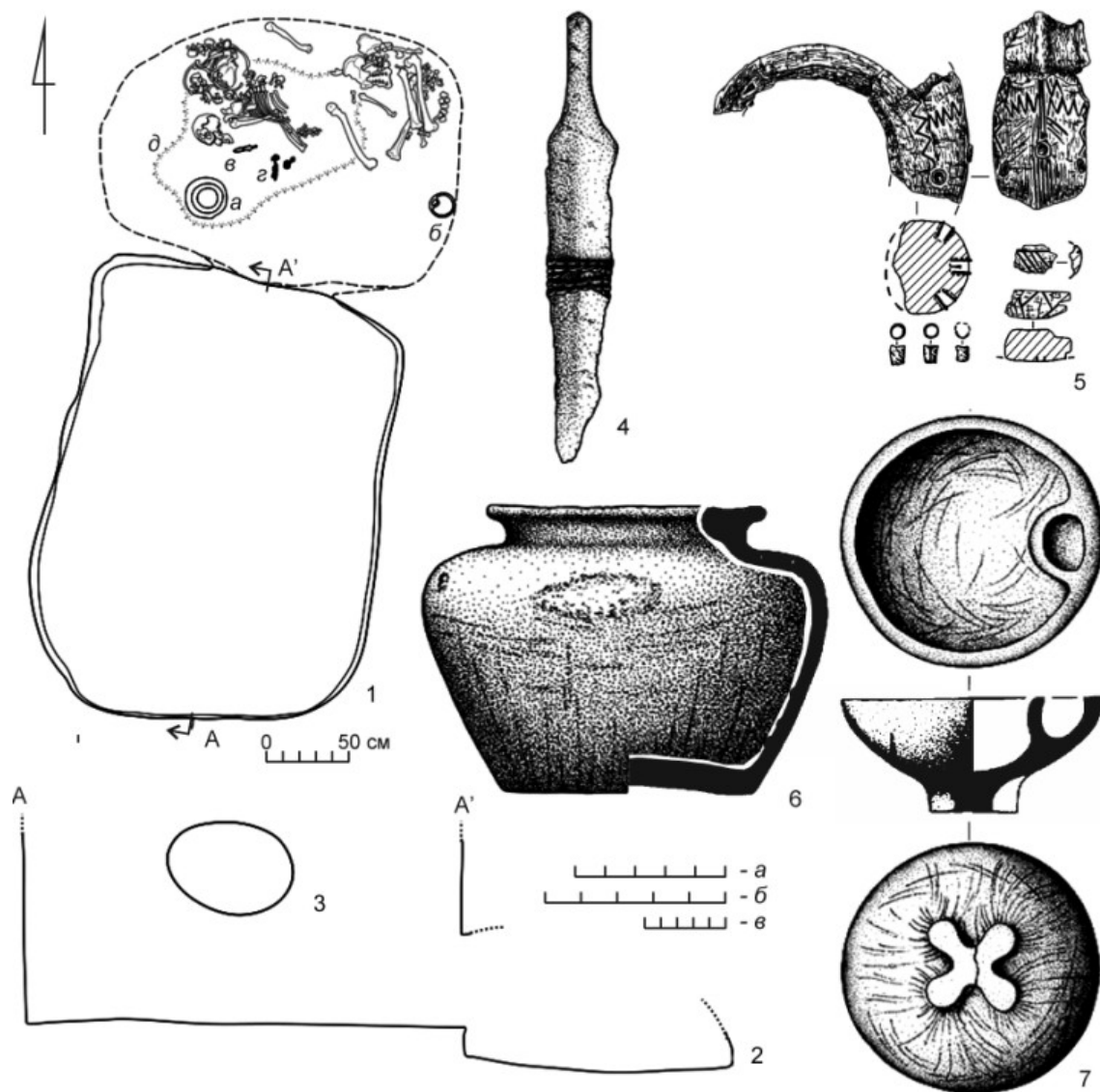
Рис. 2. Курганная группа Чалтырский XI, кург. 11, погр. 6: 1 — план (а — сосуд № 1; б — сосуд № 2; в — сосуд № 3; з — коричневый тлен); 2 — разрез; 3–5 — глиняные сосуды № 1–3

Fig. 2. Barrow group of Chaltyrskiy XI, barrow 11, burial 6: 1 — plan (a — vessel no. 1; б — vessel no. 2; в — vessel no. 3; з — brown decay); 2 — cross-section; 3–5 — clay vessels nos. 1–3

на правом боку, с небольшим разворотом на живот. Череп лежал на правом боку, лицевой частью ко дну камеры. Руки вытянуты в направлении коленей, левая поверх правой, кисти отсутствуют. Ноги, в отличие от первого погребенного, сильнее подтянуты к животу, колени также согнуты под острым углом.

Прослеженные особенности рассматриваемого захоронения позволяют отнести его к погребениям с демембрацией «блоком». Так, у скелета 1 к северной стенке камеры было смещено правое крыло таза в сочленении с бедренной костью, то есть намеренное смещение производилось при неполном разложении тела умершего.

Инвентарь представлен тремя глиняными сосудами: первый сосуд (рис. 2, 3) находился у черепа скелета 2, внутри него отмечены следы органики (вероятно,

Рис. 3. Могильник Глубокая II, кург. 1, погр. 12: 1 — план (*a* — реповидный сосуд; *б* — курильница; *в* — бронзовый нож; *г* — деревянное навершие; *д* — тлен подстилки); 2 — разрез; 3 — очертания входного отверстия; 4 — нож; 5 — деревянное навершие с бронзовыми вставками; 6, 7 — сосуд и курильница (лепная керамика)

Fig. 3. Glubokaya II cemetery, barrow 1, burial 12: 1 — plan (*a* — turnip-shaped vessel; *б* — censer; *в* — bronze knife; *г* — wooden finial; *д* — decayed bedding); 2 — cross-section; 3 — entering hole contour; 4 — bronze knife; 5 — wooden finial with bronze inlays; 6, 7 — clay vessel and censer (hand fashioned)

остатки пищи); второй (рис. 2, 4) стоял слева от входа, под ЮЗ стенкой камеры; третий, с отбитым в древности горлом (рис. 2, 5), находился под входной ступенькой.

Отмеченная демембрация «блоком» фиксируется и в погребальных комплексах катакомбной культуры на Левобережье нижнего течения Дона.

Погр. 12 кург. 1 могильника Глубокая II, расположенного на р. Маныч (Прокофьев 2009), — это конструкция катакомбного типа (рис. 3, 1, 2). Входной колодец прямоугольной формы длинной осью ориентирован по линии С–Ю. В северной

стенке проделано круглое входное отверстие (рис. 3, 3), невысокой ступенькой переходящее в камеру овальной формы.

Скелет мужчины 40–45 лет лежал у северной стенки камеры. Погребенный был уложен скорченно, на правом боку, головой на З. Тело умершего имеет следы демембрации «блоком»: кости левой части скелета смещены под северную стенку камеры, а кости нижней части скелета и левого предплечья «блоком» сдвинуты в СВ угол камеры. Нетронутыми остались кости правой верхней части скелета, правая бедренная и берцовая кости.

Инвентарь представлен глиняными сосудом и неорнаментированной курильницей, бронзовым ножом и деревянным навершием, инкрустированным бронзой (рис. 3, 4–7).

С определенной долей условности к демембрации «блоком» можно отнести погр. 6 кург. 2 могильника Молокановский III, расположенного на Левобережье Северского Донца (Там же). Это катакомбная конструкция; колодец прослежен частично, предположительно имел овальные очертания, длинной осью ориентирован по линии СЗ–ЮВ. В восточной части сделана ступенька, ведущая в камеру овальной формы, ориентированную по линии С–Ю (рис. 4, 1, 2).

Скелет женщины 25–30 лет с деформированным черепом лежал в центре камеры. Погребенная была уложена скорченно, на правый бок, головой на СЗ. Интересной особенностью является расположение черепа поверх курильницы, что довольно редко встречается и является показателем нарушения захоронения. Вся верхняя часть погребенной была ритуально разрушена. В сочленении осталась правая рука, кисти отсутствовали. Нижняя часть скелета покоилась *in situ*.

Инвентарь представлен глиняной орнаментированной курильницей (рис. 4, 3).

Рассмотренная серия погребений с демембрацией «блоками» по инвентарю и обряду относится к позднему периоду катакомбной культуры. Погр. 35 кург. 1 могильника Веселый I относится к позднему этапу донецкой культуры позднего этапа, погр. 6 кург. 11 могильника Чалтырский XI — к бахмутскому варианту катакомбной культуры, а погр. 12 кург. 1 могильника Глубокая II и погр. 6 кург. 2 могильника Молокановский III — к маньчжской культуре. Установлено, чтобы сместить кости человека «блоками», труп должен разлагаться менее одного года. Соответственно такие манипуляции (и проникновение в могилу) производились в течение первого года после похорон.

Как отметил Р. А. Литвиненко (2011: 26), археологические источники практически не дают информации о причинах демембрации в культурах бронзового века степной части Восточной Европы. Исследователи выработали несколько гипотез, объясняющих появление демембрации в погребальной практике древнего населения. Контексты вышеописанных погребений свидетельствуют в пользу гипотезы обезвреживания покойников. Подобные действия прослеживаются от раннего бронзового века до средневековья и проявляются в различных формах. Интересно, что погребения частично эскарнированных скелетов встречены далеко от ареала катакомбной культуры — в могильниках бронзового века Прибайкалья (Новиков 2007: 111). Столь широкое распространение свидетельствует об эпохальном сходстве погребальных действий с костными останками человека, характерном для разных археологических культур.

Подтверждением гипотезы обезвреживания покойников является отсутствие кистей рук у скелета 2 из погр. 6 кург. 11 могильника Чалтырский XI и у скелета из

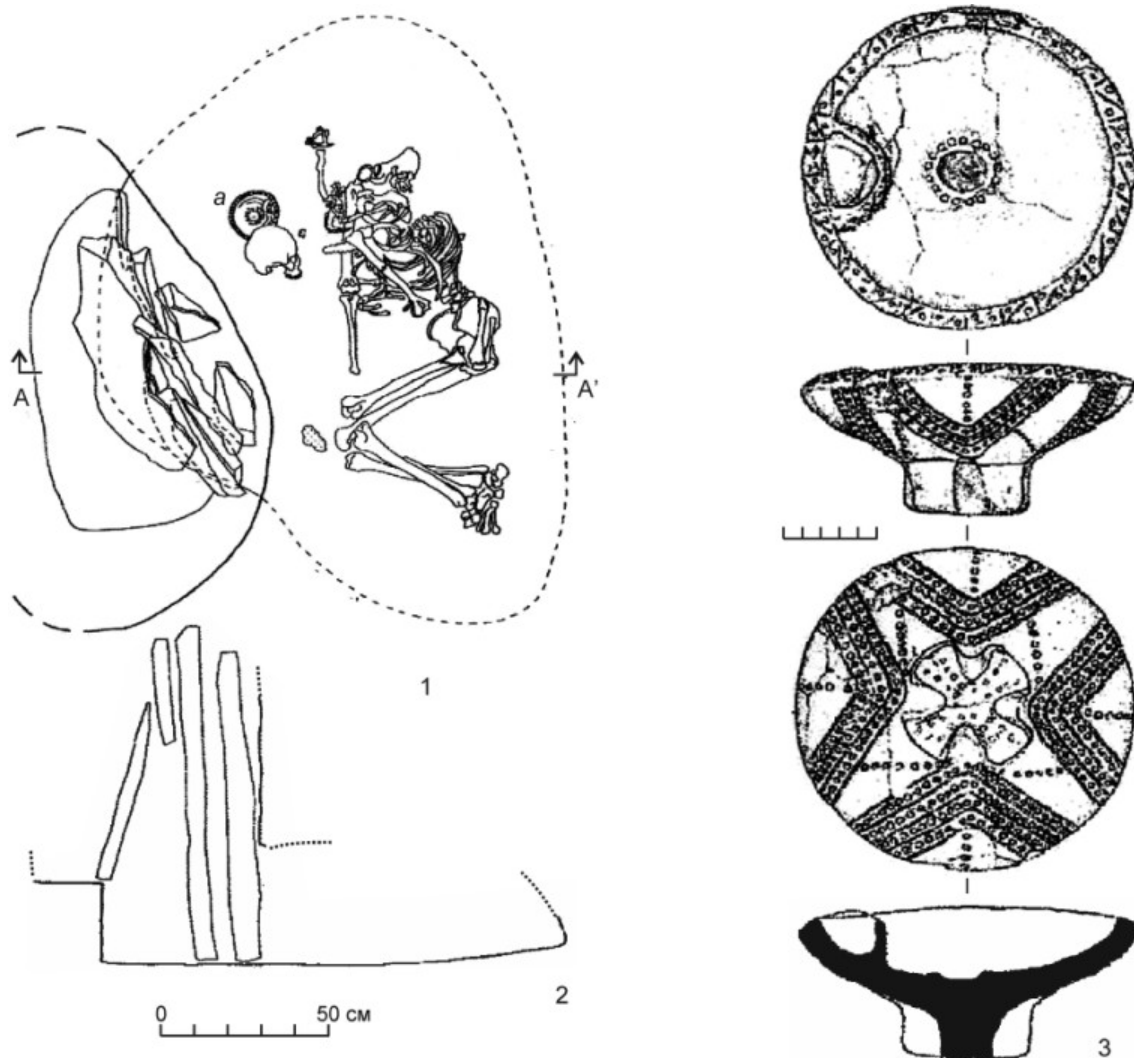

Рис. 4. Могильник Молокановский III, кург. 2, погр. 6: 1 — план (*a* — курильница); 2 — разрез; 3 — глиняная курильница

Fig. 4. Molokanovskiy III cemetery, barrow 2, burial 6: 1 — plan (*a* — censer); 2 — cross-section; 3 — clay censer

погр. 6 кург. 2 могильника Молокановский III. В. С. Флёров (2007: 28) на материалах раннего средневековья полагает, что полное отсутствие обеих кистей — яркое свидетельство обряда обезвреживания. Отсечение кистей в ритуальных целях обнаружено и в погребальных комплексах раннего железного века (Глебов, Парусимов 2000; Дзиговский, Островерхов 2008). В позднем бронзовом веке отсечение кистей и конечностей засвидетельствовано в срубной культуре (Губин 2012: 222). Можно полагать, что и в катакомбной культуре проводились действия ритуального характера с кистями покойников.

С. А. Токарев считал, что обряды обезвреживания покойника, то есть обряды, в которых проявлялся страх перед ним, имели место при погребении важных лиц — вождей, шаманов, колдунов (Токарев 1990: 181). Среди рассматриваемых погребений отметим наличие костяной игровой фишки в погр. 35 кург. 1

могильника Веселый I (рис. 1, 2). С. Н. Санжаров утверждает, что присутствие играль-ных костей в катакомбных погребениях дает основание рассматривать их как захоро-нения вождей-жрецов или семейных старейшин-жрецов (Санжаров 1988: 157). О вы-соком статусе может говорить и деревянное навершие в погр. 12 кург. 1 могильника Глубокая II, которое является редким изделием в комплексах катакомбной культуры (рис. 3,5). Предположение об обезвреживании лиц высокого статуса путем демембра-ции «блоком» можно допустить, однако требуются дополнительные данные.

Обряд демембрации в катакомбной культуре остается малоизученным. Новые раскопки с тщательным анализом заполнения входного колодца и положения че-ловеческих останков в момент их обнаружения могут помочь в решении этого во-проса. Дальнейшие исследования также будут способствовать накоплению данных и добавят объективные факты в интерпретацию обряда демембрации «блоками».

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ мате-риалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 271 с.
- Губин 2012 — *Губин А. С.* Нерядовые погребения срубной культуры Урало-Поволжья // *Филология и культура*. 2012. № 2 (28). С. 221–227.
- Глебов, Парусимов 2000 — *Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Новые сарматские погребения в бассейне реки Сал // *Гугуев Ю. К.* (ред.). Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д.: Терра, 2000. С. 61–89 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Дзиговский, Островерхов 2008 — *Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Культ руки у сар-матов // *Краткие сообщения Одесского археологического общества*. Одесса: Печатный дом Фаворит, 2008. С. 167–172.
- Кожедуб А. А. 2019 — *Кожедуб А. А.* О проявлениях дольменного обряда в катакомбных по-гребениях кургана 11 курганной группы Чалтырский XI // *Вдовченков Е. В.* (отв. ред.). XIV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов: Пробле-мы археологии Восточной Европы: Материалы конф. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2019. С. 19–25.
- Кожедуб А. Г. 2017 — *Кожедуб А. Г.* Демембрация в погребальном обряде бронзового века Северного Причерноморья и Восточного Приазовья: обзор литературы // *Новое про-шрое*. 2017. № 4. С. 336–343.
- Литвиненко 2011 — *Литвиненко Р. О.* Обряд вторичного похоронения в культурах бабинсь-кого кола // *Донецкий археологічний збірник*. Донецьк, 2011. № 15. С. 7–35.
- Лысенко, Разумов 2016 — *Лысенко С. Д., Разумов С. Н.* Демембрация в погребальном обря-де ингульской катакомбной культуры // *Новое прошрое*. 2016. № 4. С. 49–66.
- Мельник 1991 — *Мельник В. И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука, 1991. 135 с.
- Небрат 2013 — *Небрат С. Г.* Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // *Донецкий археологічний збірник*. 2013. № 17. С. 7–23.
- Новиков 2007 — *Новиков А. Г.* Погребения бронзового века Прибайкалья с нарушенной анатомической целостностью костяков // *Вестник Новосибирского ГУ*. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 109–117.
- Прокофьев 2009 — *Прокофьев Р. В.* Раскопки курганов на Северском Донце и Маныче // *Археологические записки*. Ростов н/Д., 2009. Вып. 6. С. 94–113.

- Санжаров 1988 — Санжаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. 1988. № 1. С. 140–158.
- Смирнов 1997 — Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997. 278 с.
- Токарев 1990 — Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Политиздат, 1990. 622 с. (Библиотека атеистической литературы).
- Флёров 2007 — Флёров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус, 2007. 373 с.
- Яценко 2018 — Яценко В. В. Отчет о раскопках курганов 11, 14, 15, 16 курганной группы Чалтырский XI и курганов 2, 3, 4 курганной группы Мокро-Чалтырский I в 2015 г. в Мясниковском районе Ростовской области // Архив Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов н/Д., 2018. № 99.

SPECIAL FEATURES OF DEMEMBRATION IN THE FUNERAL PRACTICE OF THE LOWER DON CATACOMB CULTURE PEOPLE

A. G. KOZHEDUB, A. A. KOZHEDUB

Keywords: *Lower Don, Middle Bronze Age, Catacomb culture, burial rite, demembration.*

The paper is devoted to the analysis of a series of Middle Bronze Age burials from the barrow cemeteries of Veselyi I, Chaltyrskiy XI, Glubokaya II and Molokanovskiy III in the Lower Don region. All of them present a hitherto unknown type of demembration which involves a complete of partial displacement of bones “in blocks”, *i. e.* in anatomical articulation. Judging by both their inventory and ritual details, the burials in question belong to the late stage of the Catacomb culture (late stage of the Donets culture, Bakhmur variant, and the Manych culture). The displacement of bones “in blocks” (and penetration into the grave) took place during the first year after the funeral. There is a number of hypotheses that attempt to explain the appearance of demembration in ritual practices of ancient people. The burial contexts described in this paper support the hypothesis according to which demembration served as a method of rendering the dear harmless.

ШЕРСТЯНЫЕ ТКАНИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО, ИЗОТОПНОГО И РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗОВ¹

Н. И. ШИШЛИНА, О. В. ОРФИНСКАЯ, Д. В. КИСЕЛЁВА, П. ХОММЕЛЬ,
О. В. КУЗНЕЦОВА, Н. Ю. ПЕТРОВА, Е. С. ШАГАЛОВ²

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южная Сибирь, текстиль из шерстяного волокна, изотопный анализ, радиоуглеродное датирование.

В статье представлены результаты технологического и изотопного исследования, а также радиоуглеродного датирования образцов шерстяных тканей из погребений эпохи бронзы Южной Сибири. На их основании высказано предположение, что появление в этом регионе шерстяного волокна связано с позднеандроновским (фёдоровским) населением середины — начала второй половины II тыс. до н. э. Место расположения центров производства шерстяных изделий остается под вопросом, поскольку изотопный состав (азот, углерод, вариации изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) показывает, что шерстяные текстильные изделия могильников Ужур, Уйбат и Усть-Ерба не могут относиться к предметам местного производства.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-70-81

Введение

Появление шерстяного волокна в Северной Евразии существенным образом повлияло на экономические преобразования первой половины II тыс. до н. э. Плетение и ткачество бронзового века в этом регионе остаются одними из наименее изученных отраслей хозяйства. Находки древних тканей редки и фрагментарны, поэтому они являются уникальным археологическим источником. Каждый индивидуальный фрагмент может быть изучен комплексом естественнонаучных

---

¹ Работа проведена при поддержке РФФИ, проекты № 18-09-00015 (технологический анализ, ^{14}C датирование, исторический контекст) и № 20-09-00194 (определение соотношений изотопов стронция).

² Н. И. Шишлина, Н. Ю. Петрова — Отдел археологических памятников, ГИМ, г. Москва, 109012, Россия; О. В. Орфинская — Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, 119071, Россия; Д. В. Киселёва — Лаборатория физических и химических методов исследования минерального вещества, Институт геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварицкого УРО РАН, г. Екатеринбург, 620151, Россия; П. Хоммель — Отдел археологии, египтологии и античности, Ливерпульский университет, г. Ливерпуль, Великобритания; О. В. Кузнецова — Лаборатория геохимии углерода, Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН, г. Москва, 119991, Россия; Е. С. Шагалов — кафедра минералогии, петрографии и геохимии, Уральский государственной горный университет, г. Екатеринбург, 620144, Россия.

Рис. 1. Могильники Южной Сибири: 1 — Ужур; 2 — Уйбат; 3 — Усть-Ерба

Fig. 1. Cemeteries of South Siberia: 1 — Uzhur; 2 — Uibat; 3 — Ust-Erba

методов для получения достоверной информации о происхождении, распространении и особенностях ткацких традиций, использовании шерстяного волокна разными культурными группами бронзового века. В данной работе представлены результаты технологического и изотопного исследования фрагментов шерстяного текстиля Южной Сибири из коллекции Исторического музея.

Археологические контексты

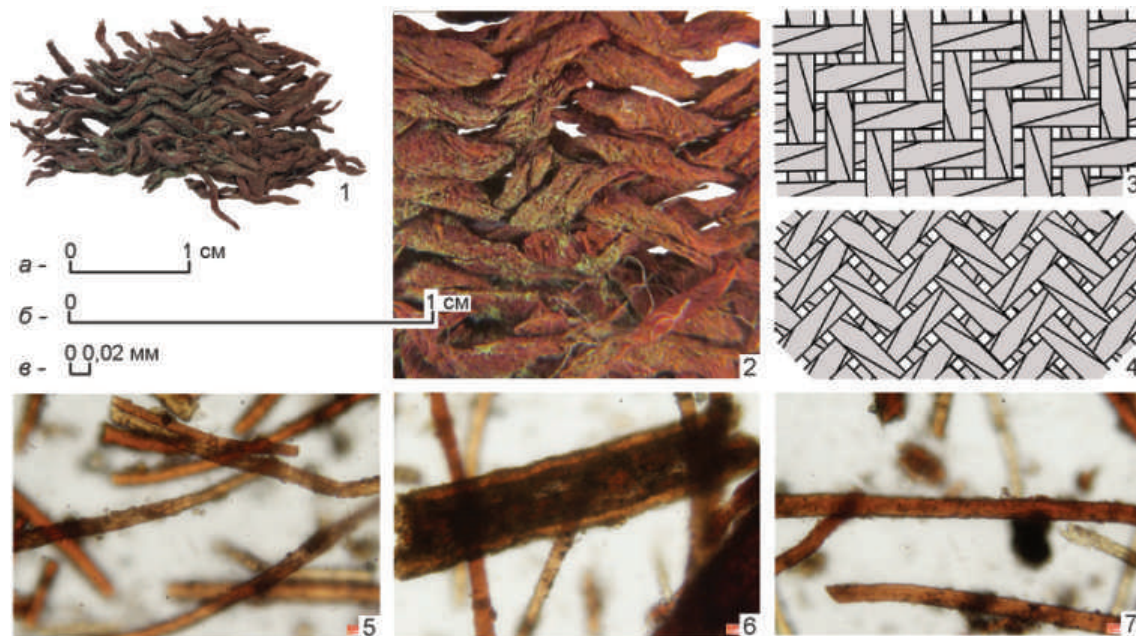
В Историческом музее хранятся фрагменты текстильных изделий, найденные в захоронениях трех могильников эпохи бронзы Южной Сибири (рис. 1).

Могильник Усть-Ерба расположен на правом берегу р. Ерба в Хакасии (Киселёв 1935: 206–207). На поверхности могил сохранились оградки из плиток. В оградке 1 обнаружены два фрагмента ткани, один из них сохранился в коллекции Исторического музея, опись А 95 (рис. 2, 1).

Могильник Ужур находится на севере Минусинской котловины в Красноярском крае. В кургане 47 зафиксированы две оградки. В центре оградки 2 находилась могила 2 — ящик-циста, стенки которого были сложены из плит. На дне могилы лежал скорченно на левом боку скелет взрослого мужчины, черепом ориентированный на В–СВ. Выше тазовых костей зафиксирован пояс (один — согласно отчету Н. Л. Членовой, на самом деле в коллекции ГИМ хранятся три пояса), возле ног — шнурки, в области спины — фрагменты кожи. Согласно полевому отчету, все текстильные изделия — шерстяные (реставрация проведена Т. Н. Волгиной в Государственном Эрмитаже; в настоящее время коллекция хранится в Историческом музее, опись А 1901) (Членова 1962: 68–74) (рис. 3, А).

Могильник Уйбат (по описи ГИМ) карасукской культуры находится на мысу левого берега р. Бея, рядом с Уйбатским Чаатасом в Абаканском р-не Хакасии.

Рис. 2. Могильник Усть-Ерба: 1 — фрагмент шерстяного текстиля; 2 — деталь; 3–4 — схемы переплетения; 5–7 — макрофотографии шерстяных волокон. Масштаб: *a* — для № 1; *б* — для № 2; *в* — для № 5–7

Fig. 2. Ust-Erba cemetery: 1 — wool textile fragment; 2 — detail; 3–4 — scheme of intertwinning; 5–7 — macrophotograph of wool fibers. Scale: *a* — no. 1; *б* — no. 2; *в* — nos. 5–7

В полностью сохранившейся могиле 3 лежал скорченно на левом боку скелет взрослого человека (женщины?), ориентированный черепом на СВ. У височных костей сохранились три бронзовых височных кольца, фрагменты волос и кожи; под нижней челюстью — изделие из пяти ремешков, украшенных бронзовыми обоями, отходящих вниз от круглой медной бляхи. В могиле обнаружены кости барана, бронзовый нож, на конце которого сохранился фрагмент шерстяной ткани (Киселёв 1936; 1937). В коллекции Исторического музея хранятся многочисленные фрагменты волос, меха, шерстяных тканей и кожи из этого захоронения (опись А 430), предположительно часть из них могла относиться к головному убору (рис. 3, Б). Автор раскопок С. В. Киселёв отнес погребение к карасукской культуре.

Образцы и методика исследования

Изучение текстильных изделий проводилось по методике, разработанной в Центре исследования исторических и традиционных технологий Института наследия. Описание результатов осуществлялось по стандартной схеме, которая соответствует требованиям международного текстильного центра СИЕТА. Для определения структуры текстильных материалов и характеристики нитей в тканях применялись микроскопические методы в отраженном неполяризованном свете:

- с использованием текстильной лупы Flash Magnifier с увеличением до 10[×];
- с помощью стереомикроскопа МБС-10 с увеличением до 40[×];
- с помощью стереомикроскопа Stemi 2000-CS с увеличением до 100[×].

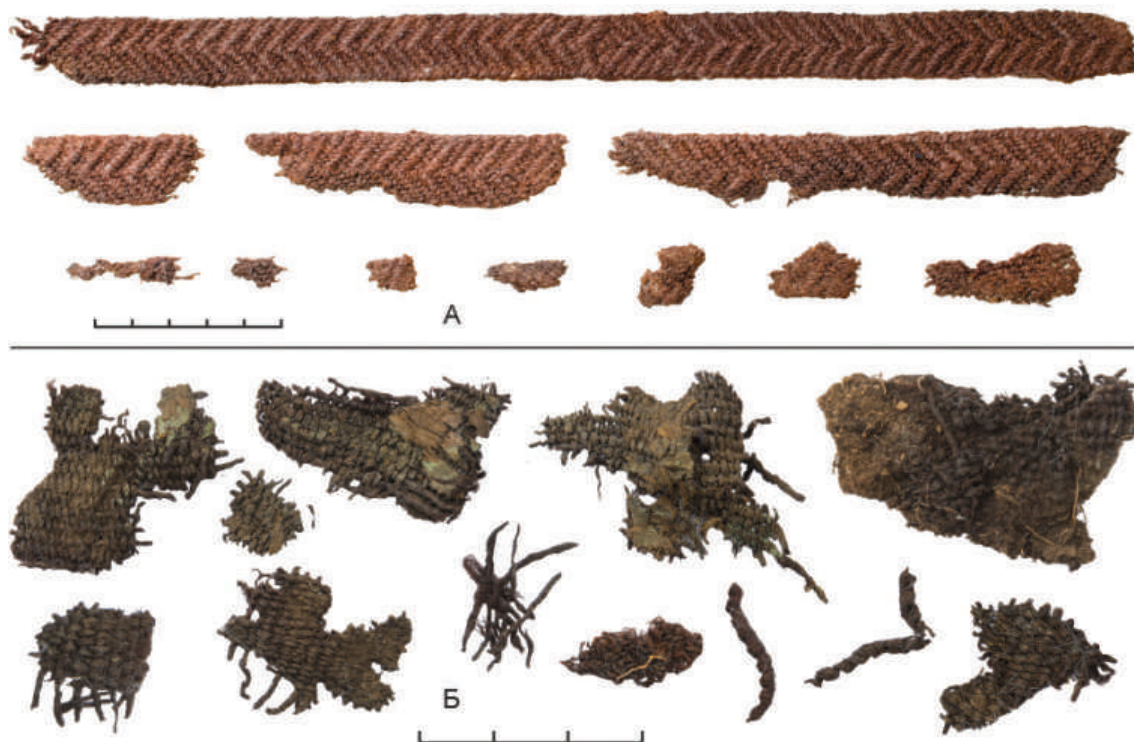

Рис. 3. А — могильник Ужур, кург. 47, оградка 2, мог. 2, шерстяные пояса; Б — могильник Уйбат, мог. 3, фрагменты шерстяного текстиля

Fig. 3. А — Uzhur cemetery, barrow 47, enclosure 2, grave 2, wool belts; Б — Uibat cemetery, grave 3, wool textile fragments

Для определения природы текстильных волокон, а также степени их загрязнения и повреждений применялась микроскопия в проходящем поляризованном свете с помощью микроскопа Laborlux 12pol с увеличением до 100–400 $\times$.

Изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в ископаемых и современных костных и зубных тканях человека и животных успешно применяются для реконструкции перемещений человека и животных (Ericson 1985; Bentley 2006). Пилотные исследования (von Carnap-Bornheim et al. 2007; Frei et al. 2009) показали, что изотопный состав стронция шерсти овец, а следовательно, и изотопный состав стронция археологического шерстяного текстиля в среднем отражает сигнал биодоступного стронция соответствующих пастбищ, где овцы могли находиться на выпасе. Это позволяет выявить возможные территориальные источники сырья. Задачей исследования изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в двух фрагментах шерстяного текстиля — из могильников Ужур и Уйбат и в биодоступных образцах улиток, собранных во время полевой экспедиции рядом с могильником Уйбат, — являлась апробация методики изотопного анализа стронция в археологическом текстиле эпохи бронзы и определение вероятного ареала происхождения шерстяного сырья для изготовления тканей.

Исследования изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ проводились в Институте геологии и геохимии, г. Екатеринбург, по опубликованной методике (Киселёва и др. 2019) на мультиколлекторном магнитосекторном масс-спектрометре с двойной фокусировкой Neptune Plus (Thermo Fischer) методом брекетинга (SSB) по схеме «стандарт-образец-образец-стандарт». Для оценки правильности и долговременной

воспроизводимости измерительной процедуры использовали стандарт изотопного состава стронция NIST SRM 987: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0,710266 \pm 8$ (1SD, N = 23).

Для верификации полученных результатов дополнительно определялся изотопный состав азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$). Изотопный состав коллагена травоядных животных зависит от изотопного состава пастбищных растений и может изменяться в зависимости от климата и типа освоенных пищевых ресурсов (пастбищных, лесных и иных угодий). В волосах изотопный сигнал меняется намного быстрее. Волосы на 95 % состоят из кератина — сложного протеинового биополимера сетчатой структуры. Они растут в среднем на 1 см в месяц и отражают изотопный сигнал, связанный с рационом животного в достаточно короткий промежуток времени (O'Connell et al. 2003; Webb et al. 2013). Полученные данные дают лишь общее представление об изотопном составе сырья и тех пастбищах, где овцы или козы могли выпасаться, нежели характеризуют каждый индивидуальный фрагмент (Szpak et al. 2015), однако их можно учитывать при определении потенциального ареала происхождения шерстяного сырья.

Измерения изотопного состава текстильных образцов выполнены в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского на изотопном масс-спектрометре DELTA Plus XP (Thermo Fischer Scientific, Германия), соединенном с элементным анализатором Flash EA 1112 (TermoFinnigan, Италия). Сохранность кератина оценивалась по отношению атомов углерода к азоту в образце C/N. Каждый образец измерялся трижды. Стандартные отклонения составляли для $\delta^{13}\text{C} \pm 0,2$ ‰, для $\delta^{15}\text{N} \pm 0,2$ – $0,3$ ‰. Отношения стабильных изотопов углерода и азота представлены в промилле в соответствии с международными стандартами VPDB и AIR.

Проведено также прямое радиоуглеродное датирование четырех образцов шерстяного волокна в ^{14}C лабораториях Познанского (1), Гронингенского (2) и Оксфордского (1) университетов.

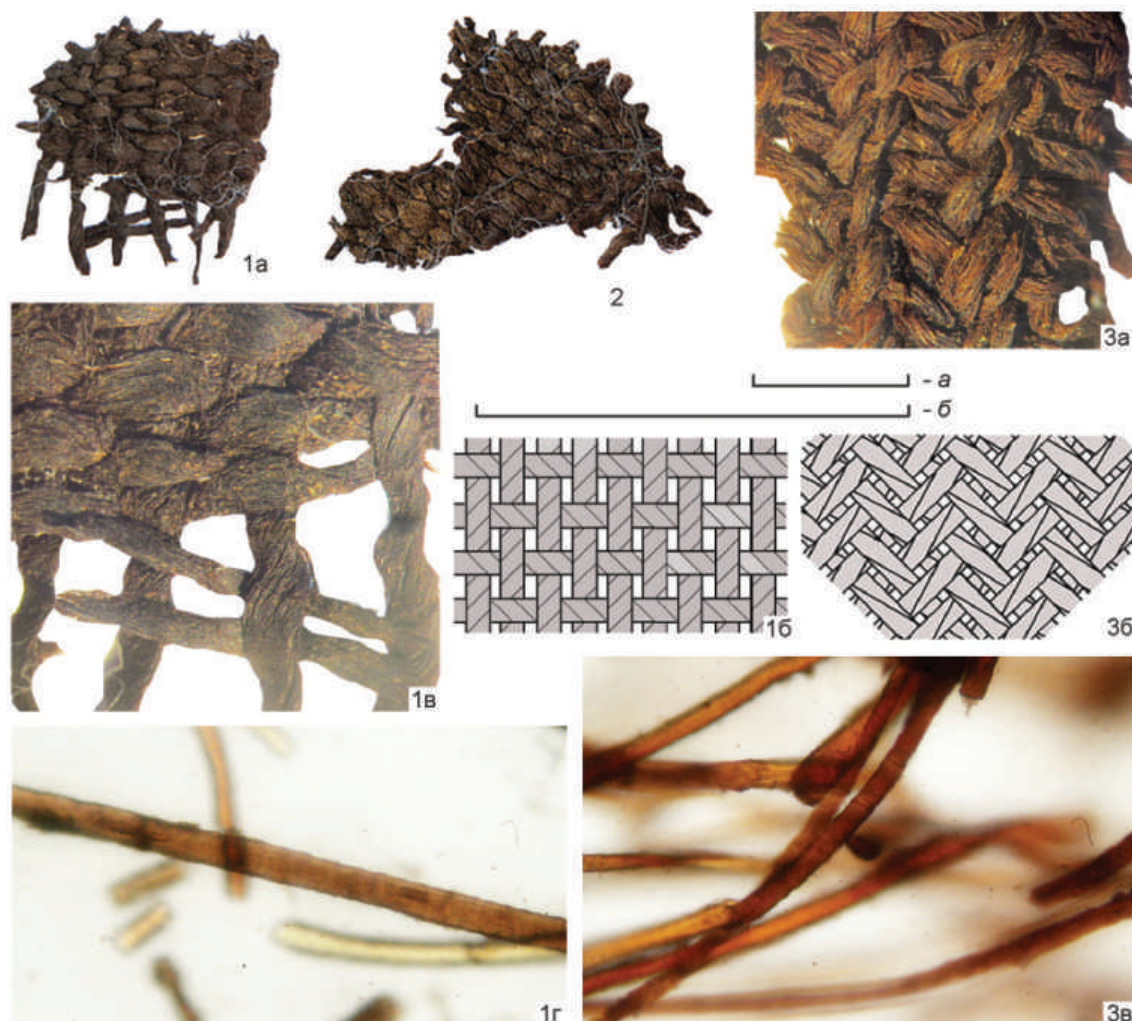
Результаты технологического анализа

Могильник Усть-Ерба (рис. 2). Образец размерами 1,5 × 2,8 см — тесьма диагонально-саржевого плетения (2/2). Рабочие нити — шерсть красного цвета II порядка со слабой S,2z круткой толщиной около 1 мм. Плотность: семь рабочих нитей на 1 см. Фрагмент может являться частью ткани саржевого переплетения 2/2.

Могильник Уйбат. Образец 1 размерами 1,4 × 1,4 см — шерстяная ткань полотняного переплетения (рис. 4, 1a–1z); нити основы тоньше, чем нити утка. Нити основы коричневого цвета; отдельные нити распадаются на две пряди; нити I порядка со слабой Z круткой (на отдельных участках без крутки); I,2z. Толщина нитей II порядка неравномерная, 0,6–1,0 мм. Нити утка коричневого цвета со средней Z круткой толщиной 0,8–1,2 мм. Плотность ткани 14/5 н/см. В нити преобладают пуховые волокна (рис. 5, 3, 4).

Образец 2 размерами 1,5 × 1,5 см — шерстяная ткань полотняного переплетения (рис. 4, 2). Нити основы тоньше, чем нити утка, коричневого цвета; нити II порядка, I,2z. Толщина нитей II порядка неравномерная, 0,6–0,8 мм. Нити утка коричневого цвета со средней Z круткой толщиной 0,8–1,0 мм. Плотность ткани 16/6 н/см.

Образец 3 размерами 1,5 × 0,8 мм — шерстяная тесьма диагонально-саржевого плетения 2/2 (рис. 4, 3a–3в). Рабочие нити имеют II порядок крутки в S направлении, степень крутки слабая. Нити I порядка со слабой Z круткой. Толщина нити второго порядка (S,2z) 0,6–1,0 мм. Плотность шесть рабочих нитей на 1 см.

Рис. 4. Могильник Уйбат, мог. 3, фрагменты шерстяного текстиля: 1а–1г — образец 1 (1а — общий вид; 1б — схема переплетения; 1в — деталь; 1г — макрофотография шерстяного волокна); 2 — образец 2; 3а–3в — образец 3 (3а — общий вид; 3б — схема переплетения; 3в — макрофотография шерстяного волокна). Масштаб: а — для № 1а, 2; б — для № 1в, 3а

Fig. 4. Uibat cemetery, grave 3, wool textile fragments: 1а–1г — specimen 1 (1а — general view; 1б — scheme of intertwining; 1в — detail; 1г — macrophotograph of wool fibers); 2 — specimen 2; 3а–3в — specimen 3 (3а — general view; 3б — scheme of intertwining; 3в — macrophotograph of wool fibers). Scales: а — nos. 1а, 2; б — nos. 1в, 3а

Могильник Ужур (Орфинская и др. 1999: 82–84; 152–163). Образец 1 — фрагмент шерстяного пояса, выполненного в технике диагонального плетения. Для плетения применили 32 нити: 16 тонких и 16 толстых. Плели от краев к центру, по лицевой стороне толстые нити основы перекрывались толстыми нитями утка (рис. 5, 1, 2). Образец 2 — шнуры из хорошо спряденных шерстяных нитей (Там же: 82).

Результаты изотопного исследования

Полученные отношения вариаций стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах (табл. 1, рис. 6, 1) различны: более радиогенное (высокое) — во фрагменте пояса из Ужура, более низкое — в текстиле из Уйбата. Эти результаты

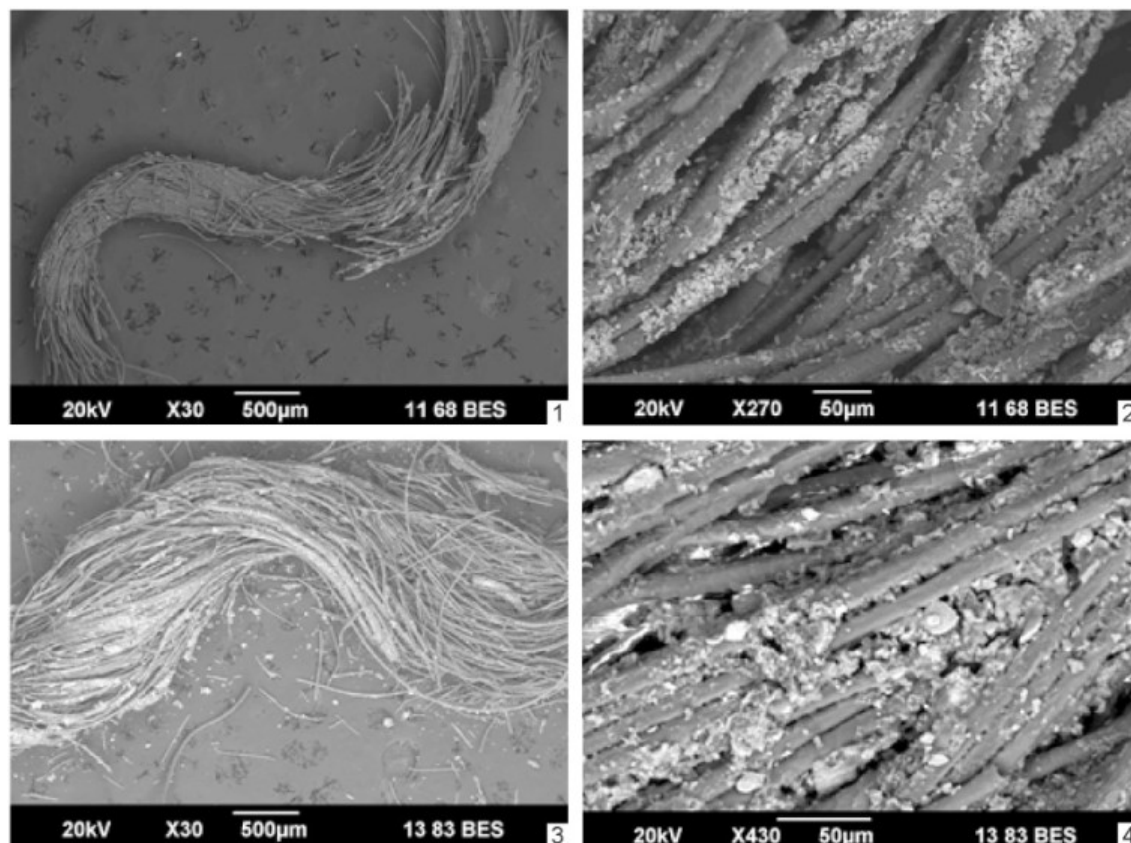

Рис. 5. Макрофотографии шерстяного текстиля: 1, 2 — могильник Ужур, пояс 1; 3, 4 — могильник Уйбат, фрагмент 1

Fig. 5. Macrophotographs of wool textile fibers: 1, 2 — Uzhur cemetery, belt 1; 3, 4 — Uibat cemetery, fragment 1

свидетельствуют, что происхождение сырья (шерсть животных) должно быть связано как минимум с двумя разными ареалами, где мог проводиться их выпас. Однако отношения вариаций стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяном изделии из Уйбата оказались выше, чем изотопные показатели в двух биодоступных фоновых образцах — улитках, собранных рядом с могильником. Таким образом, сырье — шерсть, вероятно, мех, кожа, которые были использованы при изготовлении одежды (савана?) погребенного в могильнике Уйбат, — не было произведено в междуречье р. Бея и Уйбат и может быть связано с другим, пока еще не определенным, регионом. Видимо, выпас овец, руно которых пошло на производство ткани, проводился не на пастбищах вокруг степных рек, а на угодьях, расположенных на удалении от места погребения.

Данные по изотопным отношениям стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяном текстиле учитывались при интерпретации изотопного состава азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в пяти образцах из трех могильников (табл. 2, рис. 6, 2).

Изотопный состав пяти образцов шерстяных тканей Южной Сибири различается и варьирует: $\delta^{13}\text{C}$ от $-24,0$ до $-21,6$ ‰ (среднее $-22,9 \pm 0,9$), $\delta^{15}\text{N}$ от $1,6$ до $10,8$ ‰ (среднее $6,7 \pm 3,5$). По изотопному составу можно выделить три группы:

1) шерстяной текстиль с низким значением азота и углерода (шнур из Ужура) ($\delta^{13}\text{C} = -23,5$ ‰; $\delta^{15}\text{N} = 1,6$ ‰);

Т а б л и ц а 1

Изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах из могильников Уйбат и Ужур и биодоступных фоновых образцах (раковинах улиток)

№	Образец	Sr, ppm	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	$\pm 2\text{SE (abs)}$
Археологический текстиль				
1	Уйбат, Хакасия	148	0,70794	0,00002
2	Ужур (фрагмент пояса)	103	0,70891	0,00001
Биодоступные фоновые образцы (раковины улиток)				
3	Правый берег река Бея	1707	0,70598	0,00006
4	Река Уйбат	2475	0,70729	0,00006

Т а б л и ц а 2

Изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в образцах шерстяных тканей и нитей из могильников Южной Сибири

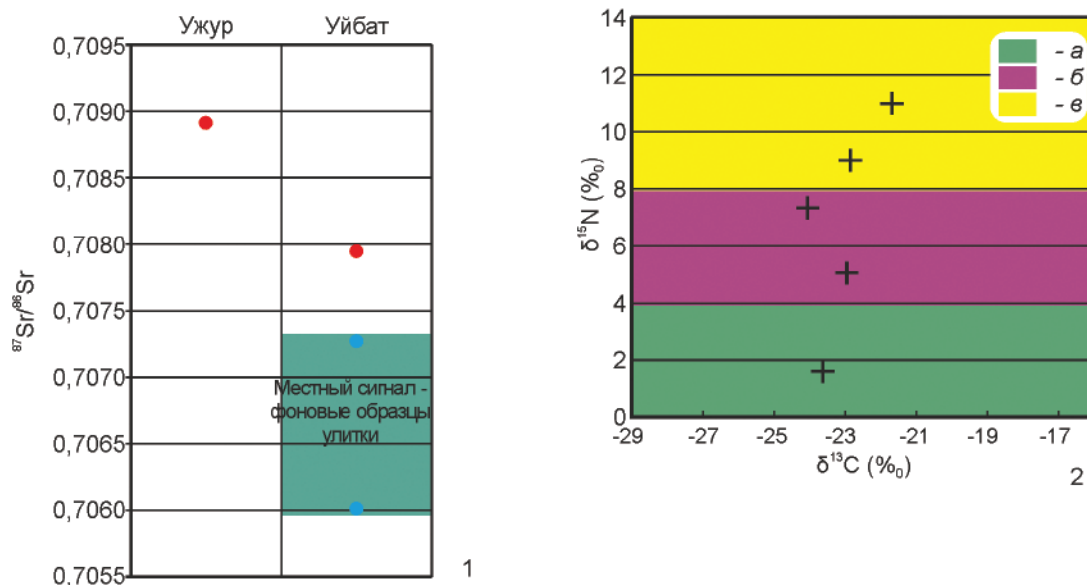
№	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰, VPDB	$\delta^{15}\text{N}$, ‰, AIR	C : N
1	Ужур, кург. 47, погр. 2, образец 1 — фрагмент пояса	-22,9	5,0	—
2	Ужур, кург. 47, погр. 2, образец 2 — шнур	-23,5	1,6	—
3	Уйбат, погр. 3, образец 1 — фрагмент текстиля	-22,8	8,9	4,1
4	Уйбат, погр. 3, образец 2 — фрагмент текстиля	-21,6	10,8	4,5
5	Усть-Ерба — фрагмент текстиля	-24,0	7,2	2,2

2) шерстяной текстиль со средними значениями азота и углерода (пояс из Ужура, ткань из Усть-Ербы) (среднее: $\delta^{13}\text{C} = -23,4$ ‰; $\delta^{15}\text{N} = 6$ ‰);

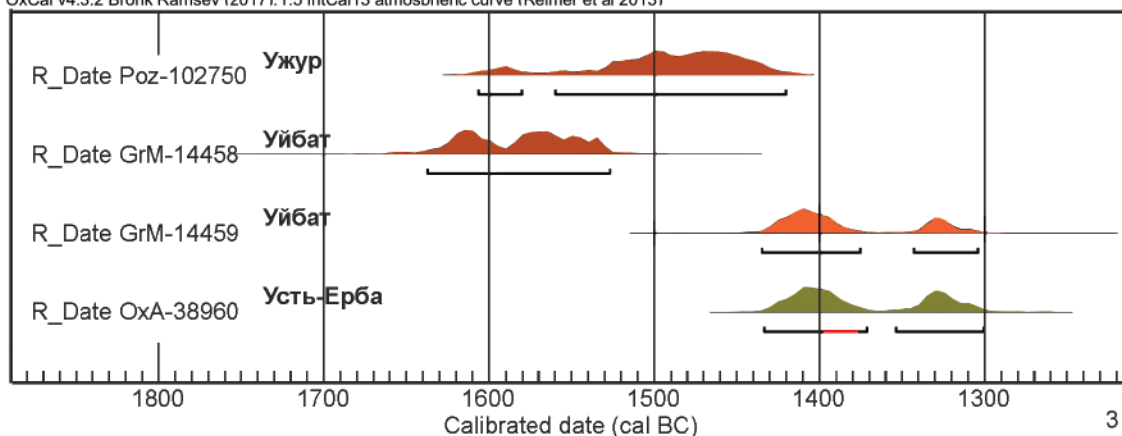
3) шерстяной текстиль с очень высокими значениями азота и повышенными значениями углерода (два фрагмента текстиля из Уйбата) (среднее: $\delta^{13}\text{C} = -22,2$ ‰; $\delta^{15}\text{N} = 9,9$ ‰).

Эти данные свидетельствуют, что часть животных (овцы/козы), руно которых пошло на производство проанализированного шерстяного текстиля, выпасалась на пастбищах сухих степей с преобладающей растительностью C_3 (группа 2). Некоторые угодья включали и растения C_4 , и растения с повышенным значением $\delta^{15}\text{N}$, вызванным угнетенным состоянием пастбищного покрова (группа 3). Сравнение с фоновой выборкой изотопного состава азота и углерода в коллагене костей археологических овец и коз эпохи бронзы и современных овец (Shishlina et al. 2018; Шишлина и др. 2019) позволяет предположить, что регионы, для которых характерны такие пастбища, могли располагаться на границе степи/лесостепи или в степной (Усть-Ерба, шнур из Ужура) и сухостепной/полупустынной аридной (Уйбат) зонах. Животные, из руно которых изготовлен один из поясов могильника Ужур, могли выпасаться на предгорных или лесостепных пастбищах (предгорных лесостепных/лесных).

Итак, изотопный состав азота и углерода, определенный в шерстяном текстиле могильников Ужур и Уйбат, также позволяет высказать предположение, что эти изделия были изготовлены, скорее всего, в нескольких ареалах, удаленных от места погребения.

OxCal v4.3.2 Bronk Ramsev (2017); r:5 IntCal13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

Рис. 6. 1 — изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в шерстяных археологических образцах из могильников Уйбат и Ужур и биодоступных фоновых образцов (раковины улиток); 2 — изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в образцах шерстяных тканей и нитей из могильников Южной Сибири (пастбища: *а* — предгорные/лесостепные, *б* — сухие степные (C_3), *в* — аридные (C_4)); 3 — результаты радиоуглеродного датирования образцов шерстяного текстиля из могильников Южной Сибири

Fig. 6. 1 — $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ ratios in archaeological samples of wool from the cemeteries of Uibat and Uzhur and in bioavailable background samples (snail shells); 2 — isotopic composition of nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) and carbon ($\delta^{13}\text{C}$) in wool samples from the cemeteries of South Siberia (pastures: *a* — foothill / forest-steppe; *b* — dry steppes (C_3); *v* — arid (C_4)); 3 — results of radiocarbon dating of wool textiles from the cemeteries of South Siberia

Результаты ^{14}C датирования

Прямое радиоуглеродное датирование образцов текстиля из трех могильников позволило определить время появления шерстяных тканей в Южной Сибири и уточнить культурную принадлежность захоронений. Начало использования шерстяных изделий в степных восточных регионах Северной Евразии связано

с андроновской культурой середины II тыс. до н. э. Шерстяная одежда и ткани появляются здесь намного позже, чем в регионах, расположенных западнее.

^{14}C дата, полученная по текстилю из Усть-Ербы, практически совпадает с датой из могильника Уйбат (табл. 3, рис. 6, 3). Оба погребения характеризуются близким по типу погребальным обрядом. Это позволяет отнести захоронение в могильнике Уйбат не к карасукской, а к позднеандоновской (фёдоровской) культуре. По описанию изделия, находившегося под нижней челюстью женского скелета в погр. 3 могильника Уйбат (Киселёв 1937: 324–326), можно предположить, что погребальный убор состоял из челюстно-лицевой подвески из бляхи и кожаных ремешков, что является типичным аксессуаром андроновской культуры (Куприянова 2008: 70–71; Усманова 2010).

Таблица 3

Результаты ^{14}C датирования образцов шерстяного текстиля
из могильников Ужур, Уйбат и Усть-Ерба

Лабораторный индекс	Образец	^{14}C возраст, ВР	Калиброванный возраст	$\delta^{13}\text{C}$, ‰, PDB	$\delta^{15}\text{N}$, ‰, AIR
Poz-102750	Ужур, кург. 47, фрагмент пояса	3220 ± 35	68,2 % вероятности 1518 BC (68,2 %) 1442 BC 95,4 % вероятности 1608 BC (6,4 %) 1582 BC 1561 BC (89,0 %) 1422 BC	-22,0	-
GrM-14458	Ужур, кург. 47, фрагмент пояса	3313 ± 19	68,2 % вероятности 1624 BC (23,4 %) 1604 BC 1584 BC (42,1 %) 1544 BC 1538 BC (2,6 %) 1535 BC 95,4 % вероятности 1638 BC (95,4 %) 1528 BC	-22,3	6,7
GrM-14459	Уйбат, погр. 3, фрагмент текстиля	3121 ± 19	68,2 % вероятности 1427 BC (56,2 %) 1392 BC 1334 BC (12,0 %) 1324 BC 95,4 % вероятности 1436 BC (69,7 %) 1376 BC 1344 BC (25,7 %) 1306 BC	-20,7	9,2
OxA-38960	Усть-Ерба, погр. 1, фрагмент текстиля	3114 ± 21	68,2 % вероятности 1422 BC (46,3 %) 1388 BC 1338 BC (21,9 %) 1320 BC 95,4 % вероятности 1434 BC (59,3 %) 1372 BC 1355 BC (36,1 %) 1302 BC	-21,7	-

Заключение

Проведенное комплексное исследование фрагментов текстиля из могильников Южной Сибири позволяет полагать, что распространение текстильных традиций, связанных с производством шерстяного волокна и нитей, появление тканых и плетеных шерстяных изделий в восточной части Северной Евразии связано с андроновской культурой. Со второй половины II тыс. до н. э. в этом регионе, вероятно, появляется особая экономическая стратегия, направленная на разведение шерстяных овец (коз) и производство шерстяной пряжи и, возможно, тканей. Под вопросом остается местонахождение производственных центров, поскольку изотопный состав (азот, углерод, вариации изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) указывает, что шерстяные текстильные изделия могильников Ужур, Уйбат и Усть-Ерба не могут относиться к предметам местного производства. Скорее всего, элементы костюма из шерсти (пояса, головные уборы) в то время обрели статус престижного предмета обмена. Ареалы производства драгоценного руна, ткацкие и пошивочные мастерские можно будет определить, включив в комплексный анализ максимально большое количество сохранившихся текстильных фрагментов из памятников эпохи бронзы Северной Евразии.

Литература и источники

- Киселёв 1935 — Киселёв С. В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. 1935. № 4–5. С. 206–210.
- Киселёв 1936 — Киселёв С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМК и ГИМ в 1936 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 255.
- Киселёв 1937 — Киселёв С. В. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакасии летом 1936 г. // СА. 1937. № 4. С. 324–326.
- Киселёва и др. 2019 — Киселёва Д. В., Червяковская М. В., Шишлина Н. И. Изотопный анализ стронция в современном сырье и ископаемом текстиле // Геохронология и археологическая минералогия. 2019. Т. 6. С. 25–28.
- Куприянова 2008 — Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Автограф, 2008. 244 с.
- Орфинская и др. 1999 — Орфинская О. В., Голиков В. П., Шишлина Н. И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Шишлина Н. И. (отв. ред.). Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М.: ГИМ, 1999. С. 58–184 (Тр. ГИМ. Вып. 109).
- Усманова 2010 — Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: Карагандинский ГУ им. акад. Е. А. Букетова; Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2010. 176 с.
- Членова 1962 — Членова Н. Л. Отчет о работе Чулымского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1962 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. 1962 г. Д. 3808, альбом № 3808а.
- Шишлина и др. 2019 — Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Леонова Н. В., Медведева П. С., Усманова Э. Р., Кукушкин И. А. Изотопный состав шерстяного волокна эпохи бронзы: первые результаты и обсуждение // Ёлкина И. И. (отв. ред.). Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. М.: ИА РАН, 2019. С. 307–319.

- Bentley 2006 — Bentley R. A. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2006. No. 13 (3). P. 135–187.
- von Carnap-Bornheim et al. 2007 — von Carnap-Bornheim C., Nosch M. L., Grupe G., Meko-ta A. M., Schweissing M. M. Stable strontium isotopic ratios from archaeological organic remains from the Thorsberg peat bog // *Rapid Communications in Mass Spectrometry*. 2007. No. 21. P. 541–545.
- Ericson 1985 — Ericson J. E. Strontium isotope characterization in the study of prehistoric human ecology // *Journal of Human Evolution*. 1985. No. 14. P. 503–514.
- Frei et al. 2009 — Frei K. M., Frei R., Mannering U., Gleba M., Nosch M. L., Lyngstrøm H. Provenance of ancient textiles — a pilot study evaluating the strontium isotope system in wool // *Archaeometry*. 2009. No. 51 (2). P. 252–276.
- O’Connell et al. 2003 — O’Connell T. C., Levin M. A., Hedges R. E. M. The importance of fish in the diet of central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // Levine V., Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. P. 253–268.
- Shishlina et al. 2018 — Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. No. 21. P. 1247–1258.
- Szpak et al. 2015 — Szpak P., Millaire J-P., White Ch. D., Lau G. F., Surette F., Longstaffe F. J. Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses // *Current Anthropology*. 2015. Vol. 56 (3). P. 449–459.
- Webb et al. 2013 — Webb E., White Ch., Longstaffe F. Dietary shifting in the Nasca Region as inferred from the carbon- and nitrogen-isotope compositions of archaeological hair and bone // *Journal of Archaeological Sciences*. 2013. No. 40. P. 129–139.

BRONZE AGE WOOL FABRICS OF SOUTH SIBERIA: RESULTS OF TECHNOLOGICAL, ISOTOPIC AND RADIOCARBON ANALYSES

N. I. SHISHLINA, O. V. ORFINSKAYA, D. V. KISELEVA, P. HOMMEL,
O. V. KUZNETSOVA, N. YU. PETROVA, E. S. SHAGALOV

Keywords: *Bronze Age, South Siberia, textile of wool fiber, isotopic analysis, radiocarbon dating.*

The paper presents the results of technological, isotopic and radiocarbon analyses of wool fabric samples from the Bronze Age burials of South Siberia. It is suggested that the appearance of wool fibers in this region was connected to the Late Andronovo population of the middle — early second half of the II mil. BC. The location of the textile production centers remains an open question, because the isotopic composition of the studied samples (nitrogen, carbon, variations of $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ ratios) shows that wools textiles from the Uzhur, Uibat and Ust-Erba cemeteries could not have been produced locally.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОСТАВЕ СТАДА У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО — ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

М. Т. КАШУБА, М. А. КУЛЬКОВА,
Т. Н. СМЕКАЛОВА²

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, п-ов Тарханкут, средний — поздний бронзовый век, поселения, загоны для скота, состав стада.*

Статья посвящена результатам археозоологического исследования костного материала из разведочных раскопок новых поселений в Северо-Западном Крыму (Тарханкут-Н2, Тарханкут-Н8, Тарханкут-18 и Тарханкут-22а). Согласно археологическим данным и результатам радиоуглеродного датирования по костным остаткам из культурного слоя и полузакрытых комплексов материалы относятся к раннему этапу культуры Бабино (Тарханкут-18, Тарханкут-22а), культурам Сабатиновка (Тарханкут-Н2, Тарханкут-22а) и Белозерка (Тарханкут-Н8, Тарханкут-18). На поселении Тарханкут-22а обнаружены также материалы раннего железного века. Всего проанализировано 1211 костей, из них 284 определенных фрагмента. Сделана попытка рассмотреть состав стада обитателей поселений в динамике: в заключительном периоде среднего бронзового века существенно преобладал крупный рогатый скот, на втором месте — мелкий рогатый скот, а доля лошади была невелика. В позднем бронзовом веке увеличивается доля мелкого рогатого скота, а в финале эпохи бронзы ощутимо присутствует лошадь. Авторы сравнили состав стада с имеющимися данными по поселениям среднего и позднего бронзового века Крыма и синхронных культур Северного Причерноморья. В случае проанализированных материалов речь идет о пастушеском скотоводстве с каменной архитектурой, представленной загонами для скота.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-82-96

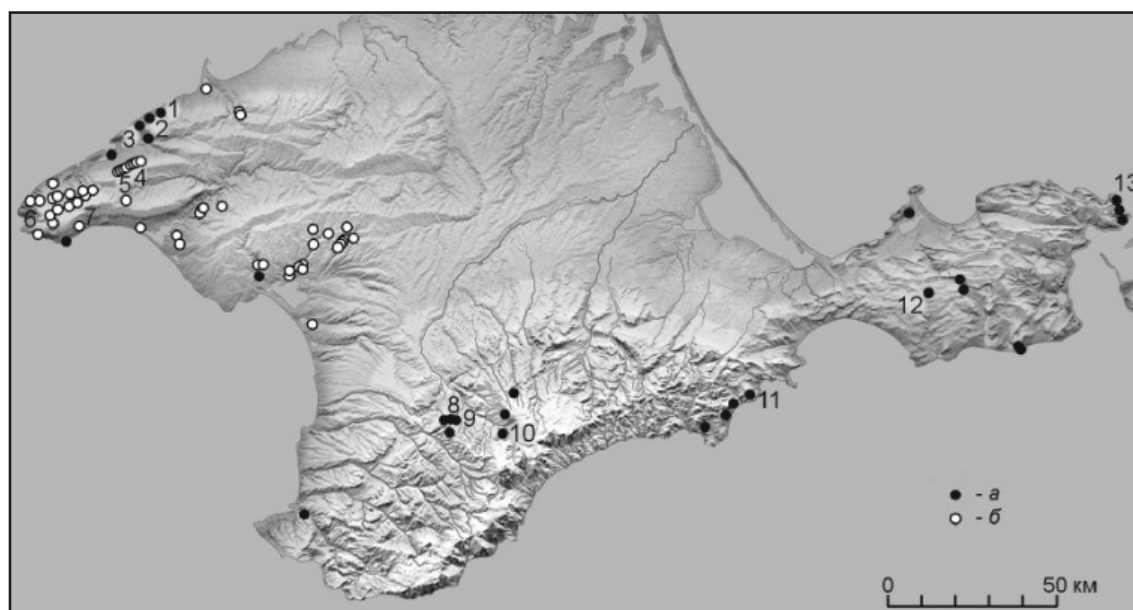
---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-КОМФИ, проект № 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

² М. Т. Кашуба — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; М. А. Кулькова — факультет геологии и геоэкологии, РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; Т. Н. Смекалова — Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, 295007, Россия.

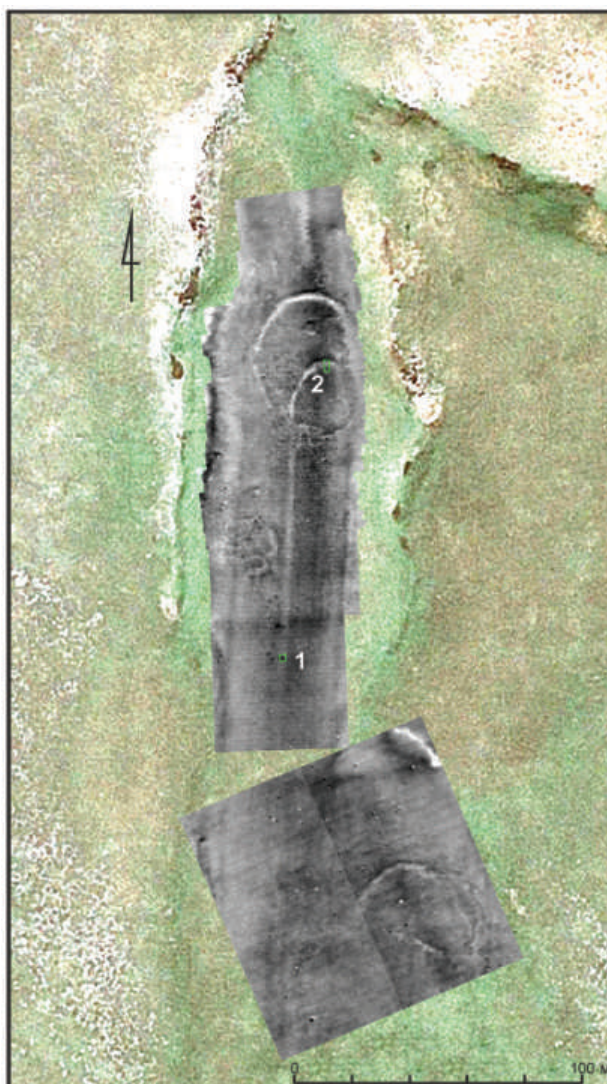
Введение

В последние десятилетия в Северо-Западном Крыму проводятся масштабные неинвазивные исследования, благодаря которым обнаружены десятки новых поселений бронзового века (Смекалова 2010: с предшествующей литературой; 2018). Ранее здесь было выявлено немногим более 10 бытовых памятников, в основном известных по разведкам (рис. 1). Два поселения — Бурун-Эли и Бай-Кият, отнесенные к позднему бронзовому веку (сабастиновская и белозерская культуры), раскопаны широкими площадями (Колотухин 1990; 2003: 102–114). Новые поселения изучаются по комплексной междисциплинарной методике (Смекалова 2018; Смекалова, Кутайсов 2017: 55 сл., 93–134; Смекалова, Кашуба 2019), применение которой позволило обнаружить разнообразные поселенческие структуры, включая (более 20 случаев) необычные структуры протяженностью до 50 м (рис. 2). Большинство таких структур состоит из большого неправильного овала, в который вписан меньший овал или круг (двойные), зафиксированы и одинарные овальные конструкции. Структуры создают отрицательные аномалии на магнитных картах, которые выглядят как светлые области (= немагнитные известняковые стены) (Smekalova et al. 2016). По этнографическим параллелям они названы «двойные каменные загоны для скота», которые могли иметь

Рис. 1. Поселения среднего — позднего бронзового века Крыма, упоминаемые в статье: 1 — Бурун-Эли; 2 — Бай-Кият; 3 — Скалистое-2; 4 — Тарханкут-Н8; 5 — Тарханкут-Н2; 6 — Тарханкут-22а; 7 — Тарханкут-18; 8 — Петровская балка; 9 — Луговое; 10 — Дружное 2; 11 — Планерское I; 12 — Кировское; 13 — Каменка. Условные обозначения: *a* — известные в XX в. по стационарным и разведочным раскопкам; *b* — открытые в XXI в. неинвазивными методами

Fig. 1. Middle — Late Bronze Age settlements of Crimea mentioned in the text: 1 — Burun-Eli; 2 — Bai-Kiyat; 3 — Skalistoe-2; 4 — Tarkhankut-N8; 5 — Tarkhankut-N2; 6 — Tarkhankut-22a; 7 — Tarkhankut-18; 8 — Petrovskaya balka; 9 — Lugovoe; 10 — Druzhnoe 2; 11 — Planerskoe I; 12 — Kirovskoe; 13 — Kamenka. Legend: *a* — known in the XX c. after the materials of stationary and prospective excavations; *b* — discovered in the XXI c. through the use of non-invasive methods

Рис. 2. Тарханкут-Н2, магнитная карта поселения, показанная на фоне космического снимка с обозначением шурфов 1 (1) и 2 (2)

Fig. 2. Tarkhankut-N2, magnetic map of the settlement shown against the background of a satellite photograph with test pits 1 (1) and 2 (2)

разнообразное функциональное назначение: разделение стада по видовой принадлежности; отделение молодых и взрослых особей; дойка; стрижка; отёл, ягнение и/или козление (Смекалова 2010; 2018; Chang, Tourtellotte 1993; Жолдасбаев 1989; см.: Кислый 2019: 20 сл.). На поселениях также зафиксированы разнообразные подквадратные, прямоугольные и овальные сооружения, образующие на магнитных картах «ячеистые» положительные аномалии разной конфигурации, которые отражаются как темные области. Согласно предложенной методике, на новых поселениях проводятся разведочные раскопки разных участков, выбранных по данным геофизики. Настоящая статья посвящена анализу костного материала из четырех новых поселений: Тарханкут-Н2, Тарханкут-Н8, Тарханкут-18 и Тарханкут-22а.

Краткое описание археологических контекстов

Тарханкут-Н2. На поселении исследовались двойной загон и темная аномалия, оказавшаяся ямой (рис. 2). В придонной части овальной и колоколовидной в сечении ямы (шурф 1) зафиксирована конструкция из пяти больших и средних известняковых камней. В заполнении ямы найдены четыре фрагмента керамики бронзового века, обожженный нуклеус на мелкой кремневой гальке и небольшой подквадратный камень с широким заостренным рабочим краем. В шурфе 2 раскопано каменное основание внутренней стены двойного загона, сложенной панцирной кладкой (высота ~ 0,4–0,5 м, ширина ~ 2,00–2,15 м). Среди находок преобладают кости животных, обнаружены около 20 фрагментов керамики бронзового века и обломок круглого камня со следами обработки.

По костным остаткам из шурфа 2 получена радиоуглеродная дата 3093 ± 40 BP (SPb_3043), которая с вероятностью 2σ (95,4 %) находится в интервале 1440–1234 cal BC³. Полученная дата покрывает период бытования сабагиновской культуры позднего бронзового века, а в керамике имеется сходство с посудой из близко расположенного сабагиновского поселения Бурун-Эли (Колотухин 2003: 42–44, рис. 52, 4).

Тарханкут-Н8. На поселении исследовались двойной загон и «помещение»⁴. В шурфе 3⁵ зафиксированы западная стена и северная/северо-западная часть прямоугольного «помещения» с мощными стенами (рис. 3), из которых внешняя сложена двухпанцирной кладкой (шириной 1,40–1,45 м), а северная (шириной 1,2–1,3 м) — 5-рядной «орфостатной» кладкой. Среди находок преобладают кости животных, обнаружены 20 фрагментов керамики позднего бронзового века, обломок точильного (?) камня и обломок раковины морского двустворчатого моллюска. В шурфе 4 раскопано каменное основание внутренней стены двойного загона, сложенной двухпанцирной кладкой (высота ~ 0,35 м, ширина ~ 1,2–2,2 м). Среди находок преобладают кости животных, обнаружены 11 фрагментов керамики, три камня со следами обработки (два — круглые, с выемками-углублениями с двух сторон) и три обломка костяных орудий (заготовки?).

Из шурфов 3 и 4 получены три радиоуглеродные даты, одна из которых — по почве из «пола помещения» в шурфе 3: 2874 ± 45 BP (SPb_3042), 1207–923 cal BC, а две — по костям животных: 2858 ± 40 BP (SPb_3044), 1189–914 cal BC; 2895 ± 45 BP (SPb_3041), 1217–936 cal BC. Комбинированная дата из трех дат — 2874 ± 25 BP, 1125–941 cal BC. Найденная керамика в целом соответствует характеристикам посуды белозерской культуры позднего бронзового века и обнаруживает сходство с керамикой из близко расположенных белозерских поселений Бай-Кият и Скалистое-2 (Колотухин 2003: 42–44, рис. 52–55). Однако зафиксированные здесь остатки

³ Образцы проанализированы в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). Далее по тексту все радиоуглеродные даты приводятся в следующем формате: полученная дата BP, лабораторный номер, дата BC, калиброванная с вероятностью 2σ (95,4 %).

⁴ В 2008 г. В. Ф. Столба и С. Б. Ланцов на месте внешней стены двойного загона и стены «помещения» в «жиллом квартале» заложили два шурфа. Обнаружены каменные основания стен загона и «помещения», фрагменты керамики позднего бронзового века, обломок каменного топора, несколько кремневых изделий и кости животных (см.: Смекалова, Кутайсов 2017: 114–118, рис. VI.3: 42–48).

⁵ Нумерация шурфов на поселении продолжена.

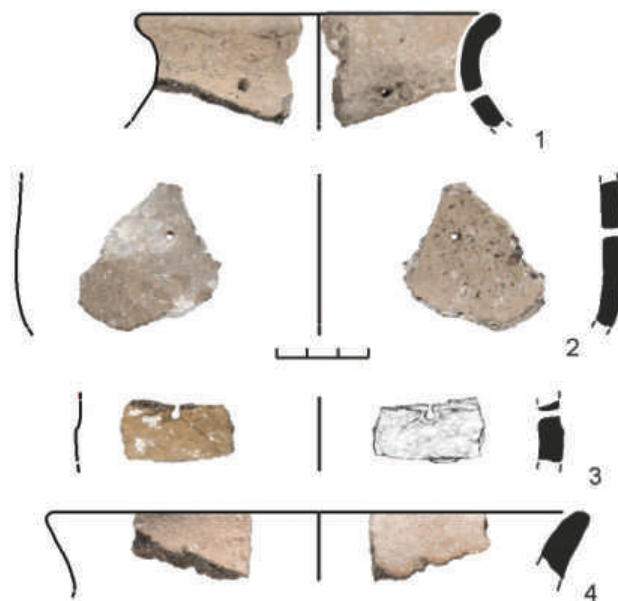

Рис. 3. Поселение Тарханкут-Н8, шурф 3, западная стена «помещения» позднего бронзового века

Fig. 3. Tarkhankut-N8 settlement, test-pit 3, western wall of a Late Bronze Age structure

каменной архитектуры (рис. 3) имеют архаический облик и близки каменным сооружениям предшествующей сабастиновской культуры. Материалы из шурфов 3 и 4, как и данные радиоуглеродного датирования, говорят в пользу того, что разные структуры поселения («помещение» и загон для скота) бытовали одновременно.

Тарханкут-18. На поселении исследовались двойной загон и разрушенное вспашкой «помещение». В шурфе 1 раскопано каменное основание внешней стены двойного загона, сложенной двухпанцирной кладкой (ширина ~ 2,20–2,40 м) на культурном слое поселения. Среди находок количество костей животных оказалось в 3,5 раза больше, чем число фрагментов керамики, также обнаружены 11 изделий из кремня и обломок камня со следами обработки. В шурфе 2 исследована предположительно внутренняя часть «помещения», от стены которого остались несколько плоских известняковых камней средних размеров. Среди находок встречено почти равное количество фрагментов керамики и костей животных, а также пять изделий из кремня, два обломка точильных (?) камней и костяное орудие с двумя треугольными выемками на концах. Отметим находку фрагментов по меньшей мере от трех глиняных сосудов-дуршлагов (рис. 4, 1–3).

Рис. 4. Фрагменты глиняных сосудов-дуршлагов из раскопок поселений заключительного периода среднего бронзового века в Северо-Западном Крыму: 1–3 — Тарханкут-18 (1 — T18_III-2_481; 2 — T18_III-2_317; 3 — T18_III-2_566); 4 — Тарханкут-22a (T22a_III-1_57)

Fig. 4. Fragments of clay vessels-strainers from the late Middle Bronze Age settlements of Northwestern Crimea: 1–3 — Tarkhankut-18 (1 — T18_III-2_481; 2 — T18_III-2_317; 3 — T18_III-2_566); 4 — Tarkhankut-22a (T22a_III-1_57)

Из шурфов 1 и 2 получено по костным остаткам пять радиоуглеродных дат. Три даты происходят из шурфа 1: 3685 ± 50 BP (SPb_3150), 2205–1930 cal BC; 3670 ± 55 BP (SPb_3106), 2101–1908 cal BC; 2939 ± 35 BP (SPb_3107), 1258–1025 cal BC. Еще две даты происходят из шурфа 2: 3545 ± 50 BP (SPb_3109), 2190–1891 cal BC; 3620 ± 45 BP (SPb_3108), 2135–1883 cal BC. Комбинированная дата из четырех дат дает диапазон 2133–1945 cal BC. Полученные материалы достаточно выразительные и имеют аналогии среди находок среднего бронзового века Крыма (Тощев 2007: 94–171; Кислый 2005) и Нижнего Дона (Братченко 2012: рис. 105, 1–8, 11), охватывая посткатакомбный период и ранний этап культуры Бабино. Геохимический анализ (XRF-WD)⁶ образцов почвы из основания 2-го пласта культурного слоя в шурфе 1 показал, что основную функцию этого участка на поселении можно определить как загон-стойло для содержания животных. Согласно археологическим материалам и радиоуглеродным датам, изученные структуры поселения Тарханкут-18 существовали одновременно⁷, в дополнение к имеющимся наблюдениям геохимические данные

⁶ Образцы проанализированы в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

⁷ За исключением ^{14}C пробы № 4 (от образцов из культурного слоя за пределами загона), остальные четыре пробы показывают близкие временные значения. Это позволяет относить обнаруженные археологические материалы к заключительному периоду среднего бронзового века, что в целом согласуется с датировками ранней бабинской культуры в других регионах (XXII–XX вв. до н. э.) и с датами посткатакомбного блока культур Восточной Европы (XXII–XVIII вв. до н. э.) (Мимоход 2016; 2018: 112–114).

(шурф 1) показали их разное функциональное назначение: загон для скота и бытовое (?) «помещение».

Тарханкут-22а. На поселении исследовались двойной загон и «постройка» (прямоугольная конструкция с двумя отсеками). Согласно данным стратиграфии, зафиксированным остаткам и полученным материалам, в центральной и северной частях шурфа 1 обнаружены комплексы и материалы бронзового века, а в южной части — раннего железного века. От конструкции раннего железного века сохранилась постелистая кладка в 2–3 ряда, сложенная из подквадратных и подпрямоугольных камней, которые были плотно уложены на уровне до 0,35 м от современной дневной поверхности. К раннему железному веку относится и часть материалов, датируемых VI–V вв. до н. э. От загона сохранилось каменное основание внутренней стены (шириной ~ 1,7–2,5 м), сложенной двухпанцирной кладкой. Среди находок бронзового века преобладают кости животных, обнаружены около 20 фрагментов керамики (среди которых венчик сосуда-дуршлага — рис. 4, 4) и изделие из кремня. В шурфе 2 раскопана северо-восточная стена «постройки». Стена (шириной 1,0–1,1 м) состояла из двойного ряда больших и средних известняковых камней: внешний ряд был сформирован уложенными плашмя плоскими камнями, а внутренний — вертикально поставленными камнями меньших размеров. Малочисленные находки обнаружены преимущественно во внутренней части на «полу» — это менее 20 мелких фрагментов керамики, амулет из камня с естественными отверстиями, три изделия из высококачественного кремня, обломок каменного лощила, несколько костяных орудий или заготовок, раковина морского моллюска, немногочисленные кости животных. Оттуда же происходят и около 10 фрагментов мелкой глиняной обмазки.

Из шурфов 1 и 2 получены три радиоуглеродные даты по костным остаткам. Две даты происходят из шурфа 1: 3630 ± 50 BP (SPb_3103), 2141–1882 cal BC; 3667 ± 55 BP (SPb_3105), 2200–1902 cal BC; одна происходит из шурфа 2 — 3078 ± 55 BP (SPb_3151), 1492–1134 cal BC. Комбинированная дата из двух дат шурфа 1 — 2136–1923 cal BC. Хотя материалы из шурфа не очень выразительные, однако часть керамики можно сопоставить с материалами из поселения Тарханкут-18. Третья дата из шурфа 2 покрывает период бытования поздней сабастиновской культуры. Вероятно, к этой же культуре позднего бронзового века можно относить и саму «постройку», так как проба была взята от костей животных, найденных на уровне «пола». Важно, что по конструкции стена находит прямые аналогии в технике домостроительства, зафиксированной на поселении Бурун-Эли сабастиновской культуры и поселении Бай-Кият белозерской культуры, которые расположены недалеко (Колотухин 2003: рис. 36–39, 43–46).

Согласно археологическим данным, изученные структуры поселения Тарханкут-22а относятся к разному времени и отличаются по своему функциональному назначению — загон для скота заключительного периода среднего бронзового века, «постройка» позднего бронзового века, остатки каменной конструкции раннего железного века.

В целом новые разведочные раскопки поселений с загонами для скота дали основания для понимания структур, которые выявляются неинвазивными методами. В одних случаях загон и другие поселенческие структуры («жилой квартал», «помещения») функционировали одновременно (Тарханкут-Н8, Тарханкут-18), в других — были разновременными (Тарханкут-22а).

Археозоологическое исследование⁸

Из четырех новых поселений Тарханкута по каждой выборке остеологических материалов произведена идентификация остатков животных, подсчитано количество фрагментов по каждой систематической группе, проведен анализ следов человеческой деятельности. Определение видов произведено путем сравнения с остеологическими материалами, хранящимися в КФУ им. В. И. Вернадского, и анализа справочной литературы.

При разведочных раскопках поселений Тарханкут-Н2, Тарханкут-Н8, Тарханкут-18 и Тарханкут-22а в общей сложности собрано 1211 фрагментов костей животных, из них определимых — 284 (таблица). Преобладающая часть костей животных всех поселений из-за сильной фрагментированности была неопределима. По каждому поселению выборка определимых костей не достигала отметки в 500 ед., которая, согласно современным археозоологическим исследованиям, необходима для установления полного (реального) видового состава стада (см.: Антипина 2004: 12 сл.). Как видно из археологических контекстов, археозоологические выборки происходят из синхронных и асинхронных слоев поселений эпохи бронзы и раннего железного века, имеющих разную культурную принадлежность. Поэтому на данном этапе определена таксономическая принадлежность костей и сделаны некоторые наблюдения (таблица).

Домашние животные представлены сельскохозяйственными видами, имеется также кость домашней собаки (предположительно). Дикая фауна представлена волком (предположительно), лисицей или собакой (предположительно), птицей, а также несколькими морскими двустворчатыми моллюсками. Фактическое отсутствие в выборках костей диких животных позволяет думать, что охота не имела значения в хозяйстве жителей рассматриваемых поселений⁹.

Все проанализированные материалы являются в основном кухонными остатками, имеются следы разделки, но довольно грубые (разрубы), многие кости сильно раздроблены, на некоторых фрагментах имеются следы обработки — заготовки (?), орудия труда (?). Обращает на себя внимание то, что несколько десятков фрагментов костей животных из культурного слоя поселений позднего бронзового века Тарханкут-Н8 и Тарханкут-Н2 имеют следы горения (от черного цвета или с белым калением до темно-коричневого), а на шести костях отмечены следы погрызов.

Дифференцированный подход к проанализированному костному материалу из поселений Тарханкут-Н2, Тарханкут-Н8, Тарханкут-18 и Тарханкут-22а показывает следующее:

1) заключительный период среднего бронзового века (бабинская культура): поселение Тарханкут-18 — существенное преобладание крупного рогатого скота (далее — КРС) (72 %), на втором месте — мелкий рогатый скот (далее — МРС) (18 %), заметно присутствие лошади (9 %); из диких животных идентифицирован предположительно волк. К этим данным примыкают и синхронные (бронзового века) материалы поселения Тарханкут-22а (шурф 1), где КРС составил 56 %, доля МРС — 19 %, а увеличение доли лошади до 26 % связано с наличием материалов раннего железного века;

⁸ Авторы статьи приносят искреннюю благодарность канд. биол. наук Елене Викторовне Гладилиной за проведенное археозоологическое исследование.

⁹ Не исключено, что в случае масштабных стационарных раскопок могут появиться дополнительные данные.

2) поздний бронзовый век (сабатиновская культура): поселение Тарханкут-Н2 — доли крупного и мелкого рогатого скота практически одинаковы (48 и 43 %), доля лошади невелика (5 %);

3) поздний бронзовый век (белозерская культура): поселение Тарханкут-Н8 — преобладает КРС (59 %), на втором месте — МРС (22 %), доля лошади — 18 %; отметим кости птицы.

Т а б л и ц а

**Таксономический состав животных из новых поселений Тарханкута
среднего и позднего бронзового веков**

Таксоны и группы	Поселения Тарханкута			
	Н2	Н8	18	22а
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	9 + 1* (48 %**) (горелых — 4)	56 + 10 (58,4 %) (горелых — 2)	89 + 1 (72 %)	15 (55,5 %)
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> / <i>Capra hircus</i>)	6 + 3 (овца) (43 %) (горелых — 2, овца)	24 + 1 (овца) (22 %) (горелых — 1, овца)	18 + 4 (овца) (18 %)	4 + 1 (овца) (18,5 %)
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	1 (5 %)	20 (18 %)	11 (9 %)	7 (26 %)
Домашняя собака (<i>Canis familiaris</i>)	—	1?	—	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	—	—	1?	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>) или собака (<i>Canis familiaris</i>)	1?	—	—	—
Птица	—	1	—	—
Всего определимых костей	21 (100 %)	113 (100 %)	124 (100 %)	27 (100 %)
Всего неопределимых до вида костей	61 (горелых — 1)	226 (горелых — 6)	515	125
ИТОГО костей	82	338	639	152

* +1, 2 — кости, совокупно отнесенные к крупным копытным; ** процентное соотношение дано к общему числу определимых фрагментов.

Данные о составе стада у населения среднего — позднего бронзового века в Крыму

Бытовые памятники эпохи бронзы в Крыму открыты во II периоде (середина 1920-х — начало 1930-х гг.) изучения бронзового века, а их полевые исследования начались гораздо позднее (см.: Тощев 2007: 20–21; Тощев, Кашуба 2017: 43 сл.). По материалам ряда поселений проанализирован состав стада их жителей. Для раннего бронзового века в Крыму, к которому отнесен целый ряд стоянок («кеми-обинская» поздняя культура), данные по составу стада отсутствуют (Тощев 2007: 59). По некоторым памятникам среднего — позднего бронзового века, за исключением нескольких, известны неполные и/или обобщенные сведения (Там же: 21). Наиболее представительные выборки имеются по поселениям Кировское и Планерское I, материалы нижних слоев которых отнесены к среднему бронзовому веку

(катакомбная культура; каменная (каменно-левенцовская (бабинская) культура), а материалы верхнего слоя Кировское — к позднему бронзовому веку¹⁰.

На поселении *Планерское I* из раскопок 1986–1987 гг. (Там же: 95–112, 150–160) собрано и определено более 9000 костей, из них до вида определено более 5000 костей, из которых три четверти соотносились с материалами каменной (каменно-левенцовской (бабинской)) культуры; преобладают остатки домашних животных — 5333 кости минимально от 220 особей (Секерская 1990). Проанализировавшая кости животных Е. П. Секерская заключила, что «фаунистические материалы двух слоев практически не различаются по видовому составу и содержат все основные виды домашних животных» (Там же: 66). В материалах обоих слоев в стаде преобладал МРС, соответственно, 51,1 и 49,7 %¹¹, на втором месте — КРС, соответственно, 42,3 и 41,1 %, на третьем месте в нижнем слое — свинья (2,2 %) и лошадь (2,2 %), а в верхнем слое — свинья (5,2 %), тогда как доля лошади уменьшается (1,7 %). Отмечены кости собаки — по слоям, соответственно 2,2 и 3,3 %. Среди остатков диких животных (60 костей, 24 особи) — кулан, олень благородный, косуля, сайга, барсук, лисица и заяц (Там же: 66–67). По материалам поселения Е. П. Секерская отметила довольно высокий рост овец, среди забитых животных — преимущественно взрослые самки коз (козы составляли 22,7 % поголовья МРС) и молодые особи свиней (поголовье которых было малочисленным), а также фактически единичные кости лошади. Рассматривая употребление различных видов животных в пищу, она пришла к выводам, что более 80 % мяса давал КРС, тогда как МРС (несмотря на преобладание по особям) давал около 14 %. Анализ забоя по категориям скота (молодые, взрослые) показал, что количество половозрелых особей (КРС — 70,4 %, МРС — 48,3 %) превышает численность необходимого воспроизводящего стада. Полученные данные дали веские основания считать, что хозяйство жителей поселения Планерское I было ориентировано на мясо-молочное разведение скота (Там же: 68). Отсутствие патологий на костях домашних животных дало основания Е. П. Секерской предположить их нестойловое содержание и придомный (пастушеский) характер скотоводства (Секерская 1990: 67–68; 1992).

По каменной (каменно-левенцовской (бабинской)) культуре А. Е. Кислый привел обобщенные данные, опираясь на анализы из работы В. Д. Рыбаловой по поселению *Каменка* (Рыбалова 1974: 41) и результаты своих исследований. В стаде преобладал КРС (55 %), на втором месте — МРС, ощутима доля лошади (15 %), имеются также кости свиньи. Из диких животных отмечены заяц и косуля, из птиц — дрофа. На прибрежных поселениях зафиксированы кости рыб крупных пород (Кислый 2005: 116–117).

На *Кировском поселении* всего определено более 5000 костей домашних и диких животных и птиц, существенно преобладают остатки домашних животных — 4953 кости (288 особей); основной объем костного материала относился

¹⁰ В первом монографическом издании памятника в отношении материалов позднего бронзового века речь шла о «Кировском позднесрубном поселении, которое возникает в самом начале сабатиновского этапа и доживает до конца бронзового века <...> самого конца белозерского этапа» (см.: Лесков 1970: 47). Согласно современным представлениям — это сабатиновская и белозерская культуры (см. на картах: Шарфутдинова 1986: рис. 24; Отрощенко 1986: рис. 34; и др.).

¹¹ Здесь и далее — по особям.

к позднему бронзовому веку (4925 костей, 297 особей) (Бибикова 1970: табл. 1). Хотя по материалам Кировского поселения В. И. Бибикова пришла к выводу, что нижний и верхний его слои не различаются по видовому составу и соотношению отдельных видов, но ее данные показали все-таки неравномерное распределение видового состава домашних животных. В нижнем и верхнем слоях на первом месте находится КРС, соответственно 62,5/44,4 и ~ 60/38 %¹² (составляя в позднем бронзовом веке более 1/3 поголовья), но по слоям соотношение видов на втором и третьем местах меняется: в нижнем слое на втором месте стоит лошадь (~ 28,0/33,3 %), а МРС (25,6/24,6 %) находится на третьем, когда в верхнем слое второе место уверенно занимает МРС (~ 12,7/28,5 %) по сравнению с долей лошади (8,3/16,6 %). Стоит упомянуть присутствие свиньи (нижний слой — 1,0/5,5 %, верхний — 1,7/7,2 %), а также верблюда (0,01/1,17 %) в верхнем слое (Там же: табл. 3). Зафиксирована собака, число особей которой в верхнем слое существенно выше, соответственно 1 и 13. Кости диких животных представлены менее 2 % (77 фрагментов от 25 особей): в нижнем слое — кулан, в верхнем — олень благородный, заяц, лисица, корсак, барсук и светлый хорь; в обоих слоях имеются кости степных птиц (дрофа, стрепет — всего 8 костей от 6 особей) (Там же: табл. 1; 2).

Приведенные автором исследования сравнительные данные по крупному рогатому скоту продемонстрировали в целом существенное сходство с материалами позднего бронзового века Восточной Европы (Там же: 98–108). Напротив, овцы Кировского поселения были низкорослыми по сравнению с овцами из синхронных памятников Карпатского бассейна и особенно Поволжья (последние очень высокорослые). Отмеченная большая доля молодых особей (~ 38 %) среди костей лошади говорит о важности конины в рационе жителей поселения. В пище присутствовала и свинина (доля молодых животных составила ~ 64 %), однако разведение свиней в хозяйстве жителей поселения было весьма незначительным (Там же). В. И. Бибикова пришла к выводам, что одной из главных отраслей хозяйства жителей Кировского поселения являлось животноводство, которое основывалось на разведении крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Хотя виды этих животных на всех проанализированных памятниках Юго-Восточной Европы в целом одинаковы, овцы Кировского поселения были низкорослыми. Она отметила, что на западе рассматриваемого региона, в частности в Карпатском бассейне, в синхронное время в стаде отмечено большее присутствие КРС, как и доли свиньи, в то время как на востоке — больше МРС и лошади. По ее мнению, эти наблюдения могут свидетельствовать о большей подвижности животноводческих хозяйств на востоке региона — в северо-причерноморских степях и в Поволжье (Там же: 110–111).

По другим памятникам позднего бронзового века (белозерская культура) имеются отрывочные данные. На поселении Бай-Кият (~ 1000 костей проанализировано из раскопок 1993–1994 гг.) в стаде преобладал КРС — 52 % (Колотухин 2003: 41). На поселении Дружное 2 (~ 40–60 определимых костей) на первом месте — МРС (48 %), на втором КРС — 23 % и сравнительно много свиньи — 18,5 % (Колотухин 1996: 28). Еще для двух поселений синхронного времени — Луговое и Петровская балка (~ 40–60 % определимых костей на каждом) — известно, что преобладал КРС (от 50 до 62 %), на втором месте — МРС, на третьем — лошадь (6,5–11,0 %), отмечен

¹² Здесь и далее: первое число — по количеству костей, второе — по особям.

достаточно высокий процент свиньи. На всех трех последних упомянутых поселениях 7–8 % составили кости диких животных: олень благородный, коза (серна), косуля, антилопа и лисица (Там же). На основе вышеприведенных данных В. А. Колотухин отметил оседлый образ жизни местного населения и вспомогательную роль охоты (Там же).

Результаты и обсуждение

Учитывая, что археозоологические выборки из разведочных раскопок в Северо-Западном Крыму получены по материалам поселений разного времени и различной культурной принадлежности, можно только предварительно наметить динамику состава стада их обитателей. В заключительный период среднего бронзового века весомо преобладал КРС (до 72 % костей), на втором месте — МРС, доля лошади была невелика. Находки дуршлагов (рис. 4) подтверждают мясо-молочное направление скотоводства в среднем бронзовом веке у обитателей поселений Тарханкут-18 и Тарханкут-22а. В позднем бронзовом веке доля МРС в стаде увеличивается до одной трети, а в финале эпохи бронзы более ощутима доля лошади (18 %). Увеличение в стаде долей МРС и лошади свидетельствует о росте мобильности населения на протяжении бронзового века.

Полученные данные в целом согласуются с выявленной тенденцией развития скотоводческого хозяйства в среднем — позднем бронзовом веке в Крыму, а также в Юго-Восточной и Восточной Европе. Речь идет о пастушеском (придомном) скотоводстве, что подтверждается крымскими материалами каменной (каменно-левенцовской (бабинской)) культуры, как это видно по находкам из поселений Планерское I и Кировское (см. ранее) или Каменка (Рыбалова 1974: 45; Кислый 2005: 95; см. также: Кислый 2019). Как отметил С. Н. Братченко (2012: 151–153), существенное сходство по составу стада обнаруживают материалы синхронного времени из Левенцовской крепости на Нижнем Дону, в стаде обитателей которой преобладал КРС (54,00/52,78 %), на втором месте был МРС (36,23/33,33 %), на третьем — лошадь (5,96/11,11 %). Примечательны фактическое отсутствие костей свиньи, а также данные по забою скота: КРС — преимущественно мясное направление, тогда как среди овец и коз молодые особи составляли всего 8,3 % (Там же).

На новых поселениях Тарханкута не выявлены кости свиньи, что отличает их от синхронных крымских памятников. Это может быть связано как с небольшим количеством материалов, так и отражать специфику хозяйствования жителей. Если последнее предположение окажется верным, то по типу хозяйства памятники Тарханкута будут ближе к степным северо-причерноморским поселениям. Например, проанализировав весь доступный массив данных для культур позднего бронзового века Ноуа и Сабатиновка, основу хозяйства которых составляло содержание КРС, Е. Н. Сава выявил, что доля свиньи на поселениях в Карпатском регионе существенно выше не только по сравнению со степными поселениями, но также с лесостепными (Sava 2005: 145, 152–158, abb. 1–5). Что касается возрастного соотношения животных в стаде носителей культур Ноуа и Сабатиновка, то оно свидетельствует о преобладании мясного направления (см.: Sava 2005; 2014: 500–502; Gershkovich 2003; Sava, Kaiser 2011: 335–350, 418–420). Это же мясное направление скотоводства сохраняется и в финале эпохи бронзы, что отмечено на всех поселениях белозерской культуры, материалы которых были проанализированы (Ванчугов 1990: 104–105;

Отрощенко 1991: 127; Секерская 1999: 257, 262). Стадо многих белозерских поселений, в частности в Северо-Западном Причерноморье, также отличала весомая доля лошади, которая, например, на поселении Вороновка II достигала 20,00/27,4 %, занимая второе место (Ванчугов 1990: 105). На том же поселении Вороновка II отсутствуют кости свиньи (Секерская 1999: 261, ср. табл. 6).

Проанализированные археозоологические материалы новых памятников Тарханкута свидетельствуют о пастушеском скотоводстве. Археологические данные подтвердили наличие на поселениях каменной архитектуры, представленной хозяйственными сооружениями — загонами для скота. Каменные основания стен загонов, жилых (?) и хозяйственных сооружений, возведенные панцирной, двухпанцирной и 3–5-рядной «орфостатной» кладками, являлись стационарными элементами архитектуры древних животноводов, степень оседлости которых еще предстоит изучать.

Литература

- Антипина 2004 — Антипина Е. Е. Методические проблемы изучения остатков животных из археологических памятников // Антипина Е. Е., Черных Е. Н. (отв. ред.). Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.
- Бибикова 1970 — Бибикова В. И. Фауна из поселения у с. Кирово // Лесков А. М. (отв. ред.). Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев: Наукова думка, 1970. С. 99–112.
- Братченко 2012 — Братченко С. Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев: Издательский дом Скиф, 2012. 308 с.
- Ванчугов 1990 — Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Жолдасбаев 1989 — Жолдасбаев С. Ж. Зимовки-поселения и жилища казахов Семиречья (XVI–XIX вв.) // Массон В. М. (отв. ред.). Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 390–399.
- Кислый 2005 — Кислый А. Е. Население и памятники каменной культуры восточного Крыма // *Stratum plus*. 2005. № 2. С. 93–126.
- Кислый 2019 — Кислый А. Е. Эгалитарность и неравенство. Научные теории и племена эпохи бронзы Северного Причерноморья // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. 10. С. 9–36.
- Колотухин 1990 — Колотухин В. А. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. Т. 1. С. 137–144.
- Колотухин 1996 — Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века: этнокультурные процессы. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с. (Золотой Скиф).
- Колотухин 2003 — Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 138 с.
- Лесков 1970 — Лесков А. М. Кировское поселение // Лесков А. М. (отв. ред.). Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев: Наукова думка, 1970. С. 7–59.
- Мимоход 2016 — Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Багаев М. Х., Мамаев Х. М. (отв. ред.). Изучение

- и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: ММНК. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во Чеченского ГУ, 2016. С. 45–47.
- Мимоход 2018 — *Мимоход Р. А.* Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца. М.: ИА РАН, 2018. 288 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 23).
- Отрощенко 1986 — *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. В.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 117–152.
- Отрощенко 1991 — *Отрощенко В. В.* К вопросу о хозяйстве племен белозерской культуры // *Яровой Е. В.* (отв. ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): ММК. Кишинев, 10–14 декабря 1990 г. Киев: б. и., 1991. С. 127–128.
- Рыбалова 1974 — *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 19–49.
- Секерская 1990 — *Секерская Е. П.* Скотоводство и охота в хозяйстве поселения Планерское // *Шапошникова О. Г.* и др. (ред.). Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: ТД Всесоюзного семинара. Запорожье: ИА АН УССР и др., 1990. С. 65–69.
- Секерская 1992 — *Секерская Е. П.* Вариации экономической стратегии степных культур юга Украины в эпоху бронзы // *Ванчугов В. П.* (отв. ред.). Северо-Западное Причерноморье — ритмы культурогенеза: ТД семинара. Одесса, 18–19 мая 1992 г. Одесса, 1992. С. 28–30.
- Секерская 1999 — *Секерская Е. П.* Скотоводческо-охотничья деятельность населения эпохи поздней бронзы на территории юга Украины // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 256–264.
- Смекалова 2010 — *Смекалова Т. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. Материалы к археологической карте Крыма II. Симферополь: Доля, 2010. 2003 с.
- Смекалова 2018 — *Смекалова Т. Н.* Изучение поселений эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов // *История и археология Крыма*. Симферополь, 2018. Вып. 7. С. 45–51, 194–204.
- Смекалова, Кашуба 2019 — *Смекалова Т. Н., Кашуба М. Т.* Поселения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму: результаты междисциплинарных исследований и новый этап изучения // *Зинько В. Н., Зинько Е. А.* (ред.-сост.). XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: ММНК. Симферополь; Керчь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 534–541.
- Смекалова, Кутайсов 2017 — *Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с.
- Тощев 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский НУ, 2007. 304 с.
- Тощев, Кашуба 2017 — *Тощев Г. Н., Кашуба М. Т.* Глава 4. Полтора века изучения бронзового века Крыма: ответы и вопросы // *Вишняцкий Л. Б.* (отв. ред.). Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноуэцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 40–66.
- Шарафутдинова 1986 — *Шарафутдинова И. Н.* Сабатиновская культура // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 83–116.

- Chang, Tourtellotte 1993 — *Chang C., Tourtellotte P. A.* Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece // *Journal of Field Archaeology*. 1993. Vol. 20 (3). P. 249–264.
- Gershkovich 2003 — *Gershkovich Ya. P.* Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Bronze Age // Levine M. et al. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. P. 307–318 (McDonald Institute monographs).
- Sava 2005 — *Sava E.* Viehzucht und Ackerbau in der Noua-Sabatinovka Kultur // Hrsg. Horejs B. u. a. *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. Bonn: Habelt, 2005. S. 143–159 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 121).
- Sava 2014 — *Sava E.* Așezări din perioada târzie a epocii bronzului în spațiul pruto-nistean (Noua-Sabatinovka). Chișinău: Tipogr. Bons Offices, 2014. 592 p. (Bibliotheca “Tyragetia”. Vol. 26).
- Sava, Kaiser 2011 — *Sava E., Kaiser E.* Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen). Chișinău: Bons Offices, 2011. 532 S. (Bibliotheca “Tyragetia”. Vol. 19) (на нем. и рус. яз.).
- Smekalova et al. 2016 — *Smekalova T. N., Yatsishina E. B., Garipov A. S., Pasumanskii A. E., Ketsko R. S., Chudin A. V.* Natural science methods in field archaeology, with the case study of Crimea // *Crystallography Reports*. 2016. Vol. 61. P. 533–542.

NEW DATA ON THE HERD COMPOSITION IN THE MIDDLE AND LATE BRONZE AGE OF NORTHWESTERN CRIMEA

M. T. KASHUBA, M. A. KULKOVA, T. N. SMEKALOVA

Keywords: *North Black Sea region, Tarkhankut peninsula, Middle — Late Bronze Age, settlements, livestock enclosures, herd composition.*

The paper deals with the results of an archeo-zoological study of bone materials from a number of newly discovered settlements in Northwestern Crimea (Tarkhankut-H2, Tarkhankut-H8, Tarkhankut-18 and Tarkhankut-22a). According to the available archaeological evidence and radiocarbon determinations obtained on bone remains from cultural layers and semi-closed assemblages, the materials in question belong to the early stage of the Babino culture (Tarkhankut-18, Tarkhankut-22a) and to the Sabatinovka (Tarkhankut-H2, Tarkhankut-22a) and Belozerka (Tarkhankut-H8, Tarkhankut-18) cultures. In addition, the Tarkhankut-22a settlement yielded some Early Iron Age materials. Altogether, 1211 bones were studied, and 284 of them proved to be identifiable. An attempt is made to consider the herd composition in its dynamics: during the final stage of the Middle Bronze Age the herd was heavily dominated by cattle, followed by small ruminants, while the percentage of horse remains was insignificant. The Late Bronze Age witnessed an increase in the numbers of small ruminants, and the presence of horse became perceptible in the final of the Bronze Age. The authors compare their data with the information available for the Middle and Late Bronze Age settlements of Crimea and the synchronous cultures of the North Black Sea region. The analyzed materials point to the existence of pastoral stockbreeding with stone architecture represented by livestock enclosures.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК ИЗ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Р. В. ТИХОНОВ¹

Ключевые слова: *Средняя Азия, Таджикистан, терракотовые статуэтки, женское божество, всадник.*

В статье вводятся в научный оборот две терракотовые статуэтки из Республики Таджикистан. Одна из них была найдена в процессе археологических разведок в Вахшской долине в 1971 г., а место и время обнаружения второй неизвестно. Первая статуэтка представляет собой плитку с рельефом и изображает женское божество в длинном платье с ожерельем (рис. 1, 1), на второй воспроизведен образ всадника, восседающего, видимо, на коне (рис. 1, 2). Данные терракоты находят широкий круг аналогий в материалах античных поселений Средней Азии, но имеют при этом свои локальные особенности.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-97-102

В статье публикуются случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана. Первая из них была обнаружена в 1971 г. в ходе археологических разведок в Вахшской долине, а место и время обнаружения второй неизвестно.

Одна из статуэток представляет собой плитку с рельефом, изготовлена на гончарном круге из глины достаточно хорошего качества без видимых примесей, покрыта небольшим слоем светлого ангоба. На ней представлено рельефное изображение стоящего во весь рост женского персонажа, правая рука прижата к груди, левая — в согнутом положении. На женщине надето длинное платье и ожерелье. Сохранность статуэтки достаточно хорошая, но еще в древности была утрачена ее верхняя часть. Также следует отметить, что кисть левой руки сильно деформирована. Внешняя поверхность статуэтки тщательно заглажена (рис. 1, 1).

Представленное изображение явно принадлежит к эллинизированному стилю, на что указывают его основные иконографические признаки. В эпоху эллинизма в Бактрии сложилась школа мелкой пластики, которая вобрала в себя как местные традиции, так и греческие новации. С течением времени в изделиях ее мастеров начинают появляться и индийские мотивы, что было связано не только с расширением культурных связей, но и с активными и успешными завоевательными походами греко-бактрийских басилевсов на индо-пакистанский субконтинент.

---

¹ Кафедра истории и историко-культурного наследия, Елецкий ГУ им. И. А. Бунина, г. Елец, 399770, Россия.

Рис. 1. Терракотовые статуэтки из Таджикистана: 1 — женское божество; 2 — всадник
 Fig. 1. Terracotta statuettes from Tajikistan: 1 — female divinity; 2 — horseman

Наиболее яркое представление об эллинистической терракоте Бактрии дают материалы греческого города Ай-Ханум, расположенного в Афганистане. За время археологических исследований здесь была найдена целая серия статуэток, которые относятся к различным типам, а также всевозможные налеты на керамических сосудах. Вся терракота выполнена в местных традициях с применением односторонних матриц. На большинстве статуэток представлено женское изображение в длинном платье, напоминающем греческий костюм. Некоторые из них интерпретируются как божества эллинского пантеона, характерные черты которых претерпели существенные видоизменения на местной почве (Абдуллаев 1996).

В культуре эллинистической Бактрии выделяются несколько видов терракотовой пластики, которым присуще то или иное функциональное назначение: статуэтки, маски, протомы, плитки с рельефным изображением и пластика на керамических сосудах. Следует также отметить, что перечисленные выше типы не были широко распространены. На некоторых памятниках встречаются все пять, но в основном в обиходе жителей было не более двух (Двуреченская 2006: 145).

В кушанскую эпоху греческие мотивы в терракотовой пластике продолжают свое развитие, но иконографический тип нередко уже далек от своего изначального прототипа. Примером тому является ряд статуэток из Паенкурмана, Кампыртепа и других населенных пунктов Бактрии. Одна из них изображает мужскую обнаженную фигуру в полный рост, выполненную в невысоком рельефе и в довольно реалистической манере с соблюдением необходимых пропорций. На статуэтке схематично передан шарф-гиматий, мужчина правой рукой держит предмет, а в левой руке зажат меч. К. А. Абдуллаев пришел к выводу о том, что это изображение греческого героя Геракла, и заострил внимание на следующем: «Иконография героя настолько меняется и отдаляется от своих изначальных прототипов, что порой трудно распознать за массой новых деталей образ греческого полубога» (Абдуллаев 1999: 127).

С городища Кампыртепа происходит статуэтка с изображением мужского бородатого персонажа. Его голова оттиснута в матрице, а торс вылеплен вручную и показан более чем схематично. Голова напоминает ряд персонажей из эллинского

пантеона (Абдуллаев 2002: 30–31). На примере данной статуэтки можно оценить всю сложность в определении ее прототипа.

Индийские мотивы в терракотовой пластике Бактрии начинают постепенно появляться в позднеэллинистический период, но широкое распространение получают уже в кушанскую эпоху. Среди них большую часть составляют образы Будды, бодхисатв, джайнских аскетов, якшинь (Мкртычев 2002: 172–185; Мешкерис 2004: 61–69).

Женский образ на статуэтке из Вахшской долины напоминает образы так называемых маргианской и бактрийской богинь. Анализируя случайные находки терракот и находки, привязанные к нескольким городищам Маргианы, Г. А. Пугаченкова выделила не только хорошо известные типы, но и отметила совершенно новые. Определенный интерес представляет группа статуэток, изображающих богиню. Видимо, перед нами образ Анахиты, Аши или другого мифологического персонажа. Кроме того, подобные статуэтки были найдены и в других историко-культурных областях Средней Азии, что свидетельствует о широком распространении и соответственно почитании великой богини (Пугаченкова 1959).

Концепция «маргианской богини» позднее подверглась вполне обоснованной критике со стороны некоторых исследователей. Г. А. Кошеленко и С. В. Новиков справедливо отмечают, что выделенные типы созданы произвольно, а различия между ними и вовсе никак не обосновываются. В итоге авторы предлагают отказаться от всех выводов Г. А. Пугаченковой и заново рассмотреть проблему (Кошеленко, Новиков 1999: 59).

Н. Д. Двуреченская, в свою очередь, на основе анализа имеющихся материалов и привлечения новых находок терракот опровергла не только тезис о переднеазиатских корнях в иконографии некоторых женских образов на среднеазиатских статуэтках, но и указала на несостоятельность эволюционной концепции «бактрийской богини» (Двуреченская 2006: 151–152).

Вахшская терракотовая статуэтка находит широкий круг аналогий в материалах поселений Средней Азии. Подобные предметы с соответствующими иконографическими признаками известны по находкам из Гебеклы-дете, Калалы-гыр 2, Халчяна и многих других памятников (Двуреченская 2016: 134). В то же время она имеет и свои локальные особенности. К ним можно отнести изображение платья посредством V-образных линий и полукруглое ожерелье, которое, как нам представляется, не характерно для терракотовой пластики. Интерпретировать представленный образ достаточно сложно, поскольку перед нами случайная и фрагментированная находка, поднятая в процессе археологической разведки без какой-либо привязки к поселению или культурному слою.

Вторая статуэтка несколько иная по стилю исполнения. Она была изготовлена ручной лепкой, а затем обожжена в гончарной печи. На ней изображен всадник в острокопечной шапочке, восседающий, вероятно, на коне. Его изображение передано весьма схематично, что в целом характерно для подобного круга изделий. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо украшений и предметов одежды (рис. 1, 2).

Терракоты с изображением всадника, восседающего на коне, хорошо известны в составе материального комплекса Бактрии, начиная с юечжийской эпохи. Они отмечены в стратиграфических слоях этого времени на городище Саксанохур (Литвинский, Мухитдинов 1969: 167), Аккурган (Пидаев 1976: 193), Кампыртепа

(Двуреченская 2016: рис. 207) и многих других. Встречаются они и в составе археологического комплекса более позднего времени (Завьялов 2008: 106).

По вопросу интерпретации терракот данной группы в исторической науке существует несколько мнений, которые основываются главным образом на искусствоведческом анализе представленных на них изображений. Л. И. Ремпель выдвинул предположение об их апотропеическом значении в качестве домашних идольчиков, амулетов или фетишей. В качестве косвенного подтверждения были привлечены этнографические данные из Средней Азии, а именно изготовление подобных фигурок в горных районах вплоть до начала второй половины XX в. (Ремпель 1949: 352–353).

Эту категорию мелкой пластики подвергла комплексному анализу Г. А. Пугаченкова. В его основу были положены как известные уже находки, так и найденные в процессе археологических раскопок на городище Халчаян, где они составляют многочисленную группу терракоты. Статуэтки были вылеплены вручную, размеры варьируются от 5 до 10 см в высоту, глаза выделены наклепными валиками, а на голове прослеживается головной убор в виде заостренного колпачка. Основные иконографические особенности позволили заключить, что перед нами предстает образ отнюдь не эллинистического, а скорее кочевого мира. В качестве подтверждения своего предположения автор приводит изображения конного воина на монетах эпохи крушения Греко-Бактрийского царства и складывания новой государственности. Данный тип терракот был интерпретирован в качестве обобщенного божка, который являлся покровителем степного всадничества (Пугаченкова 1965).

В ходе археологических исследований на городище Саксанохур была найдена одна из самых представительных коллекций терракот, изображающих всадника на коне. В ее составе выделяются несколько типов. К первому относятся матрицы, изображающие мужчин в кафтане с определенными атрибутами. Статуэтки второго типа найдены исключительно в культурном слое, а некоторые из них происходят из заполнения топочных камер обжигательных печей. Уровень их художественного исполнения несколько выше, чем у других подобных находок с территории Средней Азии. На всаднике надеты кафтан с длинными рукавами, которые украшены косыми углублениями на всю ширину, головной убор в виде остроконечной шапочки, основные черты лица представлены схематично. Довольно тщательно изготовлена фигурка коня. Кроме того, на Саксанохуре найдены также отдельные фигурки всадников и коней (Мухитдинов 1980: 212–217).

Не вызывает особых сомнений тезис Х. Ю. Мухитдинова о принадлежности терракот Саксанохура к сако-юечжийской среде. В качестве подтверждения приводятся обширные аналогии и параллели в различных регионах Востока. И действительно, искусство кочевников сыграло определенную роль в складывании культуры Бактрии кушанской эпохи. Также необходимо заметить, что отдельные его элементы начинают проникать в искусство уже в эллинистический период, а возможно, и ранее. Так, например, К. А. Абдуллаев к таковым относит несколько предметов с городища Кампыртепа: статуэтку с изображением бородатого мужчины, сидящего на невысоком стуле в форме усеченного конуса, бронзовую пряжку с фигурой всадника на лошади, припавшей на передние ноги (Абдуллаев 1998).

Вопрос о функциональном назначении статуэток группы «всадник на коне» несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Изучавший данную

категорию находок с городища Саксанохур Х. Ю. Мухитдинов заключил, что они «изображали местных героизированных воинов или витязей, правителей, обожествленного предка, а может быть, и мужское божество» (Мухитдинов 1980: 225).

С целью более точной интерпретации необходимо применять не только анализ основных иконографических признаков, но и по возможности включать в свои построения имеющиеся артефакты из сопутствующего стратиграфического слоя. В данном отношении весьма убедительной следует признать интерпретацию всадников на коне из Халчаяна, предложенную Н. Д. Двуреченской. Она обратила внимание на то, что в культурном слое с находками всадников обнаружен фрагмент курильницы, украшенной тремя фигурками лепных антропоморфных статуэток, схожих с всадниками. Именно эта находка позволила несколько по-иному интерпретировать статуэтки всадников на коне из Халчаяна (Двуреченская 2005: 188).

Таким образом, случайные находки статуэток из Республики Таджикистан, вероятно, несут определенную религиозную нагрузку и связаны с отправлением культов в Бактрии античной эпохи. Их фрагментарность и обстоятельства происхождения не позволяют детально интерпретировать их. Этими факторами объясняется и то, что в данной статье практически не затрагивались вопросы их датировки.

Литература

- Абдуллаев 1996 — *Абдуллаев К. А.* Терракотовая пластика Ай-Ханум // РА. 1996. № 1. С. 55–67.
- Абдуллаев 1998 — *Абдуллаев К. А.* Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. № 1. С. 83–92.
- Абдуллаев 1999 — *Абдуллаев К. А.* Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паянкургона (Северная Бактрия) // Ширинов Т. Ш. (ред.). ИМКУз. Вып. 30. Самарканд: Фан, 1999. С. 126–132.
- Абдуллаев 2002 — *Абдуллаев К. А.* Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыртепа // Ртвеладзе Э. В. (ред.). МТЭ. Вып. 3. Ташкент: SAN`AT, 2002. С. 27–36.
- Двуреченская 2005 — *Двуреченская Н. Д.* История изучения терракотовой пластики Средней Азии // ПИФК. 2005. Вып. 15. С. 141–308.
- Двуреченская 2006 — *Двуреченская Н. Д.* Терракотовая пластика древней Бактрии III–I вв. до н.э. // РА. 2006. № 3. С. 143–153.
- Двуреченская 2016 — *Двуреченская Н. Д.* Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. 604 с.
- Завьялов 2008 — *Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб.: Изд-во Факультета филологии и искусств СПбГУ, 2008. 296 с.
- Кошеленко, Новиков 1999 — *Кошеленко Г. А., Новиков С. В.* О коропластике Маргианы эллинистического периода // РА. 1999. № 4. С. 54–64.
- Литвинский, Мухитдинов 1969 — *Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2. С. 160–178.
- Мешкерис 2004 — *Мешкерис В. А.* Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. СПб.: Нестор-История, 2004. 164 с.
- Мкртычев 2002 — *Мкртычев Т. К.* Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.: Академкнига, 2002. 286 с.

- Мухитдинов 1980 — *Мухитдинов Х. Ю.* Бактрийский всадник (археологические материалы о бактрийско-скифских контактах) // Мартынов А. И. (ред.). Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. археологической конф. (Кемерово, декабрь 1979 г.). Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1980. С. 212–227.
- Пидаев 1976 — *Пидаев Ш. Р.* Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Аккурган в Северной Бактрии // СА. 1976. № 1. С. 187–196.
- Пугаченкова 1959 — *Пугаченкова Г. А.* Маргианская богиня (из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции) // СА. 1959. Т. 29–30. С. 54–64.
- Пугаченкова 1965 — *Пугаченкова Г. А.* Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Крупнов Е. И. (ред.). Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 248–252 (МИА. № 130).
- Ремпель 1949 — *Ремпель Л. И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1949. Т. 1. С. 332–372.

STRAY FINDS OF TERRACOTTA STATUETTES FROM THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

R. V. TIKHONOV

Keywords: *Central Asia, Tajikistan, terracotta statuettes, female divinity, horseman.*

The paper presents two terracotta statuettes from the Republic of Tajikistan. One of them was found in the course of archaeological reconnaissance works in the Vakhsh valley in 1971. The time and place of discovery of the second statuette are unknown. The first statuette is a slab with relief depicting a female divinity dressed in a long robe with a necklace (fig. 1, 1), while the second represents what appears to be a horseman image (fig. 1, 2). Both statuettes find numerous analogies in the materials of antique settlements of Central Asia, but have also some local specific traits.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕНДЖИКЕНТА И ЕГО ОКРУГИ¹

Ф. Ш. АМИНОВ²

Ключевые слова: *Средняя Азия, Пенджикент, домонгольский период, стеклянные изделия.*

Период развитого средневековья является временем развития стеклоделия в Средней Азии. В статье публикуются стеклянные изделия, найденные в домонгольском Пенджикенте и его округе. При функциональной классификации изделий, традиционно применяемой в исследованиях в области среднеазиатского стеклоделия рассматриваемого времени, среди пенджикентского материала выявляются все основные группы стеклянных изделий: столовая (рис. 1; 2; 3, 1–7; 4, 1, 2; 5, 8; 6, 15, 17), парфюмерно-аптекарская (рис. 2, 13; 5, 4–7, 9, 10), химическая посуда (рис. 4, 7), бытовые изделия (рис. 3, 6; 4, 3–5; 5, 1–3; 6, 16), предметы украшения (рис. 5, 11–13) и оконное стекло (рис. 6, 1–14). Исследуемый материал датирован X–XII вв. Эти стеклянные изделия находят аналогии в материалах ближайших и дальних городских центров — в Самарканде, Ташкентском оазисе, Бухаре, Ферганской долине, Северном Тохаристане, а также в некоторых синхронных центрах на территории современного Казахстана. В то же время наблюдаются определенная мода и однообразие основных форм изделий, производимых в этот период как в Средней Азии, так и на Ближнем Востоке в целом.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-103-118

Введение

Археологическое изучение Верхнего Зеравшана, в частности Пенджикента и его округи, было начато в 1946 г. За это время было выявлено огромное количество памятников культурного наследия, многие из которых стали объектами более подробного исследования. Один из них — городище Древнего Пенджикента, археологическое изучение которого продолжается и по сей день.

Планомерное археологическое изучение материальной культуры города Пенджикента предмонгольского периода является новым направлением в археологии Таджикистана. До недавнего времени не существовало достаточных материальных

---

¹ Работа выполнена в рамках программ ФНИ ГАН по теме № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

свидетельств переселения жителей городища Древнего Пенджикента после запустения в 770-х гг. Это было связано как с отсутствием научного интереса к целенаправленному исследованию памятников этого периода, так и с трудностями проведения археологических исследований в условиях современной городской застройки. В течение нескольких лет планомерное археологическое изучение Пенджикента предмонгольского времени является одним из направлений работы Пенджикентской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан и Государственного Эрмитажа. Исследования проводятся на территории современного г. Пенджикент, в местах случайного обнаружения предметов материальной культуры рассматриваемого периода, а также на прилегающих к местонахождениям территориях, где возможна закладка шурфов.

В 2015 г. экспедиция заложила два шурфа на территории колхозного стадиона, расположенного в 800 м к СВ от городища Древнего Пенджикента. Найденные материалы — поливная керамика и монета, дирхем караханидского правителя Мансура бин Али хана, чеканенный в Самарканде в 410 г. хиджры (1019–1020 гг.), — позволяют датировать объект Стадион X–XI вв. (Аминов 2016).

В 2016 г. был заложен шурф в частном землевладении в 1,2 км к В от объекта Стадион, на месте обнаружения хозяевами участка случайных находок (объект получил название Куктош). Раскопки дали большое количество предметов материальной культуры — поливной, неполивной и расписной керамики, стеклянных и металлических изделий. Среди случайных находок была монета — дирхем караханида Насра бин Али Илек, чеканенный в Самарканде в 400 г. хиджры (1009–1010 гг.). Комплекс находок объекта Куктош датируется XI — началом XIII в. (Аминов 2017).

В 2017 г. полевые исследования проводились в 350 м к З от объекта Куктош, в местности около устроенного в 1990-е гг. для постройки школы и позже заброшенного котлована размерами 70 × 40 м. Здесь было заложено несколько шурфов (объект получил название Куктош-2). Найденный материал датирован X–XII вв. (Аминов 2018а).

В результате проведенных исследований получены новые данные о локализации домонгольского Пенджикента и его материальной культуре (Аминов 2018б).

Стеклянные изделия Пенджикента периода развитого средневековья

Настоящая статья посвящена стеклянным изделиям Пенджикента времени развитого средневековья. В ней использованы материалы, найденные в 2015–2017 гг. на объектах Стадион, Куктош и Куктош-2. Кроме них, несколько фрагментов стеклянных сосудов были случайно обнаружены в 1997 г. рядом с колхозным стадионом Пенджикента. Место находки было осмотрено И. К. Малкиелем и датировано по сопутствующим фрагментам поливных сосудов X–XI вв. (Малкиель 1997)³. В статью включены также находки стеклянных изделий предмонгольского времени из поселений в округе Пенджикента — Калаи Муг и Тепе А⁴ в долине р. Магиандарья, исследованных Магианской группой Пенджикентского отряда Таджикской археологической экспедиции под руководством Б. Я. Ставиского в 1957–1961 гг.

³ Хранятся в фондах Музея-заповедника Древнего Пенджикента.

⁴ Хранятся в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Калаи Муг является двухслойным памятником, его верхний слой датирован X–XII вв. Расположенный в 100 м к ЮЗ от него Тепе А датирован XI–XII вв. (Ставиский 1959; 1961)⁵. Несколько фрагментов стеклянных предметов, вошедших в статью, происходят с поселения Муборакшах, расположенного в 14 км к ЮВ от Пенджикента. Материал, найденный в результате небольших раскопок 2010 г., в частности клад монет, позволяет датировать памятник X–XI вв. (Довуди, Курбонов 2012; Аминов 2013). Небольшая часть используемых в статье стеклянных изделий была опубликована нами ранее (Аминов, Чижова 2016).

Эталонным исследованием, посвященным пенджикентскому стеклу, является монография В. И. Распоповой (2010), в которой собраны данные о 412 фрагментах стеклянных сосудов V–VIII вв., найденных за 49 полевых сезонов (1950–1999 гг.). Важной является находка стеклодельной мастерской конца VII — середины VIII в. в пригороде Древнего Пенджикента, что свидетельствует о существовании местного производства стекла. Как показало исследование В. И. Распоповой, большая часть стеклянных изделий раннесредневекового Пенджикента являлась импортом с Ближнего и Среднего Востока (Там же). Большой вклад в изучение средневекового стеклоделия Средней Азии внесли работы А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова, М. Т. Аминджановой, Д. К. Мирзаахмедова.

В. А. Галибиным был проведен спектральный анализ нескольких фрагментов стеклянных сосудов X–XII вв. из памятников Боронбой-тепа и Муг-тепа (в округе Пенджикента), химический состав которых совпадает с составом стеклянных сосудов из Древнего Пенджикента (Галибин 2001: 152, 160, 162).

Вместе с появлением и развитием производства поливной керамики в IX в. в Средней Азии наблюдается подъем стекольного производства. Свидетельством тому являются находки стеклоделательных мастерских в Афрасиабе, Куве, Ахсикете, а также значительное количество стеклянных изделий, обнаруженных в различных памятниках этого периода (Абдуразаков и др. 1963: 95).

Задачей предлагаемого исследования является классификация стеклянных изделий, их датировка, определение связей. В нашем распоряжении имеется 87 фрагментов стеклянных изделий. Они изготовлены из прозрачного стекла бесцветного, зеленого, голубого, синего оттенков; один фрагмент изготовлен из полупрозрачного стекла фиолетового цвета; один — из непрозрачного стекла красного цвета. Кроме того, имеются две бусины из непрозрачного стекла, одна — из черного стекла, другая — из фиолетовой стеклянной пасты.

Большая часть сосудов изготовлена способом свободного дутья и имеет след понти на дне. Эти сосуды в основном тонкостенные и недекорированные. Некоторые из них украшены накладными нитями. Малую часть находок составляют сосуды, изготовленные способом дутья в форму. Толщина стенок сосудов этой группы — 3–8 мм.

После выполнения графической реконструкции форм сосудов по их фрагментам (см. далее) мы обращаемся к классификации по функциональному назначению, традиционно применяемой в исследованиях в области среднеазиатского стеклоделия рассматриваемого времени (Абдуразаков и др. 1963). Среди пенджикентского материала выявляются все основные группы стеклянных изделий: столовая,

---

⁵ Выражаю благодарность хранителю Отдела Востока ГЭ А. И. Торгоеву за предоставленные для изучения материалы.

бытовая, парфюмерно-аптекарская, химическая посуда, предметы украшения и оконное стекло.

Столовая посуда — чаши, пиалы, кувшины, стаканы, кружки, тарелки, графины, бокалы, рюмки. К этой группе относится большая часть найденных нами предметов.

Чашы являются одной из самых распространенных форм стеклянной посуды в Средней Азии рассматриваемого времени. Среди материалов средневекового Пенджикента и его округи есть шесть фрагментов стеклянной посуды, которые мы относим к чашам (рис. 1, 4, 7, 8, 10, 12, 17). Они имеют полусферическую и приплюснuto-шарообразную форму. Диаметр венчика удалось определить лишь у двух фрагментов — 10 см (рис. 1, 8) и 14 см (рис. 1, 7). Все чаши изготовлены из прозрачного стекла зеленого и голубого оттенков. Венчик одного из фрагментов отогнут (рис. 1, 7). Один из них украшен горизонтальной накладной нитью (рис. 1, 17).

Пиалы представлены двумя фрагментами прозрачного стекла зеленого оттенка. Имеют полусферическую форму с закругленным (утолщенным) венчиком. Их диаметры составляют 8,8 см (рис. 1, 6) и 12,5 см (рис. 1, 5). Аналогии имеются среди материалов Узгена и в собрании Самаркандского музея (Абдуразаков и др. 1963: рис. 10, 2; 13, 7).

Стаканы цилиндрической формы с вертикальными стенками представлены шестью фрагментами венчиков диаметром от 6,4 см до 9 см (рис. 1, 1, 2, 3, 11, 13, 14) и четырьмя донцами диаметром от 6 см до 7,5 см. Донца слегка вогнутые (рис. 1, 9, 16, 25; 2, 3). Венчик одного из стаканов оформлен кольцевым ободком (рис. 1, 2). Стенка другого украшена горизонтальной накладной нитью, как и стакана с Хулбука (Ходжаев 2010: рис. 83). Стаканы часто встречаются среди материалов среднеазиатских центров.

Кружки представлены фрагментами трех характерных петлевидных ручек из прозрачного стекла зеленого оттенка. Первая ручка в сечении полуовальная (рис. 2, 1), вторая — почти подпрямоугольная (рис. 2, 4), а третья — овальная (рис. 2, 5). Подобные кружки имели цилиндрическую форму и иногда были украшены разнообразным декором. Аналогии имеются в Афрасиабе (Шишкина 1986: рис. 4, 26; 5, 10; Аминджанова 1962: рис. 1, 20), Пайкенде (Мирзаахмедов 2011б: рис. 25, 15–17) и Кулдор-Тепе (Ставиский 1960а: рис. 4, 1, 3).

К *бокалам* относятся две подставки для ножек из прозрачного стекла зеленого оттенка. Диаметр первой — 4 см. На ее поверхности выделяется рельефный орнамент (рис. 3, 2). Диаметр второй — 5,5 см (рис. 3, 1). Оба фрагмента мы относим к бокалам с коническим резервуаром. Подобные бокалы встречаются среди материалов Афрасиаба (Шишкина 1986: рис. 2, 1; 11, 4, 5), Бинката (Мирзаахмедов и др. 1999: рис. 2, 7), Ахсикета (Мирзаахмедов 2011б: рис. 15, 1), Кувы (Мирзаахмедов и др. 2008: рис. 6, 5, 6, 13; 9, 1–5), Калаи Боло (Якубов 2011: рис. 12, 8).

К бокалам мы также относим полую круглую ножку с неустойчивым поддоном из непрозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр поддона — 2,5 см (рис. 3, 7). Бокалы с неустойчивыми ножками известны по материалам Афрасиаба (Шишкина 1986: рис. 1, 1–3) и Кувы (Абдуразаков и др. 1963: рис. 24). Такие бокалы не были предназначены для установки на ножку и хранились ножкой вверх. В исследуемой коллекции имеется также подставка маленького диаметра (2 см), вероятно служившая подставкой для ножки маленькой рюмки или бокала на неустойчивой ножке (рис. 5, 8).

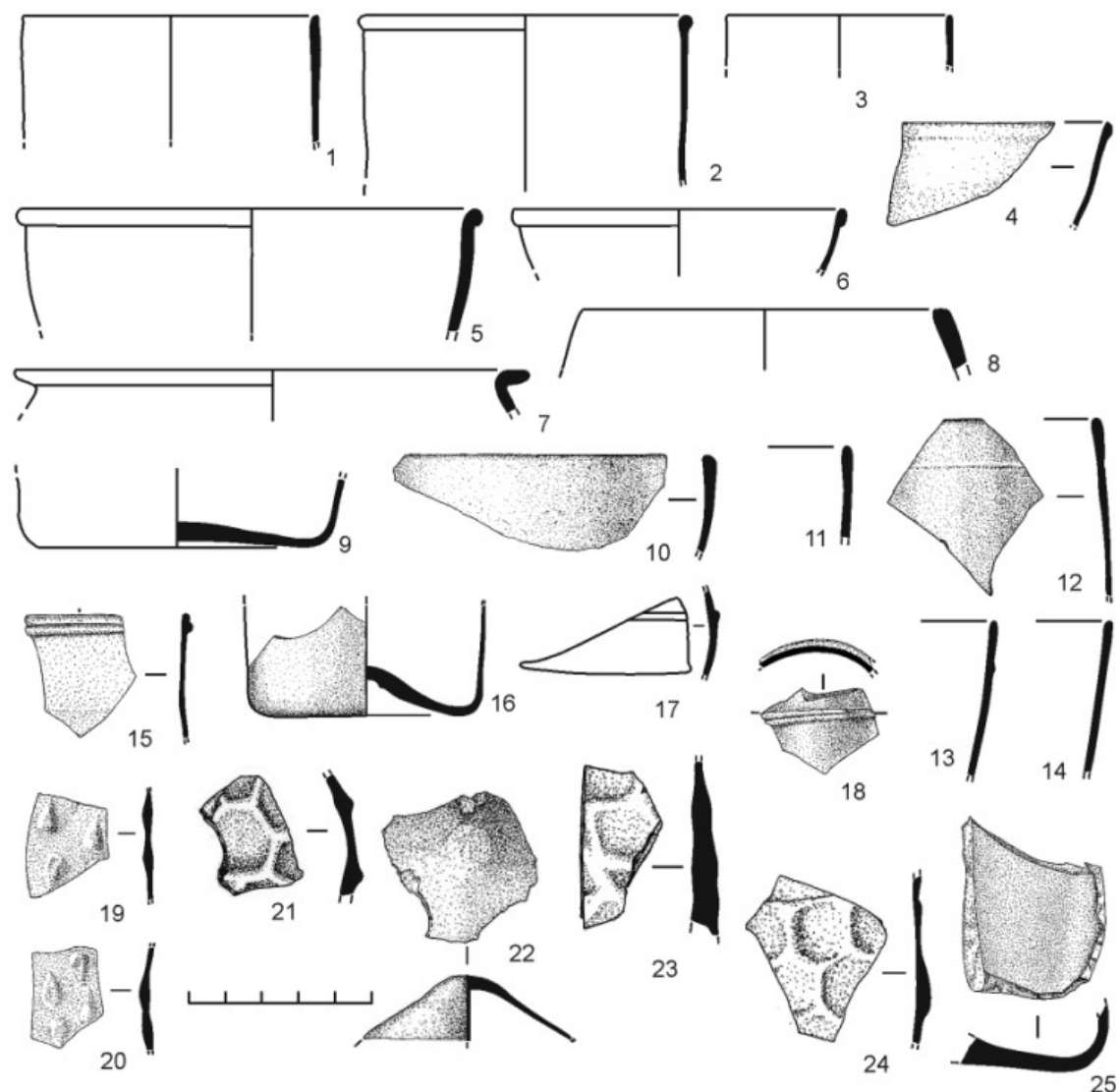

Рис. 1. Пенджикент и его округа домонгольского времени, столовая посуда: 1–3, 9, 11, 13, 14, 16, 25 — стаканы; 4, 7, 8, 10, 12, 17 — чаши; 5, 6 — пиалы; 15, 18–24 — неопределенные фрагменты

Fig. 1. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian table glassware: 1–3, 9, 11, 13, 14, 16, 25 — drinking glasses; 4, 7, 8, 10, 12, 17 — bowls; 5, 6 — pialas; 15, 18–24 — unidentifiable fragments

Кувшины представлены тремя фрагментами ручек.

Ручка с накладным круглым выступом для упора большого пальца в закраине изготовлена из прозрачного стекла зеленого оттенка. Такие ручки характерны для кувшиновидных кружек (рис. 4, 1), известных по материалам Афрасиаба (Шишкина 1986: рис. 5, 7, 8), Бинката (Мирзаахмедов и др. 1999: рис. 2, 9, 10), из собрания Самаркандского музея (Аминджанова 1962: рис. 1, 17), Бухары (Мирзаахмедов 2011a: ил. VIII), Куйруктобе (Байпаков, Дошанова 2011: ил. XXXVIII).

Ручка из прозрачного стекла голубого оттенка с выступом в закраине (рис. 4, 2). Подобные ручки встречаются на кувшинах из Хулбука (Якубов 2011: рис. 13, 5) и Пайкенда (Мирзаахмедов 2011b: рис. 3, 3).

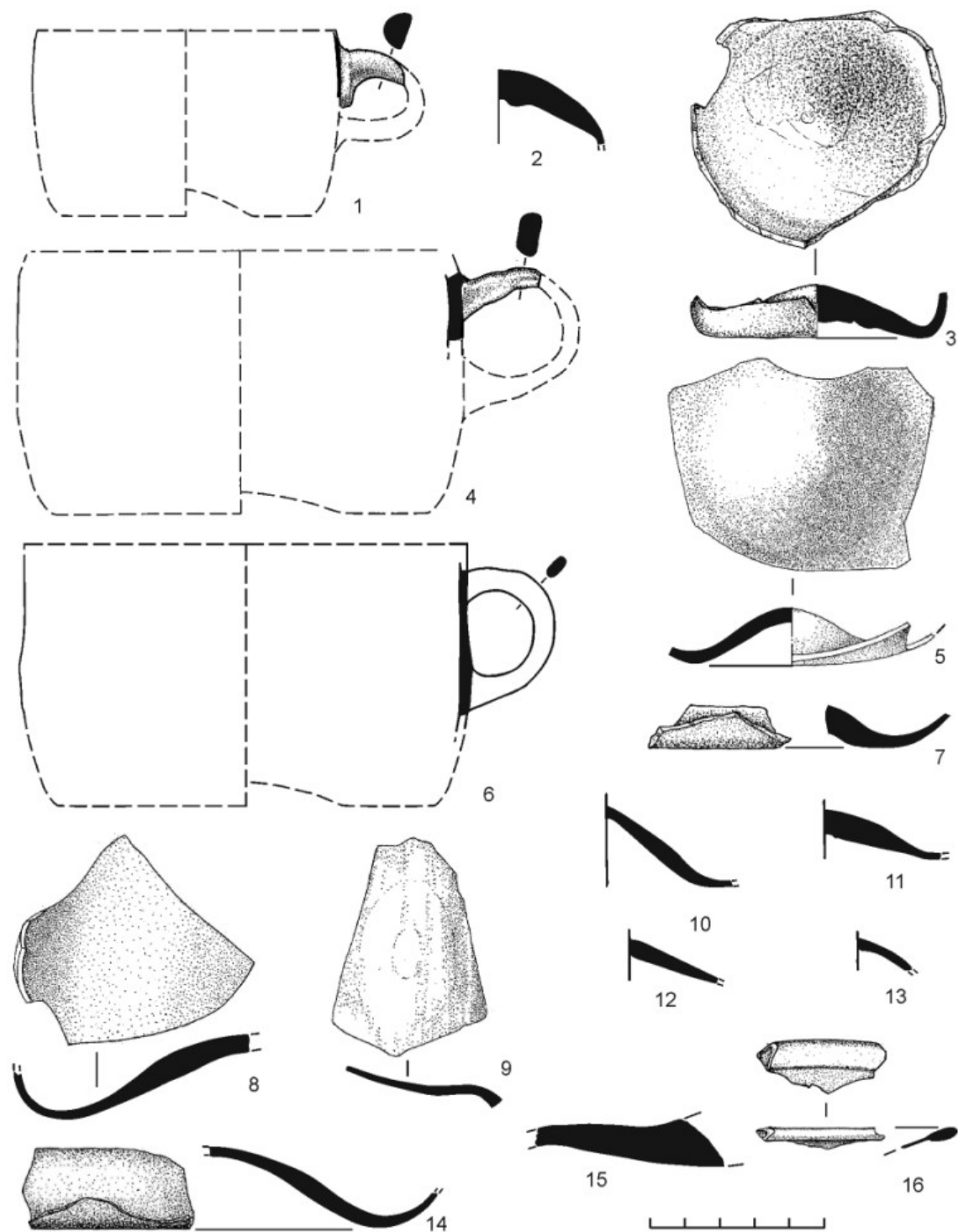

Рис. 2. Пенджикент и его округа домонгольского времени, столовая посуда:
 1, 4, 5 — кружки; 3 — стакан; 9, 16 — фрагменты тарелок; 13 — фрагмент флакона;
 2, 6-8, 10-12, 14, 15 — неопределенные фрагменты

Fig. 2. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian table glassware: 1, 4, 5 — mug;
 3 — drinking glass; 9, 16 — fragments of plates; 13 — phial fragment;
 2, 6-8, 10-12, 14, 15 — unidentifiable fragments

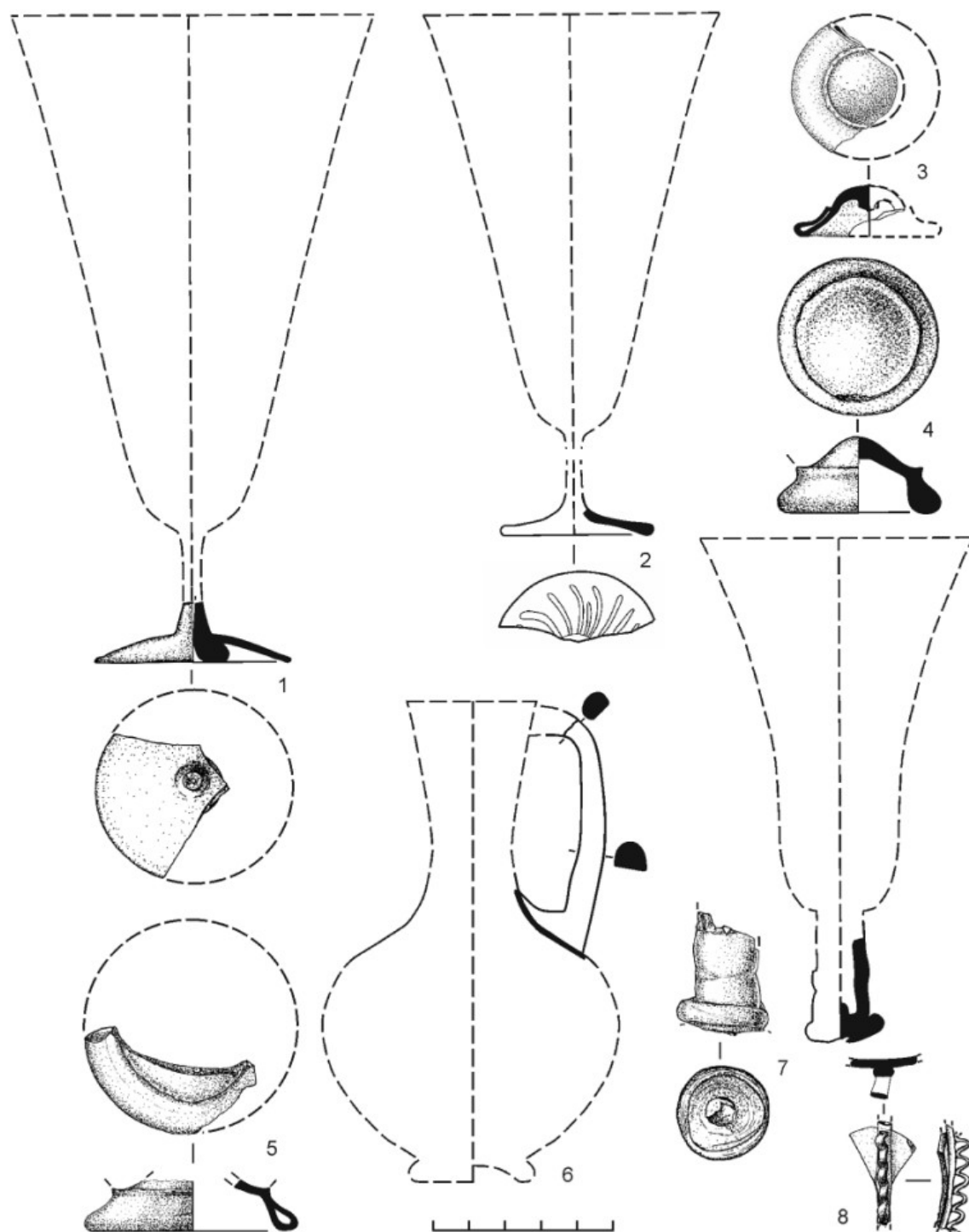
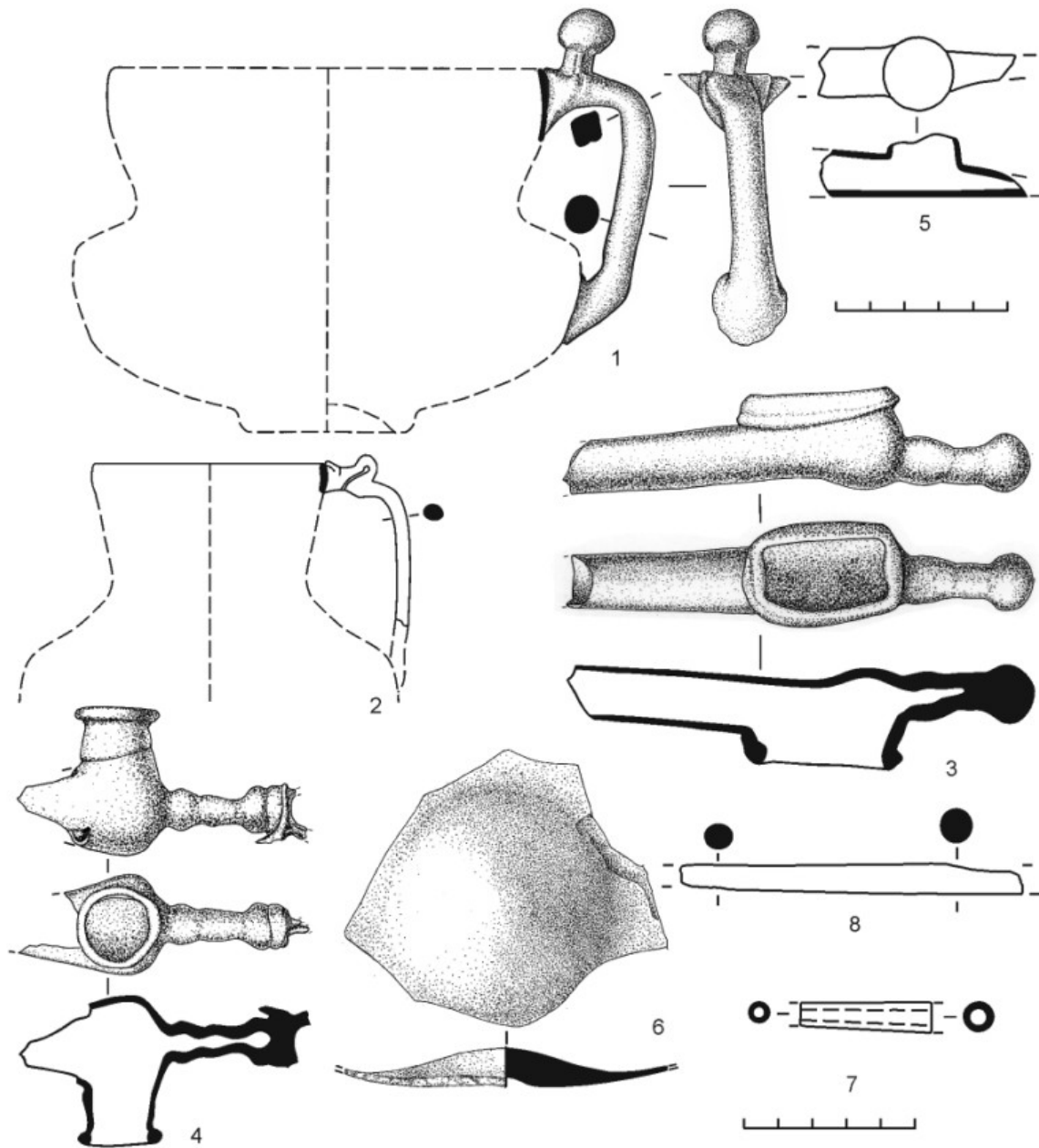

Рис. 3. Пенджикент и его округа домонгольского времени, стеклянные сосуды: 1, 2, 7 — бокалы; 3-6 — фрагменты кувшинов; 8 — фрагмент лампы

Fig. 3. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian glass vessels: 1, 2, 7 — goblets; 3-6 — fragments of pots; 8 — fragment of a lamp

Рис. 4. Пенджикент и его округа домонгольского времени, стеклянные изделия: 1, 2 — фрагменты кувшинов; 3–5 — сумак; 6 — неопределенный фрагмент; 7 — фрагмент аламбика; 8 — стеклянная палочка (фрагмент ручки?)

Fig. 4. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian glass articles: 1, 2 — fragments of jars; 3–5 — sumaks; 6 — unidentifiable fragment; 7 — alembic fragment; 8 — glass stick (handle fragment?)

Фрагмент ручки из прозрачного стекла зеленого оттенка (рис. 3, 6), форма которой характерна для кувшинов, представленным на Афрасиабе (Шишкина 1986: рис. 4, 11).

Кроме того, среди собранного нами материала имеются три кольцевых поддона диаметром 4 см (рис. 3, 3), 5,5 см (рис. 3, 4) и 6 см (рис. 3, 5), вероятно, являющихся

поддонами кувшинов, подобных найденным в среднеазиатских и ближневосточных центрах (Шишкина 1986: рис. 4, 11, 12, 13, 15; 5, 8; Шарахимов 1973: рис. 1, 2; Папахристу, Ахраров 1981: рис. 1, 7, 13; Абдуллаев 1981: рис. 1, 12; Kroger 1995: no. 160).

Тарелки представлены двумя фрагментами из прозрачного стекла зеленого оттенка с почти горизонтальными стенками, один из которых имеет утолщенный венчик (рис. 2, 9, 16).

Графины. Два фрагмента прозрачного стекла зеленого оттенка, возможно, относятся к графинам. Это фрагмент венчика с четырьмя накладными нитями (рис. 6, 17) и обломок плечика сосуда (рис. 6, 15). В рассматриваемое время графины в Средней Азии были широко распространены. Их горловины в большинстве случаев были отогнуты и украшались накладными стеклянными нитями (Абдуразаков и др. 1963: 121–122).

Парфюмерно-аптекарская посуда — флаконы. Флаконы являются одним из наиболее распространенных видов стеклянных изделий. Среди собранного нами материала имеются несколько фрагментов сосудов, которые, вероятно, являются флаконами: это венчик и часть горла из прозрачного стекла зеленого оттенка, диаметр венчика составляет 2,7 см (рис. 5, 5); фрагмент стенки грушевидного флакона из непрозрачного стекла красного цвета (рис. 5, 6); фрагмент стенки грушевидного флакона из прозрачного стекла зеленого оттенка (рис. 5, 7); вогнутое дно диаметром 4,5 см (рис. 5, 4) из прозрачного стекла зеленого оттенка; дисковидный слегка вогнутый поддон диаметром 2,7 см (рис. 5, 9) из полупрозрачного стекла голубого оттенка; фрагмент венчика диаметром 4 см (рис. 5, 10) из прозрачного стекла зеленого оттенка; фрагмент вогнутого донца из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 13).

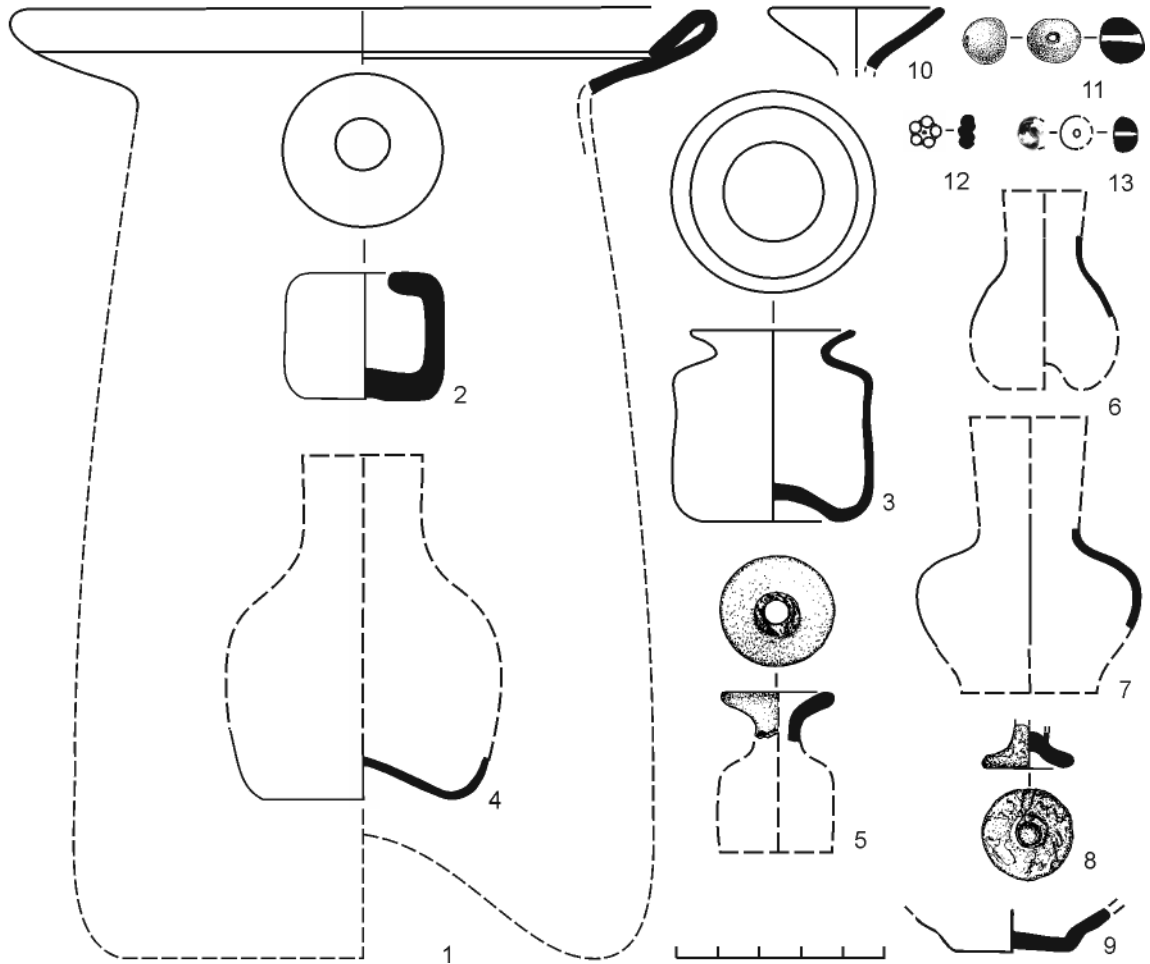
Все эти сосуды имеют маленькие размеры. При графической реконструкции было выявлено преобладание грушевидной формы флаконов, хотя по материалам других среднеазиатских центров флаконы в целом имеют весьма разнообразную форму (Абдуразаков и др. 1963: 127, рис. 26).

Химическая посуда — аламбик. Из химических изделий имеется один фрагмент полый внутри, постепенно суживающейся трубки аламбика из прозрачного стекла зеленого оттенка (рис. 4, 7). Стоит отметить, что аламбики могли использоваться как в химических, так и в медицинских целях (Мирзаахмедов 2011б: 56–66). В рассматриваемое время аламбики были распространены во всей Средней Азии, в том числе на Афрасиабе (Шишкина 1986: рис. 1, 13), в Бинкате, Пайкенде (Мирзаахмедов и др. 1999: рис. 3, 5; 6; Мирзаахмедов 2011б: рис. 2; 3; 4; 7; 8; 11), Ахсикете (Папахристу, Ахраров 1981: рис. 24; 25).

Бытовые изделия — принадлежности детской колыбели (тувак и сумаки), чернильница, а также фрагмент стеклянного предмета, который мы интерпретируем как лампу.

Тувак, сосуд для сбора мочи, является принадлежностью детской люльки. Среди нашего материала имеется один фрагмент венчика тувака диаметром 8,5 см (рис. 5, 1), сделанный из прозрачного стекла зеленого оттенка. Обычно тувачи имеют вытянутую, почти цилиндрическую форму с широким отогнутым венчиком. Край венчика загнут. Аналогии представлены в Афрасиабе (Шишкина 1986: рис. 5, 11), Бинкате, Куве (Мирзаахмедов 2011а: рис. 9; ил. XI: 1), Отраре, Куйруктобе (Байпаков, Дошанова 2011: рис. 8, 1, 2; ил. XVIII). Нужно подчеркнуть, что в рассматриваемое время тувачи изготовляли как из стекла, так и из глины.

Рис. 5. Пенджикент и его округа домонгольского времени, стеклянные изделия: 1 — тувак; 2, 3 — чернильницы; 4–7, 9, 10 — фрагменты флаконов; 8 — фрагмент бокала (рюмки?); 11–13 — бусины

Fig. 5. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian glass articles: 1 — tuvak (pottie); 2, 3 — inkpot; 4–7, 9, 10 — fragments of phials; 8 — goblet (wineglass?) fragment; 11–13 — beads

Сумак — трубка для отвода мочи, принадлежность детской колыбели. Представляет собой длинную полую трубку двух видов — для мальчика и для девочки. Сумак для мальчика имеет дополнительную накладную перпендикулярно расположенную круглую трубку, сумак для девочки имеет накладной подпрямоугольный выступ — отверстие. Оба вида встречены и в нашем материале (рис. 4, 3–5). Найденные сумаки имеют на вершине на конце трубки. Край на вершине одного из сумачков для мальчика выделен круглой петлевидной цепью, вероятно, для подвешивания (рис. 4, 4). Все три сумачка сделаны из прозрачного бесцветного стекла. Аналогии имеются в Афрасиабе (Мирзаахмедов 2011б: рис. 21, 3; Вяткин 1926: рис. 77–79), Ташкенте (Абдуразаков и др. 1963: рис. 29, б), Канке (Брусенко, Галиева 1982: рис. 1, 8), Отраре (Байпаков, Доцанова 2011: рис. 8, 3; 4).

Форма принадлежностей детской колыбели сохранилась и используется в Средней Азии и по сей день. Современные тувачки изготавливают из керамики, сумачки — из дерева, в последние годы на смену им пришли пластмассовые изделия.

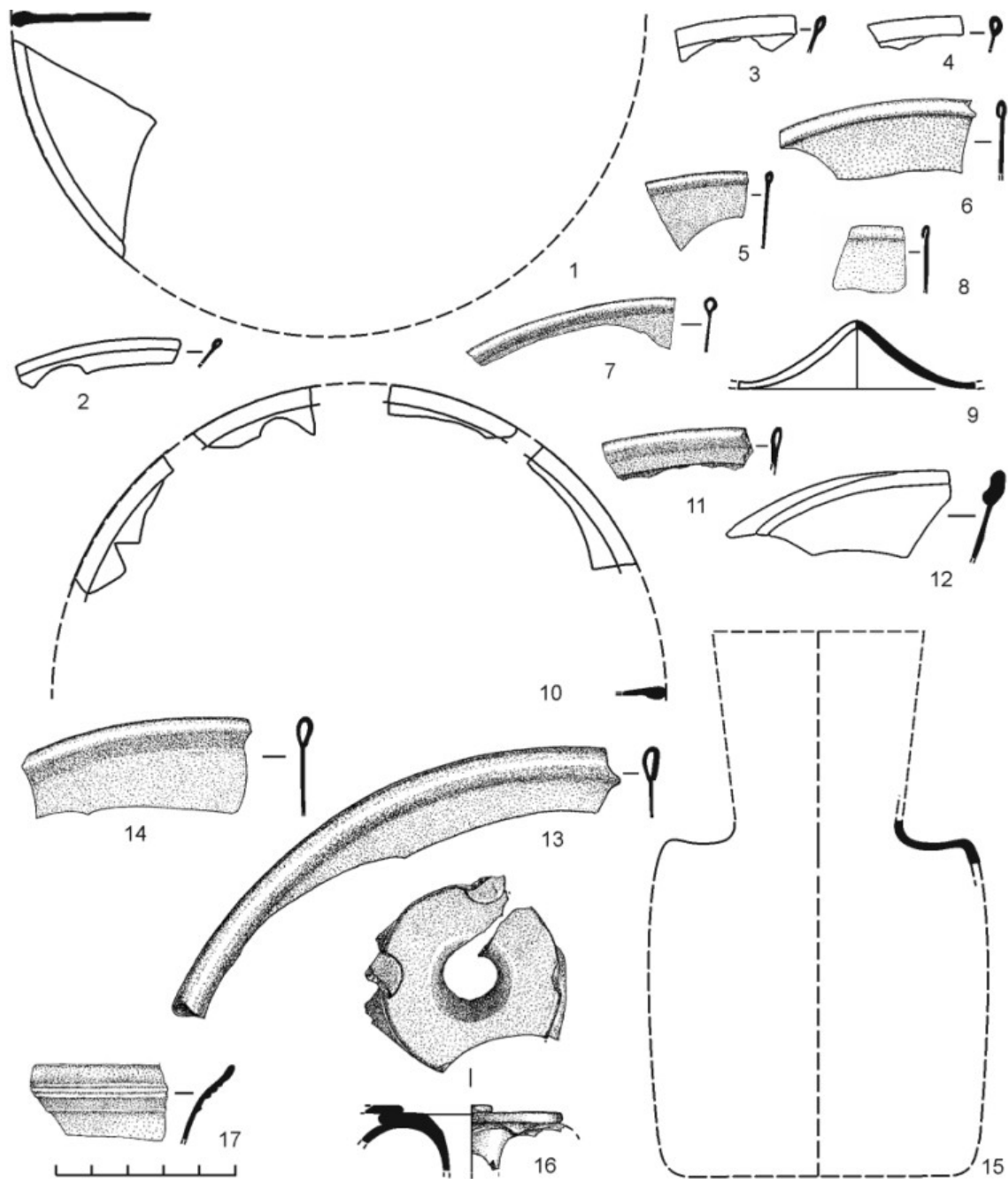
Чернильницы представлены двумя изделиями.

Чернильница с цилиндрическим резервуаром типа непроливайки. Высота ее — 3 см, диаметр — 3,8 см, толщина стенок — 4–5 мм. Изготовлена из прозрачного стекла зеленого оттенка (рис. 5, 2). Вторая чернильница имеет почти цилиндрические стенки, узкое горло, отогнутый венчик и вогнутое дно. Высота ее — 4,5 см, диаметр венчика — 4 см, горла — 2,5 см, дна — 2,7 см. Изготовлена из прозрачного стекла голубого оттенка (рис. 5, 3). Чернильницы Средней Азии имеют различную форму, в основном это маленькие баночки высотой 3,0–4,5 см и диаметром 3,5–5,0 см (Абдуразаков и др. 1963: 128, рис. 28, 1, 2, 3). Некоторые из них помещались в алебастровую подставку, украшенную резьбой. В алебастровые подставки или приборы помещались от одной до четырех чернильниц одновременно (Ставиский 1960б).

В коллекции представлен также фрагмент верхней части сосуда из прозрачного бесцветного стекла. Вертикальное горло сосуда переходит в отогнутый венчик диаметром 5 см. От венчика вниз отходит второй слой сосуда. Две маленькие ручки наклеены на венчик (рис. 6, 16). Аналогий в среднеазиатских материалах найти не удалось. Точная аналогия представлена в Нишапуре, по мнению Дж. Крегера, это фрагмент чернильницы (Kröger 1995: 177, no. 230).

Лампа — фрагмент стенки сосуда из прозрачного бесцветного стекла с накладным жгутиком в виде змейки, расположенным под углом 90° к поверхности стенки. Между змейкой и стенкой расположена еще одна накладная полоса стекла (рис. 3, 8). Фрагмент происходит из слоя X–XI вв. (Аминов 2016). В Средней Азии рассматриваемого периода аналогичный декор встречается на ритонах X–XI вв. из Самарканда, Варахши, Карабулака и Культепе. Однако накладной декор этих ритонов изготовлен из темного стекла (Аминджанова 1961: 241, рис. 1; 1962: рис. 2, 5; Брыкина 1974: 82, рис. 57, 2; Грицина 1992: рис. 24, 5). Подобный декор встречен на лампах с тремя петлями для подвешивания на верхней части тулова из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии (Сокровища Алании 2011: 228, рис. 326) и из поселения Бокаташ II в Крыму и датируется концом XIII в. (Крамаровский 2009: рис. 3). Лампа с аналогичным декором хранится в музее «Коллекция Давида» в Копенгагене и атрибутирована как изделие, происходящее из Ирана или Центральной Азии X–XI вв. (The David Collection: Inv. no. 14/1964). Внутри такой лампы посередине часто помещалась вертикальная цилиндрическая полая трубка для фитиля (отсутствует у ламп из Северной Осетии и Крыма). Одна целая и несколько фрагментов ламп с ушками для подвешивания и аналогичным декором найдены в слое XI в. при раскопках Фустата (Египет) (Foy 1999: 188, fig. 5, 1; 6, 5). Три лампы этого же типа найдены при раскопках гробниц XI — начала XII в. во Франции в соборе Нотр-Дам-дю-Бург в Дине. Эти лампы считаются западными копиями рассмотренных выше восточных образцов (Ibid: 190–191, fig. 7). Также стоит отметить две ручки ламп, декорированных подобным способом, в Нишапуре. Они датированы IX–XI вв. (Kröger 1995: nos. 234, 236).

Все рассмотренные выше лампы имеют небольшие размеры (высота 9–14 см) и изготовлены преимущественно из бесцветного стекла. В пользу того, что фрагмент из Пенджикента с большой вероятностью относится к изделиям подобного типа, свидетельствует также то, что на всех вышеупомянутых лампах волнообразный декор расположен на широкой вертикальной полосе. Очевидно, она служила не только для закрепления декора, но и для придания прочности сосуду.

Рис. 6. Пенджикент и его округа домонгольского времени, стеклянные изделия: 1–14 — оконное стекло; 15, 17 — фрагменты графинов; 16 — фрагмент чернильницы

Fig. 6. Ancient Penjikent and its suburbs, pre-Mongolian glass articles: 1–14 — window-glass; 15, 17 — fragments of carafes; 16 — fragment of an inkpot

В Таджикистане фрагменты ламп с петлевыми ушками-медальонами происходят из слоя первой половины XI в. в Хульбуке (Якубов 2011: 76–77, рис. 20–21). Еще один любопытный сосуд с четырьмя ушками для подвешивания по венчику хранится в коллекции Самаркандского музея и интерпретирован М. Аминджановой как чернильница (Аминджанова 1962: 96, рис. 2, 15).

Оконное стекло — фрагменты круглых, плоских дисков диаметром 17–21 см с ободком по краю. Посередине имеют конический выступ. Нами собрано 14 фрагментов из прозрачного стекла зеленого и голубовато-зеленого оттенков. Толщина плоских частей — 0,6–2,0 мм. Край имеет закругленную петлевидную или вытянутую и плоскую формы (рис. 6, 2–8, 10, 11, 13, 14). Два фрагмента оконного стекла имеют край, оформленный не ободком, а наклепленными стеклянными жгутиками (рис. 6, 1, 12). Также представлен конический фрагмент из полупрозрачного стекла фиолетового цвета, который может быть интерпретирован как выступ (центральная часть) оконного стекла (рис. 6, 9). Аналогии встречены в Афрасиабе (Шишкина 1986: рис. 5, 16; 12, 1; 13), Ташкенте (Мирзаахмедов и др. 1999: рис. 2, 22, 23), Талгаре (Байпаков, Дошанова 2011: ил. XXXVII; Дошанова 2008: рис. 2) и датируются X–XI вв.

Украшения — стеклянные бусины разнообразных форм, цветов и размеров широко распространены в памятниках Средней Азии рассматриваемого периода (Абдуразаков и др. 1963: 134, рис. 34; 35). Среди нашего материала имеются три бусины. Одна из них в виде цветка из пяти соединенных шариков сделана из фиолетовой стеклянной пасты. Диаметр бусины — 7,5 мм, толщина — 3,5 мм (рис. 5, 12). Вторая бусина почти круглой формы изготовлена из черного непрозрачного стекла с белыми пятнами. Диаметр бусины — 8 мм, толщина — 6 мм (рис. 5, 13). Третья почти округлая бусина сделана из прозрачного стекла зеленого оттенка. Диаметр ее — 1,4 см, толщина — 1,2 см. (рис. 5, 11). Все бусины имеют отверстие в середине.

В публикуемой коллекции представлены многочисленные обломки сосудов, которые не поддаются реконструкции. Среди них два фрагмента венчиков с накладными нитями (рис. 1, 15, 18) и 11 фрагментов вогнутых донеч диаметром 5–12 см (рис. 1, 22; 2, 2, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15; 4, 6), а также обломок стеклянного предмета в виде круглой в сечении палочки (ручка?) из прозрачного бесцветного стекла. Сохранившаяся длина изделия — 10 см, диаметр — 7–9 мм (рис. 4, 8).

Не поддаются реконструкции и пять фрагментов стенок сосудов с рельефным декором, полученным способом дутья в форму. Это фрагменты стенок из прозрачного стекла зеленого оттенка с каплевидным орнаментом (рис. 1, 19, 20); стенка сосуда из прозрачного бесцветного стекла с рельефным орнаментом в виде соединенных кружков (рис. 1, 24); стенка сосуда из прозрачного стекла зеленого оттенка с орнаментом в виде соединенных пятиугольников (рис. 1, 23); стенка сосуда из непрозрачного синего стекла с орнаментом в виде соединенных шестиугольников (рис. 1, 21). Сосуды с аналогичным рельефным орнаментом встречены в материалах Афрасиаба (Шишкина 1986: рис. 1, 10; 3, 2), Пайкенда (Мирзаахмедов 2011а: рис. 12, 17), Бинката (Мирзаахмедов и др. 1999: рис. 2, 2, 3) и Хулбука (Якубов 2011: рис. 11, 5; VI, 1).

Рассмотренный выше материал датируется X–XII вв. В отличие от предшествующего периода, в памятниках домонгольского Пенджикента и его округи стеклянные изделия находят очень часто, и они имеют большое разнообразие форм. Эти изделия предмонгольского Пенджикента и его округи демонстрируют тесные связи не только с ближайшим крупным городским центром Средней Азии предмонгольского времени — Самаркандом, но и с другими, более дальними, центрами — Ташкентским оазисом, Бухарским Согдом, Ферганской долиной, Северным Тохаристаном, а также с некоторыми центрами современного Казахстана. В то же время

имеются свидетельства единых технологий и форм изделий, производимых в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Вопросы импорта или местного производства изделий, учитывая недостаток данных, пока не рассматриваются. Продолжение археологического изучения памятников предмонгольского времени Пенджикента и его округа, несомненно, пополнит источниковую базу материальной культуры региона.

Литература

- Абдуллаев 1981 — *Абдуллаев К.* Стекланные изделия X–XII вв. из Бухары // ИМКУз. 1981. Вып. 16. С. 52–57.
- Абдуразаков и др. 1963 — *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1963. 242 с.
- Аминджанова 1961 — *Аминджанова М.* О некоторых стекланных сосудах Мавераннахра // ИМКУз. 1961. Вып. 2. С. 241–254.
- Аминджанова 1962 — *Аминджанова М.* Средневековые стекланные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда // ИМКУз. 1962. Вып. 3. С. 87–100.
- Аминов 2013 — *Аминов Ф. Ш.* Начало исследований городища Муборакшах в Верхнем Зеравшане // *Алёкшин В. А., Бессуднов А. А. (ред.).* Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тезисы науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 64–67.
- Аминов 2016 — *Аминов Ф. Ш.* Отчет о раскопках на объекте Стадион в 2015 г. // *Лурье П. Б. (ред.).* МПАЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016. Вып. 19. С. 17–22.
- Аминов 2017 — *Аминов Ф. Ш.* Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 году // *Лурье П. Б. (ред.).* МПАЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. Вып. 21. С. 31–38.
- Аминов 2018а — *Аминов Ф. Ш.* Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2017 году. // МПАЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. Вып. 22. С. 32–36.
- Аминов 2018б — *Аминов Ф. Ш.* Локализация Пенджикента IX — начала XIII в. // *Бессуднов А. А., Ткач Е. С. (ред.).* Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии: ММНК молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.
- Аминов, Чижова 2016 — *Аминов Ф. Ш., Чижова А. А.* Стекланные изделия Пенджикента предмонгольского времени // *Лурье П. Б. (ред.).* МПАЭ: ТД науч. конф. «Аспекты согдийской культуры», к 70-летию археологических работ в Пенджикенте. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016. Вып. 20. С. 21–25.
- Байпаков, Дошанова 2011 — *Байпаков К., Дошанова Т.* Казахстан // *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло.* Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 12–64.
- Брусенко, Галиева 1982 — *Брусенко Л. Г., Галиева З. С.* Материалы раскопок квартала X — начала XI в. на городище Канка // ИМКУз. 1982. Вып. 17. С. 124–136.
- Брыкина 1974 — *Брыкина Г. А.* Карабулак. М.: Наука, 1974. 128 с.
- Вяткин 1926 — *Вяткин В. Л.* Афрасиаб — городище былого Самарканда: археологический очерк. Самарканд: Изд-во Главнауки Наркомпроса Узбекской ССР, 1926. 65 с.

- Галибин 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с.
- Грицина 1992 — *Грицина А. А.* Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент: Фан, 1992. 69 с.
- Довуди, Курбонов 2012 — *Довуди Д., Курбонов Ш.* Монетные находки на городищах Санджаршах и Муборакшах. Душанбе: Шахпар, 2012. 86 с.
- Доцанова 2008 — *Доцанова Т. С.* Оконное стекло на городище Талгар // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2008. № 1. С. 141–146.
- Крамаровский 2009 — *Крамаровский М. Г.* Редкая сельджукская (?) лампа XII — начала XIII в. из пригорода Солхата // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. К 60-летию д-ра ист. наук, проф. В. П. Степаненко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2009. Вып. 39. С. 301–313.
- Малкиель 1997 — *Малкиель И. К.* Новые находки поливной керамики саманидского времени из Пенджикента // 50 лет раскопок Древнего Пенджикента: Сб. ТД науч. конф. Пенджикент, 1997. С. 42–43.
- Мирзаахмедов 2011а — *Мирзаахмедов Д.* Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 96–160.
- Мирзаахмедов 2011б — *Мирзаахмедов Д.* Ремесло стеклоделов крупнейших городских центров средневекового Узбекистана IX–XV вв. (По материалам Бухары, Пайкенда, Самарканда, Ташкента, Ахсикета и Кувы) // Археология Узбекистана. 2011. № 2 (3). С. 53–93.
- Мирзаахмедов и др. 1999 — *Мирзаахмедов Д. К., Ильясова С., Адылов Ш. Т.* Средневековое стекло и керамика Бинката–Ташкента IX–XI вв. Раздел 1. Стекланные изделия // ИМКУз. 1999. Вып. 30. С. 237–245.
- Мирзаахмедов и др. 2008 — *Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т., Матбабаев Б. Х.* Результаты археологических исследований на объекте Р. 5б городища Кува // ИМКУз. 2008. Вып. 36. С. 189–209.
- Папахристу, Ахраров 1981 — *Папахристу О., Ахраров И.* Стекло из раскопа в Арке домонгольского городища Ахсикент // ИМКУз. 1981. Вып. 16. С. 88–95.
- Распопова 2010 — *Распопова В. И.* Стекланные сосуды из Пенджикента (находки 1950–1999 гг.). СПб.: Синтез Бук, 2010. 162 с.
- Сокровища Алании 2011 — Сокровища Алании / Блиев М. М. (ред.). М.: Эксмо, 2011. 240 с.
- Ставиский 1959 — *Ставиский Б. Я.* Археологические памятники в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. // АРТ в 1957 г. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1959. Вып. 5. С. 65–81 (Тр. АН Тадж. ССР. Т. 103).
- Ставиский 1960а — *Ставиский Б. Я.* Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956–1957 гг. // СА. 1960. № 4. С. 113–121.
- Ставиский 1960б — *Ставиский Б. Я.* Самаркандские чернильные приборы IX–X вв. в собрании Эрмитажа // СА. 1960. № 1. С. 278–281.
- Ставиский 1961 — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1958 г. // АРТ в 1958 г. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961. Вып. 6. С. 101–112 (Тр. Института истории АН Тадж. ССР. Т. 37).
- Ходжаев 2010 — *Ходжаев Ш.* Дворец Хутальяншахов — Хульбук. Душанбе: Дониш, 2010. 176 с.
- Шарахимов 1973 — *Шарахимов Ш.* Новые стекланные сосуды с Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1973. Вып. 2. С. 224–228.
- Шишкина 1986 — *Шишкина Г. В.* Ремесленная продукция средневекового Согда: стекло, керамика: вторая половина VIII — начало XIII в. Ташкент: Фан, 1986. 196 с.

- Якубов 2011 — Якубов Ю. Таджикистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 65–80.
- Foy 1999 — Foy D. Lampes de verre fatimides à Fostat: le mobilier des fouilles de Istabl Antar. L'Égypte fatimide son art et son histoire // Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998. Paris.: Sorbonne, 1999. P. 179–196.
- Kröger 1995 — Kröger J. Nishapur: Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995. 256 p.
- The David Collection. Электронная версия: <http://www.davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/glass/art/14-1964>.

PRE-MONGOLIAN GLASS ARTICLES FROM PENJIKENT AND ITS SUBURBS

F. SH. AMINOV

Keywords: *Central Asia, ancient Penjikent, pre-Mongolian period, glass articles.*

The period of High Middle Ages witnessed the development of glassmaking in Central Asia. The paper presents glass articles from pre-Mongolian Penjikent and its suburbs. The Penjikent collection contains all major groups of glass articles recognized in the functional classification traditionally used in the region: table glassware (fig. 1; 2; 3, 1–7; 4, 1, 2; 5, 8; 6, 15, 17), perfume and drug jars (fig. 2, 13; 5, 4–7, 9, 10), chemical glassware (fig. 4, 7), household items (fig. 3, 6; 4, 3–5; 5, 1–3; 6, 16), adornments (fig. 5, 11–13) and window-glass (fig. 6, 1–14). The material under study can be dated to the X–XII cc. These glass articles find analogies in the materials from Samarkand, Tashkent oasis, Bukhara, Fergana valley, Northern Tokharistan, as well as some synchronous urban centers on the territory of modern Kazakhstan. There is also a tendency to a certain uniformity (fashion) in the main types of glass articles that were produced during that period in both Central Asia and the Near East.

БИОРЕСУРСЫ В ДРЕВНОСТИ: О МЕСТЕ БОБРА В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ¹

А. В. КУРБАТОВ²

Ключевые слова: *Русь, кости, мех и шкуры бобра, амулеты.*

В работе рассмотрены письменные и археологические данные о мехе и шкурах бобров на Руси, интерпретация которых снимает замеченные противоречия и недосказанность в выводах историков. Собранные материалы по всем группам источников позволяют сделать выводы о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси, отличающиеся от мнения историков, которые подчеркивали исчезновение бобров на большей части Восточной Европы уже в древнерусский период. Они отмечали давнее значение охоты на бобров, мех которых высоко ценился. Можно присоединиться к заключениям археолога М. В. Фехнер и зоолога В. Н. Скалона, что на разных территориях население издавна принимало меры к сохранению популяции бобров. В Древней Руси подобная практика также имела давнюю традицию.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-119-131

Введение

Бобр — широко распространенный на Руси вид дикого животного семейства *Castor*, мех которого считался одним из самых ценных на протяжении всего средневековья. В Евразии это самое крупное животное из отряда грызунов. Известны два вида бобра — азиатский речной и европейский речной. Кроме того, в Северной Америке водится еще одна разновидность — канадский бобр (*C. canadensis*). Шкура бобра имеет плотную прочную кожевую ткань и волосяной покров, состоящий из блестящих грубых остевых волос и очень густой шелковистой подпушки. При выделке ость выщипывают, а оставшийся пуховой покров приобретает красивый темно-каштановый цвет. Мех имеет природный окрас от светло-каштанового до темно-бурого, почти черного, и ценится за прочность, высокие теплозащитные свойства и красоту (Атрибуция... 1999: 197). Длительную традицию промысла бобров в Восточной Европе отражают связанные с ним устойчивая семантика и обряды у восточных славян (Гура 1995: 199–200).

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Бобры издавна были объектом охотничьего промысла. Кости этого животного выявлены уже на памятниках эпохи неолита. Особенности обитания и размножения бобров (проживание на одном месте двух-трех поколений одного семейства, небольшая плодовитость самок — обычно 3–5 детенышей, достижение половой зрелости к трем годам) в сочетании с высокой ценностью меха, бобровой струи и мяса ставили его выживание в зависимость от интенсивности охотничьего промысла (Косинцев 2006: 21–33; Щипанов 2005: 629).

Источники

Изучать историю взаимодействия человека и бобра на разных этапах развития человеческих обществ помогают различные исторические документы и археологические находки. По данной теме имеются нарративные источники, летописные записи, сочинения географической направленности, берестяные грамоты, исторические предания и церковно-поучительные сочинения (Кочин 1937: 29). С XVIII в. появились и научные описания русских земель, где определенное место занимала оценка общего состояния природной среды, флоры и фауны (Кёппен 1902).

Меха бобров упомянуты в средневековых летописных сборниках, например, в Ипатьевской летописи под 1241 г.: «[1241]: И слышавъ Костянтинъ А(н)древа грядуща на нъ, избеже ночью. Андреи же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разъграби гордые и тулы ихъ бобровые раздра и прилбичее ихъ вольчье и боръсуковые раздраны быша» (СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 254). Эту запись историки вспоминают наиболее часто в связи с упоминанием предметов воинского снаряжения — это *тулы* (колчаны), видимо, обшитые бобровыми шкурами, и *прилбицы* (часть боевого головного убора), обшитые волчьими и барсучьими шкурами.

В шести новгородских берестяных грамотах XI–XIII вв. упомянуты бобровые шкуры — это грамоты № 7, 420, 600, 647, 910, 1121 (Матехина 2008: 190–196; Арциховский, Янин 1978: 28; Янин, Зализняк 1986: 60–62; 2000: 19–21, 117–118; Янин и др. 2004: 102–103). Последняя была найдена в 2019 г. и содержала запись судебного разбора о краже 20 бобровых шкур.

Неоднократно меха бобров и других промысловых диких животных отмечали арабские писатели IX–X вв., оценивая состав предметов торговли населения Восточной Европы с арабскими странами, например ибн-Хордадбег (Заходер 1967: 29, 84–91, 161–163), Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси (Халидов 2001: 192) и другие. Для первой половины XII в. интересное сообщение оставил Абу Хамид ал-Гарнати, в том числе и легенду о бобрах (Путешествие... 1971: 31, 35).

Нередки упоминания меховых шкурок бобров и западными авторами. Например, Франческо Тьеполо посетил Москву в 1560 г. и написал в донесении следующее: «Чрезвычайно богата (эта) страна дикими животными, среди которых очень ценны соболи... бобры» (Иностранцы... 1991: 57).

Пространно описывал внутреннюю и внешнюю торговлю русских И. Ф. Кильбургер, посетивший Россию в составе шведского посольства в 1673–1674 гг. Он отметил, что бобры, выдры и хорьки принадлежат к товарам, которых сама Россия не имеет в достаточном количестве, но русские много торгуют в Европу бобровой шерсти, вычесываемой из бобров и предназначенной на женские шапки (Курц 1915: 118).

Среди других интересных источников по теме назовем наставление русским купцам, торгующим с Западной Европой, так называемую Торговую книгу, составленную между 1575 и 1610 гг. (Торговая книга 1851: 133), а также словарь-дневник англичанина Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. (Ларин 1959: 30–33, 35). мех и шкуры бобра часто упоминались в русских хозяйственных документах XVI–XVII вв., где среди прочего назывались *околы хвостовые* и *деланные бобровые шкуры*. По возрасту животных шкуры делили на взрослых бобров, молодых особей — *кошлоков* и годовалых *ярцов* (СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 253; СПЛ XV–XVII вв. 2003: 48).

Эталоном в оценке русского производства и торговли кожами и мехами в XVI в. служит Новгород. На 1580-е гг. А. В. Арциховский насчитал в нем по писцовым книгам 5465 ремесленников и торговцев, в том числе 34 бобровника (Арциховский 1939: 3–15).

Археологические материалы

Здесь выделяется несколько групп источников. До недавнего времени выводы археологов о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси основывались исключительно на остеологических материалах. Уже на памятниках неолита встречены многочисленные кости бобра. М. В. Фехнер приводит в качестве примера стоянки в междуречье Волги и Оки, на которых костные остатки бобра составляли от 6,3 % до 13,9 % от всего объема находок (Фехнер 1989: 71).

Для эпохи великого переселения народов сводку опубликованных остеологических материалов широкого круга памятников Восточной Европы сделал М. М. Казанский (2010: 107–110). Ссылаясь на мнение исследователей, он отметил, что в Верхнем Прикамье охота носила «меховой» характер уже с ананьинского времени и вплоть до развитого средневековья. Куньи породы и бобр хорошо представлены на памятниках ананьинского и гляденовского этапов. Кости бобра составляли в раннее время 24,8 % и на более позднем этапе 36,4 % от всех костей диких животных. В Среднем Прикамье на Чужьяловском городище, памятнике мазунинской культуры III–V вв. н. э., кости бобра составляют 63,7 % костей всех диких животных.

Для эпохи средневековья остеологических данных собрано неизмеримо больше. Во многих работах подчеркивается, что в средневековой Руси и на сопредельных территориях Восточной Европы численность бобра резко падает, свидетельствуя об истреблении животных. Например, такие наблюдения опубликованы для городища Иднакар IX–XIII вв. на территории Удмуртии в Волжско-Камском регионе. На основе представительной выборки костей делается вывод, что в указанный период «изменилось возрастное соотношение животных. Объектом основной охоты стали сеголетки, составляющие 74,6 % от убитых бобров. Забивались особи даже в возрасте до 5 мес. Подобное прямое воздействие человека на бобра определило его постепенное хищническое истребление в Удмуртии уже к XVIII в.» (Богаткина 1995: 148).

Показательны и выводы тверского остеолога А. В. Зиновьева: «результаты археологических раскопок в Балтийском регионе и Европейской части России указывают на заметное сокращение численности бобра уже после второй половины XII века. Одно из последних достоверных упоминаний о местах промышленной

добычи бобров („бобровых гонах“) относится ко второй половине XVI в. С указанного времени кости бобра практически перестают встречаться в культурном слое» (Зиновьев, Кораблёв 2014: 302).

На средневековых поселениях Русского Севера находки костей бобра считаются признаком активного освоения пушных ресурсов с последней четверти I тыс. н. э. В последние годы получены археологические свидетельства роли бассейна р. Шексна как важного канала поступления пушнины и других продуктов промыслов. В частности, об этом свидетельствует клад дирхемов (864 г.), обнаруженный в Палькине на территории современного г. Череповец (Леонтьев 1986: 18). Пушной зверь в X–XI вв. на Шексне и ее притоках водился в изобилии. Многочисленные кости пушных животных, прежде всего бобра, обнаружены на шекснинских поселениях этого времени. Кости бобра составляют половину и более от всех костей диких животных на поселениях Луковец, Кривец, Октябрьский Мост (Кудряшов 2006: 126).

По археологическим материалам можно сделать вывод, что для населения отдельных мест охота на бобров была едва ли не постоянным занятием, как, например, для жителей Райковецкого городища (Гончаров 1950: 126). Об этом же свидетельствуют и результаты раскопок средневековых городов в Беларуси. Так, в Берестье кости бобра составляют от 3,0 до 16,6 %, в Полоцке — 12,7 %, в Лукомле — 15 %, в Минске — 7,7 %, в Клецке — 23,8 %, в Давид-Городке — 33,9 %, в Турове — 8 %. В то же время в Витебске кости бобра не выявлены (Щеглова 1969: 409; Лысенко 1985: 365). В Волковыске кости бобра составляют 13,0–23,7 % для разных слоев и объектов (Зверуго 1975: 93, табл. 13).

Особая группа материалов указывает на устойчивое сохранение культа бобра у населения разных регионов Восточной Европы в различные исторические эпохи. Так, известны ритуальные положения костей бобра на неолитическом поселении Володары в междуречье Оки и Волги, в составе ритуальногоклада в слое охры, рядом с горшком и кремневым ножом, а в ритуальном захоронении на той же стоянке находилась булава из локтевой кости бобра. Кремневые фигурки плывущих бобров найдены на неолитических стоянках Сахтыш I (возле Казани) и Памфилово (возле Перми), роговые фигурки плывущих бобров — на поселении X в. у с. Городище на Шексне, а также амулеты из резцов и астрагалов животного — на других средневековых памятниках (Фехнер 1989: 71–73). В работах Е. М. Колпакова, посвященных наскальным рисункам Беломорья эпохи каменного века и раннего металла, отмечены сцены охоты на бобров с лодок (Колпаков 2019: 46–47).

К этой группе предметов надо относить и так называемые глиняные медвежьи лапы из славянских курганов IX–XI вв. в Ярославском Поволжье, на которые одним из первых обратил внимание Н. Н. Воронин, связавший находки с распространением в регионе медвежьего культа (Воронин 1941: 162–166). В работах И. В. Дубова 1980-х гг. был проведен наиболее полный и детальный обзор элементов, связываемых автором с мерянским вкладом в погребальную обрядность и культуру Ярославских могильников. К ним были отнесены, в числе других, глиняные лапы и кольца, а также амулеты из клыков медведя и других животных и подвески из астрагалов бобра (Дубов 1982: 14–30; 1984).

Е. А. Рябинин, изучавший археологические культуры финно-угров, постепенно стал сомневаться в правильности атрибуции «медвежьих глиняных лап». В одной

из своих последних обобщающих работ по археологическим культурам финно-угорских народов средневековой Восточной Европы он обошел вопрос об изобразительных прототипах для изготовления «лап», в то же время отметив особую культовую роль бобра у белозерско-шекснинской веси (Рябинин 1997: 181).

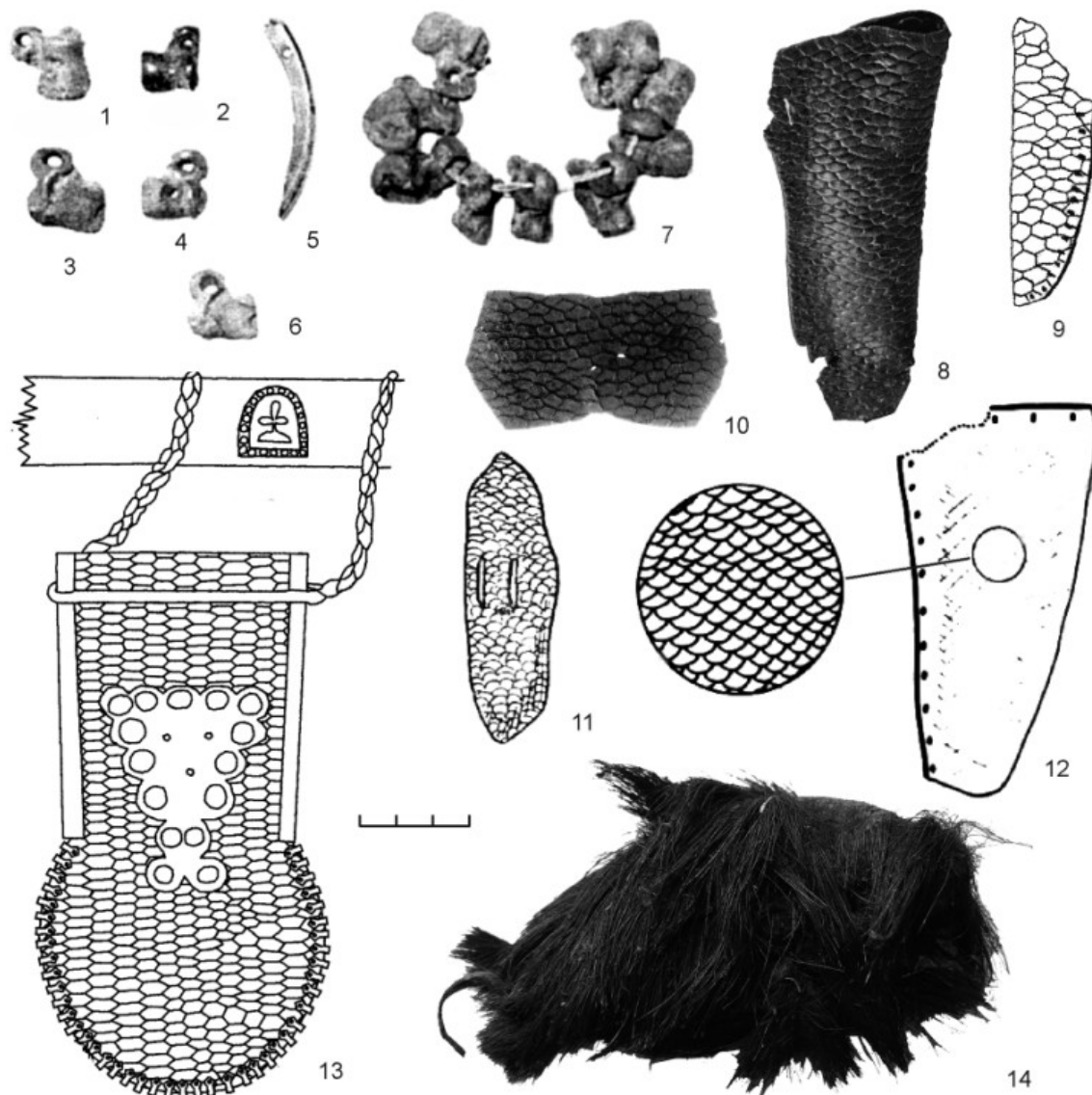
Интерпретацию глиняных лап как муляжей лап бобра впервые отметила М. В. Фехнер (1989: 71 и сл.). К этому мнению присоединились Н. А. Макаров с соавторами и другие исследователи, обнаруживающие такие глиняные лапы в могильнике Шекшово в Суздальском Ополе. В настоящее время на территории Руси известны находки 113 глиняных лап и 56 глиняных колец из погребальных памятников (Макаров и др. 2017: 15–16).

В настоящее время тему средневековых амулетов из таранных костей и резцов бобра продолжает Е. А. Тянина на материалах из раскопок Новгорода, где такие предметы встречены на Троицком и Неревском раскопах, преимущественно в слоях второй половины X — первой половины XI в. (рис. 1, 1–7). Всего их выделено 23 экз., в число которых входит комплекс из девяти таранных костей бобра (Тянина 2011: 166–167). По мнению этого исследователя, в научной литературе господствует гипотеза о финно-угорской принадлежности такого типа амулетов, а также о связи их с людьми, занимавшимися бобровым промыслом. Последнее отражено в новгородских материалах, где находки костей бобра встречены в культурном слое второй половины X — первой половины XI в., что совпадает с датировками этого типа апотропеев. По заключению Е. А. Тяниной, основная часть бобровых амулетов, вероятно, связана именно с промысловиками-бобровниками, а найденный на Троицком раскопе комплекс, по аналогии с погребениями, надо относить к финно-угорским древностям. Она также пишет, что в славянской этнографии образ бобра представлен слабо. По нашему мнению, такое суждение нельзя считать правомерным. Работы А. В. Гуры показывают широкое распространение народных представлений о бобрах в символике всех славянских народов, в основном связанной с брачными обрядами и эротикой (Гура 1995: 199–200; 1997).

В последнее время в археологических материалах выявлена новая группа источников. Это достаточно редкие изделия и обрезки из меха и кожи бобра, в том числе внешне выразительной фактуры хвоста бобра. Особенность данной кожи — ее большая плотность и жесткость, гладкая меряя и глубокие полукруглые вдавления по всей поверхности, образующие узор наподобие «рыбьей чешуи», где границы «чешуек» углублены в кожу и сохраняют острые края.

Сегодня известен ряд кожаных предметов из хвоста бобра в Новгороде: это ножи в раскопе на Ярославовом Дворище и изделия из «необычной» чешуйчатой кожи, найденные на Неревском и Кировском раскопах в слоях второй половины XII–XIII вв., а также в Новгородском кремле (Зубкова 2017: 167, 169, рис. 92, 3). Среди них представлены чехлы для ножей (рис. 1, 8, 9), «кусочек кожи» (рис. 1, 11), также, вероятно, фрагмент ножен, и два неопределенных изделия. В Старой Руссе отмечены трое подобных ножен (Матехина 2008: 191), в Тверском кремле найден один наперсток (рис. 1, 10 — Курбатов 2004: рис. 128, 2), а в Торжке на Климентовском-1 раскопе обнаружен обрезок неопределенной детали (рис. 1, 12 — Курбатов 2003: рис. 5, 8).

В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., относимых к культуре древних марийцев, достаточно часто встречаются кожаные кошельки лировидной формы (рис. 1, 13), сделанные из кожи хвоста бобра (Никитина 2013: рис. 1, 3).

Рис. 1. 1–7 — амулеты из костей бобра (Новгород): 1–4, 6, 7 — таранные кости, 5 — резец; 8, 9, 11 — ножны из хвоста бобра (Новгород: 8 — Неревский раскоп; 9 — Новгородский кремль); 10 — наперсток из кожи с хвоста бобра (Тверской кремль, 1993–1997 гг.); 12 — обрезок детали (?) с тиснением «чешуя» (Торжок, Климентовский-1 раскоп, 1994 г.); 13 — кожаная лировидная сумка-кошелек из хвоста бобра (Веселовский могильник, древние маришцы, погребение (?)); 14 — мешочек из меха бобра (Старая Ладога, Земляное городище, 2009 г., раскоп 3; фото А. В. Курбатова). 1–6 — по: Тянина 2011: рис. 2, 25–30; 7 — по: Тянина 2011: рис. 3, 1; 8 — по: Освоение Севера... 2017: № 108; 9 — по: Зубкова 2017: рис. 92, 3; 10 — по: Курбатов 2004: рис. 128, 2; 11 — по: Изюмова 1959: рис. 11, 13; 12 — по: Курбатов 2003: рис. 5, 8; 13 — по: Никитина 2013: рис. 1, 3

Fig. 1. 1–7 — amulets of beaver bones (Novgorod): 1–4, 6, 7 — astragali, 5 — incisor; 8–9, 11 — sheath made of beaver tail (Novgorod: 8 — Nerevsky excavation, 9 — Novgorod Kremlin); 10 — thimble made of beaver tail skin (Tver Kremlin, 1993–1997); 12 — detail (?) with scale-like impressions (Torzhok, Klimentovskiy-1 excavation, 1994); 13 — lyre-shaped leather bag made of beaver tail (Veselovskiy cemetery, ancient Mari, burial (?)); 14 — small bag of beaver fur (Staraya Ladoga, Zemlyanoe Gorodishche, 2009, excavation area 3; photo by A. V. Kurbatov). 1–6 — after Тянина 2011: fig. 2, 25–30; 7 — after Тянина 2011: fig. 3, 1; 8 — after Освоение Севера... 2017: № 108; 9 — after Зубкова 2017: fig. 92, 3; 10 — after Курбатов 2004: fig. 128, 2; 11 — after Изюмова 1959: fig. 11, 13; 12 — after Курбатов 2003: fig. 5, 8; 13 — after Никитина 2013: fig. 1, 3

Новые находки таких кошелев, или «поясных сумок», были рассмотрены в Рождественском могильнике в Пермском Приуралье (Крыласова 2012: 236 и сл.).

При изучении марийских памятников применен новый прием археологического источниковедения. Специальные анализы органических материалов, полученных из погребений Русенихинского и других могильников IX–XI вв., позволяют расширить наши представления о конкретных действиях и обычаях в погребальной обрядности древних марийцев. Образцы меха от одежды и подстилок были проанализированы зоологом Марийского ГУ В. И. Дроботом и криминалистом Н. С. Курочкиным. Для анализа взято 13 образцов из трех погребений и жертвенного комплекса Русенихинского могильника. Образцы изученных волос имеют диагностические признаки, характерные для волосяного покрова бобра (*Castor fiber*). Такому же анализу подверглись фрагменты меха и других марийских могильников — Нижняя стрелка на левобережье Волги и Черемисское кладбище в верховьях Ветлуги. Там также были определены остатки бобровых шкур (меха). Это обстоятельство дает новые уточнения для погребального обряда и раскрывает значение и место бобра в духовной культуре средневековых марийцев (Никитина 2013: 157).

Уникальная находка происходит из раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге, из слоев второй половины IX — начала X в.: это меховой мешочек с завязкой (рис. 1, 14), затянутой узлом на устье, размерами (в сложенном виде) 12,5 × 6,0 см (Курбатов 2015: 57). Он сшит из меха бобра с жестким и длинным остевым волосом бурого цвета. Концы завязки шириной 2,5 мм, выступающие на 5 см, затянуты неправильным прямым узлом (в терминологии морского дела, см.: Скрягин 1994: 36–37). В соответствии со средневековой терминологией цвет меха мешочка можно считать «чернокарим» (см.: СЛРЯ XI–XVII вв. 1980: 67). В настоящее время предмет хранится в фондах Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Мешочек при размыивании не открывался, и его вероятное содержимое неизвестно.

Бобровые шкуры, вместе со шкурами других экзотических животных, в археологических материалах известны также в Швеции (Råhlander 2017: 249–251).

Исследовательские трактовки

Собранные материалы — находки костей, остатков меха и кожи бобров на различных археологических памятниках, а также многочисленные упоминания в средневековых документах и более поздних научных описаниях — приводят нас к определенному взгляду на использование человеком бобра в разные эпохи.

Письменные данные о торговле в Древней Руси и Московском государстве предполагают устойчивое торговое значение ценного бобрового меха, особенно во внешней торговле русских купцов. Именно это значение бобра как источника товарного меха в сфере средневековой международной торговли доминирует в работах историков, что, по нашему мнению, неоправданно сужает значение и место бобра в средневековой культуре. Более того, значение меха бобра в европейской торговле явно преувеличено, если вспомнить незначительные количества поставляемых на рынок мехов.

Ситуацию с бобрами в Западной Европе уже к началу средневековья приоткрывает статья Джеймса Сприггса, посвященная бобрам Британии (Spriggs 1998:

91–101). В большинстве земель острова поголовье бобров к этому времени было почти полностью уничтожено, чему способствовали ценность меха и повсеместно высокая плотность населения. Внезапно возникший на острове интерес к бобрам в новое время объясняется веяниями моды XVI–XVIII вв. и появлением на рынках бобровых мехов из России и Канады. Историк писал, что многие виды животных на острове после отступления ледника к эпохе римского владычества были уже истреблены или находились на грани исчезновения. Для римской эпохи нет археологических данных существования бобров, хотя на ряде поселений раннего средневековья кости бобра найдены. Спритгс приводит законодательные свидетельства сильной регламентации их отлова и продажи: это уэльские законы (около 940 г. н. э.) и перечни экспортных товаров Шотландии времени правления королей Давида (1124–1153) и Роберта Брюса (1306–1329). Подобные ограничения известны и в странах материковой Западной Европы.

Выводы

Собранные материалы по всем группам источников позволяют сделать выводы о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси, отличающиеся от мнения историков, которые подчеркивали исчезновение бобров на большей части Восточной Европы уже в древнерусский период. Они отмечали давнее значение охоты на бобров, мех которых высоко ценился. Некоторая часть бобровых угодий принадлежала непосредственно великому князю (царю). Но к концу XV в. часть этих угодий — бобровые гоны и бортные леса — «испромышлялись» (Базилевич 1952: 25).

В работах С. В. Бахрушина о княжеском хозяйстве приводятся отзывы иностранцев о России XVII в., когда страна еще представляла в совокупности большой зверинец. Под Москвой реки Клязьма, Воря и другие кишмя кишели бобрами. В XV и XVI вв. на большинстве небольших рек средней России можно было найти целые поселки бобров, «бобровые гоны», как тогда называли места бобровой охоты, огражденные сделанной самими бобрами плотиной — «бобровой перекопью». На бобров производилась активная охота и систематическое их истребление, что привело очень скоро к полному их исчезновению. А специальные княжеские бобровники составляли тогда целые семьи и даже поселки (Бахрушин 1954: 25–27).

С учетом мнения известных ученых, видимо, не должно оставаться сомнений в постепенном, но практически полном исчезновении бобра в Европейской России к XVII в. и переносе основных промысловых мест в Западную и Восточную Сибирь. Тем не менее работы краеведов конца XIX — начала XX в. отмечают места активного разведения и промысла бобров в Центральной России. Например, бобра называли «любимым животным» охотников того времени в Смоленской области, где в реках периодически встречали большие группы животных (Добровольский 1916: 57 и сл.).

Мы присоединяемся к правомерным взглядам и заключениям археолога М. В. Фехнер и зоолога В. Н. Скалона, что на разных территориях население издавна принимало меры к сохранению популяции бобров (Фехнер 1989: 72; Скалон 1951: 105–106). И в Древней Руси такая практика имела давнюю традицию. Это видно из регламентации отлова только этого животного, отраженной в статье № 69 Пространной редакции «Русской Правде»: «69. Аже украдет кто бобр, то 12 гривен» (Российское законодательство... Т. 1. 1984: 69, 107–108). Такой штраф равноценен тому, что полагался за убийство холопа. Из этого можно предположить, что

разведение и отлов бобров были исключительно прерогативой князей. Ограничения по ловле бобров, отраженные в средневековых законах Уэльса и Шотландии, позволяют считать подобную законодательную практику общей для Европы.

А. Л. Хорошкевич писала, что в экспорте пушнины из Новгорода в XIV–XV вв. бобровые меха составляли только незначительную часть. Это ей кажется удивительным на фоне того, что русские источники уделяют много внимания вопросам владения бобровыми гонами и что в крупных феодальных хозяйствах существовали бобровники, а мех бобра издавна шел в быт феодалов. Но в новгородском экспорте он встречался довольно редко и, как и другие дорогие меха, считался на штуки. Это единственный сорт пушнины, для которого всегда точно указывалась часть шкурки (Хорошкевич 1963: 93).

Согласимся с Н. Д. Аристовым, что «собирая дань шкурками пушных зверей и имея свои места для охоты, князья давали в подарок меха собольи, бобровые, куницы, горностаевые, волчьи, песцовые». Верхняя одежда княгинь могла быть пошита полностью из бобровых мехов или иметь бобровую обшивку по краю рукавов, подолу и вороту. Это отражает причитание Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «полечу зегзицею по Дунаеви, омочу бебрянь рукавъ въ Каяле реце» (Аристов 1866: 145–147).

В XIII–XV вв., судя по письменным и археологическим материалам, бобры водились и были объектом охоты в Бежецком, Белозерском, Владимирском, Волоцком, Кашинском, Ржевском, Дмитриевском, Коломенском, Малоярославецком, Московском, Нижегородском, Переяславском, Ростовском, Рузском, Рязанском, Суздальском, Тверском, Угличском и Ярославском уездах, в Новгородской земле и Пермском крае (Горский 1969: 120, 126–128). Но вся регламентация по бобрам находилась исключительно в руках князей, наделявших отдельных людей и монастыри правами на бобровые гоны. Самая ранняя сохранившаяся грамота такого рода, датированная 1393 г., дана нижегородским великим князем Борисом Константиновичем Спасскому и Благовещенскому монастырям на р. Сура.

Таким образом, надо полагать, что уже в неолите и бронзовом веке население разных регионов Европы не только охотилось на бобра, но и пыталось ограничить масштабы этой охоты. Это было связано с широким почитанием бобра в народных представлениях (семейная обрядность, медицина, апотропеи). Соблюдение правил охоты на бобра, а также сохранение поголовья и мест обитания животных относились к прерогативам верховной власти. Эта традиция документально зафиксирована в средневековой Европе. В отличие от Западной Европы на территории Руси, а шире — всей Восточной Европы, благодаря ограничению отлова бобры сохранялись практически во всех регионах своего природного обитания. Исключительное право на отлов бобров давали только верховные правители (князья), и они же устанавливали правила разведения и отлова бобров на своих собственных землях, чем занимались особые «бобровники». Такое положение сохранялось до XVIII в. Право носить одежду с мехом бобра имели только великие князья и высшие сановники. При этом в одежде бобровые меха использовались ограниченно — только на воротники, шапки, оторочку краев одежды³.

³ Подобное понимание места бобра в материальной культуре средневековой Руси сегодня высказывают некоторые археологи и палеозоологи (Лобанова и др. 2018: 415).

Литература

- Аристов 1866 — *Аристов Н. Д.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. 323 с.
- Арциховский 1939 — *Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород: Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, 1939. Вып. 6. С. 3–15.
- Арциховский, Янин 1978 — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте по раскопкам 1962–1976 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.
- Атрибуция... 1999 — Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика. Справочник / Дубов И. В. (ред.). СПб.: Лань, 1999. 348 с.
- Базилевич 1952 — *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.
- Бахрушин 1954 — *Бахрушин С. В.* Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 13–45.
- Богаткина 1995 — *Богаткина О. Г.* Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // *Иванова М. Г.* (ред.). Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.: Сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1995. С. 141–158.
- Воронин 1941 — *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // *Артамонов М. И.* (ред.). Этногенез восточных славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 149–190 (МИА. № 6).
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1950. 219 с.
- Горский 1969 — *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // *Арциховский А. В.* (ред.). Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 34–155.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Бобр // *Толстой Н. И.* (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 199–200.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Добровольский 1916 — *Добровольский В.* Бобр в Смоленской земле по летописным, археологическим и современным данным // Смоленская старина. Смоленск: Издание Смоленской ученой архивной комиссии, 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 57–62.
- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (Историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов 1984 — *Дубов И. В.* Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // *Рыбаков Б. А.* (ред.). Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 95–99.
- Заходер 1967 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Зверуго 1975 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 143 с.
- Зиновьев, Кораблёв 2014 — *Зиновьев А. В., Кораблёв Н. П.* Череп бобра (*castor fiber l.*) из средневековых слоев Новгорода Великого: сравнительная краниометрия // ННЗИА. 2014. Вып. 28. С. 302–304.

- Зубкова 2017 — *Зубкова Е. С.* Изделия из кожи // Родионова М. А. (отв. ред.-сост.). Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 163–169.
- Изюмова 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 192–222 (МИА. № 65).
- Иностранцы... 1991 — *Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв.* / Сухман М. М. (сост.). М.: Столица, 1991. 428 с.
- Казанский 2010 — *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17–127.
- Кёппен 1902 — *Кёппен Ф. П.* О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Июнь. Ч. 341. С. 330–368; Июль. Ч. 342. С. 101–153; Август. Ч. 342. С. 241–286.
- Колпаков 2019 — *Колпаков Е. М.* Петроглифы Кольского полуострова и Северной Фенноскандии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 56 с.
- Косинцев 2006 — *Косинцев П. А.* Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во Уральского ГУ, 2006. 272 с.
- Кочин 1937 — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.
- Крыласова 2012 — *Крыласова Н. Б.* Поясные сумки X–XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008–2009 гг.) // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: Изд-во Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2012. Вып. 8. С. 236–241.
- Кудряшов 2006 — *Кудряшов А. В.* Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Изд-во Череповецкого ГУ, 2006. 198 с.
- Курбатов 2003 — *Курбатов А. В.* Коллекция кожи из раскопок г. Торжка в 1994 г. (Климентовский-1 раскоп) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 148–158.
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
- Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопов 3–5 на Земляном городище Старой Ладogi // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2015. Вып. 5. С. 48–100.
- Курц 1915 — *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. Чоколова, 1915. 606 с.
- Ларин 1959 — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 350 с.
- Леонтьев 1986 — *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.
- Лобанова и др. 2018 — *Лобанова Т. В., Кардаш О. В., Косинцев П. А.* Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Лапшин В. А. (ред.). Археология севера России: «Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (свод источников и исследований). Ч. I. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа Института археологии Севера, 2018. С. 407–435.
- Лысенко 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.

- Макаров и др. 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Угулава Н. Д. Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополе в 2016–2017 гг. // Археология Владимирско-Суздальской земли. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 7. С. 7–18.
- Матехина 2008 — Матехина Т. С. Археологические находки из «необычной» кожи // ННЗИА. 2008. Вып. 22. С. 184–203.
- Никитина 2013 — Никитина Т. Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 151–161.
- Освоение Севера... 2017 — Освоение Севера. Тысяча лет успеха. Великий Новгород. Путь на Север: истоки: Каталог выставки. М.: Арт Волхонка, 2017. 176 с.
- Путешествие... 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация Монгайт А. Л., Большакова О. В. М.: Наука, 1971. 135 с.
- Российское законодательство... Т. 1. 1984 — Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Чистяков О. И. (ред.). М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
- Рябинин 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Скалон 1951 — Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. 207 с.
- Скрягин 1994 — Скрягин Л. Н. Морские узлы. 3-е изд. М.: Транспорт, 1994. 128 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1980 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.
- СПЛ XV–XVII вв. 2003 — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. 1. 253 с.
- Торговая книга 1851 — Торговая книга // Записки Общества русской и славянской археологии. СПб., 1851. Т. 1, раздел III. С. 106–139.
- Тянина 2011 — Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // АВ. 2011. Вып. 17. С. 159–168.
- Фехнер 1989 — Фехнер М. В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3. С. 71–78.
- Халидов 2001 — Халидов А. Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX–XIII вв. // Хузин Ф. Ш. (ред.). Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 189–193.
- Хорошкевич 1963 — Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 365 с.
- Щеглова 1969 — Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Будько В. Д. (ред.). Древности Белоруссии. Минск: Изд-во АН Белорусской ССР, 1969. С. 406–426.
- Щипанов 2005 — Щипанов Н. А. Бобры // БРЭ. М.: Изд-во БРЭ, 2005. Т. 3. С. 629.
- Янин, Зализняк 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.
- Янин, Зализняк 2000 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. Т. 10. 432 с.

- Янин и др. 2004 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11. 288 с.
- Råhlander 2017 — Råhlander M. Korta meddelanden. The Långön pouch is not made from lizard skin // Fornvännen. 2017. 112. P. 249–251.
- Spriggs 1998 — Spriggs J. A. The British Beaver — Fur, Fact and Fantasy // Cameron E. (ed.). Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology. London: Archetype Publications, 1998. P. 91–101.

BIORESOURCES IN ANCIENT TIMES: ON THE PLACE OF THE BEAVER IN OLD RUSSIAN MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

A. V. KURBATOV

Keywords: *Rus, bones, beaver fur and pelts, amulets.*

The author considers written and archaeological evidence on beaver fur and pelts in Rus. The analysis of this evidence makes it possible to resolve some differences and contradictions in conclusions of historians, who wrote that the beaver disappeared in most of East Europe as early as the Old Russian period. The findings of this paper concur with the conclusions reached by the archaeologist M. V. Fekhner and zoologist V. N. Skalon that, since ancient times, people in different regions of Russia took measures to protect local populations of beavers.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЛОМБЫ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ И. Н. ПАРУСИМОВА)¹

С. В. БЕЛЕЦКИЙ²

Ключевые слова: Древняя Русь, княжеские знаки, пломбы, систематизация.

В 2018 г. я приобрел коллекцию из 144 древнерусских пломб, принадлежавшую ростовскому археологу И. Н. Парусимову. Часть предметов была ранее издана. К их числу относится 31 пломба, происходящая по сведениям И. Н. Парусимова, с территории Украины. Предлагаемая статья посвящена повторной публикации этих находок, прежде всего — уточнениям предлагавшихся атрибуций. Заметим, что среди княжеских знаков, выявленных на публикуемых пломбах, три знака зафиксированы впервые.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-132-143

В 2018 г. я приобрел коллекцию из 144 древнерусских пломб, принадлежавшую ростовскому археологу И. Н. Парусимову³. Часть предметов была ранее издана (Парусимов 2012; 2016). К их числу относится 31 пломба, происходящая, по сведениям И. Н. Парусимова, с территории Украины. Предлагаемая статья посвящена повторной публикации этих находок, прежде всего — уточнениям предлагавшихся атрибуций.

КАТАЛОГ

Разряд II/2. Крест — святой

№ 1 (рис. 1, 1). *Av.*: шестиконечный процветший крест. *Rv.*: изображение святого воина в рост с копьем и щитом (?). *Д.*: 9,3 × 12,4 мм. *В.*: 1,5 г⁴. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, № 34, рис. 3, 34.

№ 2 (рис. 1, 2). *Av.*: четырехконечный крест потент (?). *Rv.*: святой погрудно. *Д.*: 10,8 × 12,4 мм. *В.*: 1,48 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, № 36, рис. 3, 36.

№ 3 (рис. 1, 3). *Av.*: четырехконечный крест. *Rv.*: бородатый святой оплечно. *Д.*: 9,5 × 13,8 мм. *В.*: 2,4 г. *Изд.*: Там же: 229, № 38, рис. 3, 38.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ После полной публикации коллекция И. Н. Парусимова будет передана в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.

⁴ Принятые сокращения: *Av.* — аверс; *Rv.* — реверс; *Д.* — размеры, мм; *В.* — вес, г; *Изд.* — издание.

№ 4 (рис. 1, 4). *Ав.*: четырехконечный крест. *Рв.*: голова святого (?). *Д.*: 7,7 × 9,5 мм. *В.*: 1,65 г. *Изд.*: Там же: 229, 230, № 41, рис. 3, 41.

№ 5 (рис. 1, 5). *Ав.*: четырехконечный крест. *Рв.*: святой воин в рост (?). *Д.*: 10,3 × 11,7 мм. *В.*: 1,61 г. *Изд.*: Там же: 229, 230, № 52, рис. 4, 52.

Разряд II/7. Крест — эмблема

№ 6 (рис. 1, 6). *Ав.*: четырехконечный крест в круге. *Рв.*: двузубец, из-под которого «просвечивает» первоначальный оттиск — трезубец. *Д.*: 8,7 × 13,4 мм. *В.*: 1,28 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 225, 227, № 2, рис. 1, 2.

Разряд II/8. Крест — буква

№ 7 (рис. 1, 7). *Ав.*: четырехконечный крест. *Рв.*: буква **А** (внутренняя линия петли частично выкрошилась, сохранился только след) с перечеркнутой вершиной. *Д.*: 10,2 × 14,7 мм. *В.*: 2,41 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, № 37, рис. 3, 37.

№ 8 (рис. 1, 8). *Ав.*: шестиконечный крест на подножии, по сторонам буквы **Л** и **М** — (Л[обное] М[есто]?). *Рв.*: на гладкой поверхности буква **З**, выбитая чеканом (?). *Д.*: 9,6 × 12 мм. *В.*: 1,79 г. *Изд.*: Там же: 227, № 14, рис. 1, 14.

Разряд II/12. Крест — геометрический символ

№ 9 (рис. 1, 9). *Ав.*: четырехконечный лапчатый крест, ободок жгутиковый. *Рв.*: треугольник с точкой в центре, ободок жгутиковый. *Д.*: 12,9 × 14,4 мм. *В.*: 1,8 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 227, № 8, рис. 1, 8.

Разряд IV/1. Эмблема — эмблема

№ 10 (рис. 1, 10). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: двузубец, из-под которого «просвечивают» следы более раннего оттиска. *Д.*: 10,4 × 14,6 мм. *В.*: 1,03 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 225, 227, № 5, рис. 1, 5.

№ 11 (рис. 1, 11). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: двузубец, из-под которого «просвечивает» более ранний оттиск двузубца. *Д.*: 11,2 × 13,7 мм. *В.*: 1,05 г. *Изд.*: Там же: 226, 227, № 13, рис. 1, 13.

№ 12 (рис. 1, 12). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: двузубец. *Д.*: 12,4 × 13,1 мм. *В.*: 1,54 г. *Изд.*: Там же: 226, 228, № 20, рис. 2, 20.

№ 13 (рис. 1, 13). *Ав.*: Ф-образный знак. *Рв.*: удвоенный трезубец. *Д.*: 11,9 × 13,3 мм. *В.*: 1,92 г. *Изд.*: Там же: 227, 228, № 27, рис. 2, 27.

№ 14 (рис. 1, 14). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: багровидный знак. *Д.*: 8,5 × 13,6 мм. *В.*: 1,41 г. *Изд.*: Там же: 227, 228, № 30, рис. 2, 30.

№ 15 (рис. 1, 15). *Ав.*: двузубец (?). *Рв.*: багровидный знак. *Д.*: 12,5 × 15,5 мм. *В.*: 1,56 г. *Изд.*: Там же: 227, 228, № 29, рис. 2, 29.

№ 16 (рис. 1, 16). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: багровидный знак. *Д.*: 12,4 × 13,1 мм. *В.*: 1,54 г. *Изд.*: Там же: 227, 228, № 25, рис. 2, 25.

Разряд IV/4. Эмблема — буква

№ 17 (рис. 1, 17). *Ав.*: двузубец. *Рв.*: следы неоднократных оттисков, среди прочих угадывается дважды оттиснутая буква **Н** и петля от зеркальной буквы **А**. *Д.*: 9,9 × 14 мм. *В.*: 2,78 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 225, 227, № 1, рис. 1, 1.

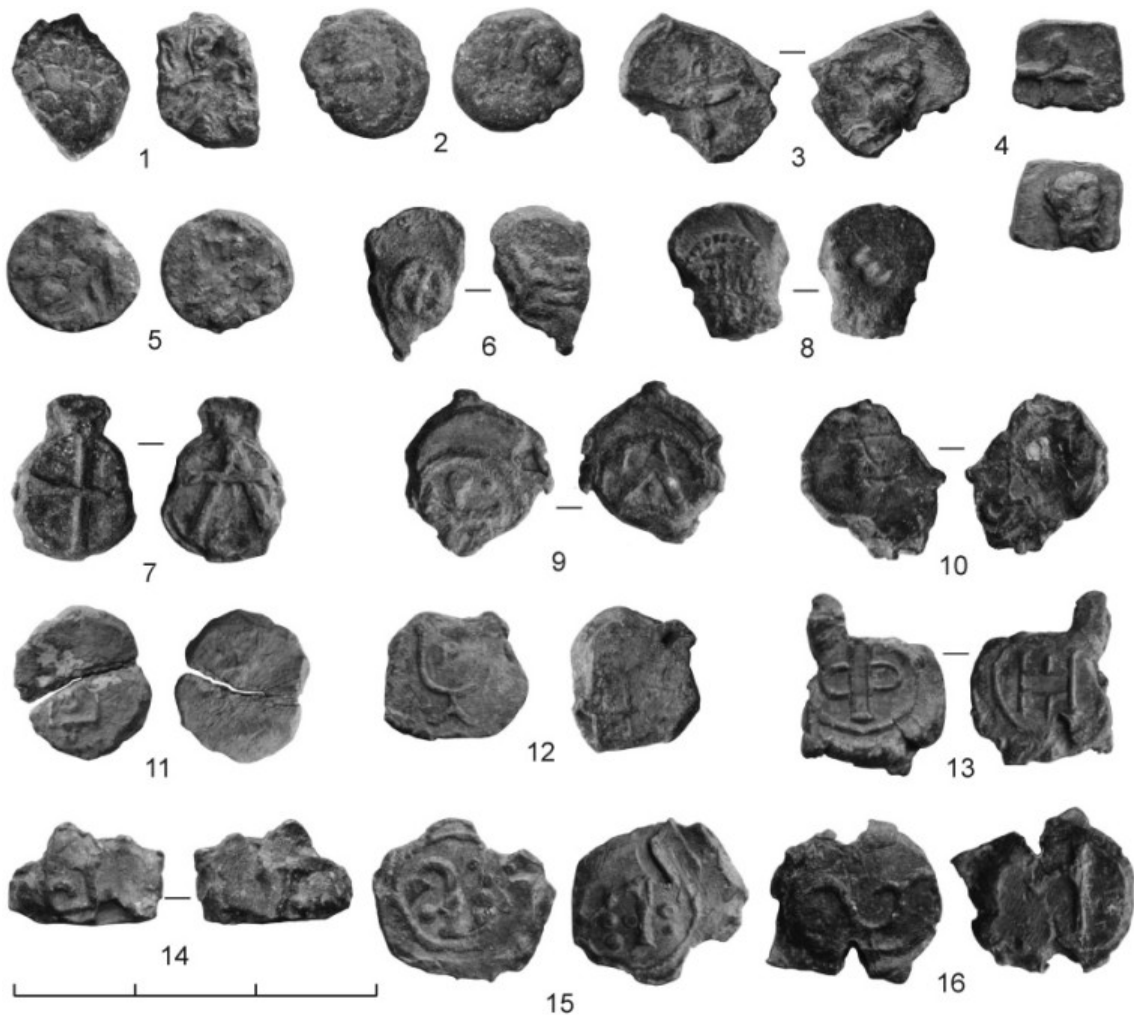

Рис. 1. Пломбы с территории Украины из коллекции И. Н. Парусимова. Номера на рис. 1–2 соответствуют номерам пломб в каталоге

Fig. 1. Seals from the territory of Ukraine from I. N. Parusimov's collection. Numbers of seals on figs. 1–2 corresponds to their numbers in the catalogue

№ 18 (рис. 1, 18). *Av.*: Φ-образный знак. *Rv.*: буква **Є**. *Д.*: 9,6 × 15,3 мм. *В.*: 1,59 г. *Изд.*: Там же: 227, 228, № 26, рис. 2, 26.

№ 19 (рис. 1, 19). *Av.*: двузубец. *Rv.*: буква **И**. *Д.*: 12,1 × 12,4 мм. *В.*: 2,88 г. *Изд.*: Там же: 226, 228, № 17, рис. 2, 17.

№ 20 (рис. 2, 20). *Av.*: двузубец, из-под которого «просвечивает» более ранний оттиск — двузубец. *Rv.*: буква **Т** в точечном ободке, из-под нее «просвечивает» первоначальный оттиск — буквы **НЗ** в точечном ободке. *Д.*: 14,8 × 18,6 мм. *В.*: 2,44 г. *Изд.*: Там же: 226, 227, № 15, рис. 1, 15.

№ 21 (рис. 2, 21). *Av.*: двузубец. *Rv.*: буква **Б** (без учета на оттиск). *Д.*: 10,4 × 10,8 мм. *В.*: 0,96 г. *Изд.*: Там же: 226, 228, № 19, рис. 2, 19.

№ 22 (рис. 2, 22). *Av.*: двузубец. *Rv.*: буква **Д**. *Д.*: 9,0 × 13,1 мм. *В.*: 1,18 г. *Изд.*: Там же: 226, 228, № 18, рис. 2, 18.

№ 23 (рис. 2, 23). *Av.*: двузубец, из-под которого «просвечивает» более ранний оттиск — двузубец со следами подработки резцом. *Rv.*: буква **Р**, из-под которой

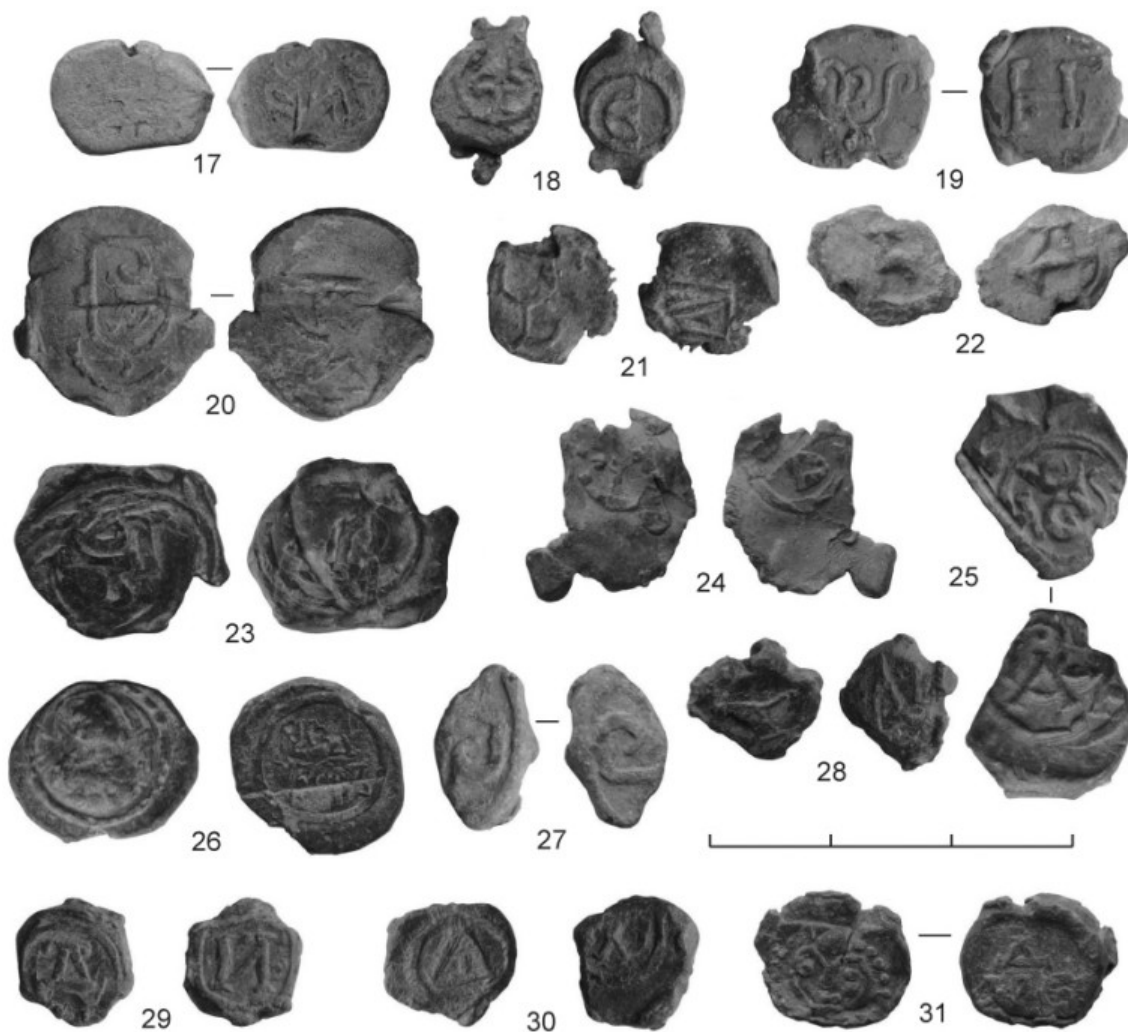

Рис. 2. Пломбы с территории Украины из коллекции И. Н. Парусимова

Fig. 2. Seals from the territory of Ukraine, I. N. Parusimov's collection

«просвечивают» следы более ранних оттисков. Д.: 14,5 × 17,7 мм. В.: 2,68 г. Изд.: Там же: 226, 228, № 24, рис. 2, 24.

№ 24 (рис. 2, 24). Ав.: фрагментарно сохранившиеся оттиски нескольких разновременных знаков, перекрывающие друг друга. Рv.: буква **Ъ**. Д.: 10,9 × 14,4 мм. В.: 1,28 г. Изд.: Там же: 227, 228, № 28, рис. 2, 28.

№ 25 (рис. 2, 25). Ав.: полутрезубец, из-под которого «просвечивают» следы более ранних оттисков. Рv.: буква **А**, из-под нее «просвечивают» следы более ранних оттисков. Д.: 12,3 × 16,6 мм. В.: 1,93 г. Изд.: Там же: 228, № 32, рис. 2, 32.

Разряд VI/2. Святой — легенда

№ 26 (рис. 2, 26). Ав.: безбородый святой в княжеской шапке, погрудно, с мученическим крестом у груди (св. Глеб). Рv.: надпись в две строки **НОВ[А]ГРАДЪ**. Д.: 13,0 × 15,7 мм. В.: 3,07 г. Изд.: Парусимов 2016: 229, 230, № 45, рис. 3, 45.

Разряд XI/2. Буква — буква

№ 27 (рис. 2, 27). *Av.*: буква **Б** зеркально. *Rv.*: буква **Р**. *Д.*: 8,5 × 13,8 мм. *В.*: 1,52 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, № 31, рис. 2, 31.

№ 28 (рис. 2, 28). *Av.*: буква **Д** с горизонтальным покрытием. *Rv.*: Буква **П**. *Д.*: 8,2 × 9,6 мм. *В.*: 1,42 г. *Изд.*: Там же: 225, 227, № 6, рис. 1, 6.

№ 29 (рис. 2, 29). *Av.*: буква **Д** с горизонтальным покрытием. *Rv.*: буква **И**. *Д.*: 9,5 × 10,8 мм. *В.*: 1,61 г. *Изд.*: Там же: 225–227, № 7, рис. 1, 7.

№ 30 (рис. 2, 30). *Av.*: буква **Д** (?) с горизонтальными покрытиями на углах и выступом внутрь на основании (?). *Rv.*: буквы **ХІ**. *Д.*: 10 × 10,9 мм. *В.*: 1,21 г. *Изд.*: Там же: 226, 227, № 9, рис. 1, 9.

Разряд XI/2. Личина — легенда

№ 31 (рис. 2, 31). *Av.*: личина. *Rv.*: надпись в две строки **ΛΑΡϞ** (Андрей?). *Д.*: 10,9 × 12,8 мм. *В.*: 2,21 г. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, № 33, рис. 3, 33. Оттиск этой же пары матриц происходит из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. 1, *d*).

Знаки

Тип I/1/1⁵ (рис. 3, 17). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка крестовидная. Зафиксирован на пломбе № 17. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIV, № 622, 649, 652; XVII, № 704, 798, 875; Musianowicz 1982: 136, *il.*, третий сверху ряд, левая пломба), Новгорода (Лихачёв 1930: рис. 69, верхний ряд, правая пломба), Курска (Белецкий и др. 2017а: 354, рис. 5, 1; 2017б: 152, рис. 3, 1), на пломбах из коллекций А. А. Алфёрова⁶ и В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: рис. 14, 1–3), на щитке перстня из Княжей горы (Рыбаков 1940: 237, рис. 25), в гончарных клеймах из Киева (Белецкий 2014: 362, рис. 3, 3–4), Выри (Там же: 362, рис. 3, 1) и Плеснеска (Там же: 362, рис. 3, 5), в клейме на кирпиче из храма в детинце Чернигова (Белецкий 2017: Ил. 4, 1), а также на роговом кистене из Саркела (Белецкий В., Белецкий С. 1998) и боевом топорике из могильника Дюрсо (Крым... 2003: 204, 257, табл. 90, 14).

Тип I/1/14 (рис. 3, 16*Av*). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка крестовидная. Зафиксирован на аверсе пломбы № 16. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Новгорода (ЛСА: табл. VII, 27) и Берестья (Лысенко 1985: 385, рис. 255, 1), а также на пломбе, опубликованной В. В. Нечитайло (Белецкий 2019а: рис. 1, 125).

Тип I/1/26 (рис. 3, 10*Av*). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные, соединены стяжкой, ножка крестовидная. Зафиксирован на аверсе пломбы № 10. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/3 (рис. 3, 11*Rv1*). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом, вертикальном, зубце перекрестие, ножка

⁵ Типы обозначены в соответствии с ранее разработанной типологией древнерусских княжеских знаков (Белецкий 2001). Знаки, сохранившиеся фрагментарно (рис. 4, 12*Rv*, 15*Av*; рис. 5, 11*Rv2*, ба, бб), не схематизированы.

⁶ Коллекция А. А. Алфёрова, № 12, 37. Здесь и далее ссылки даются на инвентарные номера коллекции А. А. Алфёрова. Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Алфёрова (Киев, Украина), предоставившего мне возможность познакомиться с пломбами из своей коллекции.

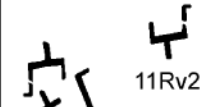

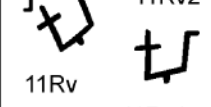

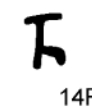

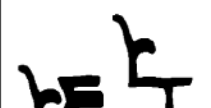

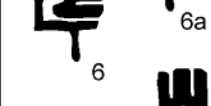
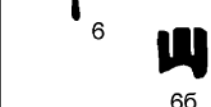
Знаки	Схемы	Знаки	Схемы	Знаки	Схемы
 17	 I/1/1	 12Av	 I/5/20	 23a	 I/17/7
 16Av	 I/1/4	 14Av	 I/17/15	 23	 I/4/19
 10Av	 I/1/26	 13Rv	 IV/1/5	 11Rv2	 I/2/3
 10Rv	 I/2/31	 25	 VI/2/5	 11Rv1	 I/2/3
 11Av	 I/2/52	 14Rv	 VI/1/1	 20a	 I/4/24
 22	 I/2/65	 15Rv	 VI/2/1	 20	 I/2/13
 21	 I/5/5	 16Rv	 VI/3/2	 206	 I/2/13
 19	 I/5/9	 13Av	 VI/3/2	 18	 I/2/13
		 12Rv		 6a	
		 15Av		 6	
				 66	

Рис. 3. Древнерусские княжеские знаки на пломбах с территории Украины из коллекции И. Н. Парусимова

Fig. 3. Old Russian princely symbols on seals from the territory of Ukraine, I. N. Parusimov's collection

вертикальная. Зафиксирован на реверсе пломбы № 11. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, 344; XIII, 599; XVI, 734; Лихачёв 1930: 81, рис. 64, третий сверху ряд, вторая справа пломба, четвертый снизу ряд, третья справа пломба), Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, 20), из Брянской (Белецкий 2019б: рис. 1, 9; 2, 9) и Рязанской обл. (Парусимов 2012: 40–41, рис. 2, 42, 49), в гончарном клейме из Киева (Белецкий 2014: 368, рис. 6, 1). Такой же знак процарапан на берестяном туесе из Гродно (Трусаў и др. 1993: мал. 100).

Тип I/2/13 (рис. 3, 20б). Двухзубец прямоугольных очертаний. Зубцы вертикальные. На левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Зафиксирован на пломбе № 20. Аналогичный знак отмечен на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XVIII, № 857), а также из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: рис. 14, б) и А. А. Алфёрова (№ 772).

Тип I/2/31 (рис. 3, 10Rv). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы и ножка вертикальные. Зафиксирован на реверсе пломбы № 10. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Musianowicz 1982: 136, il., седьмой сверху ряд, центральная пломба), Городца на Волге (Петров 1997: табл. 3, 1, 3), коллекции В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: рис. 14, 14, 15) и А. А. Алфёрова (№ 737, 959), в клеймах на кирпиче из храма на Рву в Полоцке (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 1) и храма в Трубчевске (Там же: 10, ил. 5, 5), в гончарных клеймах из Изяславля (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 8–10), Вышгорода (Там же: 366, рис. 5, 12), Дорогобужа (Там же: 366, рис. 5, 13), Киева (Там же: 366, рис. 5, 14), Твери (Там же: 366, рис. 5, 19), городища Осовик (Там же: 366, рис. 5, 18), а также вырезан на дне деревянного блюда из Новгорода (Путь на Север... 2017: 109, № 132).

Тип I/2/52 (рис. 3, 11Av). Левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца раздвоенное, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Зафиксирован на аверсе пломбы № 11. Аналогичный знак отмечен на пломбе из коллекции В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: 314, 322, рис. 5, 51; 15, 12).

Тип I/2/65 (рис. 3, 22). Двухзубец прямоугольных очертаний. Завершение левого зубца раздвоенное, на левом зубце отрог внутрь. Завершение правого зубца утрачено. Ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/4/19 (рис. 3, 23б). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка отогнута влево. Зафиксирован на пломбе из Курска (Белецкий и др. 2017б: 152, рис. 3, 14), в клейме на плитке пола из Спасской церкви во Владимире (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 20), а также на металлической литейной формочке из Старой Рязани (Ениосова, Сарачева 2003: 256, рис. 2, 6).

Тип I/4/24 (рис. 3, 20а). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, правый зубец вертикальный, ножка отогнута влево. Зафиксирован на пломбе № 20 (первоначальный оттиск). Аналогии неизвестны.

Тип I/5/5 (рис. 3, 21). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, ножка раздвоенная. Зафиксирован на пломбе № 21. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. IX, 406), из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: 323, рис. 16, 4) и А. А. Алфёрова (№ 1000, 1065), а также в гончарных клеймах из Киева (Белецкий 2014: 364, рис. 4, 1, 2), Плеснеска (Там же: 364, рис. 4, 3), Губинского городища (Там же: 364, рис. 4, 4, 5), в клеймах на кирпичах из церкви Дмитрия Солунского в Пскове

(Белецкий 2017: 10, ил. 4, 7, 9, 10) и на крышке саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 2).

Тип I/5/9 (рис. 3, 19). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Зафиксирован на пломбе № 19. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: 81, рис. 64, четвертый сверху ряд, вторая справа пломба, пятый сверху ряд, третья слева пломба), Старой Ладоги (Белецкий 2018б: 111, 113, рис. 2, 26-1, 26-2; 5, 26Rv), из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 77, № 46), из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: 314, 315, 323, рис. 5, 57, 58; 16, 7, 8) и А. А. Алфёрова (№ 1086 — 1000 років... 2013: 77, № 47), а также на деревянном цилиндре № 1 из Новгорода (Янин 2001: 93, 110).

Тип I/5/20 (рис. 3, 12Av). Двухзубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Зафиксирован на аверсе пломбы № 12. Аналогичный знак встречен на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 658).

Тип I/17/7 (рис. 3, 23a). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Ножка отсутствует. Зафиксирован на пломбе № 23. Аналогичные знаки встречены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. IX, № 404; Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, третья справа пломба) и из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1044), в гончарных клеймах из Владимира (Белецкий 2014: 372, рис. 8, 5, 6, 8, 9), Вышгорода (Там же: 372, рис. 8, 14), Плеса (Там же: 372, рис. 8, 22, 25), Рязани (Там же: 372, рис. 8, 26) и Усть-Шексны (Там же: 372, рис. 8, 28, 29), а также в клеймах на кирпичах из Успенского собора во Владимире (Белецкий 2017: 11, ил. 6, 4) и из так называемого двухкамерного терема в Чернигове (Там же: 11, ил. 6, 12).

Тип I/17/15 (рис. 3, 14Av). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца раздвоенное, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка отсутствует. Зафиксирован на аверсе пломбы № 14. Аналогичный знак отмечен на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1095).

Тип IV/1/5 (рис. 3, 13Rv). Удвоенный трезубец. Боковины и мачта вертикальные. Зафиксирован на реверсе пломбы № 13. Аналогичный знак отмечен на щитке перстня из урочища Святое озеро (Макарова 1986: 130, № 77).

Тип V/2/5 (рис. 3, 25). Полутрезубец. Зубец вертикальный, на зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 25. Аналогичный знак отмечен на навершии рукояти плети из Рюрикова городища (Носов 1990: 83–84, рис. 34, 9).

Тип VI/1/1 (рис. 3, 14Rv). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и отрогом вправо. Зафиксирован на реверсе пломбы № 14. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. V, № 209; Лихачёв 1930: 81, рис. 64, нижний ряд, правая и вторая справа пломбы; Musianowicz 1982: 136, ill., третий сверху ряд, правая пломба), Новгорода (ЛСА: табл. VII, 25; Лихачёв 1930: 86, рис. 71а, 209, рис. 191), Пскова (Белецкий 1997: 49, 51, рис. 8, 3; 2001: 102, табл. 57, 3), из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: 315, 316, 327, рис. 7, 81; 24, 1) и А. А. Алфёрова (№ 988, 1098), на печати № 306 (Янин 1970: 221, № 306), 306а (Янин, Гайдуков 2004: 148, 155, рис. 16, № 306а) и 307 (Янин 1970: 221, № 307), в клейме на кирпиче из собора Спасского монастыря в Новгороде Северском

(Белецкий 2017: 16, ил. 12, 7, 8), а также на роговой рукояти ножа из Федоровского раскопа в Новгороде⁷.

Тип VI/2/1 (рис. 3, 15Rv, 16Rv). Знак в виде вертикальной мачты с отрогом влево. Зафиксирован на реверсе пломб № 15 и 16. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (ЛСА: табл. XXV, 17), из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018а: 313, 315, 316, 327, рис. 3, 32; 7, 80; 8, 85; 24, 5–7) и А. А. Алфёрова (№ 304, 392, 832, 986, 1027, 1040, 1044, 1065, 1067, 1081, 1105 — 1000 років... 2013: 78–79, № 51), на пломбе, опубликованной В. В. Нечитайло (Белецкий 2019а: 102, № 102), на щитке перстня из Киева (Лихачёв 1930: 211, рис. 196), на деревянном цилиндре № 38 из Новгорода (Янин 2001: 105, 106, 140), в гончарном клейме из Владимира (Белецкий 2014: 379, рис. 12, 6).

Тип VI/3/2 (рис. 3, 13Av, 18). Ф-образный знак в виде вертикальной мачты с симметричными полукружиями вправо и влево. Зафиксирован на аверсе пломбы № 13 и на пломбе № 18. Аналогичный знак отмечен на печати № 358 (Янин 1970: 228, № 358).

Заключение

Публикуемая серия пломб (31 булла) невелика. Тем не менее среди княжеских знаков, отмеченных на этих пломбах, обнаружены ранее не встречавшиеся типы. Это лишний раз подтверждает, как важно вводить в научный оборот пломбы, ранее не издававшиеся или же издававшиеся недостаточно подробно: даже сравнительно небольшая серия предметов добавила к числу зафиксированных к настоящему времени древнерусских княжеских знаков еще три ранее неизвестных типа (I/1/26, I/2/65, I/4/24).

Ориентирами для датирования знаков на пломбах могли бы стать предметы, на которых зафиксированы аналогии знакам — перстни, оружие, гончарные клейма и т. п. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев эти аналогии не дают узких дат. Можно лишь определенно утверждать, что большинство предметов, несущих на себе изображения знаков, совпадающих по схеме со знаками на пломбах, не выходят за пределы домонгольского времени. Более или менее узкие даты дают только наблюдения за знаками, выявленными в памятниках архитектуры (таблица).

При этом замечу, что, по крайней мере, в двух случаях знаки ранее уже удалось персонифицировать: двузубец типа I/1/1 (пломба № 17), зафиксированный в клейме и метке на кирпичях храма-усыпальницы в детинце Чернигова, атрибутирован князю Владимиру Всеволодичу Мономаху (†1125), а двузубец типа I/5/5 (пломба № 21), зафиксированный в клеймах на кирпичях из церкви Дмитрия Солунского в Пскове, персонифицирован старшему внуку Мономаха, князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу (†1132).

Можно думать, что в обозримом будущем появятся новые публикации ранее не введенных в научный оборот древнерусских пломб. Основанием для такого осторожного оптимизма является вышедшая из печати в самое недавнее время серия публикаций Д. В. Гулецкого (Гулецкий 2016; 2017; Гулецкий, Дорошкевич 2018; Гулецкий, Ярошевский 2018).

⁷ Не издана. Сообщил Ю. М. Лесман (†). Упомянута: Дубровин и др. 1994: 10.

Т а б л и ц а

Аналогии знакам в памятниках архитектуры

Храм	Знак	Дата	Обоснование даты
Храм-усыпальница в детинце Чернигова	Тип I/1/1	Конец XI в.	Коваленко, Раппопорт 1991: 142–157
Храм на Рву в Полоцке	Тип I/2/31	XII в.	Раппопорт 1982: 95
Храм в Трубчевске	Тип I/2/31	Конец XII — первая треть XIII в.	Там же: 48
Спасская церковь во Владимире (клеймо на плитке пола)	Тип I/4/19	Середина XII в.	Там же: 56
Церковь Дмитрия Солунского в Пскове	Тип I/5/5	1132 г.	Белецкий 1986: 21–24; 1998: 39–44
Успенский собор во Владимире	Тип I/17/7	XII в.	Раппопорт 1982: 95
Так называемый двухкамерный терем в Чернигове	Тип I/17/7	XII в.	Там же: 42
Спасский собор в Новгороде Северском	Тип VI/1/1	Конец XII — первая треть XIII в.	Там же: 48

Литература

- 1000 років... 2013 — 1000 років української печатки. Київ: Інститут історії України, 2013. 503 с.
- Белецкий В., Белецкий С. 1998 — *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* О знаках на кистене из Белой Вежи // Вилинбахов Г. В., Столяр А. Д. (ред.). Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 169–173.
- Белецкий 1986 — *Белецкий С. В.* «Яведова печать» (из истории Пскова XII в.) // Седов В. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1986. С. 21–24.
- Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Пскова // Массон В. М. (ред.). Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 48–52.
- Белецкий 1998 — *Белецкий С. В.* К истории строительства ц. Дмитрия Солунского в Пскове // Мусин А. Е. (ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всерос. церковно-археологической конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1998. С. 39–44.
- Белецкий 2001 — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть вторая. Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2001. 187 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).

- Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в Василёвском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья. К 80-летию К. И. Комарова. М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.
- Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 59 заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 358–387.
- Белецкий 2017 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 7–26 (Тр. ГЭ. Т. 86).
- Белецкий 2018а — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 311–332.
- Белецкий 2018б — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы из Старой Ладogi // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 105–132.
- Белецкий 2019а — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. В. Нечитайло // ЗИИМК. 2019. № 21. С. 97–124.
- Белецкий 2019б — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы из Брянской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 221–226.
- Белецкий и др. 2017а — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 347–360.
- Белецкий и др. 2017б — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 146–159.
- Болсуновский 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев: Типо-Литография Г. Л. Фронцкевича, 1894. Ч. 1. I–L, 1–72 с.
- Гулецкий 2016 — *Гулецкий Д. В.* Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка // Гулецкий Д. В. и др. (ред.). Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М.: Патриот, 2016. Т. 2. С. 10–24.
- Гулецкий 2017 — *Гулецкий Д. В.* Ещё раз о денежном счете домонгольской Руси // Титов Г. А. (ред.). Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М.: Внешторгиздат, 2017. Т. 4. С. 25–63.
- Гулецкий, Дорошкевич 2018 — *Гулецкий Д. В., Дорошкевич Н. А.* Денежные пломбы полоцких князей XI–XII веков // Гулецкий Д. В. (ред.). Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск: Рифтур принт, 2018. Т. 5. С. 125–181.
- Гулецкий, Ярошевский 2018 — *Гулецкий Д. В., Ярошевский Н. А.* Древнерусские свинцовые пломбы с властной символикой Рюриковичей: история и проблемы изучения (по данным украинских находок последних лет) // Там же. С. 80–124.
- Дубровин и др. 1994 — *Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., Хорошев А. С.* Работы на Фёдоровском раскопе в 1993 году // ННЗИА. 1994. Вып. 8. С. 8–10.
- Ениосова, Сарачева 2003 — *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.* Металлические литейные формы Древней Руси // Седов В. В. (ред.). Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого упоминания). М.: Моск. гос. ун-т печати, 2003. Т. 1. С. 253–261.
- Коваленко, Раппопорт 1991 — *Коваленко В. П., Раппопорт П. А.* Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце // Толочко П. П. (ред.). Южная Русь и Византия. Киев: Наукова думка, 1991. С. 142–156.
- Крым... 2003 — Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М.: Наука, 2003. 533 с. (Археология СССР).

- Лихачёв 1930 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 2. 279 с.
- ЛСА — *Лихачёв Н. П.* Сфрагистический альбом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.
- Лысенко 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 400 с.
- Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Парусимов 2012 — *Парусимов И. Н.* Новые находки пломб дрогичинского типа // Токарева Е. П. (ред.). Историко-археологические записки. Кн. 2. Зимовники: Медиа-Полис, 2012. С. 34–42.
- Парусимов 2016 — *Парусимов И. Н.* Пломбы дрогичинского типа: новые находки // Шинаков Е. А. (ред.). Русский сборник. Брянск, 2016. Вып. 8, т. 1. С. 225–230.
- Петров 1997 — *Петров П. Н.* Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Петров П. Н. (ред.). Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 2. Нумизматический сб. Т. 1. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 48–67.
- Путь на Север... 2017 — Путь на Север: истоки: Каталог выставки. Великий Новгород: Арт Волхонка, 2017. 176 с.
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (САИ. Вып. Е1-47).
- Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. 1940. Т. 6. С. 227–257.
- Трусаў и др. 1993 — *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII ст. Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 152 с.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука. 1970. Т. 1. 326 с.
- Янин 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ГУ, 2001. 151 с.
- Янин, Гайдуков 2004 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // ННЗИА. 2004. Вып. 18. С. 137–160.
- Musianowicz 1982 — *Musianowicz K.* Drohiczyn od VI do XIII wieku. Dzieje i kultura. Olsztyn; Białystok: Muzeum Okręgowe w Białymstoku, 1982. 102 s.

OLD RUSSIAN SEALS FROM THE TERRITORY OF UKRAINE (I. N. PARUSIMOV'S COLLECTION)

S. V. BELETSKY

Keywords: *Old Rus, princely symbols, seals, systematization.*

In 2018 the present author acquired a collection of 144 Old Russian seals, which previously belonged to archaeologist I. N. Parusimov from Rostov. A part of the collection, including 31 seals which, according to Parusimov, came from the territory of Ukraine, had already been published. The present paper republishes these finds with the purpose to correct their previous attributions. It should be noted that three of the princely symbols identified on the seals published here are recorded for the first time.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОБАЛЬТА В ПРОИЗВОДСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО СВИНЦОВОГО СТЕКЛА¹

А. Н. ЕГОРЬКОВ²

Ключевые слова: Древняя Русь, стекло, смальта, кобальт, браслеты, бусины, цафра, импорт.

В древнерусском стеклоделии, начавшемся в XI столетии и базирующемся на производстве свинцового стекла, кобальт использовался очень редко. До недавнего времени уверенно зафиксировано лишь три случая его использования для синего окрашивания стекла браслетов и бус. Кроме того, два случая вероятного кобальтового окрашивания опубликованы в середине прошлого столетия, однако вследствие незрелости тогдашних аналитических методов присутствие кобальта оказалось ниже предела обнаружения. В течение последних 20 лет еще семь образцов стекла, содержащего кобальт, были проанализированы автором. Эти браслеты и бусы происходят из раскопок древнерусских поселений и городов — Новгорода, Владимира, Смоленска, Суздаля, Твери. Все артефакты найдены в слоях домонгольского времени XI–XIII вв. и изготовлены из поташно-свинцового стекла. Помимо этого, еще один синий браслет этого типа обнаружен при раскопках Болгара, города средневековой Волжской Булгарии, и проанализирован в Казанском университете. Эти анализы наряду с двумя другими, выполненными ранее, сведены в таблице.

Самый ранний русский артефакт, представляющий собой модуль смальты из киевского кафедрального собора Св. Софии, основанного в 1036 г. и являющегося одним из старейших русских храмов, к продукции русской мастерской может быть отнесен с большой долей сомнения. Стекло характеризуется очень высоким содержанием кобальта с одновременно повышенным содержанием натрия; оно, как и стекло еще двух артефактов, содержит сурьму, вероятно, использованную в качестве глушителя. Общей же чертой всех образцов, содержащих сурьму, является повышенное содержание в стекле кальция.

В стекле одного артефакта высокое содержание марганца, в двух других синее окрашивание не было достигнуто. Несмотря на расширение знаний об использовании кобальта в древнерусском стеклоделии, эти особенности все же указывают на то, что поступление на Русь кобальтовой сини носило случайный характер и осуществлялось из разных источников, вследствие чего традиция ее использования в домонгольское время так и не получила своего развития.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-144-152

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи каменного века, бронзы, железа и средневековья естественными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

² Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Традиционно считается, что кобальт в производстве древнерусского свинцового стекла, существующего в двух видах: поташное и беспоташное, не использовался. По мнению Ю. Л. Щаповой, древнерусским стеклоделам оксид двухвалентного кобальта, который греки постоянно употребляли как краситель, остался практически неизвестным (Щапова 1975: 220). Действительно, среди описанных в своей книге 762 анализов древнего стекла М. А. Безбородов приводит лишь один анализ поташного свинцового стекла с кобальтовым красителем бус, которые автор определяет как древнерусские XI–XIII вв. без указания географической привязки (Безбородов 1969: 242, 243). Впрочем, в своей более ранней книге исследователь приводит анализ стекла еще двух темно-синих древнерусских (XI–XIII вв. из Райковецкого городища и Киева) браслетов из поташно-свинцового стекла. Однако при тогдашнем невысоком уровне анализа выявление кобальта не входило в число рутинно определяемых компонентов, поэтому в составе стекла он не был зафиксирован (Безбородов 1956: 204). К синему окрашиванию поташно-свинцового стекла может также приводить совместное действие оксидов меди и марганца, но поскольку совместное присутствие этих элементов в требуемых концентрациях в составе стекла этих образцов не установлено, можно заключить, что и здесь крашение было осуществлено кобальтом. Работавший продолжительное время в ИИМК РАН аналитик В. А. Галибин, выполнивший исключительно большое число анализов стекла, среди которых древнерусские свинцовые стекла представляли значительную часть, указывает лишь на два артефакта, считая, что это как раз то исключение, которое подтверждает правило (Галибин 2001: 38). За более чем четвертьвековую аналитическую работу в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН автору настоящей статьи удалось выявить еще несколько случаев использования кобальта для окрашивания артефактов из свинцового стекла, найденных при раскопках древнерусских домонгольских памятников. Результаты анализов содержащего кобальт стекла приведены в таблице, причем все стекла относятся к поташно-свинцовому типу.

Анализ образцов 1–9 выполнен методом оптико-эмиссионной (дуговой) спектрографии на кварцевом спектрографе ИСП-22 по методике, разработанной В. А. Галибиным (2001: 59) с использованием подобранных им эталонов и эталонов из Музея стекла в Корнинге, США. Пробы сжигались в кратере коксового электрода в дуге переменного тока. Учитывая невысокую точность анализа, для содержаний компонентов ниже 1 % дана одна значащая цифра, для больших — две. Содержание SiO_2 не определяли. За значимые приняты содержания, равные или выше 0,01 %, что в большинстве случаев близко соответствует пределу обнаружения. Исключения составляют серебро и медь, которые в силу высокой чувствительности метода к этим элементам могут быть определены при содержании в тысячных долях процента. При этом серебро, являясь постоянной примесью к свинцовым рудам, в свинцовом стекле из археологических раскопок всегда обнаруживается. Прочерк в ячейке таблицы означает, что содержание компонента ниже 0,01 % (Ag_2O и CuO) или же он не обнаружен. О результатах определения, проблемах анализа и особенностях состава стекла браслета 10 сказано далее.

Образец 1 — смальта из киевского Софийского собора. Анализ выполнен и опубликован В. А. Галибиным (2001: 174, ан. 1911), в таблице он дополнен недостающими значениями из лабораторного журнала и дан в редакции автора статьи.

Т а б л и ц а

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла, %

Вещество	№									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Шифр анализа									
	87-22	175-48	707-24	834-23	848-31	850-36	857-23	878-25	888-33	CLXXIX № 686
	Предмет									
	Смальта	Браслет	Браслет	Браслет	Бусина	Бусина	Бусина	Браслет	Браслет	Браслет
	Цвет									
	Голубой	Синий	Синий	Коричн.	Коричн.	Синий	Синий	Синий	Синий	Синий
Na ₂ O	2,10	0,07	0,06	0,30	0,07	0,50	0,20	0,50	0,30	0,13
K ₂ O	13,00	10,00	6,70	14,00	2,00	4,50	6,30	9,60	12,00	18,17
CaO	3,00	0,90	0,60	0,50	2,10	0,60	0,50	1,40	2,20	
MgO	0,40	0,30	0,20	0,08	0,70	0,10	0,10	0,30	0,50	0,20
Al ₂ O ₃	0,50	0,50	0,70	1,40	0,90	0,30	0,20	0,50	0,80	0,49
Fe ₂ O ₃	0,70	1,00	1,40	1,00	5,70	0,50	0,20	0,80	0,70	0,06
MnO	0,20	0,02	0,02	0,03	0,07	0,01	1,20	0,03	0,50	
TiO ₂	0,05	0,06	0,20	0,08	0,06	0,03	0,10	0,20	0,20	0,18
PbO	13,00	28,00	19,00	39,00	54,00	21,00	29,00	37,00	48,00	28,17
SnO ₂	0,05	0,10	0,20	0,09	0,01	0,07	0,20	0,20	–	
CuO	0,10	1,10	1,00	0,60	0,70	0,70	0,50	1,40	–	1,48
CoO	1,20	0,04	0,08	0,09	0,09	0,05	0,03	0,08	0,07	0,23
Sb ₂ O ₅	1,10	–	–	–	0,70	–	–	–	1,00	?
Ag ₂ O	–	0,01	–	–	–	–	–	–	0,01	?
NiO	0,08	–	–	–	0,01	–	–	–	0,09	?

Результат анализа вызывает сомнение в древнерусском происхождении смальты. Во-первых, в стекле содержание свинца ниже, чем во всех остальных образцах, причем настолько, что это вообще ставит вопрос о его стеклообразующей роли. Во-вторых, очень высоко содержание кобальта, который, как хорошо известно, является исключительно сильным красителем, способным давать устойчивое синее или голубое окрашивание уже при содержании на уровне тысячных долей процента (Там же: 37). Столь высокое избыточное содержание кобальта указывает на его очевидную доступность, и уже это, в свою очередь, заставляет усомниться в том, что стекло было произведено на Руси. В стекле также отмечено присутствие мышьяка (0,14 %) и висмута (0,2 %). Мышьяк и висмут — характерные примеси к кобальту, поэтому их обнаружение в стекле при столь высоком содержании последнего не представляется удивительным. В стекло также введена сурьма, которая может выполнять роль и глушителя, и одновременно, в соединении со свинцом (антимонат свинца Pb₂Sb₂O₇), красителя желтого цвета. В результате наложения цветов смальты приобрела голубой цвет. Очевидным, таким образом, представляется целенаправленное введение сурьмы. Впрочем, ее присутствие отмечено также еще в двух образцах: бусине 5 и браслете 9. Другой особенностью состава стекла

смальты является значительно большее, чем в стекле всех остальных артефактов, содержание натрия. Сомнение в том, что стекло смальты сварено на Руси, добавляет и раннее время сооружения архитектурного памятника, заложенного Ярославом Мудрым в 1036 г. и являющегося одним из первых христианских храмов на Руси. В его возведении и создании внутреннего убранства, несомненно, принимали участие византийские мастера, которыми могла быть привезена и смальта для мозаичных работ. Становление же собственно русского стеклодела Ю. Л. Щапова относит лишь к 80-м гг. XI столетия (Щапова 1998: 82). Она также указывает на участие византийских мастеров в создании мозаик киевского Успенского собора, о чем свидетельствует разнообразие типов мозаичного стекла, которых автор насчитывает 11, хотя тип стекла K-Pb-Si среди них один из основных (Щапова 1975: 211). Более позднее время возведения Успенского собора, заложенного в 1073 г., и участие в создании его мозаик византийцев — лишнее свидетельство об их активной роли в создании мозаик и Софийского храма.

Браслет 2 происходит из раскопок в Суздале и датирован XI–XIII вв. Его анализ был в свое время выполнен В. А. Галибиным, но не был опубликован, а результат, как указывает аналитик, приводя его лабораторный шифр, отражен в рукописном каталоге, находящемся в Рукописном отделе НА ИИМК РАН (Галибин 2001: 38, 100). Однако ссылка оказалась некорректной: в указанном архивном материале данный анализ отсутствует, а кроме того, не сохранился и лабораторный журнал с результатами анализа. К счастью, сохранилась фотопластинка, найденная по шифру анализа (Там же: 38), по которой состав заново рассчитан автором статьи. Разумеется, из-за расчета по калибровке, построенной для другой пластинки, на хорошую точность вновь выполненного определения состава рассчитывать не приходится. Вместе с тем вычисленный состав вполне вписывается в рамки состава древнерусского стекла. Так, соотношение определяющих тип стекла компонентов свинца и калия хорошо укладывается в традиционные рамки, а присутствие кобальта, отсутствие сурьмы и никеля при низком содержании марганца не вызывает сомнения. В целом состав стекла не выявляет каких-либо особенностей, которые для окрашенного кобальтом стекла разобраны ниже.

Браслет 3 происходит из раскопок во Владимире, скол с него дан на анализ А. В. Лядовой (ныне в МГУ). Анализ стекла этого браслета, так же как и последующих приведенных в таблице стеклянных изделий 4–9, выполнен автором. Здесь также не прослеживаются какие-либо особенности состава.

Браслет 4 обнаружен при раскопках в Смоленске (предоставлен М. Г. Гусаковым, ИА РАН). Удивительной особенностью этого браслета является его цвет: при достаточно высоком содержании кобальта он не синий, а коричневый. Остается неясным, зачем в производстве этого стекла нужно было использовать редкий кобальт, если он не дал требуемого синего окрашивания. По всей вероятности, цвет стекла получен в результате добавки угля, приводящей именно к такому окрашиванию (Галибин 2001: 24, 25). Впрочем, можно предположить и случайное попадание угля в шихту.

Также коричневой является и бусина 5 из раскопок селища Новиково-I в Становлянском р-не Липецкой обл. (материалы Е. К. Столяровой, МГУ). Бусина происходит из комплекса, предположительно датированного первой половиной XIII в., приведенный здесь ее анализ опубликован (Столярова 2012: 276). Цвет бусины

в этом случае обусловлен железом, содержание которого высокое и значительно превышает таковое во всех других рассматриваемых здесь образцах. В стекле обнаружена и сурьма.

Синяя бусина 6 из тверских материалов И. А. Сафаровой (Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр). Хотя тверские бусы достаточно подробно ею опубликованы, но исследователь, обсуждая хронологию и цвет стекла бусин и располагая приведенным здесь анализом автора, все же не обратила внимание на необычный способ окраски этой бусины из калий-свинцового стекла, в результате чего ее форма осталась неопределенной (Сафарова 2015). В составе стекла бусины обращает на себя внимание низкое содержание калия при умеренном содержании свинца.

Бусина 7 из Дмитрова не опубликована, происходит не из комплекса, она крапчатая с накладными белыми и желтыми пятнами. По информации подателя образца Е. К. Столяровой, такого типа древнерусские бусы известны, но обычно они черные или красно-коричневые, в то время как синяя встречена впервые, что, впрочем, не вызывает удивления из-за редкого употребления кобальта в древнерусском стеклоделии. В остальном состав стекла не показывает каких-либо особенностей.

Синий браслет 8 из Заднепровского посада Смоленска, датируемый XI–XIII вв., представлен на анализ также Е. К. Столяровой. Результат опубликован (Столярова, Миненко 2017: 170). Состав стекла не выявляет каких-либо заметных особенностей и имеет лишь несколько повышенное содержание меди.

Скол синего браслета 9 из Козмодемьянского раскопа в Новгороде дан на анализ О. М. Олейниковым (ИА РАН), результаты анализа состава стекла всей коллекции еще ждут опубликования. Состав же стекла единственного из всей коллекции браслета 9 имеет ряд особенностей. Кроме присутствия сурьмы, что, периодически появляется в составе, в этом стекле, в отличие от всех остальных, отсутствуют олово и медь, в то время как серебро имеет уже заметное содержание. Вопрос о присутствии в кобальтовом стекле меди кратко рассмотрен далее. Что же касается олова в свинцовом стекле, то его присутствие в низких концентрациях, при которых не проявляется его действие в качестве глушителя и желтого красителя, вызывает определенное удивление. Это связано с тем, что олово, несомненно, попадает в стекло вместе со свинцом, однако оно не может быть естественной примесью к последнему, поскольку оба металла имеют разное рудопоявление. Возможная причина присутствия малых количеств олова в свинцовом стекле обсуждена в недавно вышедшей публикации автора (Egorov 2018).

Анализ браслета 10 из средневекового Болгара, найденного при раскопках, проводившихся в 2013 г. В. Ю. Ковалем, опубликован (Валиулина 2016: 343), и здесь результат перенесен в таблицу без изменений. К сожалению, в статье не указана категория предмета и остались незаполненными графы для содержания кальция, марганца и олова. По устному сообщению автора публикации С. И. Валиулиной, это синий браслет древнерусского типа³. Отсутствие значений в графах для указанных элементов означает их эвентуальное присутствие ниже предела обнаружения, в то время как определение содержаний сурьмы, серебра и никеля не входило

³ Благодарю доцента Казанского федерального университета С. И. Валиулину и магистра Института истории СПбГУ В. И. Ближнюкову за любезно предоставленную и переданную информацию.

в задачи анализа. К такому заключению можно прийти на том основании, что сумма содержаний оксидов всех элементов, включая 50,89 % для не отраженного в таблице кремнезема SiO_2 , составляет 100 % (то есть приведенные данные состава нормализованы). Несмотря на использование современного электронно-микроскопического метода анализа (Там же: 338, 339), сами результаты вызывают ряд вопросов. Так, содержание железа представляется слишком низким, а отсутствие кальция неправдоподобным, поскольку автором, выполнившим не одну сотню анализов древнерусского стекла, случаи отсутствия кальция в присутствии магния ни разу не встречены, причем первый всегда преобладает над последним. Как бы то ни было, принадлежность этого синего браслета к древнерусским не вызывает сомнения.

Учитывая определенное сходство древнерусского и раннесредневекового польского стеклоделия, базирующихся на производстве свинцового стекла, представляется естественным их сравнение в отношении употребления кобальтового красителя. В отличие от древнерусского, в польском стеклоделии помимо бус основную номенклатуру изделий составляли не браслеты, а перстни, причем основным типом стекла для их производства было высокосвинцовое бесщелочное или низкощелочное. Тем не менее среди нескольких десятков исследованных перстней, колечек, бус и браслетов из раскопок в Силезии, близ Вроцлава, найдена бусина первой четверти XI в. из поташно-свинцового стекла, окрашенного кобальтом при повышенном содержании марганца (Pankiewicz et al. 2017: 202). Единичность находки также свидетельствует о редком использовании кобальта для окраски раннесредневекового польского свинцового стекла, и хотя анализ стекла бусины не был доведен до цифрового выражения содержаний оксидов элементов, в качестве сырья для получения кобальтового красителя можно предполагать марганцевую руду с высоким содержанием кобальта, о чем подробнее сказано ниже.

Кобальтовое сырье, получаемое из кобальто-мышьяковистых руд и используемое для получения «кобальтовой сини», имело название «цафра». Оно было сложного состава и кроме кобальта, марганца и мышьяка могло содержать примеси железа, меди и свинца (Галибин 2001: 38). Подвергая цафру (или «сафлор» в Германии) химической переработке, из нее последовательно удаляют медь, висмут, свинец и другие примеси, а затем железо и мышьяк (Меншуткин 1933: 621). Вследствие сильного красящего действия кобальта глубокая очистка исходного сырья не требуется, поэтому элементы-примеси могут обнаруживаться в стекле с повышенным содержанием кобальта. Вместе с тем кобальтовые руды могут иметь различное происхождение и состав. Так, асболан, являющийся разновидностью марганцевого минерала вада, содержит значительные количества кобальта (Геологический словарь 1973: 57), а потому использование полученного на его основе кобальтового красителя может вносить в стекло и значительное количество марганца, который в этом случае не выполняет роль обесцвечивателя железа (Галибин 2001: 30, 38). Очевидно, что такой краситель с повышенным содержанием марганца использован в стекле бусины 7 с низким содержанием железа, не требующим обесцвечивания. Также рудным спутником кобальта является близкий ему по природе никель, который нередко обнаруживается в стекле, окрашенном кобальтом.

Вообще, вопрос, откуда попадал кобальтовый краситель на Русь, достаточно сложен, и здесь не ставится цель его решить. В литературе высказаны точки зрения на геологическое происхождение обнаруживаемого в стекле кобальта (Галибин

2001: 37; Reade et al. 2003: 24). Можно лишь констатировать, что кобальтовая синь, поступавшая на Русь, имела разное геологическое происхождение.

Медь, как указано выше, может быть рудной примесью к кобальту, а также может быть введена и целенаправленно для придания стеклу различных оттенков (Shortland, Eremin 2006: 541). Основной целью введения небольших количеств (до 0,5 %) меди в стекло, окрашенное кобальтом, является снятие фиолетового оттенка для получения чистого синего, «сапфирового», цвета (Girdwoyń 1986: 204).

По мнению В. А. Галибина, сурьма может быть рудной примесью к свинцу, являясь его геохимической характеристикой, а потому трудно решить, попадает ли она в стекло вместе со свинцом или же введена отдельно (Галибин 2001: 50). Действительно, среди сотен выполненных автором анализов древнерусского свинцового стекла сурьма иногда, впрочем, достаточно редко, встретила в низкой концентрации, не оказывающей какого-либо влияния на свойства стекла. Такое присутствие сурьмы находится на уровне сотых долей процента и чаще наблюдается в стеклах, окрашенных медью, в результате чего можно предполагать и ее попадание в стекло вместе с медью. Сурьма, следовательно, во всех рассматриваемых здесь случаях введена целенаправленно. Добавка сурьмы, образующей со свинцом соединение желтого цвета, может изменить цвет стекла до голубого, как в случае смальты *I*, или до зеленого, который получается при сложении синего и желтого цветов. Однако сама совместная добавка кобальта и сурьмы, приводящая к зеленому окрашиванию, до определенной степени бессмысленна, поскольку зеленый цвет может быть получен традиционными методами окрашивания древнерусского стекла медью или железом. Вместе с тем добавка сурьмы в стекло браслета 9 не изменила его синий цвет, а в стекле бусины 5 высокое содержание железа свело на нет действие и кобальта, и сурьмы. В таблице для стекла всех образцов, содержащих сурьму, одновременно наблюдается и повышенное содержание кальция, которое в древнерусских поташно-свинцовых стеклах В. А. Галибин объясняет попаданием кальция в поташ при его выделении из золы как случайной примеси (Галибин 2001: 48). Автором настоящей статьи в свое время высказано мнение, что такое стекло может быть сварено на основе не поташа, а золы континентальных растений, прежде всего бука, и является импортом из Западной Европы (Егорьков 2007: 135, 136). Поводом для такого объяснения послужил тот факт, что повышенное содержание кальция в свинцовом стекле отмечено в средневековом (преимущественно XII–XIII вв.) оконном стекле из Германии, полученном при использовании золы. Там же в окрашенном медью зеленом оконном стекле из нижнесаксонского монастыря в Брунсгаузене обнаружена и сурьма (Wedepohl et al. 1995: 73, 74, 76). Вместе с тем в европейских стеклах содержание кальция выше, чем в стекле рассматриваемых здесь артефактов, содержащих сурьму. В литературе высказано также мнение, что растворимый гидрокарбонат кальция мог образоваться при взаимодействии карбоната кальция с углекислотой воздуха во время хранения раствора поташа над нерастворимым осадком (Рябцева, Френкель 1998: 70). Однако для стекол, одновременно содержащих сурьму, вопрос о причинах повышенного содержания кальция усложняется, тем более что глушение стекла осуществляется не только антимонатом свинца, но также и антимонатом кальция $\text{Ca}_2\text{Sb}_2\text{O}_7$.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что кобальтовая синь для окрашивания древнерусского поташно-свинцового стекла, несмотря на ряд находок

последнего времени, действительно использовалась лишь в единичных случаях и поступала на Русь из различных источников. По этой причине ее использование в домонгольской Руси не сформировало технологических традиций, о чем свидетельствует цвет некоторых рассмотренных здесь украшений: редкий в природе, а потому не выходящий из моды синий цвет от введения кобальта в них так и не был достигнут.

Литература

- Безбородов 1956 — *Безбородов М. А.* Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН Белорусской ССР, 1956. 306 с.
- Безбородов 1969 — *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. 276 с.
- Валиулина 2016 — *Валиулина С. И.* Химический состав стекла Болгара и Суvara // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 337–353.
- Галибин 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с.
- Геологический словарь 1973 — *Геологический словарь*. М.: Недра, 1973. Т. 1. 487 с.
- Егорьков 2007 — *Егорьков А. Н.* Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрикова Городища // *Носов Е. Н., Мусин А. Е.* (отв. ред.). У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 176–177.
- Меншуткин 1933 — *Меншуткин Б. Н.* Курс общей химии (неорганической). Л.: Госхимтехиздат, 1933. 738 с.
- Рябцева, Френкель 1998 — *Рябцева С., Френкель Я.* Некоторые замечания о древнерусских браслетах из калий-свинцово-силикатного стекла // *Захарова Н. А.* (ред.). Ювелирное искусство и материальная культура: ТД 5-го коллоквиума. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 69–70.
- Сафарова 2015 — *Сафарова И. А.* Актуальные вопросы хронологии средневековых стеклянных изделий из раскопок Твери // *Гайдуков П. Г.* (отв. ред.). Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 209–217.
- Столярова 2012 — *Столярова Е. К.* Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // *Археология Подмосквья: Материалы научного семинара*. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 272–277.
- Столярова, Миненко 2017 — *Столярова Е. К., Миненко В. В.* Стеклянные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // *Беляев Л. А., Гоняный М. И.* (отв. ред.). *De mare ad mare*. Смоленск: Свиток, 2017. С. 157–182.
- Щапова 1975 — *Щапова Ю. Л.* Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве // *СА*. 1975. № 4. С. 209–222.
- Щапова 1998 — *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Egorkov 2018 — *Egorkov A. N.* On tin in the Old Russian lead glass // *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*. 2018. Vol. 4, no. 3. P. 581–582.
- Girdwoyń 1986 — *Girdwoyń A.* Celtic glass bracelets from excavation in Poland. A technological study // *Archaeologia Polona*. 1986. 25/26. S. 199–208.
- Pankiewicz et al. 2017 — *Pankiewicz A., Siemianowska S., Sadowski K.* Wczesnośredniowieczna biżuteria szklana z głównych ośrodków grodowych Śląska (Wrocław, Opole, Niemcza). Wrocław: Instytut Archeologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2017. 364 s.

- Reade et al. 2003 — *Reade W., Freestone I. C., Simpson J.* Innovation or continuity? Early millennium BCE glass in the Near East: the cobalt blue glasses from Assyrian Nimrud // *Annales du 16e congrès de l'Association Internationale pour l'histoire du verre*. London, 2003. P. 23–27.
- Shortland, Eremin 2006 — *Shortland A., Eremin K.* The analysis of second millennium glass from Egypt and Mesopotamia, Part 1: new WDS analyses // *Archaeometry*. 2006. Vol. 48, no. 4. P. 581–603.
- Wedepohl et al. 1995 — *Wedepohl K. H., Krueger I., Hartmann G.* Medieval lead glass from north-western Europe // *Journal of Glass Science*. 1995. Vol. 37. P. 65–82.

ON COBALT USAGE IN THE OLD RUSSIAN PRODUCTION OF LEAD GLASS

A. N. EGOR'KOV

Keywords: *Old Rus, glass, tessera, cobalt, bracelets, beads, import.*

In the Old Russian glassmaking, beginning in XI century and based on the production of lead glass, cobalt was used very rare. Until recently only three assured cases of cobalt usage for blue coloration of bracelets and beads were fixed. In addition, two cases of probable cobalt coloration were published in the middle of the preceding century, but owing to weakness of analytical methods of those times, the presence of cobalt was under detection limit. During the last twenty years another seven samples containing cobalt were analyzed by the author. These bracelets and beads were excavated in Old Russian towns and cities such as Suzdal, Vladimir, Smolensk, Tver, Dmitrov. All artifacts occurred from the strata of pre-Mongolian time dated to XI–XIII centuries and manufactured of potash lead glass. In addition, one blue bracelet of this type comes from Bolgar, the city of medieval Volga Bulgaria, and was analyzed in Kazan University. These analyses together with the two earlier ones are present in the table.

The earliest Russian glass article, coming from Kievan St. Sophia Cathedral founded in 1036, only with a high portion of doubt can be determined as a product of Russian workshop. As opposed to all other analyzed artifacts it is a piece of tessera from one of the earliest Russian temples, and demonstrates an extremely high content of cobalt side by side with enhanced content of sodium. This glass, as well as two other artifacts, contains antimony, probably used as opacifier. Another common feature of all samples with antimony is higher content of calcium.

One artifact has an enhanced content of manganese, whereas in two others the blue coloration had not been achieved. In spite of some new information for cobalt usage these facts indicate that cobalt blue colorant was imported to Russia occasionally from different sources and tradition of its usage in the pre-Mongolian time had not been developed.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 2017 И 2019 ГОДЫ (ВОЗМОЖНОСТИ ДАТИРОВКИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ)¹

К. В. ГОРЛОВ, В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ²

Ключевые слова: Санкт-Петербург, деревоземляная крепость, Меншиков бастион, монеты, строительство, Кадашевский денежный двор.

В 1703 г. по указу Петра I за короткий срок, с начала мая по конец августа, на Заячьем острове в устье Невы возводилась деревоземляная крепость, а уже в 1706 г. начинается строительство каменной крепости. В 2017 и 2019 гг. в ходе проведения археологических раскопок экспедицией ИИМК РАН в пространстве Меншикова бастиона был открыт уникальный культурный слой, содержащий конструкции первой деревоземляной крепости. Среди обнаруженных артефактов важное место занимают 18 монет эмиссии Петра I, 14 из которых — проволочные копейки, три — медные полушки, одна — медная деньга. Еще две монеты номиналом 1/6 эре принадлежат эмиссии шведского короля Карла X (рис. 1; таблица). Полученная нумизматическая коллекция является надежным датирующим материалом, позволяющим идентифицировать сохранившиеся сооружения как первую деревоземляную крепость, построенную Петром I в Санкт-Петербурге.

Обращает на себя внимание присутствие в коллекции ряда монет, чеканенных штемпелями, полученными от одних маточников, а также отсутствие монет 1703 г. Вероятно, это говорит об особенностях распределения денежных сумм с монетных дворов. Наличие шведских монет может являться свидетельством участия в возведении крепости пленных шведских солдат, которыми и были потеряны фракции эре. Не исключено, впрочем, что данные монеты могли быть принесены на Заячий остров вместе с землей из Ниеншанца, откуда строители первой крепости Санкт-Петербурга брали строительные материалы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-153-162

Введение

Нумизматический материал, полученный в ходе археологических раскопок, традиционно рассматривается исследователями в качестве важнейшего хронологического

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² К. В. Горлов — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций; В. И. Кильдюшевский — Отдел охранных раскопок, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

индикатора культурного слоя. При решении проблем датировки проволочные копейки единоличного правления Петра I имеют высокий информативный потенциал, так как несут на себе точные даты чеканки³. Помимо этого, благодаря сохранившимся правительственным указам известно время вывода из обращения этих денежных знаков⁴.

Несмотря на богатый фактический монетный материал и наличие большого комплекса документов, касающихся денежного дела Петровской эпохи, проволочные копейки до недавнего времени оставались плохо изученными. Отсутствовала их типология. Причина этого заключалась в миниатюрности размеров таких монет. С 1698 г. вес копейки был понижен до 0,284 г, в результате чего на монетное поле попадала лишь малая доля штемпельного изображения. Понижение пробы серебра и применение новой техники изготовления маточников на денежных дворах Приказа Большой казны также способствовало ухудшению качества монет, что затрудняло создание типологии петровских «чешуек» (Клещинов, Гришин 1992: 3, 4; Зверев 2015: 186; 2017: 219–222).

До 1917 г. встречаются единичные работы А. И. Черепнина, С. И. Шодуара, Ф. Ф. Шуберта, включающие предварительную классификацию копеек Петра I по годам и вариантам легенды. Около 150 разновидностей вариантов проволочных монет 1696–1717 гг. присутствуют в трудах великого князя Георгия Михайловича (Клещинов, Гришин 1992: 3). В советский период типологией петровских «чешуек» практически не занимались.

Только в 1992 г. В. Н. Клещиновым и И. В. Гришиным был опубликован «Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича», который охватывал более 80 % всех лицевых штемпелей петровских копеек 1696–1717 гг. (Клещинов, Гришин 1992). В 2015 г. наиболее полная типология проволочных монет Петра I вошла в «Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.)», ставший на сегодняшний день основным для подавляющего числа нумизматов (Гришин и др. 2015: 21, 22, 163–238). Благодаря этим работам и современным техническим средствам исследования монет, появилась возможность использования петровских «чешуек» даже плохой сохранности и с незначительно вошедшими в поле заготовки рельефами как полноценного нумизматического источника. Коллекции таких монет были обнаружены в 2017 и 2019 гг. при проведении надзорного археологического исследования экспедицией ИИМК РАН⁵ на территории Меншикова бастиона Петропавловской крепости.

В 1703 г. по указу Петра I за короткий срок, с начала мая по конец августа, на Заячьем острове в устье Невы возводится деревоземляная крепость, ставшая

---

³ На подавляющем большинстве «чешуек» даты чеканки отсутствуют. Только на продукции Новгородского и эпизодически Псковского денежных дворов, начиная с правления Федора Ивановича, ставился точный год выпуска. Чеканка монет в Новгороде и Пскове была прекращена в 1627 г. и возобновлена снова с 1655 по 1663 г. (Мельникова 1989: 175, 220–223). На московских монетах, преобладающих в русском денежном обращении на протяжении XVII в., дата выпуска не указывалась до 1696 г. (Дуров 1980: 9).

⁴ При анализе длительности обращения проволочных монет в XVIII в. необходимо учитывать региональную специфику.

⁵ Работы проводились под руководством В. И. Кильдюшевского.

ядром Санкт-Петербурга. Цитадель состояла из шести насыпных земляных бастионов с деревянными конструкциями внутри насыпи. Эскарповые стены снаружи были укреплены в несколько слоев дерновыми пластинами. Верх стен завершился земляными брустверами. Общая высота сооружения достигала 7 м.

Уже в 1706 г. по указу Петра I начинается строительство каменной крепости, прежде всего Меншикова и Государева бастионов (Степанов 2000: 52–60). По свидетельству иностранцев, по мере возведения каменных стен уже в 1710 г. начали срывать «насыпи прежних земляных бастионов» (Беспятых 1991: 49, 50).

Нумизматические находки из раскопок 2017 и 2019 гг. на территории Меншикова бастиона Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге

В результате работы экспедиции ИИМК РАН был открыт уникальный культурный слой, содержащий конструкции первой деревоземляной крепости. Среди обнаруженных артефактов важное место занимают 18 монет эмиссии Петра I, 14 из которых — проволочные копейки, три — медные полушки, одна — медная денга. Еще две монеты номиналом 1/6 эре принадлежат эмиссии шведского короля Карла X (см. таблицу).

Проволочные копейки разделяются между Старым и Кадашевским денежными дворами при доминировании продукции последнего.

Две наиболее ранние копейки, битые на Старом дворе, датируются 1700 и 1701 гг. (рис. 1, 1, 2). На лицевую сторону таких монет помещалось изображение всадника с копьём вправо и дата чеканки, обозначенная буквами, на оборотную — шестистрочная надпись: ЦРЬ И ВЕ / ЛИКІЙ КНЯ / ЗЪ ПЕТРЪ А / ЛЕКСЕЕВИЧЪ / ВСЕЯ РО / ССИИ.

Следующая группа из трех копеек Старого двора датируется 1702 г. и принадлежит к типам 1251, 1252 и 1257⁶, то есть отчеканена штемпелями, сменяющимися в ходе работы либо сразу один за другим, либо через небольшой временной отрезок (рис. 1, 3, 4, 5). Монеты типов 1251 и 1252 биты штемпелями, полученными от одного лицевого маточника № 23, а монеты типов 1252 и 1257 связаны единым оборотным маточником 27, которым изготовлялись штемпеля для самых поздних копеек 1702 г.

Также в коллекции присутствует сломанная примерно посередине проволочная копейка, рельефы аверса которой полностью утрачены. На реверсе сохранилась часть плохо читаемой легенды в две строки: ЦР / ЛНКИ. Особенности формы букв дают основания отнести данную монету к продукции Старого денежного двора 1696–1704 гг. (рис. 1, 6).

Лицевая сторона проволочных копеек Кадашевского двора также несет изображение всадника с копьём вправо и обозначенную буквами дату чеканки, оборотная — четырехстрочную надпись: ЦРЬ / ПЕТРЪ / АЛЕКСЕЕ / ВИЧЬ.

Наиболее ранняя группа из шести монет датируется 1702 г. Две монеты типов 1402 и 1404 биты лицевыми штемпелями, полученными от одной пары маточников № 8 (рис. 1, 7, 8). Штемпели оборотных сторон связаны с близкими друг другу маточниками № 18 и 20, на основании чего можно заключить, что обе монеты были отчеканены в течение короткого промежутка времени.

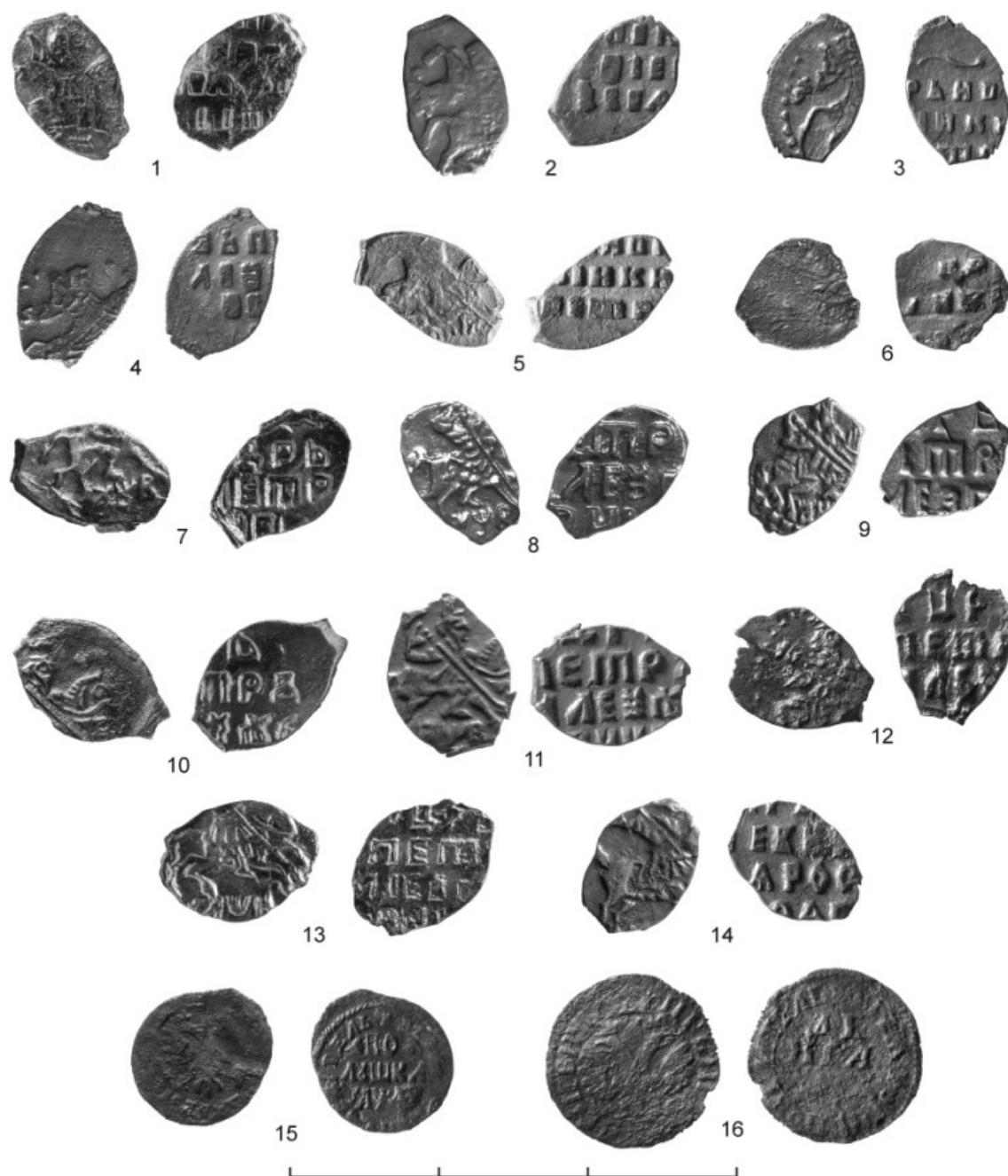
⁶ Здесь и далее типология проволочных копеек приводится на основании каталога И. В. Гришина, В. Н. Клецинова и А. В. Храменкова (Гришин и др. 2015).

Т а б л и ц а

**Каталог монет из археологических раскопок в Меншиковом бастионе
Петропавловской крепости в 2017 и 2019 гг.**

№	Эмитент	Правитель	Номинал	Денежный или монетный двор	Дата чеканки, гг.	Диффе- рент	Тип*	Металл	Вес, г
1	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1700	ЯУ	1198	Серебро	0,255
2	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1701	ЯУЯ	1207	Серебро	0,275
3	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1702	ЛУО	1251	Серебро	0,245
4	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1702	ЛУО	1252	Серебро	0,245
5	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1702	ЯУО	1257	Серебро	0,295
6	Россия	Петр I	Копейка	Старый	1696– 1704	?	?	Серебро	0,105
7	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1402	Серебро	0,300
8	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1404	Серебро	0,255
9	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1460	Серебро	0,250
10	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1488	Серебро	0,280
11	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1491	Серебро	0,255
12	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1702	ЛУВ	1494	Серебро	0,190
13	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1708	ЛУН	1691	Серебро	0,235
14	Россия	Петр I	Копейка	Кадашевский	1716– 1717	ЛУСИ или ЛУЗИ	1782 или 1788	Серебро	0,235
15	Россия	Петр I	Полушка	Набережный	1704	–	–	Медь	–
16	Россия	Петр I	Денга	Кадашевский	1704?	–	–	Медь	–
17	Россия	Петр I	Полушка	Набережный	1718– 1720	–	–	Медь	–
18	Россия	Петр I	Полушка	Набережный	1718– 1720	–	–	Медь	–
19	Швеция	Карл X	1/6 эре	Авеста	1673	–	–	Медь	–
20	Швеция	Карл X	1/6 эре	Авеста	1666– 1686	–	–	Медь	–

* Типология монет приведена на основании каталога: Гришин и др. 2015.

Рис. 1. Нумизматический материал, полученный в ходе археологических раскопок в Меншиковом бастионе Петропавловской крепости в 2017 и 2019 гг.: 1–6 — копейки 1700–1704 гг., Старый двор; 7–14 — копейки 1702–1716/1717 гг., Кадашевский двор; 15 — полушка 1704 г., Набережный двор; 16 — денга 1704 (?), Кадашевский двор. Фото К. В. Горлова, И. Г. Самоварова

Fig. 1. Numismatic material obtained in the course of archaeological excavations in Menshikov bastion of the Peter and Paul Fortress in 2017 and 2019: 1–6 — kopecks, 1700–1704, Old Mint; 7–14 — kopecks, 1702–1716/1717, Kadashev Mint; 15 — a quarter-kopeck piece, 1704, Naberezhny (Embankment) Mint; 16 — half-kopeck coin, 1704 (?), Kadashev Mint. Photo by K. V. Gorlov, I. G. Samovarov

Монеты типов 1488, 1491 и 1494 чеканены штемпелями, связанными с одним лицевым маточником № 14, и оборотными, полученными от близких маточников № 30, 37, 40 (рис. 1, 10, 11, 12). Копейка типа 1460 с другими монетами штемпельных связей не имеет (рис. 1, 9).

Еще две проволочные копейки отчеканены в 1708 и 1716 или 1717 гг. (рис. 1, 13, 14).

Копейка 1708 г. бита на Кадашевском дворе. Тип копейки 1716–1718 гг. И. В. Гришиным, В. Н. Клещиновым и А. В. Храменковым отнесен к продукции того же двора. Однако С. В. Зверев уточнил, что серебряные проволочные копейки на Кадашевском дворе перестали выпускать в 1711 г., а маточники и чеканы были переданы на Старый денежный двор, где продолжали использоваться далее, сохраняя за единственным исключением автономность (Зверев 2016: 187, 188).

Медные монеты представлены полушкой 1704 г. Набережного двора, а также денгой 1704 г. Кадашевского двора (рис. 1, 15, 16). Оба экземпляра выпущены на основании новой стопы 1704 г., при которой денга стала весить 1 золотник (4,265 г), а полушка — ползолотника (2,132 г). Также в коллекции присутствуют две полушки 1718–1720 гг.⁷ Набережного двора, чеканенные на основании уже 40-рублевой стопы 1718 г. (Дуров 1980: 27).

Обнаруженные в ходе раскопок две шведские медные монеты номиналом 1/6 эре выпущены на монетном дворе Авесты. Одна из них датируется 1673 г. Дату чеканки второго экземпляра установить не удалось. В начале XVII в. Швеция занимала лидирующее место в Европе по объему добываемой меди, что позволило с 1624 г. начать чеканку полновесных медных монет, которые выпускались в очень больших объемах — до 30 млн экземпляров в год (Скрипунов 2008: 93). К середине XVII в. добыча меди в Швеции продолжала возрастать, что позволило перейти к выпуску монет мелкого номинала — 1/6 эре, которые также чеканились в большом объеме.

Положение денежных знаков в культурном слое

Большая часть коллекции монет 2017 г. была собрана во время исследования на участке левого фаса, между первым и третьим контрфорсами. Здесь проводилась разборка слоев засыпки, состоящей из серой супеси, расчистка дерновой обкладки и остатков деревянной вымостки (7,0–6,5 м). Основные работы велись на участке левого фаса бастиона и в районе заложенного в 1730-е гг. орильона. Были расчищены верх деревянной обкладки плечного угла у первого контрфорса и фрагментированные участки деревянной обкладки верха насыпи бастиона, перекрытой двухслойным настилом на глубине 6,7–6,4 м БС.

При расчистке настила у второго контрфорса на отметке 6,5–6,4 м была найдена наиболее поздняя монета — медная полушка (табл., 18⁸) 1718–1720 гг. В слое серой засыпки между стеной и левым фасом на глубине 7,6–6,7 м в районе первого контрфорса обнаружены еще одна идентичная полушка (табл., 17) и копейка 1716 или 1717 г. (табл., 14). Остальные монеты, датирующиеся 1701–1702 гг. (табл., 2–5, 11) и 1704 г. (табл., 15, 16), зафиксированы в слое серой супеси на глубине 7,0–6,7 м БС.

Особняком в коллекции 2017 г. стоят две шведские медные монеты Карла X номиналом 1/6 эре (табл., 19, 20), первая из которых отчеканена в 1673 г., а вторая ввиду

⁷ Обе монеты отличаются плохой сохранностью, поэтому точную дату чеканки установить не удается.

⁸ Здесь и далее приводятся порядковые номера монет в таблице.

плохой сохранности датируется широко — 1666–1686 гг. Оба экземпляра происходят из слоя черной земли в засыпке между вторым и третьим контрфорсами с глубины 7,0–6,6 м.

Обнаруженные в верхней части засыпки бастиона монеты скорее всего выпали в слой во время строительства каменной крепости и засыпки бастиона в 1703 г., на что указывают даты их чеканки. Более ранние денежные знаки могли попасть в засыпку из разобранный насыпи бастиона.

Коллекция 2019 г. (табл., 1, 7–10, 12, 13) почти вся найдена при разборке слоя серой супеси на глубине 6,5–6,0 м и в основном имеет одну дату чеканки — 1702 г. Исключение составляют две монеты: № 1 — 1700 г. — из мешаного слоя засыпки у пониженного фланка (глубина 5,1 м БС) и № 13 — 1708 г. — из слоя серой супеси. Монета № 9 (1702 г.) обнаружена в слое засыпки под насыпью на глубине 5,6 м, а № 8 (1702 г.) — в районе плечевого угла, под дерновой стенкой бруствера (?) на отметке 5,5 м.

Таким образом, можно утверждать, что все найденные в 2019 г. монеты выпали в культурный слой в 1703 г., то есть в период строительства деревоземляного бастиона, а поздняя копейка 1708 г. была потеряна во время перестройки крепости в камне.

Специфика русского денежного обращения и монетного дела

Помимо стратиграфического положения монет в культурном слое в пользу предложенной датировки говорит и специфика русского денежного обращения и монетного дела. С 1697 по 1701 г. в России происходит резкое увеличение количества денежных дворов, от одного до пяти, четыре из которых подчиняются Приказу Большой казны, а пятый — Кадашевский — находился в распоряжении морского ведомства. Доход от его чеканки шел на нужды военного флота, постройку кораблей, жалованье офицерам и матросам (Дуров 1980: 7, 10; Юхт 1994: 14; Зверев 2015: 186).

Организация новых центров монетной чеканки была связана с начавшейся Северной войной, требующей огромных финансовых расходов. До 1700 г. в среднем ежегодно серебряных монет чеканили на сумму около 300 тыс. рублей. С 1700 по 1711 г. средний ежегодный выпуск со всех монетных дворов стал составлять суммы более 1,5 млн рублей (Дуров 1980: 17).

Наибольшие масштабы чеканки приходится на 1700–1704 гг., когда она составила 13,1 млн рублей. Только один Кадашевский двор в 1701 г. дал копеек на сумму 277 тыс. рублей, в 1702 г. — 2,1 млн рублей, в 1703 г. — 962 тыс. рублей (Там же; Юхт 1994: 21).

Огромные масштабы чеканки требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке старых русских денег в более легковесные.

На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи свезенных в Москву «старых» копеек. Максимальная доходность по переделу пришлась на 1702 г. Сырье для передела поступало как от приказов, так и путем покупки и обмена у населения (Ширяков 2013: 143; Краснов 2015: 188).

Например, Монастырский приказ собирал старые копейки с монастырей. Монеты принимались в соответствии с нормами царского указа, оговаривающего сначала пересчет сдаваемых сумм, а затем прием на вес из расчета не менее 10 фунтов в 100 рублях (Дуров 1980: 15).

Население с нежеланием сдавало старые деньги на монетные дворы, так как считало низким размер (10 %) лажа, то есть наддачи, установленной казной. Старые деньги было выгоднее превратить в сырье для изготовления посуды, окладов икон, прочих предметов. Это, в свою очередь, привело к сокрытию значительных сумм. В 1704 г., например, у купцов Шустовых изъяли из тайника 106 пудов старых денег (Юхт 1994: 21).

О масштабности тогдашнего монетного передела говорит то, что монетные дворы подчас не успевали принимать «деньги в счет», а брали их «на вес», нарушая «наказы» правительства (Миско, Ширяков 2014: 71–74).

Резкое увеличение объемов чеканки, начавшееся с 1698 г., потребовало гораздо большего числа орудий чеканки, что заставило искать способы для упрощения и ускорения изготовления маточников (Зверев 2017: 219–222).

В 1703–1704 гг. стал заметен дефицит серебра, вследствие чего в конце 1704 г. началась чеканка монет из меди на участке «особой палаты» Кадашевского двора (Ширяков 2013: 142–147; Краснов 2015: 188–190; 2016: 180–185).

В 1718 г. 24 января был издан именной указ Петра I, в котором говорилось: «Сего 1718 года февраля с первого числа, денег мелких не чеканить и чеканы перевести, а делать тисненые». Таким образом было официально окончено более чем трехсотлетнее господство проволоочной монеты в русском денежном обращении (Волков 2009: 165).

Примечательно присутствие среди находок сломанной пополам копейки. Есть основание полагать, что монета была разделена на две равные части намеренно. Это являлось результатом нехватки у населения мелкой разменной монеты, так как на протяжении XVII в. основное внимание уделялось чеканке копеек, особенно в петровское время (Юхт 1994: 10; Зайцев 2018: 179–184). Царский указ 1700 г. сообщает: «...во многих Низовых и в иных городах, за скудостью денежек, на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое, и натрое, и торгуют ими вместо денежек на размен; а в Калуге и в иных городах вместо серебряных денежек, торгуют же кожаными и иными жеребьями» (Юхт 1994: 12). Находка разломанной на две части копейки в Петропавловской крепости кажется вполне логичной, так как в возведении деревоземляных укреплений участвовали солдаты, пригнанные крестьяне, которые нуждались в самых мелких монетах для ежедневных расходов.

Выводы

Таким образом, полученная коллекция является надежным датирующим материалом, позволяющим идентифицировать сохранившиеся сооружения первой деревоземляной крепости.

Обращает на себя внимание присутствие в коллекции ряда монет, чеканенных штемпелями, полученными от одних маточников (особенно в контексте высокой интенсивности чеканки), а также отсутствие монет 1703 г. Вероятно, это говорит об особенностях распределения денежных сумм с монетных дворов. Наличие шведских монет может являться свидетельством участия в возведении крепости пленных шведских солдат, которыми фракции эре и были потеряны. Также не исключено, что данные монеты могли быть принесены на Заячий остров вместе с землей из Ниеншанца, откуда строители первой крепости Санкт-Петербурга брали строительные материалы.

Литература

- Беспярых 1991 — *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение, тексты, комментарии. Л.: Наука, 1991. 282 с.
- Волков 2009 — *Волков И. В.* Проволочная копейка с датой «1718» // Шиканова И. С., Ширияков И. В. (ред.). Пятнадцатая ВНК: ТДиС (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.). М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 165–166.
- Гришин и др. 2015 — *Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт, 2015. 629 с.
- Дуров 1980 — *Дуров В. А.* Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII — начале XVIII в. // Шелов Д. Б. (ред.). Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. Нумизматический сборник. Ч. 7. М.: ГИМ, 1980. С. 7–36 (Тр. ГИМ. № 53).
- Зайцев 2018 — *Зайцев В. В.* Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2018 года: МДиС (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.). М.: ГИМ, 2018. С. 179–184.
- Зверев 2015 — *Зверев С. В.* Службы гостей и членов Гостиной сотни на денежных дворах в конце XVII в. // Ширияков И. С. (ред.). Восемнадцатая ВНК: ТДиС (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.: Триумф принт, 2015. С. 185–187.
- Зверев 2016 — *Зверев С. В.* Заключительный этап чеканки серебряных копеек в 1711–1718 гг. // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2016 года: МДиС (Москва, 22, 23 ноября 2016 г.). М.: ГИМ, 2016. С. 186–192.
- Зверев 2017 — *Зверев С. В.* Техника изготовления маточников для серебряных копеек мастером Д. А. Вороновым в конце XVII–XVIII в. // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2017 года: МДиС (Москва, 23, 24 ноября 2017 г.). М.: Внешторгиздат, 2017. С. 219–222.
- Клецинов, Гришин 1992 — *Клецинов В. Н., Гришин И. В.* Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича. М.: Ирубис, 1992. 37 с.
- Краснов 2015 — *Краснов Р. В.* Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // Ширияков И. С. (ред.). Восемнадцатая ВНК: ТДиС (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.: Триумф принт, 2015. С. 188–190.
- Краснов 2016 — *Краснов Р. В.* К вопросу об открытии медного передела на Кадашевском монетном денежном дворе по материалам РГАВМФ // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2016 года: МДиС (Москва, 22, 23 ноября 2016 г.). М.: ГИМ, 2016. С. 180–185.
- Мельникова 1989 — *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Миско, Ширияков 2014 — *Миско Н. К., Ширияков И. В.* Палеографо-нумизматический комментарий к одному из документов ОПИ ГИМ // Волков И. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2014 года: МДиС (Москва, 24, 25 ноября 2014 г.). М.: ГИМ, 2014. С. 71–74.
- Скрипунов 2008 — *Скрипунов А. В.* Шведские монеты ¼ эре королевы Кристины 1633–1654 гг. Определитель вариантов. СПб.: Реноме, 2008. 120 с.
- Степанов 2000 — *Степанов С. Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб.: Белое и Черное, 2000. 240 с.
- Ширияков 2013 — *Ширияков И. В.* О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // Волков И. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2013 года: МДиС (Москва, 19, 20 ноября 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 242–247.
- Юхт 1994 — *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 336 с.

**NUMISMATIC MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS
AT THE PETER AND PAUL FORTRESS IN 2017 AND 2019
AND THEIR BEARING ON THE DATING OF THE CULTURAL LAYER**

K. V. GORLOV, V. I. KILDYUSHEVSKY

Keywords: *Saint Petersburg, log-and-earth fortress, Menshikov bastion, coins, building, Kadashev Mint.*

A log-and-earth fortress on Zayachy island in the Neva River mouth was erected in 1703 by direction of Peter the Great. The building works took a short period from early May to late August. The construction of the stone fortress started in 1706. In 2017 and 2019, in the course of archaeological excavations carried out by IHMC RAS, a unique cultural layer with remains of the first log-and-earth fortress was discovered on the territory of the Menshikov bastion. Among the most important finds there are 18 coins issued by Peter I, including 14 wire kopecks, three copper quarter-kopeck pieces, and one copper half-kopeck coin. Two more coins with denomination of 1/6 öre were issued by Charles X of Sweden (fig. 1; table). This numismatic collection is a reliable dating material, allowing to identify the constructions found in the cultural layer as the first log-and-earth fortress of Peter the Great, that became the historical core of Saint Petersburg. Worthy of note is the presence in the collection of a number of coins minted with dies made with the same punches, and the absence of coins minted in 1703. The presence of Swedish coins may be indicative of the participation in the construction works of captive Swedish soldiers, who could have lost the coins. At the same time it cannot be excluded that these coins were brought to Zayachy island with earth from Nyenschanz, which was used as a source of building materials.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. М. МАНДЕЛЬШТАМА В 1940–1960-Е ГОДЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Ю. Г. КУТИМОВ²

Ключевые слова: *Мандельштам А. М., научная биография, экспедиционная деятельность, Средняя Азия, Таджикистан, Туркменистан.*

В статье представлена краткая научная биография А. М. Мандельштама (1920–1983 гг.), одного из крупнейших археологов, исследователей Центральной Азии, специалиста по изучению степных и кочевнических культур Средней Азии и Южной Сибири. Активная многолетняя экспедиционная деятельность А. М. Мандельштама в Таджикистане в 1940–1950-е гг. и в Туркменистане в первой половине 1960-х гг. стала основой для его научных исследований и решения различных актуальных проблем изучения бронзового века и античного времени южных районов Средней Азии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-163-171

Научный сотрудник ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР, ученый-востоковед, археолог, д-р ист. наук Анатолий Максимилианович Мандельштам (11.08.1920–08.09.1983) внес значительный вклад в изучение древней истории и культуры Центральной Азии. География научных интересов А. М. Мандельштама, его полевых исследований включала в себя различные регионы Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Становление молодого ученого-археолога в годы обучения в университете и аспирантуре в 1930–1940-е гг., его экспедиционные работы в 1950-е гг. и первой половине 1960-х гг., его глубокий интерес к археологии Средней Азии в первую очередь были связаны с изучением древней истории Таджикистана и Туркменистана.

Отдельный и целенаправленный интерес к истории и археологии Средней Азии возник у А. М. Мандельштама уже в студенческие годы. Получая образование в 1937–1941 гг. на археологическом отделении исторического факультета Ленинградского гос. университета, А. М. Мандельштам проходит обучение у крупнейших историков-востоковедов, из числа лучших специалистов в области исследования истории, археологии и лингвистики Средней Азии — проф. С. Е. Малова, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовского, А. Н. Бернштама. Лекции по истории кочевых народов

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. А. М. Мандельштам, конец 1950-х гг.

Fig. 1. A. M. Mandelshtam, the end of 1950s

Средней Азии, блистательно читаемые на истфаке проф. А. Н. Бернштамом, заложили в студенте глубокий интерес к проблематике происхождения и истории кушан на территории Бактрии, которая стала в дальнейшем для А. М. Мандельштама одной из главных тем его исследовательской деятельности, ее изучению он посвятил практически всю свою научную жизнь. Ключевую роль в формировании научных интересов молодого ученого в годы обучения на истфаке и, особенно, в его дальнейшей научной работе сыграл проф. А. Ю. Якубовский, один из виднейших археологов и историков Востока, благодаря которому А. М. Мандельштам после окончания университета в 1941 г. был отправлен на работу в Сталинабад, в Республиканский музей при Таджикском филиале АН СССР.

Великая Отечественная война на несколько лет прервала научную деятельность А. М. Мандельштама. В 1942–1946 гг. он находился на действительной военной службе, которая проходила в различных регионах Средней Азии, Узбекистане и Туркменистане. Демобилизовавшись в июне 1946 г., А. М. Мандельштам возвращается в Ленинград с целью продолжения образования и поступления в аспирантуру. Успешно сдав вступительные экзамены, в июле 1948 г. он был зачислен в аспирантуру ЛОИИМК АН СССР по специальности «История и археология Средней Азии раннефеодального периода», его научным руководителем был назначен А. Ю. Якубовский (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 4. Д. 26. Л. 15–16). Первоначальная тема кандидатской диссертации «Вопросы этногенеза народов среднеазиатского междуречья в свете археологических материалов Согда VII–VIII вв.» ближе к защите была изменена на «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье». В работе рассматривались вопросы этногенеза таджикской народности в контексте согдийско-тюркских этнокультурных взаимоотношений. Предметом исследования в диссертации стали археологические материалы (терракота, оссуарии, нумизматика, росписи) из раскопок Пенджикента на территории Таджикистана и других

известных памятников согдийского времени на территории Самаркандской обл. Узбекистана (Тали-Барзу, Чилек, Кафыр-Кала), а также данные письменных источников об этническом составе населения Средней Азии в VII–VIII вв. Кандидатская диссертация была успешно защищена в декабре 1951 г., основные результаты работы опубликованы в журнале «Советская археология» в 1954 г. (Мандельштам 1954а).

После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации А. М. Мандельштам не был, однако, сразу принят на работу в ЛОИИМК, несмотря на положительные характеристики и рекомендации заведующих ЛОИИМК А. П. Окладникова и М. М. Дьяконова оставить выпускника аспирантуры для работы в ИИМК АН СССР (Там же: л. 33–34). По ходатайству А. Ю. Якубовского на имя вице-президента АН Таджикской ССР акад. Н. В. Смольского в мае 1952 г. А. М. Мандельштам был трудоустроен в должности младшего научного сотрудника в Сектор археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии (далее — ИИАЭ) АН Таджикской ССР с одновременным возложением обязанностей ученого секретаря Согдийско-Таджикской археологической экспедиции и правом, в связи с характером работы, шесть месяцев пребывать в Ленинграде (Там же: л. 12). В ИИАЭ АН Таджикской ССР А. М. Мандельштам работал в течение четырех лет, до 1956 г. В феврале 1956 г. А. М. Мандельштам пишет заявление с просьбой принять его на работу в ЛОИИМК. Благодаря помощи со стороны зам. директора ИИМК АН СССР Е. И. Крупнова, по согласованию с заведующим Сектором археологии Средней Азии и Кавказа М. П. Грязновым и начальником Таджикской археологической экспедиции А. М. Беленицким, в июле 1956 г. А. М. Мандельштам был принят на работу в ЛОИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 410. Л. 10). Более 30 лет научной деятельности А. М. Мандельштама, включая годы обучения в аспирантуре и дальнейшей работы в качестве научного сотрудника, были связаны с Сектором археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР, где он работал до 1983 г.

Полевые экспедиционные исследования 1940–1950-х гг., в которых А. М. Мандельштам принимал участие в годы своего ученичества, а затем возглавлял их в качестве начальника археологических отрядов, были связаны исключительно со Средней Азией, главным образом с Таджикистаном.

Впервые молодой А. М. Мандельштам побывал в Средней Азии в 1940 г. в качестве студента-практиканта, принимая участие в археологических разведках в Самаркандской обл. Узбекистана в составе Зеравшанской экспедиции под руководством научного сотрудника ИИМК АН СССР Г. В. Григорьева. Осенью 1941 г., уже будучи сотрудником Республиканского музея при Таджикском филиале АН СССР, за несколько месяцев до призыва на военную службу, А. М. Мандельштам участвует в археологических раскопках в Гиссаре и разведках по трассе Сталинабад–Курган-Тюбе под руководством В. Р. Чейлытко, который в довоенные годы был одним из немногих археологов, проводивших полевые исследования в Таджикистане.

В 1946 г. в целях реализации систематического, планомерного и комплексного археологического изучения Таджикистана была создана Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция, организованная ИИМК АН СССР, Государственным Эрмитажем и Таджикским филиалом АН СССР под руководством чл.-кор. АН СССР А. Ю. Якубовского. В течение второй половины 1940-х и в 1950-е гг. силами

Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (с 1952 г. — Таджикская археологическая экспедиция — далее ТАЭ) на территории Таджикистана были проведены колоссальные по объему археологические работы, задачей которых было массовое выявление, картографирование и изучение археологических памятников всех культурно-хронологических этапов древней истории Таджикистана — от каменного века до позднего средневековья. Если в 1946 г. (в первый год работы) в составе ТАЭ работали три археологических отряда, то уже в 1950-е гг. число археологических отрядов, работавших в различных районах Таджикистана, ежегодно составляло от пяти до девяти, а количество привлеченных для работы исследователей — археологов, историков, нумизматов, антропологов и других — достигало нескольких десятков человек. В эти годы ТАЭ, возглавляемая корифеями ленинградской школы востоковедения в лице А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова и А. М. Беленицкого, стала своего рода научной площадкой для подготовки новых кадров и практической деятельности молодых археологов и историков, которые специализировались на изучении Средней Азии и Древнего Востока. В различные годы в работе экспедиции, будучи студентами, аспирантами или начинающими специалистами, принимали участие О. Г. Большаков, Е. А. Давидович, Е. В. Зеймаль, Т. И. Зеймаль, Е. Е. Кузьмина, Б. А. Литвинский, В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, В. М. Массон, Н. Н. Негматов, В. А. Ранов, Б. Я. Ставиский и многие другие ученые, которые впоследствии стали ведущими специалистами в области изучения древней истории, археологии, нумизматики и лингвистики Средней Азии и Древнего Востока.

А. М. Мандельштам принимал в работе ТАЭ самое активное участие. Будучи аспирантом ЛОИИМК и подготавливая диссертацию на материалах раскопок Пенджикента, в 1949–1951 гг. А. М. Мандельштам участвовал в качестве лаборанта в работе Пенджикентского отряда, начальником которого был его научный руководитель А. Ю. Якубовский. Начиная с 1952 г. и до последнего своего полевого сезона в Таджикистане в 1959 г., сначала в качестве научного сотрудника ИИАЭ АН Таджикистана и затем ЛОИИМК АН СССР, А. М. Мандельштам ежегодно возглавлял различные археологические отряды ТАЭ, которые под его руководством проводили археологические исследования в северных и южных районах Таджикистана.

В 1952–1953 гг. А. М. Мандельштам руководил работами Верхнезеравшанского отряда, обследуя территорию в долине Нижней Матчи и Верхнего Зеравшана, где были проведены археологические рекогносцировки ряда средневековых памятников, в том числе раскопки согдийской усадьбы Батур-тепе, исследования которой были продолжены А. М. Мандельштамом в 1955 г. в составе Пенджикентского отряда (Мандельштам 1954б; 1956б).

В 1952 г. А. М. Мандельштам принимал участие, а в 1953 г. руководил работами Кафирниганского отряда в Кобаданском оазисе на юге Таджикистана, задача которых заключалась в продолжении изучения памятников раннегородского типа, начатого здесь в 1950 г. М. М. Дьяконовым. В ходе археологических работ в 1952–1953 гг. исследованы городище греко-бактрийского времени Кей-Кобадшах, раннесредневековое городище Мунчак-Тепе, обследованы остатки средневекового городища Кызыл-тепе к северу от Шаартуза, а также выявлены курганные могильники в Бишкентской долине, которые были изучены А. М. Мандельштамом позднее, в 1955–1959 гг. (Мандельштам 1954в; Мандельштам, Певзнер 1958).

В 1954 г. А. М. Мандельштам, возглавляя совместно с Н. Н. Негматовым Кайрак-Кумский отряд, проводил исследования в Ленинабадской обл. Таджикистана, в зоне строительства Кайрак-Кумского водохранилища. В ходе работ на левом и правом берегу Сырдарьи отрядом была обследована обширная территория, подлежащая затоплению, где были изучены остатки поселений XVIII–XIX вв. (Мандельштам, Негматов 1956).

Осенью 1954 г. и весной 1955 г. А. М. Мандельштам руководил работами Каратегинского отряда, специально созданного для обследования археологических памятников малоизученной долины р. Сурхоб на юге Таджикистана. В результате разведочных работ на левом и правом берегах Сурхоба отрядом были выявлены несколько десятков памятников оседлого типа — поселений, городищ и усадеб, в основном позднесредневекового времени, а также обследованы три небольших курганных могильника кочевнического типа, практически полностью разграбленных в древности, где были раскопаны несколько погребений в каменных ящиках (Мандельштам 1956а; 1956в).

В 1955–1959 гг. А. М. Мандельштам руководил работами Кобаданского отряда в маловодной и малонаселенной Бишкентской³ долине, расположенной между хребтами Бабатаг и Аруктау западнее низовьев р. Кафирниган в юго-западной части Таджикистана. Можно без преувеличения сказать, что эти пять лет работ А. М. Мандельштама в Бишкентской долине Таджикистана составляют одну из самых значительных страниц его научной экспедиционной деятельности и являются одним из наиболее существенных вкладов в археологию Средней Азии.

В северной части Бишкентской долины А. М. Мандельштамом были раскопаны три крупных курганных могильника — Аруктауский, Тулхарский и Коккумский, в которых исследованы более 400 захоронений кочевнического типа античного времени, датируемых II в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки этих памятников позволили А. М. Мандельштаму вывести проблему изучения кочевнического населения на территории Бактрии, история которого была известна главным образом по немногочисленным и противоречивым письменным источникам, на новый исследовательский уровень. На материалах раскопок кочевнических памятников Бишкентской долины А. М. Мандельштамом в новом качестве были рассмотрены актуальные проблемы изучения древней истории южных районов Средней Азии — этническая история кочевого населения, происхождение кушан, роль кочевнических племен в крушении Греко-Бактрийского царства, создание Кушанского государства на территории Бактрии и другие вопросы, которые в историографии античного времени Средней Азии входят в круг научных вопросов под общим названием «кушанская проблема». Материалы раскопок курганных могильников раннекочевнического типа Бишкентской долины легли в основу двух монографий (Мандельштам 1966а; 1975), которые до настоящего времени входят в число наиболее авторитетных научных трудов по археологическому изучению кушанской проблематики.

Еще одним важным результатом полевых работ А. М. Мандельштама в Бишкентской долине является открытие и исследование археологических комплексов бронзового века, которые до этого были практически неизвестны на территории Таджикистана. Исследование могильника Ранний Тулхар эпохи поздней

³ Написание соответствует работам А. М. Мандельштама. Современное написание — Бешкент.

бронзы в Бишкентской долине положило начало систематическим археологическим исследованиям памятников бронзового века в Таджикистане, планомерное изучение которых здесь началось только в 1960-е гг. и активно осуществлялось в 1970–1980-е гг.

Отличительной чертой могильника Ранний Тулхар среди других памятников бронзового века Средней Азии является разнообразность и вариативность погребального обряда, особенно в плане погребальных конструкций. А. М. Мандельштам выделил здесь четыре типа могильных сооружений: ямы со спуском, ямы с углублением в южной части, катакомбы, каменные оградки с ямой внутри. Погребенные в могилах лежали скорченно, мужчины — преимущественно на правом, женщины — на левом боку. В ямах с углублением в южной части погребения совершены по обряду трупосожжения. В ямах со спуском имеются своеобразные миниатюрные очаги, в ямах с углублением в южной части на полу выложены каменные свастики. Погребальный инвентарь представлен керамической посудой (лепной и гончарной), а также большим количеством металлических изделий, в числе которых бронзовые ножи, кинжалы, бритвы, тесло, зеркала без ручек, булавки с фигурными навершиями, косметические лопатки и наконечник стрелы. Своеобразие могильника, а также полное отсутствие в те годы известных археологических комплексов аналогичного типа позволили А. М. Мандельштаму отметить существенное отличие погребального обряда могильника Ранний Тулхар от других памятников эпохи бронзы Средней Азии и выделить на основе данных материалов бишкентскую культуру эпохи поздней бронзы Таджикистана. Исследователь датировал могильник серединой — второй половиной II тыс. до н. э. и оставил вопрос о происхождении бишкентской культуры открытым, хотя предположительно связывал ее появление со степными племенами, а этнически причислил носителей бишкентских традиций к индоиранцам. Результаты раскопок археологических комплексов бронзового века в Бишкентской долине были опубликованы А. М. Мандельштамом в монографии, вышедшей в 1968 г. (Мандельштам 1968).

В последующие годы благодаря широко развернутым раскопкам памятников бронзового века в Таджикистане, Южном Узбекистане и Северном Афганистане были выявлены археологические комплексы, исследования которых позволили разработать детальную картину культуuroгенеза в эпоху бронзы на территории Древней Бактрии. В 1960-е гг. в южной части Вахшской долины Таджикистана были исследованы курганные могильники вахшской культуры, во многом схожие по материальной культуре и погребальному обряду с памятниками Бишкентской долины. В 1970–1980-е гг. на территории Южного Узбекистана и Северного Афганистана были открыты новые центры обитания древнеземледельческого населения эпохи поздней бронзы, представленные памятниками сапаллинской и дашлинской культур, родственные в культурном отношении памятникам оседло-земледельческого типа Южного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана. Во II тыс. до н. э. отдельные группы древнеземледельческих племен с территории Северного Афганистана и Южного Узбекистана постепенно осваивают внутренние районы Таджикистана, при этом некоторые из них меняют образ жизни с оседлого на мобильный, а тип хозяйствования — с земледелия на скотоводство. В это же время на территории Таджикистана отмечается распространение племен степной бронзы андроновского типа, которые вступают в активные культурные контакты с местным

оседлым населением. Культурное взаимодействие различных групп населения на территории Таджикистана привело к формированию комплексов смешанного типа, наиболее характерным из которых является могильник Ранний Тулхар в Бишкентской долине, исследованный А. М. Мандельштамом одним из первых в ряду подобных археологических памятников.

Полевые исследования археологических памятников Бишкентской долины, проведенные А. М. Мандельштамом во второй половине 1950-х гг., фактически лежат в основе систематического научного изучения бронзового века Таджикистана и истории раннекочевнического населения на территории Северной Бактрии в античное время.

К сожалению, 1959 г. был последним годом экспедиционных работ А. М. Мандельштама в Таджикистане. После перехода на работу в ЛОИИМК сфера полевых работ А. М. Мандельштама значительно расширяется в связи с научно-исследовательскими задачами Сектора археологии Средней Азии и Кавказа. В 1957–1959 гг. кроме работ в Таджикистане А. М. Мандельштам ведет полевые работы в Сталинградской и Астраханской обл., Актюбинской обл. Казахстана, Иркутской обл. и Бурят-Монгольской АССР.

В 1960–1964 гг. экспедиционная деятельность А. М. Мандельштама была связана с археологическими исследованиями на территории Туркменистана. Полевые работы осуществлялись в рамках научно-исследовательской темы «Скотоводческие племена Западного и Южного Туркменистана и проблема этногенеза туркменского народа», которую в те годы разрабатывал ИИАЭ АН Туркменской ССР, в реализации которой А. М. Мандельштам принял участие в качестве приглашенного специалиста ЛОИА АН СССР. Основная задача этих работ состояла в выявлении и изучении памятников кочевнического населения античного и раннесредневекового времени, исторически связанных с греко-бактрийской, кушанской и парфянской эпохами Северной Бактрии и Северной Парфии.

В 1960 и 1962 гг. А. М. Мандельштам в качестве руководителя Амударьинского отряда проводит археологические работы в Чаршангинском р-не в Юго-Восточном Туркменистане на правом берегу Амударьи. Здесь им был обследован ряд памятников оседлого типа, небольших средневековых крепостей, а также раскопан курганный могильник Бабашов, материалы которого дополнили исследования аналогичных памятников кочевнического типа античного времени Северной Бактрии, раскопанных ранее в Бишкентской долине Таджикистана (Мандельштам 1967а; 1975).

В 1961–1962 гг. А. М. Мандельштам возглавляет полевые работы Копетдаго-Бадхызского отряда, который проводит широкие археологические исследования в южных и северо-западных районах Туркменистана. Отрядом были изучены малоисследованные районы в междуречье Теджена и Мургаба, включая Северный Бадхыз, обследована территория подгорной полосы Копетдага на участке от Кызыл-Арвата до Атрека, где были проведены раскопки памятников кочевого населения Северной Парфии — Мешрепитахтинского могильника в Ходжакалинской долине и Пархайского могильника в Сумбарской долине, а также открыты археологические комплексы срубного типа эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Туркменистане, у северных склонов Больших Балхан — могильники Патма-Сай и Каралемата-Сай (Мандельштам 1963; 1966б).

В 1963–1964 гг. А. М. Мандельштам руководит работами Закаспийского отряда, обследуя территорию севернее песков Чиль-Мамед-Кум, где был выявлен ряд могильников кочевого типа (Гек-Дак, Джанак), а также проводит разведки в подгорной полосе Копетдага на участке от Кызыл-Арвата до Казанджика, где были обнаружены и исследованы могильники Гызылгы-Кум и Парау, содержавшие погребения срубного типа эпохи поздней бронзы, аналогичные исследованным ранее захоронениям у северных склонов Больших Балхан (Мандельштам 1967б).

1964 г. был последним годом экспедиционных археологических работ А. М. Мандельштама в Средней Азии. Начиная с 1965 г. он возглавляет полевые работы II отряда Саяно-Тувинской экспедиции на территории Тувы, где исследует памятники афанасьевского и окуневского типа, а в 1968–1983 гг. проводит раскопки одного из самых значительных памятников скифского и гунно-сарматского времени — могильное поле Аймырлыг. Но это уже другие страницы экспедиционной деятельности в богатой научной биографии Анатолия Максимилиановича.

Интерес А. М. Мандельштама к археологии Средней Азии, связанный с изучением культур степного и кочевнического типа на территории Таджикистана и Туркменистана, всегда оставался первостепенным в его научно-исследовательской работе. В диссертации на соискание степени д-ра ист. наук «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии», которую А. М. Мандельштам защитил в 1973 г., исследователем были систематизированы материалы раскопок, проводимых им в 1950–1960-х гг., и на основе многолетних исследований археологических памятников Таджикистана и Туркменистана рассмотрены различные актуальные проблемы изучения археологических комплексов эпохи бронзы и античного времени южных районов Средней Азии. Научный вклад А. М. Мандельштама в исследования Средней Азии значителен по объему и разносторонен по тематическому содержанию. Из более чем 120 опубликованных работ А. М. Мандельштама почти 90 работ, включая четыре монографии, посвящены изучению различных аспектов древней истории и археологии Средней Азии от эпохи бронзы до средневековья.

Литература и источники

- Мандельштам 1954а — *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. 1954. Т. 20. С. 57–99.
- Мандельштам 1954б — *Мандельштам А. М.* Предварительный отчет о работах Верхнезевранского отряда в 1953 г. // Доклады АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1954. Вып. 11. С. 31–38 (АРТ. Вып. 1).
- Мандельштам 1954в — *Мандельштам А. М.* Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. // Там же. С. 61–68.
- Мандельштам 1956а — *Мандельштам А. М.* Предварительный отчет о работах Каратегинского отряда в 1954 г. // АРТ. 1956. Вып. 2. С. 69–76.
- Мандельштам 1956б — *Мандельштам А. М.* Раскопки на Батур-тепе // АРТ. 1956. Вып. 3. С. 57–60.
- Мандельштам 1956в — *Мандельштам А. М.* О работах Каратегинского отряда в 1955 г. // Там же. С. 87–92.
- Мандельштам 1963 — *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // Известия АН Туркменской ССР. СОН. Ашхабад, 1963. № 2. С. 27–33.

- Мандельштам 1966а — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука, 1966. 232 с. (Тр. ТАЭ ИА АН СССР и ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 5; МИА. № 136).
- Мандельштам 1966б — *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 105–108.
- Мандельштам 1967а — *Мандельштам А. М.* Археологическая разведка в Чаршангинском районе // Известия АН Туркменской ССР. СОН. Ашхабад, 1967. № 1. С. 21–31.
- Мандельштам 1967б — *Мандельштам А. М.* Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 61–65.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники бронзового века в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 184 с. (Тр. ТАЭ ИА АН СССР и ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 6. МИА. № 145).
- Мандельштам 1975 — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. 227 с. (Тр. ТАЭ ИА АН СССР и ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. 7).
- Мандельштам, Негматов 1956 — *Мандельштам А. М., Негматов Н. Н.* Предварительный отчет о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г. // АРТ. Сталинабад, 1956. Вып. 2. С. 43–50.
- Мандельштам, Певзнер 1958 — *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // Тр. ТАЭ ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж. ССР и ГЭ. Т. 3. 1951–1953 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 290–324.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 4. Д. 26 — А. М. Мандельштам. Личное дело аспиранта ЛОИИМК АН СССР; Оп. 5. Д. 410. — А. М. Мандельштам. Личное дело научного сотрудника ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР.

A. M. MANDELSHTAM'S EXPEDITIONS IN CENTRAL ASIA IN 1940–1960s

YU. G. KUTIMOV

Keywords: *A. M. Mandelshtam, research biography, expeditionary activity, Central Asia, Tajikistan, Turkmenistan.*

The paper provides a short research biography of A. M. Mandelshtam (1920–1983), one of the leading authorities in the archaeology of Central Asia, an expert in the study of the steppe and nomadic cultures of Central Asia and South Siberia. Mandelshtam's long and active expeditionary activity in Tajikistan during the 1940–1950s and in Turkmenistan during the first half of the 1960s became the basis for his research and for the study of various important problems in the Bronze Age and Classical Period archaeology of Central Asia.

«СИБИРСКАЯ СКИФИЯ» В ТРУДАХ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ. ЧАСТЬ 1: 1913–1980-Е ГОДЫ¹

А. В. СУББОТИН²

Ключевые слова: *«Сибирская Скифия», западные ученые, историография, публикация материалов и исследований, тагарская культура, научная полемика, рецензии, скифская триада, влияние и заимствование.*

Настоящая статья в общем виде дает представление о наиболее значимых в XX в. научных контактах и дискуссиях между западными и российскими (советскими) археологами об эпохе ранних кочевников: происхождении «звериного стиля», взаимном соотношении и взаимовлиянии культур «Сибирской Скифии», скифов Причерноморья, Монголии и Северного Китая, хронологии и путях распространения этих культур. Если советские ученые хотя бы могли читать работы своих англоязычных и германоязычных коллег, то для большинства западных исследователей языковой барьер оставался непреодолимым препятствием. Большинство авторов обобщающих и популярных работ по «скифам» вынуждены были использовать публикации тех немногих ученых, которые в той или иной степени владели русским языком.

Данная работа представляет собой попытку в какой-то мере восполнить этот пробел в истории изучения археологических культур Южной Сибири и Алтая.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-172-182

Введение

История изучения «сибирских скифов» начинается со второй половины XVII в., со времени формирования знаменитой «Сибирской коллекции» Петра I, содержащей разновременный и, в основном, беспаспортный материал, золотые вещи из грабительских раскопок могильников Южной Сибири.

К археологии Сибири первым из европейских (и русских) историков обратился Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер. Его «История Сибири» так и не издана до сих пор в полном объеме³. В 1750 г. Миллер издал первый том (главы 1–5) своей работы на русском языке под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ В 1937 г. из печати вышел только первый том (Миллер 1937).

державе по сии времена» (Миллер 1750). В 1761 г. в петербургском журнале *Sammlung Russischer Geschichte* были изданы на немецком языке с многочисленными правками и значительными сокращениями главы 1–5, а в 1763 г. — главы 6–9 труда Миллера (Muller 1732–1764).

В Западной Европе открытие сибирских древностей первоначально вообще никакого интереса не вызвало, хотя отдельные вещи «Сибирской Скифии» стали с XVIII в. попадать в европейские коллекции. Систематизация и публикация этих вещей начались только в начале XX в. В археологических работах в Сибири западные исследователи до конца 1980-х гг. участия практически не принимали и вынуждены были строить свои научные теории на основании публикаций российских и советских ученых. Однако им были доступны материалы из Внутренней Монголии (Ордос) и Северо-Западного Китая, откуда происходили многие вещи, имевшие общие черты с вещами из карасукских и тагарских могильников. Правда, все эти артефакты, попадавшие в частные коллекции, были беспаспортными, поскольку происходили из случайных находок или грабительских раскопок.

Среди основных вопросов, которые интересовали западных ученых, было происхождение «звериного стиля», взаимные соотношения и влияние культур «Сибирской Скифии», скифов Причерноморья, Монголии и Северного Китая, хронология и пути распространения этих культур.

Примечательно, что советские исследователи, занимавшиеся археологией Южной Сибири, даже будучи знакомыми с трудами западных коллег (судя по ссылкам), очень редко учитывали их мнение в своих трудах. В таких основополагающих работах, как «Древняя история Южной Сибири» (Киселёв 1951), «Древняя и средневековая история Южной Сибири» (Кызласов 1989), трудах С. И. Руденко, М. П. Грязнова полностью отсутствует историографическая часть — они сразу переходят к историческим фактам, не рассматривая итоги трудов предшественников и при необходимости ограничиваясь лишь ссылками на их работы в примечаниях. Но если советские ученые хотя бы могли читать работы своих англоязычных и германоязычных коллег, то для большинства западных исследователей языковый барьер оставался непреодолимым препятствием. Авторы обобщающих работ по «скифам» вынуждены были использовать публикации тех немногих ученых, которые владели русским языком, что приводило к путанице. Так, например, путешественница и коллекционер Дания Картер в своей книге о «сибирских скифах» утверждала, что открытие этих культур произошло в 1763 г. и что заслуга их изучения принадлежит французским эмигрантам, бежавшим в Россию от революции в конце XVIII в. Из дореволюционных русских ученых она упоминает только Николая Ивановича Веселовского, а среди советских упоминает С. А. Теплоухова (Carter 1957: 50).

Настоящая работа представляет собой попытку в какой-то мере восполнить этот пробел в истории изучения археологических культур Южной Сибири и Алтая.

Труды западных ученых о «Сибирской Скифии»

Первым европейским «скифологом» можно считать британского ученого сэра Эллиса Миннза. Он занимался в основном историей и культурой причерноморских скифов, но некоторое внимание уделил и их сибирским и китайским родственникам. Несомненное влияние на него оказали работы М. И. Ростовцева, однако следует учесть, что к моменту выхода в свет его *Scythians and Greeks* (Minns 1913)

основная работа Ростовцева (1918), посвященная скифам и взаимоотношению родственных им культур, еще не вышла. Миннз касается вопроса о происхождении минусинских и ордосских вещей, их связей с Причерноморьем и Китаем.

Труды Э. Миннза и М. И. Ростовцева вызвали отклик в виде многочисленных рецензий, а также дали толчок к публикации отдельных «скифских» вещей из музейных и частных собраний Европы и Америки, в первую очередь вещей из Монголии и Китая. Среди этих публикаций — статьи Э. Рида (Read 1920 — публикация бронзового сосуда в «скифо-китайском» стиле из коллекции Г. Оппенхайма); Роджера Фрая (Fry 1923), в которой явно под влиянием Ростовцева рассматривается возможность влияния западных скифов на сибирские культуры; австрийского ученого Геро фон Мерхарта (Merhart 1926), в свою очередь искавшего восточные корни сибирских культур и отрицавшего возможность влияния на них европейских скифов.

Развитию интереса к «скифским древностям» способствовала публикация на немецком языке в Берлине в 1926 г. богато иллюстрированной книги Григория Иосифовича Боровки, сотрудника Государственного Эрмитажа и хранителя скифской коллекции (Boroffka 1926). Книга была переведена Г. Чайлдом на английский язык, отправлена переводчиком в Лондон (Borovka 1928) и Нью-Йорк, издана в этих двух городах, причем в Америке она увидела свет под авторством не только Боровки, но и Чайлда (Borovka, Child 1928). Она породила многочисленные рецензии (Harcourt-Smith 1928; Childe 1930; Salmony 1932).

Фактически ответом на нее стал труд М. И. Ростовцева, в то время уже работавшего в США, о скифском «зверином стиле», охватывающий не только культуру причерноморских скифов, но и культуры Южной Сибири и Северного Китая (Rostovtseff 1929).

М. И. Ростовцев продолжает развивать свои идеи в переработанном варианте книги 1925 г. «Скифия и Боспор» (Ростовцев 1925), вышедшем в Германии (Rostowzew 1931). В этих трудах он отстаивает центральноазиатское происхождение «звериного стиля».

К числу появившихся в это же время значимых публикаций, испытавших влияние Г. И. Боровки и М. И. Ростовцева, следует отнести статью Рейнальда Смита, посвященную сибирским вещам (тагарская культура) из Британского музея (Smith 1929) и статью Маркиты Виллард о собранной в Ордосе коллекции Герберта Миллера (Берлин) (Villard 1931). Вещи из коллекции Г. Миллера были выставлены в галерее Герберта Дивайна в США.

Примечательна также появившаяся в 1930 г. обзорная работа Альфреда Салмони и Дэвида Беренберга (Salmony, Berenberg 1930), посвященная историческим и краеведческим музеям Урала, Сибири и Дальнего Востока. Она не содержит рассуждений о происхождении «звериного стиля», но дает достаточно подробный обзор археологических коллекций музеев Перми, Свердловска, Новосибирска, Омска, томских музеев (университетский и краеведческий), а также коллекций вещей «сибирского звериного стиля» из Семипалатинска, Минусинска, Красноярска, Ачинска и Канска, Иркутска, Читы. Заканчивается обзор музеями Хабаровска и Владивостока. А. Салмони занимался также историей «Сибирской коллекции» Петра I, пытаясь выделить в ней отдельные хронологические группы, но не успел завершить свой труд.

Новую волну дискуссии о происхождении «звериного стиля» породила работа Ю. Н. Периха *The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet* (Roerich 1930). На русском языке она была издана Международным центром Перихов только в 1992 г. Рецензия на эту работу была написана Е. Голомштоком (Golomshtok 1933).

Центральноазиатская родина «звериного стиля», постулированная М. И. Ростовцевым, сместилась у Ю. Н. Периха к югу, в сторону Тибета. Идеи М. И. Ростовцева и Ю. Н. Периха оказали влияние и на финского ученого А. М. Талльгрена, специалиста по бронзовому и раннему железному веку Восточной Европы, который неоднократно участвовал в археологических раскопках в различных районах России. А. М. Талльгрэн считал родиной «звериного стиля» регион между Арменией и Ферганой. Впрочем, допускал он и возможность западного влияния (Tallgren 1933). Того же мнения придерживался и польский ученый Йозеф Стржиговский (Strzygowski 1936), отметивший влияние «сибирских скифов» на искусство кельтов Западной Европы. В противовес им Карл Шефолд (Schefold 1938) и Рене Груссе (Grousset 1939) отстаивали западное происхождение всех «скифских» культур и «звериного стиля». Отдельные вопросы, такие как «ордосский звериный стиль», рассматривались в работах Виктора Гриссмайера (Griessmaier 1937).

Следует отметить, что с 1930-х гг. западные ученые не только просматривали советскую археологическую литературу, но и посещали СССР, знакомились с исследователями и музейными коллекциями. Помимо упомянутых уже А. Салмони и Д. Беренберга, написавших очерк о сибирских музеях, нашу страну регулярно посещали американские исследователи Генри Филд и Юджин Простов, авторы целого ряда обзорных статей о достижениях советской археологии (Field, Proston 1936; 1937; 1938; 1942; Field 1946). В их работах упоминаются раскопки Ойратских курганов, работы над Ноин-Улинскими материалами, Алтайская экспедиция С. В. Киселёва, новостроечные раскопки на Алтае, Пазырыкские могильники, раскопки С. В. Киселёва в Хакасии, андроновская, карасукская и тагарская культуры, Алтайская экспедиция М. П. Грязнова. Филд и Простов получали солидные гранты, достаточные для путешествия по нашей стране в течение полугода. Работа эта считалась столь важной, что их турне продолжались даже в годы Великой Отечественной войны. Особой научной глубины в их отчетах искать не следует. Сейчас трудно сказать, были ли они удачливыми охотниками за грантами или первыми «советологами», попытавшимися подойти к проблеме изучения СССР со стороны археологии, — традиционный способ прикрытия для разведки и спецслужб. Во время войны появились еще несколько обзорных работ, подводивших итоги достижений советских археологов, в их числе статьи стихийного марксиста от археологии Гордона Чайльда (Childe 1943) и Стивена Льюса (Luce 1944), в которых определенное внимание уделяется и культурам «сибирских скифов». Возможным влияниям сибирских культур на архаический Северный Китай посвятил одну из своих статей известный шведский синолог Бернхард Карлгрэн (Karlgrén 1945).

Среди послевоенных работ о «сибирских скифах» следует отметить статьи Макса Лоэра, сотрудника Мюнхенского музея, пережившего всю Вторую мировую войну в Пекине (Loehr 1949a; 1949b; 1955). В 1949 г. он вернулся в *Museum für Völkerkunde* в Мюнхен, а два года спустя перебрался в США. Его интересовала хронология, в разработках которой в целом он опирался на хронологию С. А. Теплоухова, связь между минусинскими, алтайскими, ордосскими и северокитайскими (аньянскими)

вещами. Публикуя коллекции Б. Карлгрена, он вступил в полемику со шведским синологом. Б. Карлгрен считал, что карасукский период в истории Южной Сибири и Северного Китая следует позже аньянского периода, после 1000 г. до н. э. По мнению М. Лоэра, присутствие голов оленей, лошадей и ослов в орнаментике Аньяна указывает на связи с севером и со степью. Влияния китайского шаньского искусства на сибирских скифов он не прослеживает. Компоненты «звериного стиля» в Аньяне, по его мнению, происходят из Сибири. У Б. Карлгрена все наоборот — «звериный стиль» из Китая проникает в Сибирь и далее в Скифию. К концу 1940-х — началу 1950-х гг. относятся первые работы о культурах Евразии, в частности, о карасукской культуре Карла Йеттмара (Jettmar 1950).

Нельзя не остановиться на полемике по поводу знаменитых находок в Зивие. Так Р. М. Гиршман, посвятивший данной теме не одно свое научное произведение, различает в составе клада из Зивие вещи ассирийского, маннейского и скифского типов, особо выделяя произведения, в которых сочетаются ассирийские и скифские формы, подобно тому как они соединены в вещах из Келермесских курганов. Исследователь датирует большую часть второй четвертью VII в. до н. э. (681–668 гг. до н. э.) (Ghirshman 1950).

Другие специалисты придерживаются несколько иных взглядов на проблему датировки вещей из Зивие. Ричард Дэвид Барнетт методично омолаживал дату памятника. Автор утверждал, что находки в Зивие не были зарытым кладом, а представляли собой инвентарь богатейшего погребения, относящегося к рубежу VII–VI вв. до н. э., то есть к тому же времени, что и древнейшие памятники скифской культуры в Северном Причерноморье (Barnett 1957). В конце своей жизни примерно к этой же дате стал склоняться и Р. М. Гиршман (Ghirshman 1979).

Вышедшая в 1951 г. «Древняя история Южной Сибири» С. В. Киселёва вновь подогрела интерес западных ученых к «сибирским скифам». На этот труд были написаны многочисленные рецензии (Ghirshman 1951; Rubin 1954 и др.). Своеобразным ответом на книгу С. В. Киселёва стали работы Ричарда Бэрдсли (Beardsley 1953), Франца Ханчара (Hančar 1952), Т. Тальбот-Райс (Talbot-Rice 1957), Э. Филлипса (Phillips 1957).

Франц Ханчар рассматривает влияние незадолго до этого открытого алтайского комплекса из пяти курганов Пазырык на понимание скифского искусства в целом. По его мнению, хронологические построения С. В. Киселёва и его широкий охват материала выходят за рамки относительных хронологий С. А. Теплоухова, С. И. Руденко и М. П. Грязнова. После карасукской фазы алтайский комплекс (700–100 гг. до н. э.) развивается независимо от енисейских культур и позднее соприкасается с гуннами (хунну, или сюнну), культура которых известна нам по могильнику Ноин-Ула в Северной Монголии (Руденко 1962). Его истоки — андроновские стелы и карасукские бронзы, где уже прослеживается «звериный стиль». Ряд мотивов связывает саяно-алтайскую культуру с тагарской, от которой она отделилась около 700 г. до н. э. Алтайцы — пастухи-кочевники, в отличие от земледельцев тагарцев. Главное отличие от Европейской Скифии Ф. Ханчар видит в отсутствии человеческих изображений. Это, по его мнению, уже классовое общество, но еще не монархия.

Р. Бэрдсли, также не чуждый социологии, в упоминавшейся выше работе вводит свой термин — пасторальный номадизм — и рассматривает его как социально-

экономическую формацию, которая возникает только в связи с приручением лошади и освоением верховой езды, что позволяет быстро перемещаться для более полного освоения ресурсов. Около 1400 г. до н. э. распространяется верховая езда, около 1000 г. до н. э. — новый образ жизни, в который втягиваются и соседние земледельцы, охотники и собиратели. Он приводит примеры, когда такое кочевое общество существует в симбиозе с оседлыми аграрными культурами, получая от них зерно и ремесленную продукцию в обмен на мясо, молоко, шерсть. Примеры монокультур (северный олень) и культур смешанного типа (лошадь, верблюд, крупный и мелкий рогатый скот), позволяющих более эффективно использовать ресурсы. Один из примеров, когда кочевая верхушка силой накладывается на аграрный базис, — ранняя Япония, куда пришли завоеватели, «скифы» с материка, и покорили местных рисоводов (Коваленко 2004).

Т. Тальбот-Райс и Э. Филлипс — авторы популярных обзорных работ о «скифских» культурах Центральной Азии, во многом основанных на материалах книги С. В. Киселёва.

Примечательно, что появившаяся по следам упомянутой ранее книги популярная работа Даны Картер (Carter 1957) тоже породила большое количество откликов (Burgess 1958; Cammann 1958; Bee 1958; Thomas 1958). Ценность книги сводится лишь к тому, что в ней воспроизведены некоторые вещи из коллекции Д. Картер, собранные автором во время ее путешествий. Книга в целом производит впечатление работы, автор которой совершенно не владеет материалом, однако, за редким исключением, рецензенты ее хвалят. Более или менее адекватно оценил ее в своем отзыве в журнале Американского общества востоковедов в 1957 г. один лишь О. Менчен-Хелфен, отметивший полное невежество автора (Maenchen-Helfen 1957).

Наряду с подобными общими, в целом вторичными и не всегда качественными публикациями выходили и более серьезные работы, посвященные частным вопросам. Среди них статья Гитти Азарпай о происхождении некоторых мотивов в искусстве Пазырыкской (саяно-алтайской) культуры и об уточнении ее хронологии (Azarpay 1959). Г. Азарпай привлекает для датировки аналогии из западного греческого и греко-скифского искусства: орнаменту, пальметки, изображения грифонов, которые перекликаются с греческими грифонами IV в. до н. э. По ее мнению, сцены борьбы животных заимствованы из искусства Переднего Востока и не являются исконным скифским сюжетом. На культуру Алтая оказало влияние ахеменидское провинциальное искусство, более свободное, нежели монументальное искусство Персеполя. Все эти процессы не могли происходить позже последней четверти IV в. до н. э., когда завоевания Александра оборвали связи между восточными скифами и ахеменидским Ираном.

В 1960 г. вышло второе американское издание книги Григория Боровки в переводе Гордона Чайльда (Vorovka 1960), которое снова удостоилось хвалебных рецензий (Porre 1962). Наконец, в 1967 г. увидело свет еще одно (если считать от 1926 г. — уже пятое) репринтное американское издание книги Григория Боровки в переводе Гордона Чайльда (Vorovka 1967).

Труд профессора Альфреда Салмони по истории коллекции Петра I был продолжен его учеником Джоном Хаскинсом (Haskins 1959), а в более позднее время — К. Гетси (Gatsie 1975).

Последующие десятилетия породили несколько общих популярных обзорных работ, целиком основанных на результатах исследований С. В. Киселёва, С. И. Руденко, М. П. Грязнова и не содержащих ничего принципиально нового, а также узко специализированных исследований, касающихся либо хронологии, либо химического состава металла сибирских бронз (Jettmar 1971; Samolin 1965), анализа бляшек (Samolin, Drew 1965), анализа тканей из Пазырыка (Böhmer, Thompson 1991), палеоантропологии Сибири (Chard 1962).

К общим работам относится и популярная книга Э. Филлипса (Phillips 1965), а также несколько работ К. Йетмара (Jettmar 1967; 1969; 1972).

К историческим курьезам следует отнести статью Энн Фаркас (Farkas 1977) о происхождении «звериного стиля», в которой она критикует теорию Е. Е. Кузьминой (1977: 2002), связывавшей «сцены терзания» с иранской мифологией. По мнению автора, для понимания смысла сцен терзания гораздо больше могут дать «натурные наблюдения» за поведением хищных и травоядных животных в степи. Автор не раскрывает методы наблюдения за мифическими животными, такими, например, как грифоны, составляющими значительный процент образов скифского «звериного стиля».

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что западные ученые в своих изысканиях в большинстве случаев зависели от археологических материалов, полученных советскими исследователями, и вместе с этими материалами заимствовали и многие их выводы. Во многих работах прослеживается еще одна постоянная зависимость, восходящая к той оценке, которую давали «варварам-скифам» античные авторы, начиная с Геродота, и которая распространялась на все соседние народы, хоть чем-то схожие с причерноморскими скифами.

Античные авторы называли этих «скифов» кочевниками (νομάδας — Страбон. География, 11.IX.2), повторяя известную ошибку Геродота (История, I,15; IV,2), считавшего кочевниками европейских скифов на том лишь основании, что греки чаще сталкивались с конной гвардией скифских царей, чем с теми земледельцами, которые с IV в. до н. э. обеспечивали пшеницей всю Грецию, или с ремесленниками, ковавшими броню для скифской тяжелой конницы. Действительно, довольно трудно представить себе кочевое земледелие или кочевую металлургию. К тому же археологические данные свидетельствуют о большом количестве долговременных поселений как на территории европейской Скифии, так и в бассейне Окса и Яксарта (Амударьи и Сырдарьи), населенных азиатскими «скифами» (саками, массагетами, дахами). Стационарные поселения и металлургические комплексы найдены и в Южной Сибири. Многие из этих поселений, в их числе крупные укрепленные города, ко времени Геродота существовали уже не одну сотню лет. Современные исследователи склонны рассматривать Среднюю Азию в древности как место обитания преимущественно оседлого земледельческого населения, взаимодействовавшего с кочевыми народами путем взаимовыгодного обмена продуктов земледелия и ремесла на продукты скотоводства (Гафуров 1973: 64–95). Так или иначе, но у нас нет оснований считать все народы, использовавшие кавалерию, тяжелую или легкую, в качестве ударной силы своих армий, непременно номадами.

Литература

- Гафуров 1973 — *Гафуров. Б. А.* Таджики. М.: Наука, 1973. 664 с.
- Геродот. История — Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 599 с.
- Киселёв 1951 — *Киселёв. С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Коваленко 2004 — *Коваленко А. А.* Место и роль переселенцев периодов Яёй и Кофун в формировании японского этноса в работах японских исследователей второй половины XX в. // Восточный мир. 2004. № 1. С. 80–85.
- Кузьмина 1977 — *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Кузьмина 2002 — *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). М.: Российский институт культурологии, 2002. 286 с.
- Кызласов 1989 — *Кызласов Л. Р.* Древняя и средневековая история Южной Сибири. Абакан: Хакаское отд. Красноярского книжного изд-ва, 1991. 56 с.
- Миллер 1750 — *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. 510 с.
- Миллер 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
- Ростовцев 1918 — *Ростовцев М. И.* Эллины и иранцы на юге России. Петроград: Огни, 1918. VIII. 190 с.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925. 621 с.
- Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.
- Страбон. География в 17 кн. М.: Ладомир, 1994. 943 с.
- Azarpay 1959 — *Azarpay G.* Some Classical and Near Eastern Motifs in the Art of Pazyryk // Art. A, 1959. Vol. 22, no. 4, P. 313–339.
- Barnett 1957 — *Barnett R. D.* A Catalogue of The Nimrud ivories with other examples of ancient Near Eastern ivories in the British Museum. London: British Museum, 1957. 252 p.
- Beardsley 1953 — *Beardsley R. K.* Hypotheses on Inner Asian Pastoral Nomadism and Its Culture Area // Memoirs of the Society for American Archaeology. 1953. Vol. 9 (Asia and North America: Transpacific Contacts). P. 24–28.
- Bee 1958 — *Bee P. J.* The Symbol of the Beast: The Animal-Style Art of Eurasia by Dagny Carter // Man. (Dec., 1958). Vol. 58. P. 196.
- Boroffka 1926 — *Boroffka G.* Der Skythische Tierstil // Archäologischer Anzeiger, 1926. 3/4. P. 369–386.
- Borovka 1928 — *Borovka G.* Scythian Art. / Translated by V. G. Childe. London: Ernest Benn, 1928. 111 p. .
- Borovka, Child 1928 — *Borovka G., Child G.* Scythian Art. New York: Frederick A. Stokes Co., 1928. 111 p.
- Borovka 1960 — *Borovka G.* Scythian Art. New York: Paragon Book Gallery, 1960. 111 p. (Kai Khosru Monographs on Eastern Art).
- Borovka 1967 — *Borovka G.* Scythian art (an unaltered and unabridged reprint of the work first publ. in London 1928). New York: Frederick A. Stokes Co.; Paragon, 1967. 111 p.
- Böhmer, Thompson 1991 — *Böhmer H., Thompson J.* The Pazyryk Carpet: a Technical Discussion // Notes in the History of Art. (Summer 1991). Vol. 10, no. 4. P. 30–36.

- Burgess 1958 — *Burgess M.* The Symbol of the Beast: The Animal Art Style of Eurasia by Dagny Carter // *The Slavonic and East European Review.* (Jun., 1958). Vol. 36, no. 87. P. 558–562.
- Cammann 1958 — *Cammann S.* The Symbol of the Beast: The Animal-Style Art of Eurasia by Dagny Carter // *The Journal of Asian Studies.* (Feb., 1958). Vol. 17, no. 2. P. 232–239.
- Carter 1957 — *Carter D.* The Symbol of the Beast. The Animal-Style Art of Eurasia. New York: Ronald Press Company, 1957. 204 p.
- Chard 1962 — *Chard C. S.* Russian Source Materials for the Racial History of Northern Eurasia // *Arctic Anthropology.* 1962. Vol. 1, no. 1. P. 117–125.
- Childe 1930 — *Childe V. G.* Scythian Art by Gregory Borovka // *Man.* Jun., 1930. Vol. 30. P. 110–111.
- Childe 1943 — *Childe V. G.* Archaeology in the U.S.S.R. the Forest Zone // *Man.* Jan.–Feb., 1943. Vol. 43. P. 4–9.
- Farkas 1977 — *Farkas A.* Interpreting Scythian Art: East vs. West // *Art. A.* 1977. Vol. 39, no. 2. P. 124–138.
- Field 1946 — *Field H.* Anthropology in the Soviet Union, 1945 // *AA. NS.* Jul.–Sep., 1946. Vol. 48, no. 3. P. 375–396.
- Field, Prostov 1936 — *Field H., Prostov E.* Recent Archaeological Investigations in the Soviet Union // *AA. NS.* Apr.–Jun., 1936. Vol. 38, no. 2. P. 260–290.
- Field, Prostov 1937 — *Field H., Prostov E.* Archaeology in the Soviet Union // *AA. NS.* Jul.–Sep., 1937. Vol. 39, no. 3, pt. 1. P. 457–490.
- Field, Prostov 1938 — *Field H., Prostov E.* Archaeology in the U.S.S.R. // *AA. NS.* Oct.–Dec., 1938. Vol. 40, no. 4, pt. 1. P. 653–679.
- Field, Prostov 1942 — *Field H., Prostov E.* Results of Soviet Investigations in Siberia, 1940–1941 // *AA. NS.* Jul.–Sep., 1942. Vol. 44, no. 3. P. 388–406.
- Fry 1923 — *Fry R.* Scythian Art // *The Burlington Magazine for Connoisseurs.* May, 1923. Vol. 42, no. 242. P. 216–222.
- Gatsie 1975 — *Gatsie C.* «Siberian» Gold Collected by Peter the Great: The Gagarin Gift // *Art. A.* 1975. Vol. 37, no. 3. P. 209–228.
- Chirshman 1950 — *Chirshman R.* Le trésor de Sakkes. Les origines de l'art Mède et les bronzes du Luristan // *Art. A.* 1950. Vol. 13, no. 3. P. 181–206.
- Ghirshman 1951 — *Ghirshman R.* Histoire Ancienne de la Sibérie du Sud. Matériaux et recherches archéologiques en U.R.S.S. // *Art. A.* 1951. Vol. 14, no. 1/2. P. 169–189.
- Ghirshman 1979 — *Ghirshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythe. Paris: Société iranienne pour la Conservation du Patrimoine National, 1979. 49 p.
- Golomshtok 1933 — *Golomshtok E. A.* The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet by G. N. Roerich // *Journal of the American Oriental Society.* Mar., 1933. Vol. 53, no. 1. P. 89–91.
- Griessmaier 1937 — *Griessmaier V.* Entwicklungsfragen der Ordos-Kunst // *Art. A.* 1937. Vol. 7, no. 1/4. P. 122–157.
- Grousset 1939 — *Grousset R.* L'Empire des Steppes. Paris: Payot, 1939. 620 p.
- Hančar 1952 — *Hančar F.* The Eurasian Animal Style and the Altai Complex // *Art. A.* 1952. Vol. 15, no. 1/2. P. 171–194.
- Harcourt-Smith 1928 — *Harcourt-Smith S. P.* Scythian Art by Gregory Borovka // *Babylonian Art. The Burlington Magazine for Connoisseurs.* Oct., 1928. Vol. 53, no. 307. P. 205.
- Haskins 1959 — *Haskins J. F.* Sarmatian Gold Collected by Peter the Great: — VII; The Demidov Gift and Conclusions // *Art. A.* 1959. Vol. 22, no. 1/2. P. 64–78.

- Jettmar 1950 — *Jettmar K.* The Karasuk Culture and its South Eastern Affinities // Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1950. No. 22. P. 83–126.
- Jettmar 1967 — *Jettmar K.* Art of the Steppes. New York: Greystone Press, 1967. 272 p.
- Jettmar 1969 — *Jettmar K.* Die zentralasiatische Entstehung des Tierstils // Beitrtrtge zur Allgemein und ergleichenden Archeologie. München: Beck, 1979. Bd. 1. P. 145–158.
- Jettmar 1971 — *Jettmar K.* Metallurgy in the Early Steppes // Art. A. 1971. Vol. 33, no. 1/2. P. 5–16.
- Jettmar 1972 — *Jettmar K.* Review: *Bunker E. C., Chatwin C. B., Farkas A. R.* “Animal Style”. Art from East to West // Art. A. 1972. Vol. 34, no. 2/3. P. 256–258.
- Karlgren 1945 — *Karlgren B.* Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty // BMFEA. 1945. 17. P. 101–144.
- Loehr 1949a — *Loehr M.* Ordos Daggers and Knives. New Material, Classification and Chronology. First Part: Daggers // Art. A. 1949. Vol. 12, no. 1/2. P. 23–83.
- Loehr 1949b — *Loehr M.* Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies // American Journal of Archaeology. Apr.–Jun., 1949. Vol. 53, no. 2. P. 126–144.
- Loehr 1955 — *Loehr M.* The Stag Image in Scythia and the Far East // Archives of the Chinese Art Society of America. 1955. Vol. 9. P. 63–76.
- Luce 1944 — *Luce S. B.* Archaeological News and Discussions // American Journal of Archaeology. Jul.–Sep. 1944. Vol. 48, no. 3. P. 274–302.
- Maenchen-Helfen 1957 — *Maenchen-Helfen O. J.* The Symbol of the Beast. The Animal-Style Art of Eurasia by Dagny Carter // Journal of the American Oriental Society. Oct.–Dec., 1957. Vol. 77, no. 4. P. 288.
- Merhart 1926 — *von Merhart G.* Bronzezeit am Jenissei, Wien: Anton Schroll & Co., 1926. P. 130–134.
- Minns 1913 — *Minns Ellis H.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 720 p.
- Muller 1732–1764 — *Muller G. F.* Summlung russischer Geschichte. St. Peterburg, 1732–1764.
- Phillips 1957 — *Phillips E. D.* New Light on the Ancient History of the Eurasian Steppe // American Journal of Archaeology. Jul., 1957. Vol. 61, no. 3. P. 269–280.
- Phillips 1965 — *Phillips E. D.* The Royal Hordes: Nomad Peoples of the Steppes. New York: McGraw-Hill Book Company, 1965. 144 p. (Library of the Early Civilizations).
- Poppe 1962 — *Poppe N.* Scythian Art. By Gregory Borovka. Kai Khrosru Monograph on Eastern Art. Paragon book Gallery. 1960. 111 p. // The Journal of Asian Studies. May 1962. Vol. 21, is. 3. P. 402.
- Read 1920 — *Read C. H.* A Chinese Bronze with Scythian // Affinities. Man. Jan., 1920. Vol. 20. P. 1–3.
- Roerich 1930 — *Roerich G. N.* The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet. Prague, 1930. 42 p. (Seminarium Kondakovianum).
- Rostovtseff 1929 — *Rostovtseff M. I.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton: Princeton university press, 1929. 112 p.
- Rostowzew 1931 — *Rostowzew M. I.* Skythien und der Bosphorus. Berlin: Schoetz, 1931. XI. 651 S.
- Rubin 1954 — *Rubin B.* Das Neue Bild der Geschichte Eurasiens. Geschichte Südsibiriens im Altertum by S. V. Kiselev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1954. Bd. 2, h. 1. S. 89–120.
- Salmony 1932 — *Salmony A.* Scythian Art by Gregory Borovka // Art. A. 1930–1932. Vol. 4, no. 2/3. P. 173–174.

- Salmony, Berenberg 1930 — *Salmony A., Berenberg D. P.* The Museums of Siberia // Parnassus. Feb., 1930. Vol. 2, no. 2. P. 14–16.
- Samolin 1965 — *Samolin W.* Technical Studies of Chinese and Eurasian Archeological Objects // Technology and Culture. Spring, 1965. Vol. 6, no. 2. P. 249–255.
- Samolin, Drew 1965 — *Samolin W., Drew I. M.* Eurasian Animal Style Plaques I // Monumenta Serica. 1965. Vol. 24. P. 170–183.
- Schefold 1938 — *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Sud Russland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1938. 12. S. 1–78.
- Smith 1929 — *Smith R. A.* Scythian Bronzes // The British Museum Quarterly. Mar., 1929. Vol. 3, no. 4. P. 97–99.
- Strzygowski 1936 — *Strzygowski J.* Amerasiatic and Indogermanic Art // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Jan., 1936. Vol. 68, no. 394. P. 46–51.
- Talbot-Rice 1957 — *Talbot-Rice T.* Die Skythen. Ein Steppenvolk an der Zeitenwende. Köln: Du Mont Schauberg, 1957. 262 S.
- Tallgren 1933 — *Tallgren A. M.* Zum Ursprungs gebiet des sog. skythischen Tierstils // Acta Archaeologica. 1933. 4. P. 258–264.
- Thomas 1958 — *Thomas H. L.* The Symbol of the Beast: The Animal-Style Art of Eurasia by Dagny Carter // College Art Journal. Spring, 1958. Vol. 17, no. 3. P. 327–328.
- Villard 1931 — *Villard M.* The Scythian Animal Style // Parnassus. May, 1931. Vol. 3, no. 5. P. 31–32.

**“SIBERIAN SCYTHIA” IN THE WORKS OF WESTERN SCHOLARS.
PART 1. 1913–1980s**

A. V. SUBBOTIN

Keywords: *“Siberian Scythia”, Western scientists, historiography, publication of materials and researches, Tagar culture, scientific polemics, reviews, Scythian triad, influence and borrowing.*

This article gives a general idea of the most significant scientific contacts and discussions between Western and Russian (Soviet) archaeologists about the era of early nomads: the origin of the “animal style”, the balance and interaction between the Scythian cultures of Siberia, Greater Black Sea area, Mongolia and Northern China, the chronology and ways of spreading of these cultures. Whereas Soviet scholars could at least read the works of their English-speaking and German-speaking colleagues, for most Western researchers the language barrier remained an insurmountable obstacle. Most authors of generalizing and popular works on “Scythias” had to use the publications of those few scientists who somehow knew the Russian language. This work is an attempt to fill to some extent this gap in the history of the study of archaeological cultures of Southern Siberia and Altai.

О НАУЧНОЙ ПОЕЗДКЕ А. Н. КАРАСЁВА НА КАВКАЗ В 1933 ГОДУ¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: история науки, Таманская экспедиция, А. А. Миллер.

Из материалов Научного архива ИИМК РАН известно, что А. Н. Карасёв осенью 1933 г. совершил поездку на Кавказ, посетил Сухуми, Батуми, Тбилиси, осмотрел музейные собрания и некоторые археологические памятники. Поездка была осуществлена по научной теме «Античная колонизация Кавказа». Есть основания считать, что она стала последним проявлением того грандиозного проекта, который вынашивал А. А. Миллер в рамках Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.).

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-183-186

В Научном архиве ИИМК РАН содержится немало документов, которые совершенно неизвестны современным археологам, они порой позволяют открыть новые страницы в деятельности самых знаменитых наших ученых. Так, вряд ли кто знает, что А. Н. Карасёв серьезно интересовался археологией Кавказа. Всем прекрасно известно, что Александр Николаевич был великолепным исследователем Ольвии, некоторые добавляют, что он провел масштабные раскопки на городище «Чайка» в Западном Крыму, другие припомнят о его исследованиях на памятниках Боспора, в Неаполе Скифском, Эски Кермене и т. д. ([Некролог] 1975; Виноградов 2009: 16, 20, 25; 2013: 166–167, 169, 174–175).

Из документов, подшитых в папку «Отчеты секторов и научно-вспомогательных учреждений о работе за 1933 год», мы узнаем, что А. Н. Карасёв тогда работал сразу по двум научным темам: 1) «Античная колонизация Кавказа»; 2) «Слоевые субструкции Ольвии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 12. Л. 253). Со второй темой все вполне понятно, слоевые субструкции — важная особенность ольвийского строительного дела, чему Александр Николаевич уделял самое серьезное внимание. Чем же объясняется его интерес к Кавказу? Для ответа на этот вопрос приведем сначала текст отчета, в котором дана информация по этому вопросу.

«Первая тема по своему объему, по количеству проблем, трудности их разрешения и скудности и противоречивости древних авторов, малой разработанности вопроса у современных исследователей, полного отсутствия раскопок на Кавказе

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00180 А «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

требует большой предварительной работы по собиранию вещественных памятников и литературных источников. Вся работа рассчитана на 3–4 года. Приступая к кавказскому материалу впервые, я начал ознакомление с археологической, исторической и географической литературой по Кавказу, поставив своей целью, по согласованию с Сектором, на первый год — историю изучения Кавказа.

Первую половину 1933 г., до первых чисел мая я работал только по первой теме. Мною прочитано около 50 отдельных названий, просмотрена почти вся кавказская периодика, составлена рабочая картотека, около 300 карточек, начал составление археологической карты Закавказья. 29 апреля делал отчет о моей работе на заседании Сектора. С первых чисел мая до 19 мая работал по устройству выставки к пленуму. С 20 мая до первых чисел июля лежал в больнице и дома после перелома ноги. С 8 июля по 15 сентября участвовал по поручению президиума Академии в работах Эски-Керменской экспедиции, полностью выполнив возложенные на меня обязанности. Находясь в тяжелых условиях для ноги в экспедиции, получил осложнение и вынужден был уехать на лечение в Евпаторийскую санаторию, где пробыл до 22 октября. 22 октября выехал в командировку на Кавказ в связи с моей работой по античной колонизации Кавказа в Сухум. В Сухуме работал в Абхазском музее краеведения над античным материалом, осмотрел старую крепость. Состояние ноги и дождливая погода лишили возможности осмотреть материалы в окрестностях. Архивного материала в Сухуме не оказалось. В Батуме ни археологического, ни архивного материала по моей теме совершенно нет. В Батуме установил связь с местными работниками. Из Батума я выехал в Тифлис, где пробыл до 12 ноября, работал в Музее Грузии. В музее много очень интересного для моей темы материала. Просмотрел всю фототеку Музея. Ездил в Мцхет на осмотр места раскопок <...> каменных ящиков около Самтавро. Поездка на Кавказ дала мне чрезвычайно много: знакомство с материалом музеев, знакомство с местностью, правда, очень поверхностное, с небольшим охватом, установление связей с местными работниками, и <после этого> стало ясным дальнейшее направление работы, убедился в неотлагательной необходимости заниматься и уделить большее внимание этому району, важному и богатому содержанием в историческом отношении, в большинстве не затронутом античной археологией. Со стороны местных работников я встретил большую заинтересованность, всяческое содействие и обещание соучастия в дальнейшей работе» (Там же. Л. 253–255).

Краткий отчет, к сожалению, содержит мало конкретной информации о состоянии античной археологии Кавказа в 1930-е гг. По сути ее просто не существовало. Тем не менее отчет А. Н. Карасёва по-своему любопытен. Прежде всего он заставляет поставить вопрос — что же подтолкнуло специалиста, хорошо зарекомендовавшего себя при раскопках Ольвии, отправиться в столь далекий от нее и столь специфичный район? Ответ на этот вопрос, возможно, кроется в том, что незадолго до этой поездки Александр Николаевич принимал участие в археологических исследованиях на Таманском п-ове, то есть на территории, непосредственно прилегающей к Кавказу.

Хорошо известно, что в 1930 г. была создана Таманская экспедиция ГАИМК, во главе которой встал А. А. Миллер, имевший огромный опыт проведения масштабных археологических работ и в то время руководивший Северо-Кавказской

экспедицией ГАИМК (о нем см.: Алёшкин 2015). И хотя экспедиция проработала не очень долго, по сути прекратив свое существование в 1931 г. (Миллер 1931; 1932а; 1932б), с позиции современной науки результаты исследований, предпринятых под руководством А. А. Миллера на Тамани, представляются весьма успешными. Археологическими разведками была обследована большая площадь, составлена археологическая карта района, проведены раскопки на некоторых памятниках (Алёшкин 2013: 122; Паромов 2020: 242–243). Активное участие в них принимал А. Н. Карасёв, являвшийся не только архитектором экспедиции, но и археологом-исследователем.

Говоря о Таманской экспедиции ГАИМК, ни в коем случае не следует думать, что ее задачи были ограничены только обследованием Тамани. Нет, А. А. Миллер смотрел на это гораздо шире, о чем однозначно свидетельствуют сохранившиеся архивные документы. Из них становится ясно, что в перспективе планировалось «развитие территориальных обследований в бассейне Кубани и по восточному берегу Азовского моря до устья Дона, т. е. до района, ранее проработанного Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 68об.). Более подробно об этих замыслах было сказано следующим образом: «Одновременно с раскопками и детальным изучением основных тем, связанных с Таманским городищем, необходимо будет постоянно детализировать данные о поселениях в западной части полуострова и распространять территориальное обследование к востоку по Кубани, по ее левому коренному берегу, а также и по восточному берегу Азовского моря до устья Дона. В этом случае мы в результате работ 1931–33 годов сможем получить ту объективную картину, которая теперь начинает обрисовываться лишь в отдельных ее моментах» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 3). Как видим, А. А. Миллер, если учесть результаты работ его Северо-Кавказской экспедиции, предполагал охватить исследованиями огромную территорию от Кавказа до Дона. Такие работы, осуществленные под единым руководством, по единому плану, на основании единых методических принципов, конечно, обещали дать великолепный научный результат. Всем этим замыслам, однако, не суждено было осуществиться, но очень может быть, что поездка А. Н. Карасёва на Кавказ с целью ознакомления с имеющимися там памятниками классической древности первоначально была запланирована именно в рамках этого самого проекта.

Таманская экспедиция ГАИМК, как это частично было сказано выше, в 1932 г. уже не работала. Причины такого поворота дел еще не вполне ясны, но, как представляется, они в немалой степени были связаны с несогласованностью действий ленинградских и московских археологов. Не стоит удивляться, что в этих разногласиях быстро нашли враждебную советской власти подоплеку. А. А. Миллер был арестован в сентябре 1933 г., осужден и из сталинских лагерей уже не вернулся (Алёшкин 2013: 118–119; Застрожнова 2019: 185–187).

Поездка А. Н. Карасёва на Кавказ состоялась в октябре–ноябре 1933 г., то есть непосредственно с работой Таманской экспедиции ее связать невозможно. Тем не менее есть основания полагать, что она стала последним проявлением того грандиозного проекта, который вынашивал А. А. Миллер и который без его участия никак не мог осуществиться.

Литература и источники

- Алёкшин 2013 — *Алёкшин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алёкшин 2015 — *Алёкшин В. А.* А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. № 2. СПб.: Российский этнографический музей, 2015. С. 6–19.
- Виноградов 2009 — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.
- Виноградов 2013 — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.
- Застрожнова 2019 — *Застрожнова Е. Г.* Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). СПб.: Нестор-История, 2019. 308 с.
- Миллер 1931 — *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК [1930 г.] // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 26–29.
- Миллер 1932а — *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 58–60.
- Миллер 1932б — *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 67–68.
- [Некролог] 1975 — Памяти Александра Николаевича Карасёва (1902–1972) // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 117–118.
- Паромов 2020 — *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 (1918–1991) // Боспорские исследования. 2020. Вып. 40. С. 239–305. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777; 1932 г. Д. 111; 1933 г. Д. 12.

ABOUT A. N. KARASEV'S STUDY TRIP TO THE CAUCASUS IN 1933

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *history of science, Taman Expedition, A. A. Miller.*

The materials of the Scholarly Archive of IHMC RAS testify that in the autumn of 1933 A. N. Karasev undertook a study trip to the Caucasus. He visited Sukhumi, Batumi, Tbilisi and acquainted himself with a number of museum collections and archaeological sites. The trip was a part of the project “Antique colonization of the Caucasus”. There are grounds to think that it became the final expression of the grandiose project that was nurtured by A. A. Miller within the framework of the Taman Expedition of GAIMK (1930–1931).

«НЕ ГНЕТСЯ, НЕ ЛОМАЕТСЯ...».
АРХИТЕКТОР НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЧИНСКИЙ
И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХИВЕ ГАИМК¹

Н. А. ЛАЗАРЕВСКАЯ, М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *Н. М. Бачинский, ГАИМК, архитектура, реставрация, Средняя Азия, Научный архив, рукописные и фотографические документы.*

В 1920–1930-х гг. Академия истории материальной культуры вслед за своей предшественницей, Императорской археологической комиссией, продолжила активные работы в Средней Азии. Архитектор Николай Михайлович Бачинский работал по заданию Академии истории материальной культуры в Средней Азии в 1930-е гг., но его имя практически не упоминается в публикациях, посвященных деятельности учреждения, а собранные им материалы изданы только частично. В Научном архиве ИИМК РАН в фондах ГАИМК хранятся документы, связанные с его научной деятельностью, рукописи статей и фотоколлажи с уникальными снимками памятников Узбекистана и Туркмении конца 1920-х — 1930-х гг. (рис. 3–6). Публикация этих материалов позволит ввести в научный оборот результаты работы авторитетного архитектора и реставратора, исследования которого получали высокую оценку его современников.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-187-200

В 1920–1930-е гг. Академия истории материальной культуры вслед за своей предшественницей, Императорской археологической комиссией, продолжила активные работы в Средней Азии и достигла немалых результатов (Алёшкин 2013: 100–128; Якубовский 1940; Длужневская, Кирчо 2009). Исследователями были собраны многочисленные ценные материалы по истории, археологии, этнографии, архитектуре и искусству древних культур. Отдельные страницы этой плодотворной деятельности до сих пор остаются не раскрыты. Архивные документы в составе рукописного и фотографического фондов РАИМК–ГАИМК продолжают безмолвно хранить драгоценные свидетельства самоотверженной научной работы тех лет, а также неизвестные факты биографий самих исследователей.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Научный архив, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. Дружеский шарж на Н. М. Бачинского из рисовального фильма ГАИМК «На распутьи», подготовленного к 1 мая 1936 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 87. Л. 40)

Fig. 1. Friendly caricature of N. M. Bachinsky from the cartoon named “At the crossroads” that was prepared at the State Academy of the History of Material Culture in observance of the May 1 holiday (Scholarly Archive of IHMC RAS. Manuscript Dept. Fund 30. Inv. 1. F. 87. L. 40)

К таким замечательным специалистам по изучению и реставрации памятников средневекового зодчества можно отнести архитектора Николая Михайловича Бачинского (рис. 1). Он работал по заданию Академии истории материальной культуры в Средней Азии в 1930-е гг., но его имя практически не упоминается в публикациях, посвященных деятельности учреждения, а собранные им материалы изданы только частично (Длужневская 2010; Бачинский 1939). В архиве ИИМК РАН в фондах ГАИМК хранятся документы его научной деятельности, рукописи статей и фотоколлекции с уникальными снимками памятников Узбекистана и Туркмении конца 1920 — 1930-х гг. С 1933 по 1937 г. Н. М. Бачинский работал в Институте исторической технологии (Платонова 2018), существовавшем в структуре Академии истории материальной культуры. В личном деле исследователя сохранилось несколько вариантов автобиографии, на основе которых можно проследить его жизненный путь и развитие научной карьеры вплоть до 1937 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43).

Биография Бачинского, яркого представителя своей эпохи, сама по себе весьма примечательна и могла бы послужить сюжетом для приключенческого романа.

Родился он 7 декабря 1896 г. в г. Новозыбково Черниговской губ. Отец будущего архитектора был мелким железнодорожным служащим. Как политически неблагонадежного его часто переводили с места на место. Николай посещал начальную школу в Климове и Карховке Черниговской губ., затем окончил среднюю школу и реальное училище. Бачинский учился бесплатно благодаря тому, что его дед, николаевский солдат, принимал участие в обороне Севастополя в Крымскую войну, а внуки таких солдат освобождались от платы за обучение. Отец умер в 1911 г., когда мальчик учился в 5-м классе. Уже в то время Николай начал зарабатывать уроками, чтобы помочь своей семье, где он был старшим среди двух братьев и трех сестер. В 1914 г. после окончания реального училища Бачинский продолжал давать уроки. Он решил накопить немного денег и затем поехать в Санкт-Петербург поступать в Институт гражданских инженеров или в Академию художеств. Но началась Первая мировая война, и вместо поступления он уже в сентябре 1914 г. оказался в 83-м запасном пехотном батальоне в Витебске, а в октябре — на фронте в 106-м пехотном Уфимском полку (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 3–3об.).

В ноябре Н. М. Бачинский был ранен в руку и отправлен лечиться в лазарет в Ригу. В январе 1915 г. его выписали и снова отправили на фронт, а уже в феврале, в «августовских лесах»³, он был опять ранен, оставлен при отступлении и подобран немцами. Так Бачинский попал в плен. Сначала он полгода пролежал в лазарете, где судьба свела его с раненым немецким солдатом, учителем в мирной жизни. Все это время немец усердно занимался с ним немецким языком, так что выписанный из лазарета Бачинский совершенно свободно говорил по-немецки⁴. Его перевели в лагерь военнопленных, где немцы назначили Бачинского переводчиком роты военнопленных земляков. После того как произошли русская и германская революции, Н. М. Бачинский в 1918 г. был освобожден из плена и приехал в Берлин, «имея 130 марок денег, заработанных работой у помещиков, бравших военнопленных для сельскохозяйственных работ» (Там же: л. 5). В Берлине в тот момент очень сильно «ощущался недостаток в мужских рабочих руках», и поэтому он быстро нашел работу, несмотря на отсутствие каких бы то ни было знакомых (Там же). Бачинского взяли работать на склад лесных материалов автомобильного завода АГА. Вскоре он был переведен в столярный цех для работы на ленточной пиле, сначала подручным, а позже самостоятельным пильщиком. В то же время он по-прежнему мечтал получить дальнейшее образование и начал посещать открытые лекции в высших школах Берлина, особенно его привлекала Академия художеств. Через некоторое время по совету цехового инженера Н. М. Бачинский обратился в Министерство просвещения Пруссии с просьбой о возможности поступления в Высшую техническую школу в Шарлоттенбурге (ныне Берлинский технический университет). Он с успехом прошел испытательную комиссию, состоявшую из преподавателей различных высших школ Берлина, и был принят на строительный факультет Высшей технической школы. Одновременно он продолжал работать на заводе, где его перевели в отдел внутренней отделки автомобилей. Там ему доверили полировку дерева, а затем и составление эскизов для внутренней отделки автомобилей. В 1921 г.

³ Речь идет об Августовской операции германской армии в январе–феврале 1915 г., в ходе которой русская армия понесла тяжелые потери.

⁴ В 1930-х гг. Н. М. Бачинский уже сам преподавал немецкий язык аспирантам ГАИМК.

Рис. 2. Ленинград, реставрация Адмиралтейства, яблоко шпиля. На лесах — Н. М. Бачинский, фото 1927 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3565-122)

Fig. 2. Leningrad, restoration of the Admiralty, spire finial. N. M. Bachinsky is standing, 1927 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.3565-122)

Бачинский поступил на философский факультет Берлинского университета, где слушал лекции по истории искусства. Далее он планировал перевестись на архитектурный факультет Академии художеств и уже начал посещать там бесплатные рисовальные классы с 1922 г. (Там же: л. 5об.), но этим планам не суждено было сбыться.

Все эти годы в Германии он стремился вернуться домой, в Россию. Наконец, в 1924 г. Н. М. Бачинский получил визу в консульском отделе Полпредства СССР и возвратился на родину, где его ждала совсем другая жизнь. Работу в родном маленьком городке ему удалось найти далеко не сразу. С огромным трудом он поступил в исполком в отдел народного образования, где ему пришлось заниматься скучными канцелярскими делами, вести статистику и переписку. Такая жизнь не устраивала деятельного молодого человека, и он в поисках работы по специальности уехал в Ленинград. В 1927 г. Н. М. Бачинский наконец-то нашел то, что искал. Его взяли работать в Ленинградские государственные реставрационные мастерские (ЛГРМ) Главнауки. На службе в ЛГРМ он принял участие в масштабных

реставрационных работах Адмиралтейства (рис. 2), отремонтировал церковь Дмитрия Солунского в Старой Ладогe, а в 1928 г. Н. М. Бачинского командировали в распоряжение Средазкомстариса⁵. Сначала он реставрировал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестан, а позже участвовал в изучении и консервации башни Бурана в Киргизии. С этого времени начинается его страстное увлечение древней архитектурой Средней Азии.

В 1929 г. ленинградские реставрационные мастерские были упразднены вместе с Главнаукой, а Н. М. Бачинский остался работать в Средней Азии в Бухарском отделении Узбекстанского комитета по делам памятников культуры и природы. С 1929 по 1933 г. по поручению Комитета он каждый год с апреля по ноябрь занимался ремонтно-реставрационными работами на архитектурных памятниках города-музея Бухара. Среди них он указывал в своей автобиографии медресе Кукельташ⁶, медресе Мир-и Араб, медресе Абдул-Азиз-хана, медресе Мирзо Улугбека, медресе Абдулла-хана, медресе Модари хан, мавзолей Исмаила Самани, мавзолей Сайфиддина Бохарзи, мечеть Магоки-Аттари, Дарваза Ширгарон, дворец в Ситораи-Мохи-хоса, мечеть Баянд, мечеть Намазга, мечеть Калян, Так-и-Саррафан, медресе Гаукушан (Там же: л. 6). В 1935 г. профессор Б. П. Денике, неоднократно посещавший работы Н. М. Бачинского на местах (Алпаткина 2006: 69, 82, 88) и состоявший в приемной комиссии по оценке реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, писал о «21 памятнике материальной культуры Средней Азии», где молодой архитектор производил ремонтно-реставрационные работы в 1928–1934 гг. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33, 52). За несколько лет постоянной кропотливой работы Н. М. Бачинский стал отличным специалистом в области истории и реставрации средневековой архитектуры Средней Азии. В эти же годы он выполнил и несколько проектов современных зданий по заказам местной администрации. По проектам Бачинского были построены здание оперативного сектора ОГПУ в Бухаре, швейная фабрика Народного комиссариата легкой промышленности в Сталинабаде, шелкоткацкая фабрика и завод консервирования фруктов и плодов в Бухаре (Там же: л. 6об.). В ноябре 1933 г. «ввиду обострившейся малярии» Н. М. Бачинский уволился по собственному желанию из Бухарской комиссии по делам старины и искусства и вернулся в Ленинград, а в феврале 1934 г. его зачислили сотрудником в Институт исторической технологии (ИИТ) ГАИМК, где он состоял сверхштатным сотрудником уже с февраля 1933 г. В 1934 г. он продолжил свое образование и начал посещать в Ленинграде Школу высшего архитектурного мастерства при Всероссийской академии художеств по направлению реставрации и охраны архитектурных памятников (Там же: л. 26об.).

К периоду работы архитектора в Бухкомстарисе⁷ и началу его деятельности в ГАИМК относится один из фотоальбомов из архивного собрания ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1056), первые отпечатки из которого поступили в фотоархив ГАИМК в 1935 г. Более 60 фотографий запечатлели общие виды, стены, ворота и улицы древнего города (рис. 3), местных жителей, удивительные

⁵ Среднеазиатский комитет по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы.

⁶ Названия памятников даны в соответствии с написанием в отчетах Н. М. Бачинского.

⁷ Бухарская комиссия по охране памятников старины и искусства.

архитектурные памятники Бухары и округи, резные элементы деревянных конструкций жилых построек и мечетей. Снимки позволяют увидеть различные достопримечательные места Бухары в период первой половины 1930-х гг. и оценить степень сохранности исторических памятников в тот момент. Существенная часть фотографий посвящена реставрации монументальных памятников Бухары в 1933–1934 гг. под руководством Н. М. Бачинского. Исследования выполнялись по заданию и при поддержке Бухкомстариса, одновременно они соответствовали плану научной работы архитектора в ИИТ ГАИМК. Н. М. Бачинский подготовил описание этих работ к публикации в сборнике ГАИМК⁸, но статья «Ремонтно-реставрационные работы по монументальным памятникам материальной культуры Медресе Мирза Улугбек, мечети Магок-и-Аттари и мечети Намазга в Бухаре (предварительное сообщение)» так и осталась неизданной. Фотографии, сделанные в процессе реставрации памятников, вошли в вышеупомянутый фотоальбом из хранения фотоотдела Научного архива ИИМК РАН, а несколько снимков сопровождают непосредственно рукопись статьи Н. М. Бачинского, сохранившейся в архивном фонде ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815. Л. 99–110). Во вступительной части статьи Н. М. Бачинский раскритиковал применявшийся до революции на памятниках Бухары «штукатурный» ремонт, с которым реставраторам пришлось столкнуться в процессе расчистки стен, когда любые дефекты и повреждения просто замазывали очередным слоем ганча, не считаясь с наличием декоративных элементов (Там же: л. 99–100). Самим Н. М. Бачинским в Бухаре начала 1930-х гг. наиболее значительные работы были проделаны в медресе Мирзо Улугбека (рис. 4, 1). Реставрация началась в мае 1933 г. и продолжалась семь месяцев. Надзор и ремонт памятника бывшими хозяевами медресе архитектор также признал неудовлетворительными: «Из расспросов старых бухарских мастеров можно довольно точно воспроизвести процесс таяния сумм, предназначавшихся для расходов по ремонту. Рабочий получал мизерную зарплату деньгами (от 1 до 1,5 тенге), обед натурой и обязательный халат по окончании работ. Даже уже выданная для расплаты с рабочими сумма оставляла заметный след в кармане старшего мастера. Естественно, если даже и первоначально ассигнованная сумма и была достаточна для данного ремонта, то к моменту производства работ она значительно уменьшалась, что влияло на качество и количество выполненных работ» (Там же: л. 100–101).

В процессе работ 1933 г. стены медресе Мирзо Улугбека были расчищены от многочисленных слоев штукатурки, декоративная облицовка закреплена или заменена, восстановлен жгут по обрезу арки портала. Особенно тяжело далась реставраторам расчистка фасадной части, содержащей майоликовую и мозаичную части. Пришлось даже разработать специальный инструмент для такой тонкой работы, чтобы не поцарапать поверхность хрупких декоративных элементов при расчистке. Процесс изготовления шлифованного кирпича для восстановления декоративных

---

⁸ Сборник собирался в 1935 г. в память талантливого молодого востоковеда, сотрудника ГАИМК Алексея Алексеевича Некрасова. Он принимал участие в экспедициях в Мерв и Куния-Ургенч под руководством А. Ю. Якубовского в конце 1920-х гг., по воспоминаниям коллег был совершеннейшим энтузиастом своего дела, скоропостижно скончался в 1932 г. в возрасте 23 лет. Н. М. Бачинский тоже успел поработать с ним и подготовил в сборник статью о своих исследованиях на архитектурных памятниках древней Бухары в 1933–1934 гг.

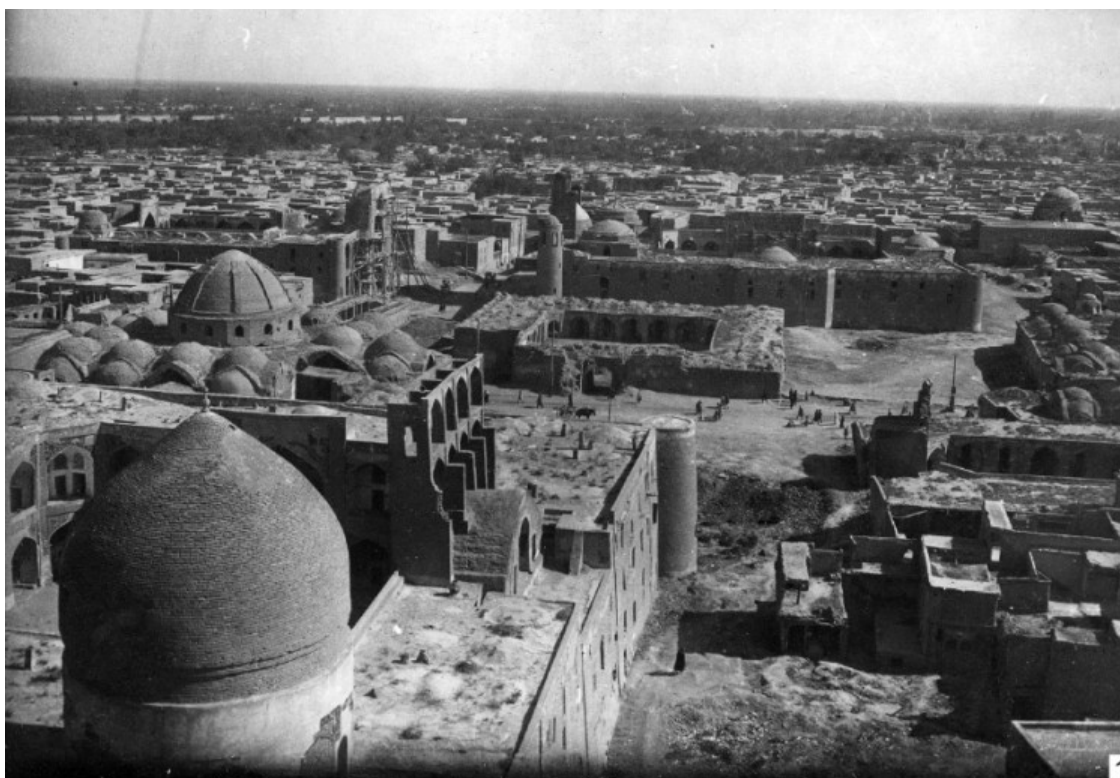
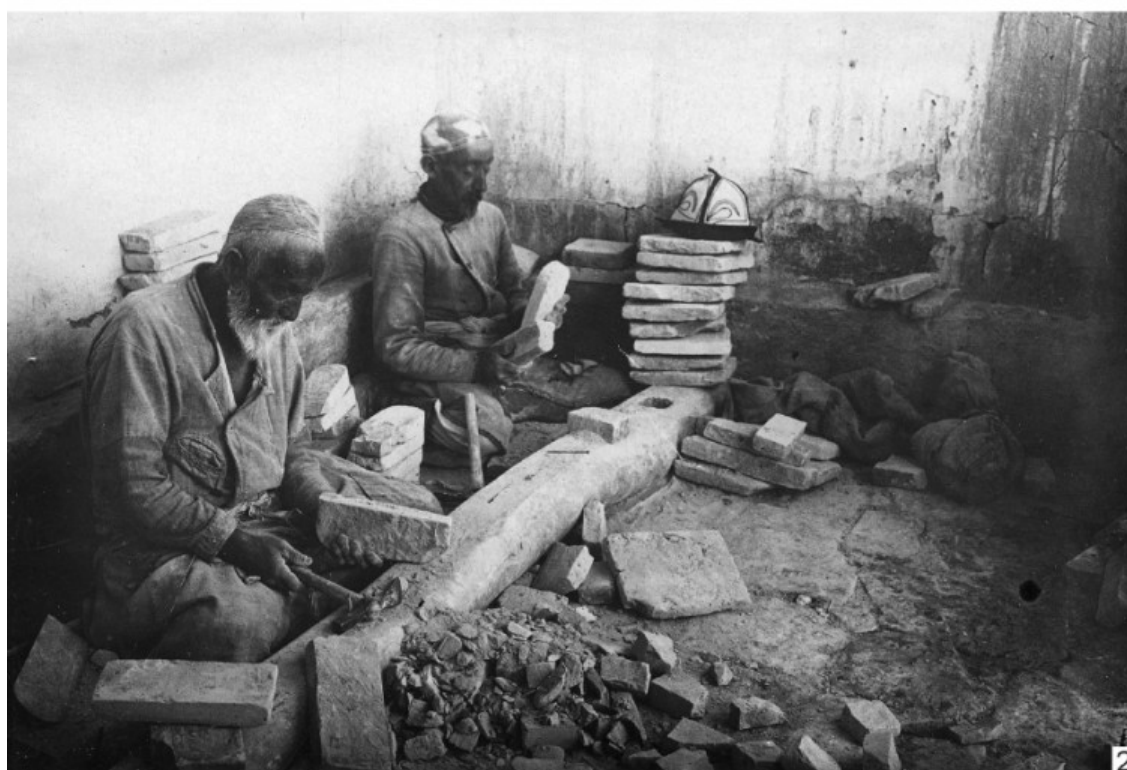

Рис. 3. 1 — Бухара, общий вид города с минарета Калян, фото 1934 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-11); 2 — митинг в Бухаре, фото 1933 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-20)

Fig. 3. 1 — Bukhara, general view from the Kalyan minar, 1934 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-11); 2 — meeting at Bukhara, 1933 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-20)

Рис. 4. Бухара: 1 — реставрационные работы на главном портале медресе Мирзо Улугбека, фото 1933 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-42); 2 — мастера за шлифовкой кирпичей во время реставрации мечети Магок-и-Аттари, фото 1934 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1056-53)

Fig. 4. Bukhara: 1 — restoration works on the main portal of Ulugbek's medrese, 1933 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-42); 2 — workers smoothing the surface of bricks during the restoration of the Magok-i-Attari Mosque, 1934 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1056-53)

Рис. 5. Бухара, мечеть Магок-и-Аттари, центральный купол после расчистки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815. Л. 143)

Fig. 5. Bukhara, Magok-i-Attari Mosque, central dome after cleaning (Scholarly Archive of IHMC RAS. Manuscript Dept. Fund 35. Inv. 2. F. 1815. L. 143)

элементов также оказался трудоемким, так как кирпичи делались и шлифовались исключительно по старой технологии под жестким контролем старых мастеров (рис. 4, 2). К концу работ реставраторам также удалось усовершенствовать технически метод шлифовки, что позволило ускорить выполнение работ. Все этапы и методику реставрации медресе Н. М. Бачинский подробно описал в своей статье, а фотографии из его коллекции прекрасно визуализируют весь процесс.

Реставрационные мероприятия в мечети Магок-и-Аттари проводились Н. М. Бачинским по плану Бухкомстариса весной 1934 г. Финансирование было незначительным, исследования носили рекогносцировочный характер для определения сложности и объема дальнейших работ по раскрытию ценного памятника архитектуры XII в., который к тому времени почти полностью оказался скрыт культурными напластованиями. Перепланировка Бухары уничтожила «торговые помещения, окружавшие Мечеть-и-Магок» и показала «во всей неприглядности первоклассный памятник, вросший глубоко в землю и обезображенный грубыми ремонтами» (Там же: л. 110). Н. М. Бачинский с рабочими начал расчистку стен, центрального и восточного куполов мечети для исследования кладки и анализа степени сохранности памятника (рис. 5), также они виртуозно произвели ручную выпрямку накренившегося главного портала. Раскопками были открыты части

архитектурного сооружения на 1,5 м в глубину. В результате выяснилось, что нарастание культурного слоя закрыло мечеть на 4 м (Там же). В мечети Намазга в том же году Н. М. Бачинский занимался ремонтом одного из куполов, а также произвел укрепление северной стены и частичное удаление лишних слоев штукатурки, появившихся после «любительских ремонтов». В отчете архитектор писал, что «число слоев этих штукатурок превзошло все ожидания» — на одной из стен реставраторы при расчистке насчитали 18 таких слоев (Там же: л. 112).

Подводя итоги своих работ 1933–1934 гг., Бачинский подчеркивал, что «изучение этих памятников, значительных по своим художественным достоинствам, происхождению и историческому или археологическому значению <...> приобретает особое значение в связи с проблемой использования забытых приемов старых зодчих, приемов, зачастую поражающих своей простотой решения задач технического и эстетического порядка» (Там же: л. 113). К проблеме использования опыта предшественников он неоднократно обращался в своих исследованиях в последующие годы. Изучение приемов и методов средневековых мастеров в строительстве и применение их в современной архитектурной практике стали одним из основных лейтмотивов его научной работы, этому же была посвящена и докторская диссертация Бачинского.

Научный вклад архитектора в изучение и сохранение памятников архитектуры Средней Азии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. был высоко оценен специалистами, и в 1936 г. по рекомендации ГАИМК Бачинскому присвоили степень кандидата наук без защиты диссертации (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 55). Используя позитивный опыт многолетней работы Бачинского, Академия истории материальной культуры планировала продолжить реставрацию архитектурных памятников в Бухаре и в других местах в последующие годы.

В 1936 г. Узбекстанская комплексная экспедиция была заявлена в план полевых исследований ГАИМК как основной научный проект Института исторических технологий на этот год. Работы положили бы начало систематическому историко-техническому изучению Средней Азии во главе с Академией. Институт исторических технологий поставил своей задачей перейти от «пассивных» лабораторных исследований уже «готовых музейных коллекций» к проведению собственной экспедиции для сбора «специальных вещественных доказательств, позволяющих вскрыть историко-технические корни материальной базы изучаемого общества». Исследования в Бухаре должны были стать центральной частью большой историко-технологической Узбекстанской экспедиции Института исторических технологий совместно с научными учреждениями Узбекистана. Н. М. Бачинского назначили заместителем начальника⁹ всей экспедиции, и в 1935–1936 гг. он занимался предварительными переговорами с местными организациями о ее подготовке. Планировалось произвести исследования средневековой керамики, красителей ткани, металлических изделий, текстиля, систем водоснабжения, строительных материалов и конструкций монументальных памятников зодчества и военных сооружений, найти средневековые

⁹ Начальником экспедиции был назначен сотрудник Института исторических технологий историк техники В. В. Данилевский. В состав участников должны были войти М. В. Фармаковский, А. Ю. Якубовский, А. А. Иессен, М. Е. Массон, В. А. Шишкин, М. Ю. Саиджанов и другие специалисты из Ленинграда, Бухары, Самарканда, Ташкента (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 212. Л. 21–22).

Рис. 6. Анау, мечеть XV в., укрепление облицовки ложной арки на правой стороне портала, фото 1936 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1228-49)

Fig. 6. Anau, mosque of the XV c., strengthening the facing of a corbel arch on the right side of the portal, 1936 (Scholarly Archive of IHMC RAS. Photographic Dept. Imprint O.1228-49)

и современные источники сырья, а также попытаться изучить и восстановить производственные процессы и древние техники, сохранившиеся еще к тому времени в быту и используемые старыми мастерами, определить особенности реставрации в местных климатических условиях (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 212. Л. 1–22). Через несколько лет комплексных исследований результаты предполагалось опубликовать в специальной серии монографий по истории материальной культуры Узбекистана. Возможности организации экспедиции, состав, цели, задачи и территория охвата обсуждались в течение длительного времени всеми заинтересованными сторонами (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 100. Л. 212), но этот грандиозный проект так и остался на бумаге из-за проблем финансирования.

В итоге в 1936 г. Н. М. Бачинского командировали в Туркмению для проведения реставрационных работ в Анау и Мерве, где он руководил экспедицией Института истории при ЦИК Туркменской ССР. В течение 4,5 месяцев под его наблюдением были проведены консервационные и исследовательские работы в Старом Мерве в мавзолеях Мухаммеда ибн-Зейда¹⁰ и султана Санджара. В Анау Бачинский занимался ремонтом кровли и укреплением облицовки центрального портала мечети XV в. (рис. 6). Последние две недели командировки он реставрировал облицовку памятника В. И. Ленину в Ашхабаде по поручению правительственной комиссии Туркмени (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 211. Л. 152). На протяжении всей поездки Н. М. Бачинским производилась фотофиксация, и в результате в архиве ГАИМК сложился небольшой, но ценный фотографический комплекс документов. Всего 68 отпечатков и негативы к ним поступили в 1937 г. в фототеку Академии (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1228). В 1937 г. Н. М. Бачинский продолжил свои работы в древнем Мерве, а также принял участие в обследовании и фиксации древних жилых домов на территории древнего Термеза (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 74).

По архивной документации Н. М. Бачинский уволился из ГАИМК в 1937 г. по собственному желанию. Возможно, его увольнение было связано с реформацией ГАИМК, переходом всех ее структур в Академию наук с последующей ликвидацией Института исторической технологии, где работал архитектор.

По воспоминаниям учеников и коллег Н. М. Бачинского, в 1937 г. он был арестован как немецкий шпион и туркменский националист (Хмельницкая 2011: 55–56). Факт ареста косвенно подтверждается изъятием в 1938 г. фотоснимков, на которых присутствовал Н. М. Бачинский, из фототеки ИИМК в спецхран вместе с фотографиями других репрессированных сотрудников, а также сохранившимися убийственными характеристиками, составленными на Бачинского в НКВД секретной частью ГАИМК. В них ему припомнили жизнь в Германии и квалифицировали Бачинского как «политически чуждого человека», «не вызывающего доверия» и требующего «проверки на связи с фашистами» (ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 30, 96; Ф. 35. Оп. 6. Д. 4. Л. 5). Но исследователю повезло: в момент смены руководства НКВД его дело было пересмотрено и его выпустили (Хмельницкая 2011: 55).

В послевоенные годы он занимался преподавательской деятельностью в Москве. В 1950 г. защитил докторскую диссертацию по истории искусства на тему

¹⁰ В то время он был известен как мавзолей Мухаммеда Ханапья. Именно под таким названием памятник проходит в документах ИИМК РАН, связанных с исследованиями Н. М. Бачинского

«Искусство старых зодчих Туркмении (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX–XIII вв.)» (Бачинский 1950а). Все эти годы архитектор не терял связь со своими коллегами по Академии, принимал участие в научной жизни ИИМК АН СССР, в который она была преобразована (Бачинский 1950б).

Сегодня информацию о работах талантливого архитектора в Узбекистане и Туркмении в конце 1920-х — начале 1930-х гг. приходится собирать по крупицам в архивных источниках, в то время как исследования Н. М. Бачинского были прекрасно известны и высоко ценились всеми специалистами, работавшими в те годы в Средней Азии. Отзывы известных ученых А. Ю. Якубовского, Н. Б. Бакланова, Б. П. Денике, А. П. Удаленкова, сохранившиеся в документах архива ИИМК РАН, наилучшим образом выражают общее мнение коллег о научной деятельности Н. М. Бачинского: «Все указанные работы Н. М. Бачинского могут быть признаны образцовыми как по исполнению, так и по методу, применяемому при их реставрации. Привести архитектурный памятник в порядок, восстановить его разрушенные части, удовлетворяя высоким требованиям науки, можно лишь при условии тщательного изучения не только материалов, из которых они сложены, но и приемов, на основе которых они возводились древними мастерами. <...> Особенно нужно отметить строго научное отношение к вопросам наиболее старых частей зданий, в научном отношении всегда наиболее ценных» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 25). «В процессе ремонта и реставрации Н. М. Бачинскому приходилось выступать в качестве исследователя, обладающего археологическими и архитектурными знаниями. И с этой точки зрения он был всегда на высоте стоявших перед ним задач. <...> многие бухарские уникальные памятники обязаны своей сохранностью прежде всего Н. М. Бачинскому» (Там же: л. 47).

Литература и источники

- Алёшкин 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алпаткина 2006 — Алпаткина Т. Г. «Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Б. П. Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей. М.: Государственный музей Востока, 2006. 169 с.
- Бачинский 1939 — Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад: Изд. Академии архитектуры СССР и Туркменского Гос. научно-исследовательского института истории, 1939. Вып. 1. 128 с.
- Бачинский 1950а — Бачинский Н. М. Искусство старых зодчих Туркмении (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX–XIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М.: Ин-т истории искусств АН СССР, 1950. 34 с.
- Бачинский 1950б — Бачинский Н. М. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении // КСИА. 1950. Вып. 33. С. 121–133.
- Длужневская, Кирчо 2009 — Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Длужневская Г. В., Мусин А. Е., Носов Е. Н., Тихонов И. Л. (ред.). Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 783–812.

- Длужневская 2010 — Длужневская Г. В. Мусульманский мир Российской империи. СПб.: Лики России, 2010. 304 с.
- Платонова 2018 — Платонова Н. И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Медведева М. В., Смирнов Н. Ю. (отв. ред.) и др. Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской): Сб. науч. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
- Хмельницкая 2011 — Хмельницкая В. Л. «Так сложилась наша жизнь». СПб.: Алетейя, 2011. 296 с.
- Якубовский 1940 — Якубовский А. Ю. ГАИМК–ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет // КСИИМК. 1940. Т. 6. С. 14–23.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 100. Д. 211. Д. 212; Оп. 3. Д. 43; Ф. 30. Оп. 1. Д. 87; Ф. 35. Оп. 2. Д. 1815.
- НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.1056; О.1228.
- ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13; Ф. 35. Оп. 6. Д. 4.

**«NEITHER BENDS NOR BREAKS...».
THE ARCHITECT NIKOLAI MIKHAILOVICH BACHINSKY
AND HIS DOCUMENTARY HERITAGE IN THE ARCHIVE
OF THE STATE ACADEMY OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N. A. LAZAREVSKAYA, M. V. MEDVEDEVA

Keywords: *N. M. Bachinsky, GAIMK, architecture, restoration, Central Asia, Scholarly Archive, handwritten and photographic documents.*

In the 1920s–1930s the State Academy of the History of Material Culture, following in steps of the Imperial Archaeological Commission, continued active works in Central Asia. By the order of the Academy, the architect Nikolai Mikhailovich Bachinsky worked in Central Asia in the 1930s, but his name is barely mentioned in publications devoted to the Academy activities, and the materials he collected were published only partly. The Scholarly Archive of IHMC RAS stores documents relating to his research activity, manuscripts of papers and unique photographs of a number of Uzbekistan and Turkmenistan monuments taken in the late 1920s–1930s (fig. 3–6). The publication of these materials will allow to introduce into the scientific discourse the works of an authoritative architect and restorer, whose activity was highly esteemed by his contemporaries.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА МИРОВОГО ОПЫТА¹

В. Д. НЕЧАЕВ, Д. Б. ТАТАРКОВ, Е. К. БЛОХИН, СТ. А. ВАСИЛЬЕВ,
Н. Ф. СОЛОВЬЁВА²

Ключевые слова: археология, цифровые технологии, археологические данные, историко-культурное наследие.

Мировым научным сообществом накоплен значительный опыт внедрения в процесс археологических исследований инновационных методов, основанных на цифровых технологиях. Предпринимаются попытки использовать цифровые технологии уже не в качестве вспомогательного инструмента, но в качестве ключевого фактора генерации новых знаний, формирования соответствующих компетенций, удовлетворения духовных потребностей общества. В статье предпринята попытка анализа наиболее успешных проектов в сфере цифровых технологий в археологии, оценки достигнутых результатов и перспектив в контексте использования опыта в отечественной науке.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-201-209

Опыт последних десятилетий свидетельствует, что изменения в системе изучения и сохранения историко-культурного наследия происходят под воздействием внедрения цифровых технологий и самых современных технических средств на всем протяжении цикла от получения новых знаний до потребления этих знаний обществом.

Такие цифровые технологии, как распределенные реестры и удаленные базы данных, неразрушающий контроль, компоненты робототехники и сенсорики, дистанционное обследование, виртуальная и дополненная реальность, становятся приоритетными в развитии системы изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Первые попытки использования информационных технологий для обработки археологических данных были предприняты в конце 1960-х гг. (Huggett 2013: 13),

---

¹ Работа проведена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² В. Д. Нечаев — Севастопольский ГУ, г. Севастополь, 299053, Россия; Д. Б. Татарков — Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский ГУ, г. Севастополь, 299053, Россия; Е. К. Блохин, Ст. А. Васильев, Н. Ф. Соловьёва — Отдел охранной археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

и с тех пор темпы «цифровизации» археологии постоянно увеличиваются. На рубеже веков в ряде ведущих археологических школ мира появляются и развиваются организационные формы, приоритетом которых является реализация инновационных решений и совершенствование инфраструктуры для внедрения цифровых технологий в процесс археологических исследований (Richards 2017: 227–228). Наиболее устойчивыми организационными формами стали некоммерческие организации, созданные консорциумом ведущих университетов и академических институтов. Подобные структуры по своей сути являются институтами развития, цель которых состоит в обеспечении устойчивой и непрерывной технологической и гуманитарной поддержки процессов «цифровизации» археологии.

Основные критерии, позволяющие отнести эти структуры к институтам развития, можно сформулировать следующим образом:

— научная кооперация, как правило, выраженная в соединении ресурсов нескольких научно-исследовательских центров, университетов, фондов, общественных организаций и обеспечивающая взаимный доступ к ресурсам и результатам;

— акцент на привлечение государственных и частных инвестиций для обеспечения функционирования информационной инфраструктуры, созданной в рамках грантовой поддержки научных проектов;

— область деятельности, которая охватывает финансирование научных проектов, нормативное регулирование, создание и апробацию технологических заделов, формирование информационной инфраструктуры, совершенствование кадрового потенциала, развитие исследовательских компетенций, межрегиональное и междисциплинарное тиражирование результатов и распространение лучших практик.

Учитывая приведенные критерии, к существующим в настоящее время институтам развития в сфере цифровой археологии можно отнести следующие организации: *Archaeology Data Service*, *E-depot for Dutch archaeology (EDNA)*, *Digital Antiquity*, *Swedish National Data Service (SND)*, *The Strategic Environmental Archaeology Database (SEAD)*, *Forschungsdatenzentrum Archäologie & Altertumswissenschaften (IANUS)*, *Sustainable Archaeology*.

Одним из наиболее успешных примеров функционирования института развития в сфере цифровой археологии является британская *Archaeology Data Service* — некоммерческая организация, созданная в 1996 г. консорциумом факультетов археологии университетов Бирмингема (University of Birmingham), Брэдфорда (University of Bradford), Глазго (University of Glasgow), Кента в Кентербери (University of Kent), Лестера (University of Leicester), Ньюкасла (Newcastle University), Оксфорда (University of Oxford), Совета по британской археологии (Council for British Archaeology). Организацию возглавляет Йоркский университет (Wright, Richards 2018).

Archaeology Data Service обеспечивает сбор, описание, каталогизацию, хранение и обеспечение доступа к цифровым ресурсам, полученным в результате археологических исследований. Организация также занимается разработкой и продвижением стандартов и руководств в области создания, описания, сохранения и использования археологической информации (Richards 2017: 227–230).

В 2008 г. в США создана некоммерческая организация *Digital Antiquity*. В проекте приняли участие Университет штата Аризона (Arizona State University) — оператор проекта, Университет Арканзаса (University of Arkansas), Университет штата

Пенсильвания (Pennsylvania State University), Университет штата Вашингтон (Washington State University), Университет Йорка (University of York). В совет директоров организации помимо представителей университетов-учредителей вошли специалисты, имеющие опыт в области финансов, права, руководства некоммерческими организациями и информационных технологий. Для консультации совета директоров по специальным вопросам создана межвузовская консультативная группа в которую входят представители всех направлений археологии и информатики (Richards 2012).

Digital Antiquity осуществляет управление проектом *Digital Archaeological record (DAR)*. В ходе проекта был создан ведущий в Северной Америке общедоступный центр по сбору, обработке и хранению цифровой информации об уже завершённых и проводимых в настоящее время археологических исследованиях (McManamon, Kintigh 2010: 37–40).

Деятельность *Digital Antiquity* проходит в тесном взаимодействии с *Archaeology Data Service*. Американскими и британскими специалистами подготовлена и опубликована серия руководящих документов, призванных предоставить основу для рабочих процессов археологических проектов, позволяющих создавать цифровые наборы данных, так называемые Руководства по передовому опыту *Guides to Good Practice*, которые можно эффективно архивировать и совместно использовать в США и в Великобритании.

Sustainable Archaeology — межвузовский проект, реализованный Университетом Западного Онтарио (University of Western Ontario) и Университетом МакМастера (McMaster University). Финансовую поддержку проекту оказали Канадский фонд инноваций (*Canada Foundation for Innovation*) и Исследовательский фонд Онтарио (*Ontario Research Fund*). Основная цель проекта — с помощью цифровых технологий интегрировать содержащуюся в различных коллекциях, архивах, фондах информацию и обеспечить ее широкую доступность. Проект реализуется в формате межвузовского исследовательского центра, расположенного в Музее археологии Онтарио (Museum of Ontario Archaeology) и в Инновационном парке МакМастера (McMaster Innovation Park).

С 2011 по 2017 г. Немецкий исследовательский фонд (Deutsche Forschungsgemeinschaft — DFG) осуществлял финансирование проекта *Forschungsdatenzentrum Archäologie & Altertumswissenschaften (IANUS)*. Проект был направлен на разработку структуры национального исследовательского центра данных по археологии и классическим исследованиям в Германии. Начиная с 2017 г. Немецкий археологический институт (Deutsches Archäologisches Institut — DAI) в содружестве с рядом университетов, музеев, исследовательских центров работает над превращением проекта *IANUS* в постоянный орган сбора и хранения цифровой археологической информации.

Проект *Swedish National Data Service (Svensk nationell datatjänst — SND)* реализуется консорциумом из девяти крупнейших шведских университетов, базируясь на площадке Гетеборгского университета (Göteborgs universitet). Цель проекта — создание цифрового архива научных отчетов о проведенных археологических исследованиях на территории Швеции.

Еще один шведский проект *The Strategic Environmental Archaeology Database (SEAD)* направлен на обеспечение инфраструктуры для удаленного доступа

к данным, относящимся к экологической археологии. Проект реализуется в Университете Умео на севере Швеции при финансовой поддержке Шведского исследовательского совета (Vetenskapsrådet) и Шведского фонда гуманитарных и социальных наук (Riksbankens Jubileumsfond).

В целом институты развития зарекомендовали себя в качестве эффективного инструмента трансформации системы изучения и сохранения историко-культурного наследия в условиях формирования нового технологического уклада. В дальнейшем следует ожидать возрастания роли этих организаций прежде всего в решении следующих задач:

— внедрение сетевых технологий распределенной и удаленной обработки и хранения археологической информации, обеспечение доступа к ней всем заинтересованным субъектам;

— апробация и внедрение новых цифровых методов создания археологической информации;

— поиск решений для обеспечения финансовой устойчивости проектов после окончания внешнего (грантового) финансирования.

Помимо реализации структурных проектов, совершенствования методической базы внедрения цифровых технологий в археологию к настоящему времени в мире накоплен значительный опыт в реализации отдельных технологических проектов. Речь идет прежде всего о проектах по созданию Веб-сервисов и автономных приложений для полевых исследований и камеральной обработки археологического материала.

Созданный британскими специалистами интегрированный онлайн-каталог ARCHSEARCH индексирует более 1,3 млн записей метаданных (Richards 2012). Цифровая археологическая информация включает в себя как данные, полученные в ходе полевых исследований, так и данные лабораторных и теоретических исследований. Используемые типы данных включают в себя: текстовые отчеты, базы данных, изображения (включая аэрофотоснимки, снимки дистанционного зондирования, фотографии участков, объектов и артефактов), оцифрованные карты и планы, информацию, полученную в результате сканирования, чертежи реконструкций и т. д.

Advanced Research Infrastructure for Archaeological Dataset Networking Plus (ARIADNEplus) — крупнейший проект, направленный на интеграцию инфраструктуры археологических данных в Европе, в ходе реализации которого в реестр было внесено около 2 млн единиц археологических данных. Инфраструктура ARIADNEplus размещается в облачном хранилище, обеспечивающем доступ к виртуальным исследовательским платформам и продуктам. В проект вовлечены 24 исследовательские организации из 13 европейских стран (Aloia et al. 2017).

Пятилетний научный проект *The English Landscape and Identities project (EngLaID)*, в рамках которого технологии *big data* использовались для изучения исторических ландшафтов Англии в период 1500 г. до н. э. — 1086 г. н. э., был реализован в 2011–2016 гг. при финансовой поддержке Европейского исследовательского совета. Исследовательская группа работала с большими объемами археологической информации, содержащейся на различных ресурсах (*Historic England, British Museum, Portable Antiquities Scheme, Historic Environment Records, Archaeological Data Service*), и картографическими данными (*National Mapping Programme*). Основная задача состояла в обобщении по географическому принципу археологической информации,

в том числе узкоспециальной. В результате был создан цифровой археологический атлас Англии на платформе ArcGIS Web App с разрешением до одного квадратного километра. В базе данных проекта содержится около миллиона единиц цифровой информации.

Проект, реализованный Международной ассоциацией классической археологии (AIAC) и Центром изучения древней Италии Техасского университета в Остине (CSAI) — *FastiOnline*, представляет собой базу данных археологических раскопок начиная с 2000 г. Информация может быть найдена по ключевым словам, а затем дополнительно отфильтрована по стране, названию памятника, временному диапазону, типам и местоположению памятников, персональным данным исследователей.

Научно-исследовательской лабораторией VAST-LAB разработан терминологический инструмент *Strumenti terminologici Scheda RA Reperti Archeologici* (Thesaurus RA) для работы с археологическими находками. Приложение было составлено для поддержки кодирования двух конкретных полей (OGTD — CLS), описывающих определение объекта, его класс и производство. Весь спектр объектов классифицирован по следующим укрупненным группам: одежда и личные украшения, строительство, транспортные средства, живопись, археологические находки, скульптура, инструменты, оружие и бытовые предметы.

Австралийский университет Нового Южного Уэльса (The University of New South Wales) в 2012 г. при финансовой поддержке правительства реализовал проект *The Field Acquired Information Management Systems Project* (FAIMS), цель которого состояла в создании комплексной цифровой исследовательской инфраструктуры для археологов. Система предназначена для получения данных полевых и лабораторных исследований в цифровом виде с помощью мобильных устройств, обработки их в локальных базах данных, предназначенных для сложного анализа, онлайн-обмена информацией через реестры культурного наследия и хранилища данных.

Проект *ArchAIDE* — система автоматического распознавания археологической керамики — был реализован на площадке Пизанского университета (University of Pisa) в 2016–2019 гг. при финансовой поддержке Программы исследований и инноваций *Horizon 2020* Европейского союза. В проекте участвует межвузовская проектная группа из 35 специалистов девяти университетов, государственных исследовательских центров и частных компаний пяти стран (Италия, Германия, Израиль, Испания, Великобритания).

Теоретические и методические основания, заложенные в перечисленных выше проектах по интеграции данных (таких как ARIADNEplus, EngLaID или SEAD), легли в основу развивающегося в Институте истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) с начала 2000-х гг. проекта *Археограф* (ARDB), главной задачей которого является сбор сведений о проведенных институтом полевых исследованиях на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской обл., предварительная оценка необходимости и объема археологических работ перед началом хозяйственного освоения земельных участков, создание актуальной археологической карты Санкт-Петербурга и Ленинградской обл., создание тематических карт, уточнение и обоснование границ археологических памятников. В ходе разработки системы создана гибкая инфраструктура пространственных данных и реализована многоуровневая ГИС, интегрирующая данные исследований за последние 10 лет и, частично, предшествующего времени.

Подобная работа в последние годы проводится большинством ведущих археологических учреждений России. Так, авторам настоящей статьи из презентаций и выступлений на форумах известны работы Института археологии РАН (Москва), Института археологии Республики Татарстан (Казань), Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и ряда других. К сожалению, отсутствие обобщающих академических публикаций по результатам этих проектов затрудняет подробный анализ таких разработок.

В качестве отдельного, чрезвычайно популярного в современной мировой археологии инновационного направления следует выделить применение методов трехмерного моделирования при документации, обработке, анализе и представлении материалов раскопок. Количество проектов здесь практически равно количеству существующих исследовательских центров, но можно обозначить некоторые магистральные направления, ярко характеризующие общее состояние отрасли.

Одним из самых успешных 3D-проектов можно считать *MeshLab* — созданную в археологической среде портативную и расширяемую систему с открытым исходным кодом для обработки и редактирования неструктурированных трехмерных треугольных сеток. Система призвана помочь в обработке типичных неструктурированных моделей, возникающих при трехмерном сканировании. В области археологии *MeshLab* активно используется исследователями в контексте трехмерной реконструкции с использованием сканированных изображений, очистки трехмерных треугольных сеток, сравнения сетки и представления данных, хотя сфера ее применения с момента разработки в 2005 г. вышла далеко за рамки работы с культурным наследием.

Интерактивная 3D-платформа для создания и анализа археологических данных в режиме реального времени ADS 3D VIEWER интегрирована с базами данных и обеспечивает простой доступ к информации, архивированной для всех типов пользователей, включая тех, кто не знаком с этими технологиями. ADS 3D позволяет анализировать и интерпретировать археологические данные не только из текстовой информации и двухмерных планов археологических раскопок, но и, взаимодействуя в режиме реального времени, создавать 3D-модели археологических объектов с высоким разрешением. Проект был реализован в 2016 г. специалистами Кафедры археологии (Department of Archaeology) и Лаборатории визуальных вычислений (Visual Computing Lab) Йоркского университета (University of York).

Существенный опыт интеграции технологий трехмерного моделирования в процесс полевого исследования и ситуативного принятия решений на раскопе накоплен международной командой, исследующей неолитическое поселение Чатал-Хёюк в Анатолии (*Çatalhöyük Research Project*). В основе проекта лежит 3D ГИС (на платформе ESRI ArcGIS), интегрирующая результаты многолетней трехмерной документации разрозненных раскопок и отдельных исследованных объектов внутри единой трехмерной системы, позволяющей исследователю обращаться к накопленным данным, в том числе и непосредственно на раскопках, используя планшетный компьютер (Berggren et al. 2015).

Огромный массив оцифрованных данных накоплен французским стартапом *ICONEM*, специализирующимся на создании трехмерных моделей объектов культурного наследия, находящихся под угрозой разрушения.

В России одними из первых опыты по крупномасштабной трехмерной съемке памятников в окружающем ландшафте проводили Томская лаборатория *Артефакт* при Томском государственном университете (съемки проводились совместно с экспедицией Государственного Эрмитажа), а также исследовательская группа, объединившая специалистов из Государственного исторического музея, музея-заповедника «Гнёздово», историко-археологического центра «Гардарика», лаборатории инженерной геофизики Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина и группы компаний «ГЕОСКАН» при изучении Гнёздовского археологического комплекса.

Последний крупный российский проект подобного рода — трехмерная модель античной Пальмиры, созданная усилиями творческого коллектива петербургских исследователей под руководством ИИМК РАН. В работе по созданию модели приняли участие ученые из ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, архитекторы Мастерской Максима Атаянца, технические сотрудники группы компаний «Беспилотные системы» и Московского государственного университета геодезии и картографии, ведущими техническими специалистами в проекте выступили инженеры группы компаний «ГЕОСКАН». Спецификой проекта можно считать изначальную ориентацию на создание методом фотограмметрии комплексного и гибкого исследовательского инструмента, доступного ученым в онлайн-режиме и открывающего новые возможности в изучении античного города.

Предварительный анализ и оценка мирового опыта позволяют сделать несколько выводов относительно оптимальной конфигурации структур, призванных обеспечить процессы по внедрению цифровых технологий в археологию, и возможных направлений реализации российских проектов в этой сфере.

Мировым научным сообществом накоплен значительный опыт в области цифровой археологии. Признанным лидером в этом направлении является Великобритания, более 20 лет назад первой приступившая к реализации соответствующих проектов и программ. Технологии цифровой археологии наиболее динамично развиваются в университетах Оксфорда и Йорка (Великобритания), Немецком археологическом институте, Университете штата Аризона (США), Гетеборгском университете (Швеция), Университете Западного Онтарио (Канада), Университете Нового Южного Уэльса (Австралия) и др. Большинство европейских и североатлантических проектов, основываясь на национальных традициях и стандартах в области археологии, учитывают британский опыт и адаптируют свои положения (инструкции, стандарты, рекомендации) к британским стандартам.

Серьезное развитие получили технологии архивирования, накопления и удаленного доступа к археологической информации, однако отмечается ряд трудностей методологического характера, в том числе снижающих межнациональную интеграцию.

Технологии, основанные на *big data*, вызывают теоретический интерес, но недостаточно реализованы на практике.

Мобильные приложения для полевых исследований нашли практическую реализацию. Проходит тестовую апробацию ряд приложений, позволяющих работать с керамическим материалом, монетами, вести электронный полевой дневник, выполнять описания стратиграфии и визуализацию.

Наиболее масштабные проекты в области цифровой технологии реализованы в университетской среде в тесном содружестве с исследовательскими и надзорными

учреждениями в области археологии. Как правило, в проектах, включая инфраструктурные, участвует небольшой коллектив (от 2 до 10 исследователей, лаборантов). В проектах, реализуемых университетами, активное участие принимают студенты и аспиранты.

Проекты в области цифровой технологии, как правило, реализуются за счет научных грантов от частных и государственных фондов.

Центры, создаваемые с целью развития цифровых технологий в области археологии, испытывают финансовые затруднения после окончания действия грантовых программ. Прибыль, получаемая центрами цифровой археологии от оказания платных услуг физическим и юридическим лицам, не покрывает издержки в полном объеме. Наиболее устойчивы в финансовом отношении центры, существующие при крупных университетах, за счет интеграции оборудования и специалистов в учебный процесс.

Следует ожидать, что по мере совершенствования цифровых археологических технологий (методов), происходящего на фоне углубления интеграционных процессов в мировой науке, произойдет широкое внедрение лучших практик (регламентов, методик) путем заимствования их национальными системами изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Российская археологическая школа и российская система охраны историко-культурного наследия в целом не станут исключением, примеры успешного выполнения проектов мы уже наблюдаем. На наш взгляд, Россия обладает достаточно конкурентоспособным потенциалом для построения собственного рынка высокотехнологичных цифровых продуктов в области археологии, музейного дела, исторического образования и просвещения.

Литература

- Aloia et al. 2017 — Aloia N., Binding C., Cuy S., Doerr M., Fanini B., Felicetti A., Fihn J., Gavriliş D., Geser G., Hollander H., Meghini C., Niccolucci F., Nurra F., Papatheodorou C., Richards J. D., Ronzino P., Scopigno R., Theodoridou M., Tudhope D., Vlachidis A., Wright H. Enabling European Archaeological Research: The ARIADNE E-Infrastructure // *Internet Archaeology*, 43. Digital Archaeological Heritage: EAC symposium proceedings, 6 March 2017. URL: <https://doi.org/10.11141/ia.43.11> (дата обращения: 29.09.2020).
- Berggren et al. 2015 — Berggren Å., Dell'Unto N., Forte M., Haddow S., Hodder I., Issavi J., Lercari N., Mazzucato C., Mickel A., Taylor J. S. Revisiting Reflexive Archaeology at Çatalhöyük: Integrating Digital and 3D Technologies at the Trowel's Edge // *Antiquity*. 2015. Vol. 89 (344). P. 433–448.
- Huggett 2013 — Huggett J. Disciplinary Issues: Challenging the Research and Practice of Computer Applications in Archaeology // *Archaeology in the digital era: papers from the 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*, Southampton, 26–29 March 2012. Amsterdam, 2013. P. 13–24.
- McManamon, Kintigh 2010 — McManamon F. P., Kintigh K. W. Digital antiquity transforming archaeological data into knowledge // *The SAA Archaeological Record*. March 2010. Vol. 18, no. 2. P. 37–41.
- Richards 2012 — Richards J. D. Digital Infrastructures for Archaeological Research: A European perspective // *CSA Newsletter*. September 2012. Vol. 25, no. 2. URL: <http://csanet.org/newsletter/fall12/nlf1202.html> (дата обращения: 29.09.2020).

Richards 2017 — *Richards J. D.* Twenty Years Preserving Data: A View from the United Kingdom // *Advances in Archaeological Practice*. 2017. 5(3). P. 227–237.

Wright, Richards 2018 — *Wright H., Richards J. D.* Reflections on Collaborative Archaeology and Large-Scale Online Research Infrastructures // *Journal of Field Archaeology*. 2018. Vol. 43, sup. 1. P. 60–67.

INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES INTO ARCHAEOLOGICAL PRACTICE: ANALYSIS AND ASSESSMENT OF WORLD EXPERIENCE

V. D. NECHAEV, D. B. TATARKOV, J. K. BLOCHIN,
ST. A. VASILEV, N. F. SOLOVYEVA

Keywords: *archaeology, digital technologies, archaeological data, cultural heritage.*

Over the last decades the world scientific community have accumulated an extensive experience of successful introduction of digital technologies into archaeological practice. It is being attempted to use digital technologies not only as an auxiliary tool, but as a key means of generating new knowledge, forming relevant competencies, meeting spiritual demands of society. The authors present here a brief summary and analysis of the most successful projects in the field of digital archeology, assessing their outcomes and future prospects in the context of archaeological practice in Russia.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
АН — Академия наук
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе
АСГЭ — Археологический сборник ГЭ. Л./СПб.: Изд-во ГЭ
БРЭ — Большая Российская энциклопедия. М.
БС. — Балтийская система высот
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВНК — Всероссийская научная конференция
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГАН — государственные академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ГИС — геоинформационная система
ГУ/НУ — Государственный/Национальный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА — Институт археологии
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО АН СССР/РАН. Новосибирск
ИИ — Институт истории
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
ИИМО — Институт истории и международных отношений. ЮФУ. Ростов н/Д.
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд
КП — книга поступлений
КРС — крупный рогатый скот
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КФУ — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.
Симферополь
Л. — Ленинград
ЛГРМ — Ленинградские государственные реставрационные мастерские
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК АН СССР
М. — Москва
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН. СПб.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДиС — Материалы докладов и сообщений
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
Самарканд; Ташкент
ММК — Материалы международной конференции

- ММНК — Материалы международной научной конференции
МПАЭ — Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.
МРС — мелкий рогатый скот
МТЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
НА — Научный архив
НАН — Национальная академия наук
ННЗИА — Новгород и новгородская земля. История и археология.
Великий Новгород
НОА — Научно-отраслевой архив
ОПИ — Отдел полевых исследований
Пг. — Петроград
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Новосибирск;
Магнитогорск
РА/СА — Российская/Советская археология. М.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры. Пг.
РАН — Российская академия наук
РГПУ — Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена. СПб.
РК — Республика Казахстан
РО — Рукописный отдел
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
Сб. — сборник
СО — Сибирское отделение АН СССР/РАН
СОН — Серия общественных наук
СПб. — Санкт-Петербург
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры
и искусств
СЭ — Советская этнография. М.
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТД — Тезисы докладов
ТДиС — Тезисы докладов и сообщений
Тр. — Труды
УрО — Уральское отделение РАН. Екатеринбург
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ФО — Фотоотдел
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦКП — Центр коллективного пользования
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮФУ — Южный федеральный университет. Ростов-н/Д.
АА — American Anthropologist
Art. A — Artibus Asiae
ИНМС — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
NS — New Series
RAS — Russian Academy of Sciences
SAA — South Asian Archaeology

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 23**

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 14.12.2020. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 300 экз. Заказ 837

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru